

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

ЗЕРКАЛА

16+

Annotation

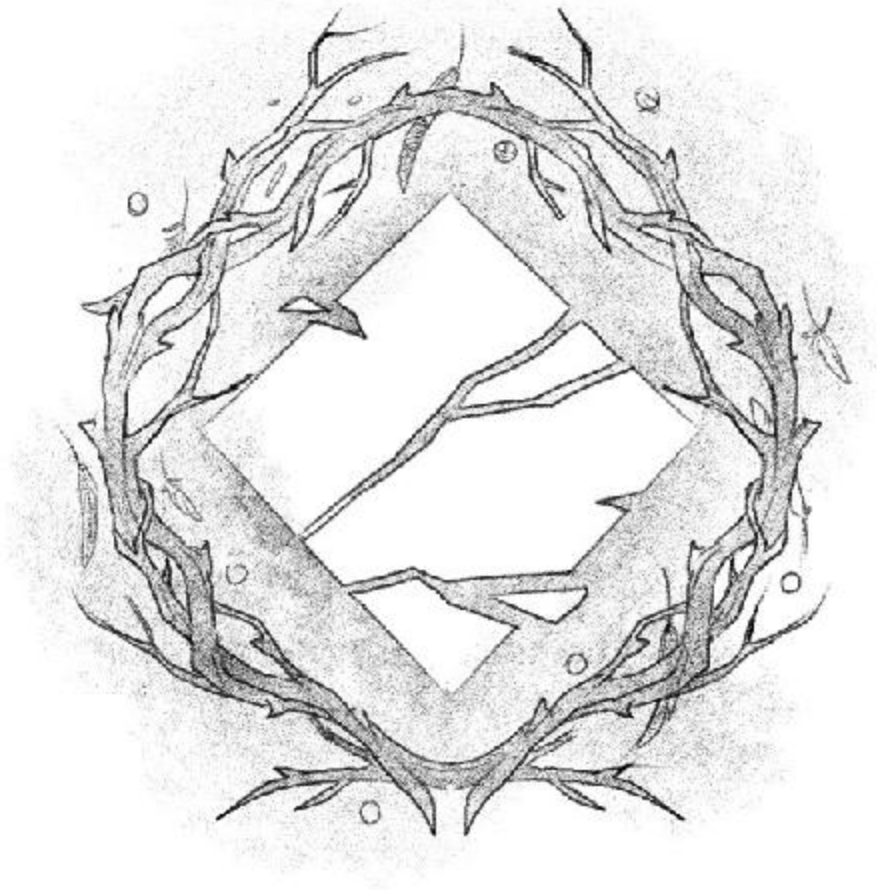
Шкаф, зеркало, кроличья нора – что угодно может стать дверью, которая откроется в мир, полный чудес. Так случилось со мной. За волшебной дверью меня ждали – и встретили как почетную гостью. Они пообещали добрые чудеса, безобидные приключения и пару коньков в придачу, всё – лишь бы я осталась на пару месяцев при дворе златовласого принца. Но у чародеев и принцев есть свои секреты, глубины зеркал прячут чудовищ, а законы магии жестоки и злы, если ты их не знаешь. Когда погаснут волшебные огни, когда мир повернется ко мне своей темной стороной – кем я стану?

- • • • •

Мария Покусаева

**Зеркала
Пролог: Count Zero**

*Come away, O human child!
To the waters and the wild
With a faery, hand in hand,
For the world's more full of weeping
than you can understand.*

William Butler Yeats, «The Stolen Child»

Когда я вышла из бара, шел снег.

Он падал густыми хлопьями, словно ждал своего часа последние почти два месяца, медленно опускался на землю и не таял. Город затих под снегом, убавил громкость, даже фонари, кажется, потускнели. Не было слышно ни музыки, ни машин, и воздух потрясающе пах зимой.

Я сунула сигарету в рот и щелкнула зажигалкой, подождала, пока загорится оранжевый огонек, пожирающий табак и бумагу, и выдохнула дым в холодный воздух. Пальцы, конечно, мерзли, но перчатки я не носила – боялась потерять. Карманы и рукава надежнее. Дым – тоже сойдет.

На другой стороне улицы шел большой, грузный мужчина, вокруг которого вилась и едва не подпрыгивала от радости такая же большая овчарка. За ними бежали две цепочки следов – степенная человеческая линия и собачьи петли. Ничего особенного. Ничего необычного.

Ничего такого, чтобы я потом сказала, что получила в тот день одно или два предупреждения, знака, сигнала, что все пойдет не так.

Все всегда шло не так, если дело касалось меня.

Я выбросила сигарету, поправила на плече рюкзак и шагнула вперед, из-под козырька над крыльцом бара – в снежную кутерьму. Пришлось набросить на голову капюшон толстовки, потому что белые хлопья путались в волосах и начали таять.

Шапку я не носила, как и перчатки, по ровно той же причине.

Ключи от квартиры, где моя сестра снимала комнату, лежали в глубоком кармане куртки, запертые на надежную молнию – точно не выпадут. Там, в глубине лабиринта из проходных дворов, подворотен и арок, меня ждало маленькое личное одиночество, ноутбук с сериалом, шоколадка и тишина. Никаких подглядываний в экран. Никаких вопросов, на которые я бы не хотела отвечать: как дела в школе, которая уже давно не школа, какие планы, все ли я успеваю.

Декабрь перевалил за первую треть – канун сессии, разгар распродаж в торговых центрах, попробуй тут все успеть, если ты днем – студент, а вечером – супергерой за кассой. Я кое-как успевала, возвращаясь домой ближе к полуночи, усталая и голодная. Там, дома, на окраине большого-большого города, это всех раздражало.

Поэтому у меня были ключи от другого дома.

Официально я присматривала за цветами. Должен же был кто-то их поливать и говорить с ними, пока хозяйка – моя сестра, старшая и самая умная из нас всех, – уехала. По каким-то своим делам. Неофициально я получила возможность полторы недели отдохнуть от долгих поездок в метро, маминого стремления залезть в мои карманы, папиного осуждения и каверзных вопросов младшей сестры. Она, кстати, была самой красивой из нас.

А я родилась средней – и, кажется, несколько не задалась.

Идти в кедах по свежему снегу было холодно и мокро. Пальцы страшно замерзли почти сразу. Слишком легкие джинсы тоже не держали тепло. Снег запорошил плечи, налип на воротник, набивался в рукава и карманы – там, где он касался кожи, я чувствовала покусывание холода, злое и острое. Утренний прогноз соврал: теплая погода – поздняя осень, а не зима! – и не думала такой оставаться, обещанный плюс сменился на минус, а ясная ночь – на тяжелые

снежные тучи. Завтра утром я пожалею, что не взяла с собой теплых вещей.

Хотя, наверное, никто не умрет, если я стащу у сестры свитер и шарф.

Возможно, она даже успеет вернуться до того, как я проснусь, если ее самолет не задержат – с такой-то погодой.

Темные запутанные дворы, которыми мне предстояло идти, давно перестали меня пугать. Я шагнула в первую арку через калитку в кованых воротах и отряхнулась почти как собака, пытаясь сбросить с себя налипший снег. Впереди, там, где кончалась арка, на асфальте была видна четкая граница между темно-серым и белым, и до меня здесь никто не проходил.

Мир казался вымершим. Пустым. Почему-то не горели фонари и огни в домах. Можно было вообразить, что во всем городе ты остался один, а остальные – исчезли, такой вот сюжет апокалипсиса. Я шла вперед – мимо детской площадки, окруженной кустами, мимо двухэтажного дома, который зачем-то вырос здесь, посреди двора, в окружении домов повыше, мимо торчащих из стен шахт, в которых дремали лифты, мимо брандмауэра левее, туда, где нужно было нырнуть в еще одну арку – и оказаться в маленьком, темном, почти квадратном дворике, похожем на каменный колодец.

И где-то здесь, именно здесь меня догнало чувство, что кто-то смотрит мне в спину.

Бывает такое иногда, что ты в темноте просыпаешься, лежишь и понимаешь, что нельзя оборачиваться, потому что за спиной что-то такое притаилось: оно знает, что ты знаешь, что оно здесь, а ты знаешь, что оно знает, но лучше не показывать виду, не давать ему повода. Лучше сжаться, закутаться в одеяло поплотнее, подумать о хорошем и добром и попытаться заснуть. Я в такие моменты всегда находила в себе силы вспомнить, как в детстве мы светили фонариком под кровать, чтобы показать – нет там никаких монстров.

Именно поэтому я обернулась.

Там, где раскрывался темный зев арки, кто-то был.

Или мне показалось, и это было лишь причудливое переплетение теней, снежный морок и бокал пива, который я выпила в баре.

«Надо же, – подумала я, разворачиваясь с ухмылкой, – нервы уже ни к черту, мерещится всякое...»

...а ночь мне спать в старой квартире с узким коридором, заставленным всяким хламом, со всеми ее шорохами, тенями, вздохами из застенья, паутиной трещин на высоком потолке, пустующими комнатами, в которых никто не живет...

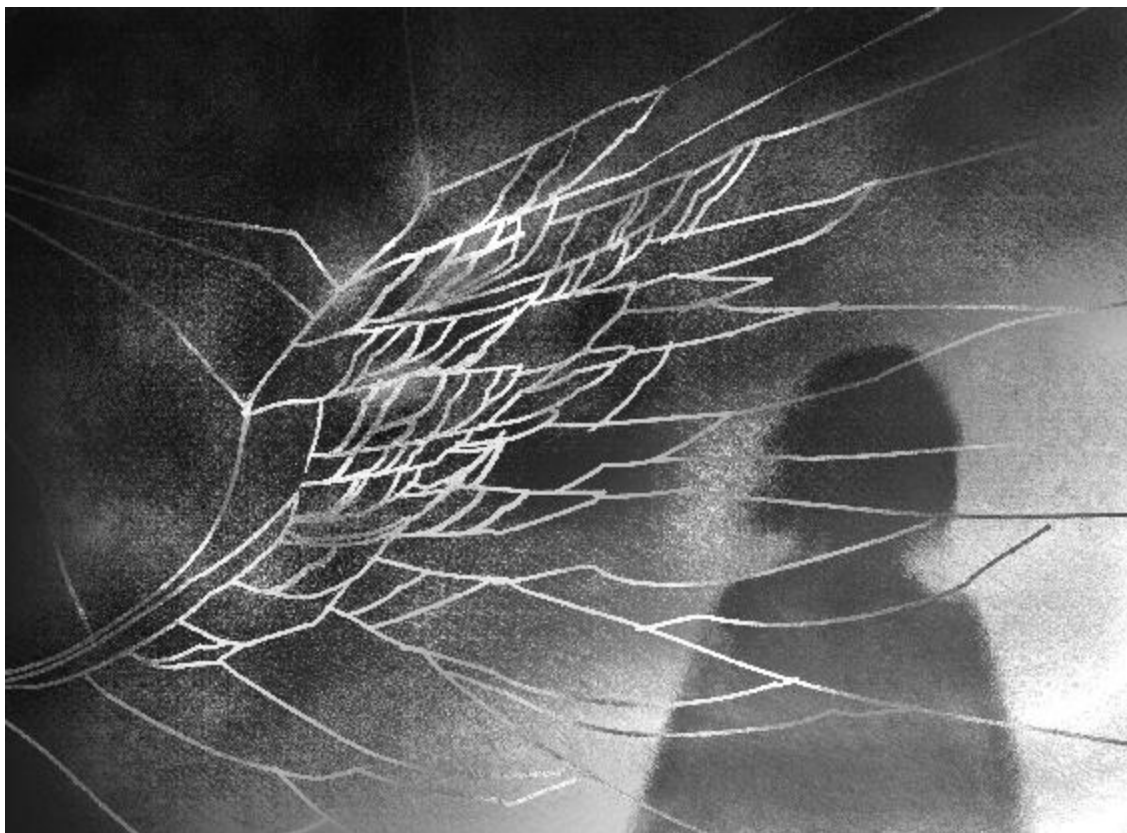
Глупости такие.

Я нервно фыркнула и поправила капюшон, зачем-то стряхнув с него снег, сунула руки в карманы и постаралась не думать об этом. Я просто устала. Устала и замерзла – еще бы, вышла как дура в одежде не по сезону, внимательнее надо быть. Ничего, ужин, чай, спать. Главное, ужастики на ночь не смотреть, даже если захочется, а так все будет...

Ветер ударил мне в спину так, что я едва не упала. Снежинки завертелись вокруг, как потревоженные осы, прямо перед лицом, и я зажмурилась, выставила вперед руку, отмахиваясь от них. В тишине, сквозь которую не пробивалось ни звука снаружи, словно бы город и правда заснул под этим внезапным снегом, я услышала легкий звон – словно хрустальные подвески на люстре случайно задела, и чей-то вздох – прямо за своей спиной.

Я обернулась.

То, что я видела, я, к счастью, забыла на время. Я вспомню это потом, когда буду готова и к чудесам, и к чудовищам. А пока за моим «обернулась» шла темнота.

Дым и зеркала

Я улыбнулся, а идиотка, хоть и без того болезненно бледная, побледнела еще больше и заложила ручки за спину. Чтобы скрыть их

дрожь.

© *Анджей Сапковский «Золотой полдень»*

Когда я проснулась, у меня все еще болела голова – неприятно и тяжело, как после температуры. Я поморщилась, переворачиваясь на спину. Открывать глаза не хотелось, но пришлось, потому что я проснулась где-то не там, где должна была проснуться. Не дома. Не у сестры. Не в гостях у кого-то из своих знакомых.

И точно не в отделении полиции или больницы, потому что в таких местах вряд ли будут резные деревянные панели на потолке.

Я попыталась сесть, получилось с трудом, потому что спала я на узковатом, каком-то старомодном диванчике, жутко неудобном и явно не приспособленном для того, чтобы на нем спать. Кто-то – не знаю, кто – подложил мне под голову подушку и попытался прикрыть ноги пледом, который теперь почти свалился на пол.

Как мило.

Попытка вспомнить, кто это сделал, как я вообще сюда попала, оборачивалась ничем.

Кеды обнаружили под диваном прямо на паркете, носок к носку, пятка к пятке, куртка и рюкзак – на кресле рядом, таком же вычурно-старомодном как диванчик. Все было сложено аккуратно, с педантизмом почти – точно не я делала. Я бы просто бросила, хорошо, что не на пол, и кеды бы валялись в соседнем углу.

На низком столике рядом стоял канделябр с тремя свечами, и вот это, пожалуй, было страннее всего. Два огонька освещали пространство передо мной, отражаясь в стеклянных дверцах шкафов и бликуя на лакированном дереве, и кроме этих огоньков другого освещения в комнате не было. Даже люстра не свешивалась с потолка.

Третья свеча погасла. Я все еще чувствовала запах дыма, который, возможно, и разбудил меня.

То ли проблемы с электричеством – большие. То ли – с головой у того интерьерного фрика, в гостях у которого я оказалась. Ну кто будет жечь свечи в канделябре, которому место явно в музее? Тяжелом, металлическом, с какими-то цветами и листьями, красота.

То, что эта штука была тяжелой, я проверила опытным путем – просто взяла канделябр с собой. Обе пары двустворчатых дверей, ведущих в комнату – или из нее, кому как нравится, были закрыты. Я не знала, что пряталось за ними, и торопливо искать в темноте

выключатели не планировала. Я ступала осторожно, боясь произвести лишний шум, словно на любой слишком громкий звук откуда-нибудь обязательно появится строгий дворецкий и шикнет на меня, непонятно как оказавшуюся посреди этой странной почти роскоши. Сил и времени рассматривать все у меня не было, но я замечала то узор на обоях, то отблеск хрусталя в шкафу, то фигурку на полке над камином.

Камин.

Судя по всему – работающий.

Не то чтобы жуткая редкость, но ни у кого из моих знакомых не было исправного камина.

Одна из дверей оказалась заперта, а вторая вела в маленький, узкий коридор, который заканчивался дверями. Закрытыми, но неплотно. Из-под этих дверей пробивался свет.

Я прошла вперед мимо двух стрельчатых окон с узором из мелких стекол. Огоньки свечей дробились и бликовали в них. Увидеть, что там, снаружи, было невозможно, я только чувствовала, как от окон веет зимним холодом.

Двери открылись легко, почти бесшумно, и первое, что я увидела, было высокое зеркало в человеческий рост, стоящее в углу так, что в нем отражалась почти вся комната, освещенная желтоватым светом: книжные шкафы, закрытый комод, заваленный сверху бумагами, кусок стены, письменный стол. За этим столом, положив руки под голову, спал незнакомый мне человек.

Я не успела оторвать взгляд от зеркала и обернуться, как он проснулся, словно почувствовал, что я здесь. Проснулся, поднял голову и посмотрел на меня прямо из зеркала, пристально и чуть хмуро, будто бы не понимал еще, что происходит. Примерно как я пару минут назад.

Я развернулась так резко, что еще одна из свечей потухла, оставив в воздухе тонкую нить дыма.

– Д-д-доброе утро, – прохрипела я, не придумав ничего лучше.

Он выпрямился и зевнул, прикрывая рот ладонью. На пальцах сверкнули кольца. Я запнулась и растеряла все слова, которые могла бы сказать, только смотрела вперед, чувствуя, как начинают пылать щеки.

Он был бледным настолько, что это бросалось в глаза, худое лицо казалось изможденным из-за глубоких теней под глазами, но ни

усталость, ни заспанный вид не делали его менее... красивым? Даже, наверное, наоборот. Они ему шли, как некоторым идут мешковатые свитера и растрепанные волосы – то, что иных неудачников, простых людей, превращает в чудовищ. Если бы я видела этого человека раньше, я бы точно его запомнила. Такие мальчишки красоты небесной, о скулы которых можно порезаться, обитают в других мирах. Не там, куда заглядывала я.

Парень провел рукой по волосам, таким явно привычным жестом убирая длинные черные пряди со лба, и уставился на меня, по-птичьи наклонив голову набок. Он молчал и едва заметно хмурился, разглядывая меня, отчего в его лице появлялось что-то недоброе.

Хищное.

Мне почему-то резко расхотелось выяснять, как я тут оказалась.

Я поежилась под едким и прямым взглядом и поудобнее перехватила канделябр, который так и норовил выскользнуть из рук. Руки мне хотелось спрятать за спину, чтобы скрыть их дрожь, еще и рукава натянуть, но нет.

– Я дико извиняюсь, – сказала я уже не таким хриплым голосом. – Не могу вспомнить ничего из вчерашнего вообще. Может, ты просто дашь мне адрес, я вызову такси и свалю, пока мне не пришлось краснеть за свои подвиги?

Чужой взгляд зацепился за канделябр, тонкие губы дернулись в усмешке – один краешек пополз вверх, словно вся ситуация казалась незнакомцу забавной. Он все еще молчал, только продолжал рассматривать меня со странной смесью любопытства и пренебрежения. Что-то мне объяснять, кажется, никто не торопился. Удерживать, видимо, тоже.

Я вздернула подбородок, храбрясь, подошла ближе – и поставила канделябр на стол.

– Ладно, – сказала я и пожала плечами, стараясь не выдать ни страха, ни восхищения, ни удивления – рубашка на этом молчаливом товарище была слишком уж старомодная, словно он вернулся с готской тусовки или сбежал с репетиции какого-нибудь “Гамлета”. – Если ты не хочешь говорить, то я, пожалуй, пойду. Дверь закрыть не забудь!

Надеюсь, хоть район окажется знакомым.

Он наклонил голову на другой бок и улыбнулся чуть шире – и не менее криво. К пренебрежению и любопытству в его взгляде

добавилось что-то новое, похожее на ехидное ожидание.

«Ну-ну, – говорил этот взгляд. – Давай попробуй».

Я поджала губы и попробовала.

Положила ладонь на дверную ручку.

– Не получится, – раздался за спиной чуть хриплый, прохладный голос.

– Что, прости? – не без ехидства спросила я, толкая дверь.

Не получилось.

– Доброе утро, – сказала она.

Хрипло, словно за пару часов без сознания разучилась говорить.

Кондор выпрямился и зевнул, для приличия прикрыв рот ладонью. И только после этого, кажется, действительно проснулся.

Девушка так и стояла у двери, не двигаясь с места, и смотрела на него, следила за каждым движением настороженно и сердито. И боялась, сжимая в руках тяжелый канделябр. «Может быть, – подумал Кондор, убирая волосы со лба, – еще сама не понимала, как сильно боится».

Две свечи уже погасли, одна – когда ей полагалось, вторая – только что от неловкого движения девушки. Хорошо, что не уронила, и на том спасибо.

На ней была одежда, казавшаяся выцветшей и потертой. Темная, неприметная. Не такая, которую здесь полагалось носить кому-то вроде нее. Пожалуй, если не присматриваться, если скользнуть по этой конкретной девушке взглядом, как по чему-то малозначимому, то и не поймешь, кто перед тобой – маленькая женщина, растрепанная и напуганная, или юноша в странной одежде, тоже напуганный и тоже растрепанный.

Она вздрогнула и поудобнее перехватила канделябр, словно планировала защищаться им от чудовищ и теней, которых Кондор, как

полагается злему чародею, должен был на нее натравить, но с места пока не сдвинулась. Ее взгляд был прямым и, несмотря на страх, цепким и любопытным. Кондор подумал, что его давно не рассматривали так жадно и пристально, с плохо скрываемым восхищением, совершенно искренним и, кажется, бескорыстным.

– Я дико извиняюсь. – Голос девицы, как Кондор не без неприятного для себя триумфа отметил, хотя уже и не был хриплым, но чуть заметно дрожал. – Не могу вспомнить ничего из вчерашнего вообще. Может, ты просто дашь мне адрес, я вызову такси и свалю, пока мне не пришлось краснеть за свои подвиги?

Как именно работало заклинание, которое ломало языковой барьер, заставляя девиц с той стороны неплохо понимать местный язык – и так же неплохо на нем изъясняться, постепенно набираясь опыта и образности, Кондор, увы, не знал. Пытался как-то понять, но плетение нитей было слишком плотным, а матрица знания – слишком объемной, в такую полезешь – и вернешься с мозгами набекрень, проще оставить и не трогать, пусть работает как есть. Оно работало – с некоторыми погрешностями, конечно, потому что не все слова оттуда значили что-то здесь.

Слово “такси”, к примеру, означало что-то такое. Не от мира сего. Но для мира того, наверное, привычное.

Он не удержался и усмехнулся.

Девушка, видимо, решила считать продолжительное молчание в ответ на свою реплику чем-то средним между насмешкой и пренебрежением. Сквозь страх проступило нахальство, очень слабое, ей самой явно неудобное, подбородок дернулся. Она задрала нос так храбро, словно не готова была сбежать, стоит щелкнуть на нее зубами, и подошла ближе – поставила канделябр перед Кондором.

– Ладно. – Она с подчеркнутой небрежностью пожала плечами, словно стряхнула с них руки того, кто ей противен. – Если ты не хочешь говорить, то я, пожалуй, пойду. Дверь закрыть не забудь!

Кондор наклонил голову на другой бок и попытался улыбнуться уже по-хорошему. Спросонья, наверное, не получилось.

Прежде чем развернуться лицом к двери, девушка шмыгнула носом и еле заметно поджала губы.

Почти капризно.

Это почему-то царапнуло Кондора, не больно, конечно, но неприятно.

Ее ладонь легла на дверную ручку...

И Кондор не удержался.

– Не получится, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Без ехидства.

Девушка, впрочем, ехидство скрывать не пыталась.

– Что, прости? – ответила она, толкая дверь.

Не получилось.

– Не получится, милая, – так же спокойно повторил Кондор, снова зевая и наблюдая, как гостья судорожно пытается открыть дверь его кабинета. Сцепленный чарами механизм щелкал, шипел, в нем что-то двигалось, но замок не открывался.

Рука сама собой потянулась к чайнику, проверить, насколько он остыл.

Девушке снова стало страшно.

Она развернулась, скрестив руки на груди и шумно выдохнув воздух через ноздри, как рассерженный зверек. Уставилась почему-то в зеркало, на отражение Кондора, и так злобно, что зеркалу стоило бы осыпаться осколками от ужаса, жалобно и виновато звеня. Кондор перехватил ее взгляд там, с той стороны стекла, радуясь, что гостья не обладает способностью испепелять или превращать человека в камень движением век. Он чуть приподнял чашку – пока пустую.

– Прекрасно понимаю твое замешательство, – сказал он, стараясь быть настолько приветливым, насколько мог, – но, к сожалению, тебе придется сесть и выслушать все, что я скажу. Чаю? – Он улыбнулся, но девушка не сдвинулась с места, продолжая злиться. Кондор нахмурился и сказал уже куда резче: – Тебе все нужно по два раза повторять? Сядь! – и указал взглядом на диван.

И добавил в этот приказ чары.

Легкие, вряд ли кто-то, вдруг оказавшийся свидетелем этой сцены, заметил бы их след.

Потом, наверное, ему будет за это стыдно, но тратить силы на бессмысленный спор или уговоры не хотелось.

Девушка покорно подошла к дивану и села на краешек так скромно, словно боялась занять слишком много места. Руки она все

еще держала скрещенными на груди, закрываясь ими и от Кондора, и от мира вокруг них.

– Чай? – повторил Кондор, пока придумывал, с чего начать.

Она рассеянно кивнула, не отводя в сторону взгляд – очень вопросительный и все еще злой. Вблизи черты лица казались еще более детскими, и девушка напоминала маленького рассерженного котенка. Или щенка. В общем, что-то достаточно милое, чтобы доставить множество мелких неудобств.

Кондор лениво подпер голову ладонью, заставляя себя держать концентрацию внимания и медленно, слово за словом, движение за движением, сворачивать их диалог в нужную сторону. Главное – не забыть ничего, хотя что-то он уже точно забыл.

Заставить остывший уже чай в фарфоровом чайнике снова стать теплым – одно привычное движение руки. Наклонить этот самый чайник, чтобы не пролить ничего на стол, – испытание уже посложнее. Почему-то казалось, что стоит на секунду прикрыть глаза, и эта секунда превратится в пару часов сна, совершенно ненужного здесь и сейчас, поэтому Кондор держался, разглядывая девуцу.

То, как она берет в руки чашку, нелюбезно буркнув скупое “спасибо” и отводя взгляд. Как дрожат ее руки, отчего по поверхности чая расходится мелкая рябь. Как она встряхивает головой, пытаясь сбить со лба растрепанные и слишком короткие – по местным меркам – для взрослой девушки пряди.

Такая прическа, как у нее, прямые волосы чуть ниже плеч с дурацкой челкой, отросшей и лезущей в глаза, подошла бы девочке, все еще увлеченной кукольными чаепитиями, воспитанием канарейки или поиском колец фей в саду перед домом.

Пять тонких металлических колец в правом ухе с этим нежным образом никак не увязывались.

Девушка очень по-детски прикусила нижнюю губу и уверенно поставила чашку на стол.

– Где я? – Она снова смотрела прямо на Кондора, сдвинув брови. – То есть... эмм... я не про адрес, конечно. Я тебя не помню. И я не помню, как оказалась здесь. – Она говорила медленно, словно подбирала каждое слово, боясь ошибиться. – Как-то это... странно. То есть, правда, я обычно так не делаю! В смысле, не сплю у незнакомых... Ой.

«Ей страшно, и она оправдывается, – напомнил он себе, – поэтому она резкая. Почти грубая. Поэтому в голосе злость, а еще обида на себя и на весь мир. И на него, на Кондора, лично, потому что он, пожалуй, самый удобный объект для обиды здесь и сейчас».

– Я знаю, у тебя сейчас много вопросов, – небрежно ответил Кондор, кидая в свою чашку еще один кусок сахара. Какой-то из, неважно. Девушка, кажется, их сосчитала, и ее брови удивленно дернулись. – Я отвечу на все, только, прошу, постарайся без лишних движений, хорошо? Ты цела, и никто не причинил тебе вреда.

Она моргнула. Кондор сделал глоток чая и задумчиво очертил пальцем круг на столе:

– Но... хм... Я не могу сказать, что с тобой всё в порядке, – осторожно сказал он. – По крайней мере, не в том порядке, к которому ты привыкла.

Девушка нервно сглотнула:

– Мы чем-то упоролась?

Кондор удивленно вскинул голову, потому что это слово тоже было чем-то иным. Не таким, чтобы понять его сразу.

В прошлый раз было так же. Иногда. Потом все привыкли.

– Мы напились вместе или что-то... посерьезнее употребляли? – повторила она, уловив его замешательство.

Взгляд снова стал пристальным и жадным, цепким, как пальцы слепого, изучающего незнакомый предмет. Она то ли пыталась вспомнить, кто такой Кондор и откуда он взялся, то ли любовалась им, запоминая черты лица. На секунду ее взгляд изменился, она сощурилась – видимо, разглядела его глаза. Вряд ли сам цвет, скорее, просто что-то такое заметила и опять удивилась.

Кондор наклонил голову набок, пытаясь вспомнить, как зовут его собеседницу, но имя почему-то не всплывало в памяти, словно его там и не было.

– Скажи, что мы ничего противозаконного не натворили, пожалуйста, – сказала она тихо. Слова дались ей с трудом.

– Ну, наверное, не натворили. По крайней мере, ты. По крайней мере – при мне, если тебя это успокоит. – Он нервно усмехнулся и снова очертил на столешнице круг, потом взялся за чашку, но до рта ее не донес. Потому что понял, что чужого имени в его голове быть не

могло. – Подожди-ка! – Он чуть откинулся назад. – Кажется, мы так и не представились друг другу. А я и забыл об этом...

– Что? – выдохнула она.

Снова – со злостью.

Он подавил порыв устало закатить глаза и просто протянул ей руку, вставая и чуть подаваясь вперед:

– Зови меня Кондор, – сказал он.

Девушка улыбнулась, лукаво сощурившись. Кажется, нашла его прозвище забавным, и это было сильнее, чем ее раздражение. Хотя бы на миг.

– Алиса, – не моргнув глазом соврала она, пожимая его пальцы.

Рука у нее была горячей и чуть дрожала.

Кондор приподнял одну бровь и усмехнулся. Алиса, значит. Имя было не ее, оно ей... не подходило, как сшитое на другую девушку платье, слишком красивое и открытое, шире там, где нужно, с линией талии не на том месте. Окажись они оба случайными гостями в чьем-то доме или кем-то вроде того, знакомыми на пару часов, пожалуй, Кондор бы принял это имя – да хотя бы как попытку закрыться от чужака. Но ситуация, увы, была другой, и ему очень, очень нужно было знать, как зовут девушку на самом деле.

Потом она, если захочет, может назваться кем угодно и как угодно

Кондор перевернул ее ладонь, сделав вид, что рассматривает линии, пытаясь найти там что-то интересное, и осуждающе покачал головой.

– Врать нехорошо, Алиса, – сказал он с лукавой улыбкой.

– Да ладно? – не-Алиса выдернула из его пальцев свою ладонь и снова сердито свела брови.

– Твое право. – Кондор пожал плечами и сел. Пусть будет Алиса. Пока. – Я не твоя матушка. Захочешь – скажешь. – Он потянулся к чашке, посмотрел на нее и, наконец, решился перейти к главному. – Как ты заметила, милая, ты кое-чего не помнишь. К сожалению, пришлось так сделать, чтобы ты забыла небольшой отрезок времени, но...

– Накачал чем-то?

Она дернулась, как от чего-то отвратительного.

– Не знаю, что ты имеешь в виду. – Кондор снова пожал плечами. – Но, наверное, нет. Память вернется. Или я помогу ей

вернуться. Ничего существенного. – Он хмыкнул раздраженно, потому что вопросов было слишком много, а времени оставалось все меньше. Тратить его на ерунду вроде объяснения того, почему она что-то не помнит, не хотелось. – Теперь к делу.

И замолчал.

Алиса все еще сидела на самом краю дивана, сцепив руки в замок и положив их на колени. Ей было страшно – снова страшно и куда страшнее, чем в самом начале. Потом, наверное, станет еще страшнее – когда она узнает всю правду, которую он намеревался – из самых благородных побуждений – сейчас от нее скрыть.

– На всякий случай напомним, что здесь тебе не причинят никакого вреда, – наконец сказал Кондор. – По крайней мере, пока ты не решишь настойчиво искать неприятности, – добавил он и понял, что не удержался от слишком мрачной улыбки. – Я сейчас не настроен на то, чтобы играть в дипломатию и смягчать новости, но так получилось, что ты перешла границу миров.

Она не сразу это осознала, конечно.

Ожидаемо.

– Что? – Алиса рассеянно моргнула. – Каких миров?

– Ну... – выдохнул он, не зная, что еще сказать. – Попала в другой мир. Эм... Иногда это называют «пройти сквозь грань»... – Кондор вздохнул и, скрестив руки на груди, посмотрел на потолок – темный, из резного дерева. На потолке, конечно, ничего написано не было, но вот отвлечься, подавить возникшее снова раздражение – совершенно лишнее и несправедливое по отношению к ни в чем не виноватой девушке – и выдать все, что нужно, это помогло. – Миров существует великое множество, и есть пути, по которым можно попасть из одного в другой. Законы путешествий находятся за пределами понимания современной магической науки, но иногда так получается, что волей Богов или случая кому-то удастся... хм, оказаться не в том месте и не в то время...

Она молчала, пока он говорил все это, и молчание становилось все тяжелее и тяжелее.

– Конечно. – Кондор усмехнулся. – Конечно, ты не веришь. Сейчас я покажу тебе карты и книги, ты удивишься и дрожащими руками будешь все это переворачивать и смотреть. – Он уже не пытался скрыть свою усталость. – Или подойдешь и откроешь окно,

чтоб убедиться. Правда, сейчас ночь, и полюбоваться горами вряд ли получится, милая.

– Допустим, – сказала она осторожно.

Ему показалось, что она сейчас возьмет – и сорвется с места, схватив несчастный канделябр, на всякий случай – отбиваться от всяких там. Потом попытается выбить дверь, начнет кричать и звать кого-нибудь, или сделает еще что-то в том же духе – и будет совершенно права. Только вот все будет испорчено быстрее, чем он успеет еще раз применить к ней чары, чтобы успокоить и усадить на место.

– Впрочем, – сказал Кондор, решаясь на чары – уже другие, – у меня есть более действенный способ заставить тебя поверить.

Он спокойно улыбнулся и поднял одну руку перед собой, раскрывая ладонь.

Алиса даже испугаться не успела.

Если говорить о магии, то Кондор предпочитал обходиться безо всякой этой ерунды вроде искр и светящихся линий. По разным причинам. Начиная с того, что считал это все пустой тратой ресурса, который с некоторых пор привык беречь, и заканчивая чувством собственного превосходства над теми, кто без искр и сияния не умел видеть и контролировать собственные чары.

Но иногда без этого было не обойтись. К примеру, если речь шла о том, чтобы показать магию кому-то, кто, скорее всего, в нее не верит и не готов поверить, не увидев своими глазами нечто волшебное. Нестрашное и чудесное.

Над ладонью Кондора появились синие лепестки магического огня, ставшие цветком. Цветок этот раскрывался постепенно, менялся, как живой, похожий не то на лилию, не то на цветы какого-то из тех странных растений, которые росли далеко и не здесь. Потом огонь, подчиняясь воле, превратился в маленькую птицу – похожую на всех маленьких птиц одновременно.

Алиса, или как там ее по-настоящему, застыла с открытым ртом, замороженная и удивленная. Кондору показалось, что если бы она так не боялась, она бы попыталась подпрыгнуть, двинуться вперед, чтобы дотянуться до птицы, пронесшейся мимо. За ее коротким полетом с ладони вверх и к потолку, так что от каждого взмаха крыльев в воздухе оставалась висеть волшебная искрящаяся пыль, медленно

осыпающаяся вниз и тающая, не достигнув пола, Алиса наблюдала с той же жадностью, с которой не так давно рассматривала Кондора.

И с таким же восхищением.

Птица влетела в витраж и рассыпалась искрами.

Кондор сел, скрестив руки на груди и с чувством полного удовлетворения откинувшись на спинку стула. Он ждал, пока Алиса перестанет таращиться в пространство.

– Если уж и это выглядит неубедительно, – сказал он, – могу показать еще пару фокусов. Ну, отомри уже!

Она обернулась – с широко раскрытыми глазами, бледная как полотно.

– Итак, твое имя, милая?

За окном правда оказалась зимняя ночь – и горы.

Они были высокими, эти горы, высокими и острыми, как ряд хищных зубов на челюсти мертвого чудовища. Вверх к серебристым вершинам полз лес, я видела его темные силуэты, потому что небо здесь было полным ярких крупных звезд, складывающихся в незнакомые созвездия. А еще потому что над горными вершинами сияли сразу две луны – два широких серпа, похожих друг на друга, как близнецы. Одна из лун забралась высоко, вторая чуть отставала от нее, но света обеих было достаточно, чтобы увидеть и горы, и лес, и снег на каменной стене, окружающей замок, в котором я проснулась четверть часа назад.

Я дрожала, но не от холода, а от всего остального.

Это все остальное не помещалось в голове, как я ни старалась.

Я попросила Кондора, или как его там, еще раз показать мне фокус – он согласился, усмехнувшись. На его ладони, очень красивой, с длинными сильными пальцами, расцвел лепесток волшебного пламени.

– Можно? – спросила я и, когда мне кивнули в ответ, протянула руку – а потом смотрела, как волшебное пламя переползает на мои пальцы, окутывая их мерцающей перчаткой.

Больно не было. Не было жарко. Было щекотно, словно я передержала руку в неудобной позе, и теперь ее покалывало, кожа немела.

Я сжала ладонь в кулак – и расправила пальцы. Магия вытянулась вдоль моей кисти от запястья к ногтям, повторяя расположение костей. Кондор, до этого момента молча наблюдавший за мной, как за ребенком, играющим с опасным предметом, вновь по-птичьи наклонив голову, удивленно хмыкнул, взял меня за руку и осторожно согнул мои пальцы, закрывая ладонь в кулак.

– Играй аккуратнее, – сказал он со странной улыбкой.

Моя ладонь опустела. Я зачем-то украдкой вытерла ее о джинсы, шумно выдохнула воздух – и назвала свое имя.

Настоящее, не то, которым представлялась слишком назойливым незнакомцам в барах.

– Вот и славно, – сказал Кондор и отодвинул меня в сторону, чтобы закрыть окно. – Я рад, что мы это выяснили, Мари.

Он зачем-то выбрал эту форму имени, не знаю, может, здесь было так принято, может, он так услышал, а может...

Пока я решала, стоя у окна, вцепившись пальцами правой руки в запястье левой, Кондор вернулся к своему столу и сел на него. Последняя свеча медленно таяла, становясь ниже и ниже. Кондор задумчиво посмотрел на свечу и погасил ее, сжав огонек пальцами.

– Итак, на чем мы остановились? – спросил он у меня.

– На других мирах, – сказала я, поежившись.

И удивилась тому, как просто оказалось это произнести.

– Точно. – Кондор развернулся, нашел свою чашку с чаем и сцапал ее. – Так получается иногда, что люди оказываются не в то время и не в том месте. В твоём случае произошло чуть... иначе. Ты оказалась ровно там, где нужно, хотела ты сама того или нет.

Его движения сейчас были небрежными, нарочито ленивыми, а тон – будничным. Таким не о других мирах и чудесах рассказывают, а делятся новостями о соседях. О ерунде всякой будничной.

– В твоём случае, – сказал Кондор, – замешана воля божества. У нас их несколько, и...

– То есть я что, божественный посланник? – перебила я его.
Как смешно.

– Вроде того. – Волшебник хлебнул чаю. – Маленькая посланница многоликой богини. И, конечно, явилась в наш мир не просто так, а чтобы стать свидетелем неких важных событий, – в его тон проскользнуло немного ехидства, но тут же испарилось. – Ты – наблюдатель, – голос стал серьезнее. – Немного – жрица. Немного – носитель божественной воли. И наша гостья.

– Обалдеть, – сказала я, подумав, что встретиться мне эта богиня, я бы с удовольствием с ней поговорила.

Возможно, с использованием канделябра как решающего аргумента.

Или... Или – не знаю.

Кондор сощурился, чуть задрал подбородок.

– И еще – моя... подопечная.

– Спасибо, что не невеста, – я скрестила руки на груди.

Он устало вздохнул и словно хотел что-то сказать, но не стал.

– А если я попрошу вернуть все как было? – попыталась я.

– Будет примерно так же, как с дверью в коридор. – Кондор пожал плечами. – То есть не получится. Выход закрыт все той же божественной волей, откроется... допустим, через несколько месяцев. Или когда ты увидишь то, что должна увидеть и передать туда. – Он указал пальцем на потолок и поднял взгляд вверх. Шутливо. Словно всех этих богов и божественную волю в гробу видал и имел право демонстрировать это, не боясь ни молнии с небес, ни превращения во что-нибудь нехорошее. – Клянусь, милая, будь моя на то воля, я бы с радостью вернул тебя твоей матушке, а не оставлял бы здесь, но, увы, выбора у нас нет. – Он сделал глоток чая и криво улыбнулся. – Могу лишь обещать безопасность, развлечения и приятную компанию. И хорошее вознаграждение, которое ты сможешь забрать с собой. Золото – во всех мирах золото.

Потрясающе.

Моего согласия, конечно, предварительно никто не спрашивал.

– То, что я ничего не помню... Ой!

Я сощурилась и коснулась виска, потому что голова отозвалась острой болью.

– Следствие заклинания перехода, – ответил Кондор. – Оно... скажем, пытается уберечь тебя от слишком сильных впечатлений. Смягчает удар.

– Отлично смягчает, – с сарказмом ответила я.

– Мне жаль, – ответил он таким тоном, что было ясно – ему, в целом, все равно, и особого сочувствия к моей беде он не испытывает. – Через несколько дней память вернется, с моей помощью или без, а пока постарайся не думать об этом, иначе....

Я снова ойкнула, потому что не думать не получалось – и голова реагировала острым разрядом боли каждый раз, когда я пыталась вспомнить свой путь через темный двор. Образы спутались, переплелись, превратились в мельтешение точек перед глазами, в белый шум, в снежный вихрь, от которого мир вокруг меня вдруг качнулся и поплыл.

Возможно, я бы упала, если бы меня не подхватили и не усадили на диван, стоящий рядом с письменным столом. Прохладные пальцы легли на виски, и головокружение тут же исчезло. Боль – тоже.

Взгляд, которым я одарила волшебника, ничего хорошего ему не сулил.

Кондор развел руками.

– Мне правда жаль, – сказал он куда убедительнее и сел рядом на расстоянии вытянутой руки, словно опасался, не наброшусь ли я на него.

Я не собиралась, хотя все еще сердилась. И чувствовала за это вину, потому что поймали меня вовремя и осторожно. Я сделала глубокий вдох, заставила себя перестать злобно щуриться и попыталась найти какую-то точку опоры. Успокоиться. Не трястись и как-то принять то, что произошло.

Получалось с трудом.

Я глубоко дышала и крепко сжимала кулаки.

Кондор внимательно следил за мной и молчал.

– И время там, с моей стороны, наверное, остановится? – спросила я, потому что от молчания и от острого взгляда мне было куда более неуютно, чем от мысли, что со мной случилось нечто... очень невероятное. – И не придется объяснять родным и полиции, куда я исчезла?

В моем универе вряд ли примут справку с подписью и печатью какого-нибудь местного короля, я не обольщалась. О том, что скажут родители, когда я вернусь как ни в чем не бывало после многих месяцев отсутствия, я не хотела думать. Из всех проблем, которые я им доставила, из всех моих неудач эта неудача, пожалуй, была самая эпичная. Даже если продать золото, то есть даже если его мне дадут, даже если я смогу продать его так, чтобы не остаться и без золота, и без денег там, в своем городе, в своем мире, мне все равно не нравилась эта идея.

Мне все не нравилось и с каждым вопросом не нравилось еще больше.

– Нет, почему же? – ответил Кондор после короткой паузы. – Время течет как раньше, насколько я знаю, но мир, отпустивший тебя, меняется. Сам заполняет белые пятна там, где ты была.

– А ты откуда знаешь? – я все-таки зло сощурилась и недоверчиво склонила голову.

– До тебя была парочка других. – Он скрестил руки на груди. – Куда более... стоворчивых, к слову. Мне не составило труда посмотреть, как у них дела, пока след был еще свежим. – Кондор заметил, как на моем лице зажглась надежда, и опередил мой вопрос: – Я смогу показать тебе твоих... родных. Если тебе это нужно. Но не сейчас. Сейчас, к сожалению, слишком поздно... или слишком рано, решай сама.

Он легко встал и подошел к одному из шкафов, ничего не объясняя, словно хотел показать, что разговор пора сворачивать. Пока он искал что-то в этом шкафу, я тупо смотрела в пространство, на стол, на две чашки, в одной из которых все еще был мой недопитый чай, пахнувший чабрецом, на кусок аметистовой друзы, который лежал поверх каких-то бумаг – желтоватых, с четкими строчками каллиграфического почерка. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть буквы, но расстояние было слишком большим.

– А язык? – спросила я.

– Магия перехода прекрасно справляется с языковым барьером, – отозвался Кондор, не оборачиваясь. – Читать ты тоже сможешь, хотя сначала это будет сложновато, так что советую поискать в библиотеке сказки.

– Здесь есть библиотека?

Где, кстати, здесь?

– Да. Увидишь. – Он обернулся ко мне и провел рукой по волосам точно так же, как совсем недавно. Словно убирал пряди со лба, хотя в этот раз, кажется, они ему не мешали. – Здесь вообще много чего есть. Я рад, что мы перешли к более... эмм... насущным проблемам. Держи.

Кондор протянул мне красивый хрустальный флакон, похожий на винтажный флакон для духов. Маленький, длиною в ладонь. В нем была какая-то прозрачная штука.

Я подняла вопрошающий взгляд на Кондора.

– Это, – сказал он, – для спокойного сна и избавления от тревог. Тебе точно пригодится. Пара капель в стакан воды перед сном, и, пожалуйста, не стоит им злоупотреблять – при передозировке могут быть не самые приятные эффекты. – Маг ехидно усмехнулся и, вытащив пробку из другого флакона, выпил все, что в нем было, под конец не сдерживая гримасы отвращения. – А мне еще работать, – пояснил он, заметив мой взгляд. – Пойдем, провожу.

– Куда? – пискнула я, когда он схватил меня за плечо и потянул, заставляя встать и идти за ним.

– Спать, – ответил Кондор. – Завтра у тебя будет своя комната, милая, а пока... то, что есть.

– Подожди, – я перехватила его за запястье и остановилась.

Прямо у двери в коридор, соединяющий его кабинет и комнату, в которой я проснулась. На не самом удобном в мире диванчике.

Кондор, впрочем, не сильно сопротивлялся.

– М?

Мне хотелось задать тысячу вопросов, например, он-то сам тут причем, как выглядит портал, есть ли здесь эльфы и прочие существа, о которых писали в книгах, какой нынче год и что за эпоха, как называется страна, в которую я попала. Развита ли здесь медицина, не жгут ли ведьм, не попадают ли всякие глупые девицы в рабство, не жрут ли их драконы или кто похуже. И про богов расспросить заодно – вдруг явятся во сне, а я и не узнаю? Но тот, у кого я хотела это спросить, выглядел сейчас... не очень. Совсем не очень. Ему бы самому поспать, а не объяснять всяким там нервным барышням из других миров, что с ними произошло и как с этим жить. Поэтому я спросила лишь о том, что меня действительно тревожило.

– Важные события, – напредила я. – Из-за которых тут были другие, а теперъ есть я. Я надеюсь, это не война какая-нибудь?

Кондор с усталой полуулыбкой покачал головой:

– Нет, войны у нас нет. У нас... – Он замолчал, раздумывая, что мне сказать. – У нас есть принц. Но давай оставим это на тот случай, когда у нас будет чуть больше сил для важных разговоров, хорошо?

Я рассеянно кивнула и поняла, что тоже едва держусь на ногах от усталости.

– Вот и славно. – Кондор улыбнулся чуть шире и коснулся пальцами моего виска, словно хотел стереть с него какое-то пятнышко. – А теперъ – спи.

И я не поняла, что произошло.

Может быть, я зря открыла ему свое имя, и теперъ он обрел надо мной особую власть?

Так или иначе, один его приказ – и я заснула.

– ...и теперъ мне интересно, можно ли считать сон на письменном столе высокопоставленного чиновника попыткой диверсии или государственной изменой? В конце концов, это создает некоторые помехи рабочему процессу. Доброе утро, Кондор. Очень рад тебя видеть и не хотел будить, но, к сожалению, ты мне мешаешь.

Кондор с трудом разлепил глаза и с не меньшим трудом поднял голову от стола, подперев ее рукой. Его высочество Антуан д'Альвело, кронпринц Иберии, стоял вполоборота у высокого окна, выходящего в сад, и держал в руке чашку, от которой на весь кабинет пахло кофе.

– Если ты чувствуешь себя так же, как выглядишь, – добавил кронпринц, лукаво улыбаясь, – то я искренне тебе сочувствую. Но ни сочувствие, ни даже, хм, твое особое положение в кругу моих подчиненных не заставят меня проявить милосердие и простить оккупацию моего стола.

– Сколько сейчас времени?

Кондор зевнул и спрятал лицо в ладонях, потому что холодный свет зимнего дня казался неприятно ярким.

– Столько, что я уже закончил обедать, – ответил его высочество, допивая кофе. – И собираюсь вернуться к делам, на которых ты, эм, спишь. Конечно, личных покоев во дворце у Мастера нет. Не заслужил.

Он сказал это почти обиженно.

– Дар...

– Что – «Дар»? – Принц подошел ближе и небрежно взял лежащую на углу стола газету. От мнимой обиды не осталось и следа. – Сбежал от светских хищниц, которые засели в засаде, стоило им узнать, что ты где-то поблизости? На твоём месте я бы уже разобрался со своими женщинами, а то дождешься: они столкнутся и уйдут вместе пить вино и продумывать планы мести мужскому равнодушию в твоём лице.

– Были бы мои, я бы разобрался, – отмахнулся Кондор.

Дар хмыкнул и кивнул, не отрываясь от газеты. Его взгляд быстро скользил по строкам и заголовкам, на лице не отражалось ничего, кроме спокойной доброжелательности. Иллюзия. Такой же обман, как мягкость кошачьей лапки, скрывающей острые, как крючья, когти в подушечках.

– Я прочитал твой доклад, – сказал принц, когда обоюдное молчание стало невыносимым. – Восхитительная теория, но правильно ли я понял, что пока нет никакой возможности показать результаты на практике?

– Пока нет. – Кондор лениво посматривал в сторону пустой чашки. Горечь кофе была менее омерзительна, чем приторное до тошноты зелье, которое он пил ночью, но попросить кофе у Дара – значит проиграть в их старой игре. – Как только появится, я тебе сообщу.

– Жду с нетерпением. – Принц приподнял одну бровь и хмыкнул, покачивая головой. Видимо, какой-то новости все-таки удалось выбить его из обычного равновесия. – А теперь перейдем к тому, из-за чего ты здесь заснул. – Дар наконец посмотрел прямо на друга и тут же недовольно скривился и покачал головой. – Видел бы ты себя в зеркале...

– Не сомневайся – видел.

– Ну конечно! – Дар беспечно уселся в одно из кресел, стоящих перед столом, и сложил руки на коленях. – Расскажи про гостью, – попросил он, улыбаясь так светло, словно был мальчишкой, который выпрашивал у старшего брата законный подарок.

Кондор прикрыл глаза, пытаясь справиться с раздражением.

– То есть, – сказал он, криво улыбаясь, – тебя несколько не беспокоит некоторая, хм, несвоевременность?

Улыбка принца не погасла.

– Я помню, что это всегда можно списать на невозможность абсолютного познания законов древней магии. Именно так ты себя успокаиваешь. – Дар наклонил голову набок. – Я прав?

Кондор не стал ни отрицать, ни соглашаться.

– Феликс будет разочарован, – ответил он спокойно. Спорить о том, что сейчас важно, а что нет, не хотелось. – Остальные, думаю, тоже.

– Она глупа и дурна собой?

Дар изобразил разочарование, так же похожее на настоящее, как его недавняя обида.

Пришлось на минуту задуматься, пока утомленный разум искал наиболее точную фразу.

– Она обычная, – сказал Кондор. – Маленькая. Колочая, как любой подросток. Иногда язвит в ответ, иногда дрожит от страха, хотя старается не показывать это. Меня порадовало внешнее спокойствие. И умение выбирать хорошие вопросы. Я думаю, самой страшной проблемой будет то, что для планов и идей Феликса она окажется слишком скучной и тихой. Но это даже к лучшему.

Кондор хотел добавить, что, может быть, в этот раз вообще лучше обойтись без Феликса и лишнего внимания, но не стал.

Дар задумался, глядя куда-то в сторону.

– Ты не любишь моего брата.

– Не люблю. И не собираюсь это скрывать.

Принц кивнул, принимая ответ.

– Просто помни, что вы с ним на одной стороне шахматной доски.

Кондор снова усмехнулся – на этот раз криво, приподняв один уголок губ.

– Я всегда это помню, Ваше Высочество. Даже когда дело касается бхартского порошка и прочих неприятностей, последствия

которых я убирал.

Дар сощурился, отчего темно-карие глаза стали почти черными.

– Иди спать, маг.

– Но...

– Ближайшее зеркало в коридоре. Думаю, ты вряд ли встретишь здесь кого-то, кроме моего секретаря и пары посетителей, так что назойливое женское внимание тебе точно не грозит.

Кондор невозмутимо развел руками, мол, попробуй меня отсюда вытащи.

– Дай мне еще полчаса, Дар. Выпей еще кофе, не знаю... – Он задумался на секунду. – Прочитай служебную записку от представителя Ковена, она очень эмоциональная... Я постарался. – Кондор попытался улыбнуться, но столкнулся с холодным взглядом принца, поэтому улыбка получилась натянутая. – А потом мы с тобой решим, как нам дальше быть. С... гостьей и всем тем, что вокруг нее творится.

Принц больше не улыбался.

– Иди спать и выспись по-человечески. Это приказ. Мой. Личный.

– Да неужели ты готов отправить меня на плаху за желание не спать, а работать?

Дар рассмеялся в ответ и вполне серьезно кивнул.

Лисы, призраки и люди

И наконец, заметив вас, возлежащего на ветке дерева, восклицает «Ох!» и начинает на вас нахально пялиться.

Анджей Сапковский, «Золотой полдень»

Он сидел в кресле напротив, забравшись в него с ногами, и смотрел на меня, как кот на аквариум. То есть с подчеркнутым, полным достоинства спокойствием, за которым угадывалось что-то такое, тайное и хитрое, хищное, способное в любой момент превратиться в движение.

Я моргнула.

Мир вокруг никуда не исчез. Не поплыл, не сдвинулся, не изменился. Мир был прочным, как железный прут, и таким же реальным, и рыжий парень в кресле однозначно был его частью, тоже реальной. Реальной была трубка в его руке, которую он лениво держал между пальцев и периодически вертел ею. От скуки, наверное.

Наши взгляды встретились, и он, увидев, что я уже не сплю, довольно сощурился и улыбнулся.

Я уткнулась лицом в подушку, которую обнимала, пока спала здесь, на неудобной до ужаса не то кушетке, не то диване, не знаю, как это называется, и зажмурилась так сильно, что заболели глаза.

– О нет, красавица! – Чужой голос звучал насмешливо и ласково одновременно. – Меня ты не обманешь.

Пришлось сесть, поджав одну ногу, потому что вторая затекла от неудобной позы, и посмотреть правде в глаза. Глаза оказались зелеными, с хитрым разрезом и такими ресницами, что впору удавиться от зависти. Подушку я оставила при себе, отгородившись ею, как мягким щитом.

Значит, мне не приснилось.

– Что предпочтет леди в это славное утро? – спросил он. – Сначала ванну и новое платье, а потом завтрак или наоборот?

За вежливостью сквозила еле заметная насмешка – словно меня не воспринимали всерьез, но изо всех сил пытались проявить дружелюбие.

Я молчала, продолжая рассматривать его самого и его рубашку – светлую, с лентами, стягивающими рукава на запястьях, и узор вышивки, бегущий по краю темной жилетки, и пряди рыжих, как лисья шерсть, волос, небрежно рассыпавшихся по плечам.

– Предлагаю сначала ванну, – сощурился он, тонко улыбаясь. Трубка легла на низкий столик рядом с креслом. – Я провожу.

Он плавно встал, словно перетек из одной позы в другую, одним движением преодолев расстояние между нами, и оказался так близко, что я почувствовала себя зажатой в угол. Мне протянули руку – раскрытой ладонью вверх, как незнакомой кошке. Запястье обхватывала пара цветных шнурков, но вот колец или каких-то других украшений я не разглядела.

«Ванна, – подумала я. – Ванна – это хорошо. Наверное. И завтрак – тоже хорошо. И в целом все хорошо, видишь, все такие милые». Только это не помешало мне шмыгнуть носом и расплакаться, уткнувшись в подушку, потому что все было по-настоящему.

И по-настоящему пугало, каким бы красивым ни было и как бы ни улыбалось.

Вокруг застыла тишина, почти осязаемая, словно этот человек, который то ли был оставлен присматривать за мной, то ли просто жил здесь, не сразу понял, что произошло. Потом он вздохнул, и я услышала шелест одежды, уловила движение воздуха – и подняла голову, смахивая слезы со щек.

– П-п-простите, я...

– Не стоит извиняться, – он больше не улыбался и смотрел на меня серьезно и почти хмуро, сидя на корточках перед диваном, так

что наши лица оказались друг напротив друга.

Очень близко — я могла разглядеть узор на его радужке, темно-зеленой, как сочная трава.

— Пойдем. — Он медленно и осторожно взял меня за руку. — Я думаю, что комната уже готова. Ты умоешься, поешь. А потом я покажу тебе все и все объясню.

Я закивала, смагивая слезы.

— Вы... — сказала я сначала хрипло, так что пришлось откашляться. — Вы все здесь... забываете называть имена? Или это особая традиция?

— Ах да! — Он выпрямился и дернул головой, откидывая мешавшую ему прядь. И сощурился. — Меня зовут Ренар. А как зовут тебя, милая?

Если бы я сказала, что никогда не верила в магию и не желала, чтобы со мной случилось что-нибудь такое вот, я бы соврала.

Мне всегда хотелось, чтобы в мире существовало что-то чудесно-волшебное, пусть даже оно не касалось меня напрямую и происходило с другими. С теми, про кого я читала. За приключениями кого следила, глядя в экран. Кем управляла в игре. Я читала истории о других мирах, потому что мне это нравилось. Они очаровывали, давали надежду, что чудесное и волшебное действительно есть где-нибудь. И, может быть, однажды и я получу весточку из такого мира, передо мной откроется нужная дверь, и окажется, что я потерянная принцесса, будущая великая волшебница или что-то в этом духе.

Неплохой способ слегка подправить серую реальность, но, к сожалению, некоторые мечты сбываются не так, как ты того хочешь. Или не вовремя.

Это не я выросла из сказок — к радости своих родителей. Это сказки однажды выбросили меня, как волны оставляют на песке

обломки, водоросли и мертвых рыб.

А сейчас, кажется, начался прилив. И если уж мне выпал этот шанс, то почему бы и нет?

Язвительный внутренний голос подсказывал, что главное – не утонуть.

Я шла вслед за Ренаром по коридорам и сквозь комнаты, вверх по лестницам и мимо картин и тусклых зеркал и думала про себя, что, может быть, вот сейчас и здесь все, о чем я читала, о чем слышала, во что верила – все, наконец, пригодится мне. Может быть, какие-то законы совпадут. Может быть, это было не зря, и я, сама того не зная, готовилась к чему-то чудесному. Может быть, может быть, может быть...

Предположим, может быть все что угодно. Нужно только понять, по каким правилам мы играем и что здесь с сюжетом.

Ренар болтал без умолку. Он перекинул мой рюкзак через плечо, легко подхватил куртку и вел меня за собой, крепко держа за руку, словно я намеревалась сбежать. Его болтовня была бессодержательной – просто поток фраз, ласковый тон, не сходящая с губ улыбка, уже другая, открытая и честная. Так улыбаются детям и уговаривают их, уводя подальше от опасности, от чего-то, чего им видеть не должно, знать о чем не нужно и куда не стоит лезть.

Он съел Алису, не моргнув и глазом, и не стал упрекать меня во лжи. Из-за этого я почувствовала укол совести. Вот идет рядом парень, красивый, как мечта, и сама любезность, несет мои вещи, только что слезы мне с носа смахивал, на лице – предельная честность, в глазах – забота, в голосе – тепло, а ты, дурочка, врешь ему в мелочах?

Только кто их здесь разберет, местных красавчиков? Вчерашний мне имени не открыл, отделался прозвищем. У этого имя тоже на имя не похоже, оно лисье, и волосы у него рыжие, и взгляд хитрый, так что побуду Алисой, пока можно. Вот узнаю, что здесь с именами творится, и решу, что говорить, а что нет.

Мы остановились у темных дверей в конце коридора. Красивых таких дверей, тяжелых, с резным узором и металлическим кольцом.

Ренар замялся, протянул руку к кольцу, но не сразу решился постучать. Он переступил с ноги на ногу, фыркнул, сбрасывая с лица прядь. Мне даже показалось, что посмотрел через плечо, не следит ли

за нами кто из-за угла, но нет — мы были одни. Казалось, он специально медлит, как плохой ученик перед дверью в класс, когда не готов.

Удар металла о металл прозвучал громко.

Кто бы ни находился с той стороны, он точно это услышал, и дверь открылась сама по себе, словно этот стук потревожил некий механизм внутри нее, медленный и неповоротливый, заедающий на ровном месте.

Я вздрогнула и не успела отследить, когда меня схватили за руку и буквально втянули внутрь, в большой светлый зал. Здесь было теплее, чем в коридорах, еле заметно пахло хвоей и дымом. Сквозь два больших окна с мелкими квадратными стеклышками на пол падали яркие солнечные лучи. За окнами угадывались горы и лес, но я не всматривалась. Пока.

Дверь за моей спиной захлопнулась — быстро и громко.

Ренар крепче перехватил мою руку и сказал в пространство, ни к кому не обращаясь — или обращаясь к кому-то, кто мог оказаться где угодно в этой комнате или в одной из смежных комнат:

— Мы здесь.

— Я вижу, — ответили тихо и недовольно.

Я повернулась на голос.

Мне кажется, я должна была ее заметить — высокую женщину в темном платье, стоящую справа от нас, слишком уж ее стройная фигура выделялась сейчас на фоне светлой стены. Но нет, то ли я была невнимательна, то ли сама эта женщина появилась здесь в тот момент, когда ее позвали, из воздуха ли или из тайной двери. Она зацепилась за меня взглядом и подошла ближе, не глядя по сторонам. Кресло, стол — все, что попадалось ей на пути, она ловко огибала, словно знала расположение предметов в комнате наизусть.

— Я вижу, — повторила она. Тонкие губы растянулись в совершенно правильной улыбке. — И рада видеть.

Женщина приложила руку к груди слева и коротко поклонилась.

— Добро пожаловать, миледи.

Я растерялась, конечно, потому что леди из нас двоих сейчас напоминала точно не я.

— Это Сильвия, — сказал Ренар, потому что сама Сильвия, кажется, не торопилась представляться — она просто на меня смотрела. По-

доброму, но сверху вниз. — Она здесь... за главную.

Сильвия не удостоила его и взглядом. Только кончик губ с той стороны, где он стоял, дернулся, словно улыбка, предназначенная мне, попыталась уступить место другой улыбке, возможно — не слишком доброй. Ренар, кажется, уловил это.

— Оставлю вас, — торопливо сказал он. — Встретимся в зале у камина, милая... Алиса, — добавил он уже от двери, когда я на него все-таки посмотрела.

— Алиса? — переспросила Сильвия.

Ее темные глаза сощурились.

Я кивнула и по привычке потеряла запястье под резинкой рукава.

Не знаю, как бы повела себя любая другая девушка на моем месте. Кто-то бы точно плакал, и я бы это поняла. Сложно не заплакать и не захотеть спрятаться, когда жизнь делает такой вот кульбит. Кто-то бы, наверное, был рад до щенячьего визга — это я бы тоже поняла, потому что сложно не радоваться, к примеру, трем просторным комнатам, заполненным красивой мебелью и всякими безделушками, с окнами, выходящими на горы и лес — сказочный зимний пейзаж. Или не менее просторной ванной, в ней окно было одно, его украшал витраж со спящим под яблоней единорогом. Или платье, которое ждало тебя на кровати, такой широкой, что можно было бы спать поперек нее. Или камину напротив — в нем уютно горел огонь. На каминной полочке стояли свечи на серебряном блюде и букет из сухоцвета и рябины.

Кто-то бы наверняка злился. Я бы тоже поняла.

Я же смотрела на все эти кресла, свечи, гобелены, на платье, разложенное поверх вышитого золотом покрывала, и думала, что наличие в замке вроде этого водопровода с горячей водой, конечно, сложно объяснить, но мне определенно нравится. Пусть даже горячая вода идет из одного крана, а холодная из другого — переживу. Бледно-

голубое платье, на которое мне предстояло сменить джинсы, к счастью, было простым, без всяких там изысков, но казалось совершенно чужим. Еще под него нужно было надевать тонкую белую рубашку, но и это тоже можно было пережить.

Там, где должны были быть радость, печаль или гнев, я нащупывала, как дырку от выпавшего зуба, странную пустоту и смятение. Я не чувствовала ничего, словно не знала, что мне следует чувствовать, и это незнание замыкалось само на себе.

Точнее, нет, кое-что я все-таки чувствовала и очень отчетливо.

Голод.

Поэтому я быстро сцапала платье и спряталась в ванной комнате за ширмой, пока Сильвия, вышедшая куда-то, не предложила мне помощь. Какую угодно.

Мне нужно было несколько минут побыть одной и все-таки понять, что со мной происходит.

Сквозь витраж в купальню проникали солнечные лучи и рассыпались цветными пятнами на охристо-бежевом полу. Из крана в большую ванную, которую, похоже, выточили из каменной глыбы, все еще капала вода. Пахло лавандой и еще какими-то травами, было чуть прохладно и очень тихо, только капли ударялись о камень, и я пыхла, шелестя тканью.

Платье село хорошо, и влезть в него оказалось куда проще, чем я предполагала.

С чувствами, увы, номер так просто не прошел.

– Потерянные и попавшие в особые обстоятельства несчастные женщины способны на многие безрассудства, – сказал Ренар. Он сидел напротив, закинув ногу на ногу. – Так что я восхищен вашим самообладанием, миледи. Аппетитом, впрочем, тоже, – добавил он с усмешкой в голосе. – Не бойтесь, что они отравлены или заколдованы?

Я оторвалась от методичного уничтожения бутербродов и чая и укоризненно посмотрела на собеседника. Издевается?

Вроде бы нет.

– Даже если бы и боялась, – ответила я резковато, – есть я хочу больше.

Он рассмеялся и с улыбкой покачал головой.

Вокруг нас был огромный зал, мрачноватый из-за темного деревянного потолка. С потолка свисала люстра, сделанная из оленьих рогов, ниши с окнами плотно закрывали темно-зеленые тяжелые шторы – из-за них на пол и стены падали узкие пятна света, розоватого, потому что там, за окнами, начинался закат. В камине могла бы поместиться моя кровать – та, другая, из другого мира. Или туша какого-нибудь оленя – одного из тех, чьи рога пошли на люстру. Сам камин был сделан из потемневшего от времени и копоты камня и изображал ствол дерева, вырастающего из пола и упирающегося ветвями в потолок – эти ветви продолжались фресками на стенах, на них сидели нарисованные птицы, по ним бежали белки и кто-то еще. Листья дерева были желто-зеленые, то ли ранняя осень, то ли позднее лето.

Вся мебель ограничивалась несколькими креслами и низким столиком, жавшимися к камину, да парой стульев у дальней стены.

Здесь, рядом с огнем, в круге, очерченном отблесками пламени, я чувствовала себя странно – почти в безопасности, насколько я вообще могла чувствовать себя в безопасности здесь и сейчас. Но вокруг было большое, темное, пустое пространство. Неуютное и сумрачное. Мне казалось, что оттуда, из этого пространства, кто-то наблюдает за мной точно так же, как человек напротив – лениво, доброжелательно, но очень, очень пристально.

Я дернула плечами. Это все стресс. Нервы расшалились.

– Раз уж мы познакомились, привыкли к виду друг друга и выяснили, кого из нас как зовут, я предлагаю уточнить наши роли и прикинуть план дальнейших действий, – сказал Ренар, чуть двинувшись в кресле.

Видимо, ему надоело смотреть, как я молча ем.

Я допила чай одним глотком и поставила поднос на столик.

– Хорошая идея, – сказала я. – Мы на «ты» или на «вы»?

Мой голос, кажется, звучал хрипло.

— А как леди будет угодно?

Горы за окнами назывались Бергрензе.

В свете дня они были все такими же острыми и высокими, с блестящими шапками ледников на вершинах. В ледниках рождались реки, быстрые и такие холодные, что пальцы сводило, когда подносишь руку к их воде. Реки бежали вниз, прорезая путь сквозь лес и скалы, падали с утесов, рождали озера и сливались в другие реки, тихие и спокойные, и вдоль них рядом с широким руслом вырастали богатые города. Но все это было уже там, внизу.

А здесь, среди густых лесов, рядом с вершинами, на которых снег не тает даже в разгар лета, города были маленькими и прятались друг от друга в горных долинах. Их жители пасли скот, добывали золото, драгоценные камни и еще что-то, за что платили и золотом, и драгоценными камнями.

— Если бы у нас были драконы, — сказал Ренар с хитрым прищуром. — Они бы гнездились здесь. Но драконов, увы, давно нет. Они слишком тяжелы для нашего неба.

Я не знала, что это значит — “слишком тяжелы для неба”, но решила, что подумаю об этом как-нибудь потом.

— Горы Бергрензе отделяют земли королевства Иберия от иных земель. Альманди, Галлинхейм, Гельветика... Вряд ли тебе сейчас это что-то скажет. Но ты — здесь. — Он поерзал в кресле, видимо, пытаясь сесть поудобнее, и вытянул ноги вперед. — С этой стороны гор. В гостях у нашего короля.

Мне показалось, что это должно было значить что-то такое. Особенное. Слишком уж значительной была пауза после.

— Занятно, — сказала я, дернув бровью. — И почему же я с этой стороны гор и чем так нужна вашему королю?

Ухмылка Ренара стала шире, а взгляд, направленный на меня, острее, словно бы вопрос, который я задала, оказался вдруг чертовски правильным вопросом.

– Нашему королю, – сказал Ренар вкрадчиво, чуть подавшись ко мне, словно собирался открыть какую-то тайну, – нашему королю и его советникам кажется большой честью принимать у себя посланницу многоликой богини. Тем более что храм, в котором богиня оставила зеркало, находится с этой стороны гор.

– Зеркало? – переспросила я с нервным смешком.

– Зеркало, – кивнул Ренар. – Разве Птица не сказал?

Я покачала головой. Ночной разговор я помнила хорошо, круги под глазами собеседника – тоже, так что не удивлюсь, если выяснится еще парочка деталей. Более точных, но вряд ли важных.

– Он не уточнил, как выглядит проход между мирами, – сказала я. – Но пусть будет зеркало. Я все равно не помню.

Пока я надевала платье и пыталась привести волосы в порядок, я нащупала на затылке шишку, очень болючую. То ли я ударилась головой, то ли меня по ней ударили, но каких-то других последствий, кроме потери памяти, пока не наблюдалось.

– Значит, – продолжила я, – вам повезло, и этот ваш храм этой вашей богини оказался на ваших землях.

– Можно сказать, что повезло, – снова усмехнулся Ренар. – Или можно сказать, что не повезло. Если верить всяким сказкам, посланники богов бывают вестниками не самых хороших вещей. Но так или иначе... – Он встал с кресла, почти перетек из одной позы в другую, и поправил воротник рубашки. Его кожа была чуть смуглой, несмотря на зиму, и белоснежная ткань это подчеркивала. – Ты здесь. И пока господин маг не вернулся, мне нужно присмотреть за тобой и не дать тебе тосковать. Собственно, это и есть моя роль в истории, – вздохнул он. – А теперь, если леди не против, я хочу предложить ей увлекательную прогулку по зачарованному замку, спрятанному в горных лесах, – сказал Ренар, сделав большие глаза, как взрослый, который рассказывает ребенку страшную сказку.

– Вот как, – сказала я, подыгрывая. – Зачарованному, значит.

Ответом мне стала такая улыбка, что впору было вспомнить и про слабость в коленях, и про бабочек в животе, и про то, что встречи с

потусторонними красавчиками во всяких там книгах ничем хорошим для девиц не заканчиваются. Ну, в моем понимании.

– Здесь много темных углов, – сказал Ренар, – в которых, как верят впечатлительные служанки, обитают призраки. И старинных зеркал, – добавил он. – Через которые, как говорят, шастает всякая нечисть.

Он замолчал и с хитрой серьезностью посмотрел на меня, ожидая реакции.

– А тут есть призраки? – продолжила игру я. – Пока что я их не встречала.

Ренар улыбнулся самодовольно, чуть задрав подбородок.

– Вот и проверим, – подмигнул он и подошел чуть ближе, протягивая мне руку.

«Жаться по углам и креслам можно сколько угодно, – подумала я, дотрагиваясь до теплой и сухой ладони. – Но раз уж волшебная зазеркальная страна предлагает мне что-то вроде увеселительной прогулки, пожалуй, стоит воспользоваться предложением, пока оно действует».

Спрашивать, что за роль в истории отведена мне, я не решилась.

Быть спасительницей не слишком хотелось. Волшебные силы, которые, как пишут в книгах, обычно полагались каждому путешественнику в другие миры, не торопились себя проявить. О том, что я – какая-нибудь потерянная принцесса, тоже никто пока не заикался.

Буду надеяться, что вестник бед и несчастий для местного короля из меня получится так себе.

– Прошу, миледи, – Ренар открыл передо мной низкую дверцу и поклонился, словно дверца вела не на скрытую в стене каменную лестницу, а минимум в королевскую сокровищницу.

Я моргнула и замерла, выставив руку с фонарем вперед. Выщербленные ступеньки загибались винтом, уходя вверх как тайный лаз.

– А нам точно надо? – неуверенно спросила я.

Фонарь с волшебным кристаллом – оказалось, здесь используют их вместо свечей, – оттягивал руку приятной тяжестью. Солнце уже закатилось за горный хребет, оставив мир в серо-сизых сумерках. Я успела увидеть осколок заката сквозь широкие окна в оружейном зале, просторном помещении, на стенах которого висело оружие и портреты каких-то незнакомых мне людей с оружием и без. Примерно там же Ренар нырнул в еле заметную дверь в стене и вышел из нее уже с двумя фонарями, очень красивыми, больше похожими на клетки для диковинных птичек. Один из этих фонарей я теперь сжимала в руке и испытывала по этому поводу странную гордость.

Впрочем, пока мы не дошли до лестницы, фонари были не слишком нужны – во всех коридорах все те же кристаллы зажигались, стоило кому-то из нас щелкнуть пальцами, и гасли, когда мы закрывали очередную дверь или переступали порог.

Сначала я пугалась и вздрагивала, потому что внезапная темнота за спиной напоминала о том чувстве чужого взгляда в спину, которое не оставляло меня в каминном зале. Потом привыкла.

– Леди же хотела призраков? – хитро сощурился Ренар. – А где им еще обитать, как не на чердаке?

Про подвалы он говорил ровно то же самое, но в подвалах не оказалось ничего, кроме гулкой пустоты и каких-то ящичков. Возможно, призраки обитали где-то в их глубине, куда мне идти не захотелось, потому что в подземелье замка было холодно.

Здесь – тоже. Выданное мне платье не было слишком уж плотным, оно оставляло ключицы и шею открытыми, и холодок, которым повеяло из-за распахнутой двери, заставил меня поежиться. Я выдохнула, подхватила подол, потому что, как выяснилось, на лестницах он мешал, и шагнула вперед, пригнувшись, чтобы не удариться головой о ступени, бегущие вверх.

Стена, которой я касалась рукой, чтобы было удобнее идти, и правда была ледяной. Видимо, с той стороны за этой стеной начиналась зима и холод.

– Вверху будет люк, – донесся голос Ренара, который не торопился идти за мной. Мне показалось, что я уловила что-то похожее на тревогу. – Смело толкай его и выбирайся. Я догоню тебя!

Я не ответила, сосредоточенно переступая со ступеньки на ступеньку, словно стремилась сбежать и от своего спутника, и от своих мыслей, и от себя самой. Тесное пространство лестницы, будто выдолбленной в стене, пугало меня, и я уже пожалела, что решилась на этот шаг, потому что никакие призраки, конечно, были мне не нужны – я пыталась отвлечься, не более.

Всеми вопросами, которые я сегодня задала, всеми шутками, на которые ответила, всеми странными решениями, которые приняла, я пыталась закрыться от главного.

От мысли, что привычный ход моей жизни нарушен, я в другом мире, он осязаем, он пахнет дымом, пылью, морозом, вишневым табаком из трубки моего нового знакомого, чем-то вкусным с кухни, на которую мы не зашли, чтобы не отвлекать слуг от дел, свечным воском, сырым подвалом и еще много чем. То есть предельно реален, протяни руку – и дотронешься.

И что с этим всем делать – все еще непонятно.

Моя макушка уперлась в препятствие, я протянула руку и толкнула – люк правда поддался почти легко. Насколько легко могла поддаться нетяжелая дверь из плотно подогнанных кусков дерева.

– Нашла! – крикнула я вниз и, приложив усилие, открыла эту новую дверь – и почувствовала все тот же холод.

Люк скрипнул и с неприятным грохотом упал, открыв проход в просторное помещение. Путаясь в юбках, я почти выползла с лестницы, осторожно поднялась на ноги – голова слегка кружилась – и попыталась осмотреться.

Свет кристалла выхватывал из темноты то темные балки, то кусок белой стены, то какие-то доски, то еще одну лестницу – деревянную, жмущуюся к стене, с крепкими на вид перилами. Лестница уходила на второй ярус, неширокий балкончик, а потом еще выше – и упиралась в потолок.

Здесь было холодно настолько, что пар вылетал изо рта.

– Ну что? – раздалось сзади. – Моя торопливая леди успела поймать призрака?

Я обернулась. Фонарь Ренара остался на лестнице — я видела лишь отблески света из открытого люка, а парень вдруг оказался очень близко, почти вынырнул из полумрака — сам похожий на призрака. Очень нахального и обаятельного. Это было так неожиданно, что я отступила на шаг назад.

Ренар рассмеялся и поднял взгляд к потолку:

— Нам еще выше, — сказал он, указывая пальцем на лестницу. — Но прежде нужно кое-что сделать.

И он шагнул вперед, почти скользнул за мою спину, только чудом не задев меня плечом. Настолько близко, что я снова уловила запах вишневого табака и дыма.

За моей спиной было то, что я сначала приняла за закрытое окно. Оказалось, что деревянные ставни скрывали нишу, не очень глубокую, отделанную изнутри все тем же деревом. В нише хранились какие-то ящички, мотки веревки, пара фонарей, свечи — всякая бытовая ерунда, наверное, очень нужная на чердаке какого-нибудь замка. Ренар выудил оттуда плащ и набросил его мне на плечи. Ткань была грубой и тяжелой, пахла пылью, как любая вещь, которая долго пролежала взаперти. Она еще не успела согреться, но так или иначе мне стало теплее.

Не только из-за плаща.

— Так лучше, — сказал Ренар, продевая пуговицу на воротнике в предназначенную ей петлю.

Это заняло у него какое-то время, и все это время я стояла, замерев столбом, потому что чужие пальцы были слишком близко, а чужое дыхание, очень теплое, коснулось моих волос.

Ренар закончил с пуговицей, провел ладонью по плащу, словно хотел смахнуть с него пыль или ворсинки, невидимые мне, и протянул руку:

— Давай сюда фонарь, — сказал он как ни в чем не бывало.

— А? — откликнулась я.

— Фонарь, — повторил Ренар. — Я понесу.

Я пару раз зажмурилась, прогоняя наваждение, и повела плечами, пытаюсь избавиться от ступора.

— Конечно, — сказала я. — Фонарь. Держи. А разве тебе не холодно? В нише больше ничего, похожего на плащ, не наблюдалось.

– Переживу, – фыркнул Ренар, беспечно махнув фонарем. Будь в нем свеча, пожалуй, она бы погасла, но желто-оранжевый кристалл размером с кулак и сияющий, как тусклая электрическая лампочка, даже не мигнул. – Идем.

Деревянные ступени чуть скрипнули. Я высунула руку из-под плаща, чтобы вцепиться в перила, и осторожно поползла вверх вслед за своим рыжеволосым проводником, не слишком задумываясь, куда и зачем он меня ведет. Другой рукой приходилось теперь придерживать целых два подола, чтобы не запутаться в них и не полететь кубарем вниз.

«Интересный метод избавиться от всяких нежелательных гостей, конечно», – подумала я.

Ренар тем временем ловко забрался вверх и протянул мне руку, помогая вылезти из очередного люка – в этот раз дверь в полу была тяжелой, металлической. Урони я ее неловко, пожалуй, грохот распугал бы всех оставшихся в этой башне призраков. Если они были.

Эта комната, круглая и совершенно пустая, оказалась меньше той, что осталась внизу, и еще холоднее. Сводчатый потолок уходил вверх, из его центра свисала цепь с фонарем раза в два больше того, что стоял сейчас на полу.

Прежде чем я поняла, где нахожусь, Ренар сдвинул в сторону засов и открыл то, что я сначала приняла за узкую дверь. Одну из четырех.

Точнее, технически это и была дверь, а не окно, и вела она на узкий балкончик, опоясывающий башню.

Самую ее верхушку, купол, окна которого выходили на четыре стороны света. И в том, которое сейчас открыто, я могла увидеть кровавый отблеск закатного солнца на восхитительно чистых небесах.

Ледяной воздух ворвался внутрь вместе с запахом зимы.

Ренар взял меня за руку и потянул за собой, но я уперлась обеими ногами и замотала головой.

– Что такое, милая? – ласково – действительно ласково, а не с издевательским притворством, поинтересовался он. Я зажмурилась и не ответила, и, кажется, он понял. – Боишься высоты? Чего же ты не сказала? – голос стал более вкрадчивым.

Теплая и тяжелая рука легла мне на плечи и потянула вперед.

– Со мной не бойся ничего... – начал Ренар все тем же ласковым голосом, успокаивающим и убаюкивающим.

Я уперлась ладонью ему в грудь и вывернулась из объятий.

Не люблю прикосновения, особенно, чужие и внезапные.

И когда меня так навязчиво очаровывают, я тоже не люблю, будь ты хоть трижды прекрасен, как небеса и все яркие звезды на них.

– Я боюсь не высоты, – сказала я, хмуро сведя брови. Руки я скрестила на груди, хотя под плащом, наверное, это было не слишком заметно. – А вдруг ты меня с этой башни скинешь?

Он удивленно замер, даже, кажется, на пару секунд задержал дыхание, так и застыв с вытянутой рукой. Тонкая рубашка здесь, в крошечной комнате с окном, распахнутым в ледяную бездну, смотрелась выпендрежно и смешно, но Ренар, кажется, не чувствовал холода. Он посмотрел на меня иначе – в полумраке я не могла различить все черты его лица, но заметила, как что-то изменилось. Он не хмурился, нет, наоборот – словно слетела какая-то маска, мешавшая ему все это время. Ренар наклонил голову чуть набок и, наконец, рассмеялся, уперев руки в бока.

Я не ожидала такого. Продолжения игры в доброго парня, которому жалко бедную девочку, вспышки гнева или язвительного замечания в мою сторону, смертельной обиды – чего-то такого, притворного или неприятного, но нет, я получила совершенно искренний смех. Поэтому и застыла, как дура, поджав губы, не зная, что мне делать и как себя вести.

И мне резко захотелось извиниться, но извинений у меня никто так и не попросил.

Ренар еще раз фыркнул, видимо, выражая отношение к глупостям в голове у некоторых девочек, с серьезным видом надел мне на голову капюшон плаща и приглашающе махнул в сторону выхода на балкон.

– Вот и проверим.

Улыбка его была лукавой.

Если я чего и боялась, то точно не высоты, поэтому смело шагнула вперед, только ойкнула, когда порыв ветра ударил по щеке, царапнув снежной крошкой. Холодное железо перил жгло не хуже огня – я удостоверилась в этом, по дурости коснувшись их голой рукой.

Вокруг, сколько хватало зрения, виднелись горы и лес, лес и горы, отблески заката на ледниках, переливы глубокой синевы, нежно-лилового и кораллово-красного в небе. Оно оказалось ясным, ни облачка, крупные звезды сияли на нем, но в воздухе будто бы висела ледяная взвесь, крошечные острые иглы. Я вдыхала этот воздух ртом и носом, потому что мне было его мало.

Ренар осторожно тронул меня за плечо и повел за собой вбок по узкому, в половину шага, балкону, который действительно опоясывал башню. Слева от меня оказалась каменная стена, а чуть выше начинался металлический купол, на который налипла корка льда. Мелкие тонкие сосульки свисали с его края, как кристаллы в перевернутой короне.

Я не боялась высоты, но шла медленно, потому что голова кружилась – и от этого воздуха, и от холода, кусающего за нос, уши и щеки, несмотря на плотный капюшон, и от бескрайнего неба вокруг.

Это было слишком красиво.

Ренар остановился, беспечно облокотившись на перила, словно под ним не было бездны, а вокруг стоял май месяц, самое время рубашки с жилетами выгуливать.

Человек он вообще или как?

Я моргнула, решив, что подумаю об этом чуть позже, когда пойму, кто тут вообще есть, кроме людей.

Над самым горизонтом висела луна – огромная, ярко-желтая, перешедшая во вторую четверть несколько дней назад, она была окружена контуром морозного гало.

– А где вторая? – спросила я.

– М? – Ренар вскинул голову, словно я отвлекла его от каких-то невероятно важных мыслей. Лунные тени чуть изменили черты его лица, сделали острее и глубже, выбелили кожу. – А, вторая луна? Еще

не вошла. Она у нас любит отставать и потом гонится за сестрой по небу.

– Вот как... – пробормотала я.

Ренар пожал плечами, окинул меня взглядом и улыбнулся.

– Не замерзла, милая? – спросил он.

Его пальцы лежали на перилах так, словно холодный металл не обжигал его.

– Хотела то же самое спросить у тебя, – ответила я.

– За меня тебе не стоит беспокоиться, – рассмеялся Ренар и позвал меня, подманивая рукой: – Иди сюда.

Вот как. Щас, бегу и падаю.

Хотя, пожалуй, падать здесь я очень не хочу.

Я вытянула шею, робко выглядывая за перила, и поняла, что не надо туда смотреть. Слишком высоко. Слишком длинная стена уходит вниз, и слишком острыми выглядят макушки елок где-то там, под ногами. Лунный свет выхватывал их силуэты из темной лесной массы и заставлял снег, налипший на ветки, почти сиять.

– Подойди, не бойся, – повторил Ренар ласково.

Я все-таки подошла, старательно выдерживая дистанцию в полшага.

И поняла, что прямо под нами находятся ворота замка, от которых убегает вниз по склону высокого и крутого холма дорога. Света луны и звезд было достаточно, чтобы разглядеть, как она змеится сквозь лес, уходя куда-то дальше и дальше, и теряется там.

– Эта дорога ведет отсюда, но мы не почти не пользуемся ею, – сказал Ренар. Слова его вылетали изо рта вместе с облачком пара – точно не призрак, призраки, вроде бы, не дышат, как и мертвецы. – Замок заколдован и дороги вокруг него – тоже. А вон там, – он махнул рукой левее, где виднелось круглое пятно озера, похожее на блестящую монетку. – Вон там есть город, с которым эта дорога когда-то соединялась. Не обольщайся, – добавил он. – В горах расстояние кажется меньше, чем на самом деле.

– Я знаю, – обиженно сказала я.

– Вот и славно. – Он снова улыбнулся и отвел взгляд в сторону того самого города, щурясь, словно надеялся его все-таки разглядеть. – Пойдем. Солнце село, думаю, ужин уже готов.

Мы обошли башню по кругу. С каждой стороны, насколько хватало взгляда, я видела только зимний лес. Зимний лес и высокие горы.

Если у меня и были мысли сбежать отсюда, чтобы найти союзников и волшебных помощников, как и полагается героине фэнтезийного романа, я оставила их. Боюсь, при таком раскладе все бы закончилось быстрее и печальнее, чем в книжках. Так что придется доставлять неприятности королю как-то иначе.

К концу дня я знала некоторое количество важных вещей.

Мир, в который я попала, был и правда похож на мой родной мир, однако история здесь шла иначе. Я оказалась в условной Европе, на континенте, который называется Латиерра. Почти всю северо-западную часть Латиерры занимало Иберийское королевство и его вассальные земли – владения того короля, чьей гостьей я отныне считалась.

На юге, где на нашей карте находились Испания и Португалия, здесь значилось королевство Аглавер, союзник Иберии, а место Италии, сапожок которой сросся с сушей, стерев с карты Адриатическое море и из полуострова превратившись в монолитную часть материка, заняла Каэрия – королевство эльдар, эльфов, точнее – княжества каэрийских князей, маленькие и не очень. Горы БергрENZE, на которые я смотрела из окон и с балкончика на Башне, на юге доходили до владений некоего князя Ирро – там на их склонах рос виноград, из которого делали безумно дорогое вино. Эльдар держались обособленно, но дружелюбно.

За БергрENZE были еще страны, множество новых названий, которые я пообещала себе запомнить рано или поздно.

Как и все имена и титулы его величества Антуана из Арли, короля Иберии и властителя Южной Ангрии, Маревельда и... и чего-то там

еще.

За пределы БергрENZE его власть не распространялась. Там были свои короли и князья.

В замке имелась библиотека, большая и очень странная, похожая на склад букинистического магазина.

Я могла приходить в нее, когда мне хочется, и пытаться найти в хаосе книг на полках что-то полезное для себя или просто интересное. «Главное, – сказал Ренар, вычищая трубку над тем самым огромным камином в огромном зале, – не упади со стремянки, пока тянешься к знаниям».

Еще в замке было множество пустых комнат с зеркалами на стенах, тайных дверей, ведущих в маленькие коридоры, витражей на окнах, фигурок животных на полочках над каминами, венков из веточек, колосьев и рябины, светильников, фонарей и пустых канделябров.

– И все-таки, – сказала я, расправляя очередную складку на юбке – не столько из надобности, сколько из желания унять нервную дрожь. Быть настырной я не умела. – Башни, горы и библиотека это здорово, но... Зачем я нужна вашему королю?

Ренар, все еще стоящий у камина, на секунду замер, поднял на меня взгляд, словно я застала его врасплох, и ухмыльнулся.

– Видишь ли, милая, – сказал он, разглядывая трубку, достаточно ли она чистая, – двери в другие миры не открываются просто так. Если наша богиня прислала кого-то последить за нами, значит, на то есть причины, пусть мы их не всегда видим. Если начальство приходит с проверкой, – хмыкнул Ренар, – лучше показать себя с выгодной стороны.

Я скептически изогнула бровь, но шутить про одно там произведение из школьной программы не решилась.

– Мало ли, что нас ждет, раз ты здесь. – Ренар посмотрел на меня и подмигнул. Он снял с крючка, торчащего из стены рядом с камином, металлический прут вроде кочерги и пошевелил угли. – Какие испытания ты принесешь с собой.

– Был же кто-то до меня...

– Был, – кивнул он, не оборачиваясь. – Были и давно, и не слишком давно. Портрет рыжей женщины в оружейной помнишь?

Я кивнула, потому что именно перед этим портретом я застыла, рассматривая деву-рыцаря на фоне пламенеющих небес. Художник зачем-то решил снять с нее шлем, и тугие кольца огненно-рыжих волос рассыпались по плечам, одетым в доспех. Удивительно нелогично, если я хоть что-то понимаю в доспехах, но завораживало невероятно. Леди с портрета, кажется, следила за тобой, когда ты заходил в зал, губы ее изгибались в торжествующей полуулыбке, лезвие клинка сияло, как осколок зеркала.

– Она пришла во времена Великой Войны, – сказал Ренар. – И помогла правителям Латиерры завершить ее. Та война была... скажем, не короля с королем, а королей с... не слишком хорошими людьми. Такие войны меняют мир и все в этом мире.

Я снова нашла на юбке складку и старательно ее расправила.

– Но спешу тебя обрадовать, милая. – Ренар закончил издеваться над углями и вернулся в кресло рядом со мной. – После Красной леди все было тихо. Насколько может быть тихо в мире вообще. Я надеюсь, ты продолжишь эту добрую традицию, – добавил он с ласковой улыбкой и, взяв со столика чашку чая, поднял ее, как бокал с вином. – За это я и выпью.

Он действительно выпил чай за несколько глотков.

– Я ответил на твой вопрос?

– Да, – сказала я, с сомнением поглядывая в сторону второй чашки. – А те... две, кажется, которые были здесь до меня?.. Ты их знал?

Я бросила на Ренара взгляд, пытаюсь уловить, как он воспримет этот вопрос.

Ренар спокойно кивнул.

– Они были... милые, – сказал он. Фарфоровое доньшко чашки тихо стукнуло о блюдце. – И совершенно не похожи ни друг на друга, ни на тебя. Если ты не против, я расскажу тебе о них в другой раз.

Он встал, оттолкнувшись ладонями о подлокотники кресла.

Я удивленно вскинула голову.

– М?

– Поздний час, – пояснил Ренар. – Наша строгая смотрительница довольно принципиальна там, где дело касается времени сна. Если ты не будешь чай, то я провожу тебя до твоих дверей.

В паре шагов от входа в комнату, которая теперь называлась моей, Ренар остановился, словно задумался, надо ему туда или нет. Он бросил взгляд на двери, на горевший над ними фонарь с кристаллом, откашлялся и повернулся ко мне.

– И вот мы здесь, миледи, – сказал он, щурясь и с какой-то странной хитростью наклоняя голову набок. – И, пожалуй, здесь мы и расстанемся. Спасибо за чудесный вечер.

– Тебе спасибо, – ответила я, чуть смущаясь, и спросила с легким ехидством: – А что, ваша смотрительница так же принципиальна и касательно посещения покоев леди на ночь глядя? И линейкой отмеряет расстояние, на которое к леди разрешено приближаться?

Ренар улыбнулся.

– Скорее, я просто не горю желанием сейчас с ней сталкиваться, – сказал он. – У нас специфические отношения. Скоро все поймешь. – Он снова протянул мне руку ладонью вверх, как незнакомой кошке. – Доброй ночи?

– Доброй, – протянула я руку в ответ. – Ой!

Я надеялась на рукопожатие, но вместо этого получила легкий поцелуй в тыльную сторону запястья – и улыбку, от которой хотелось провалиться сквозь землю.

Все так же улыбаясь, Ренар отпустил мою руку и ушел в глубину коридора, оставив меня в смятении.

Дверь легко поддалась, когда я потянула за ручку на себя.

Комната встретила прохладным полумраком, только в дальнем углу сиял настенный светильник, и тускло тлели угли внутри камина. Шелест юбки звучал почти громоподобно, такая здесь стояла тишина. Я медленно осмотрелась, прислушиваясь, нет ли кого из слуг – и вдруг осознала, что за весь день, за те несколько часов, которые я провела в огромном замке, я не встретила никого, кроме Ренара и Сильвии.

То есть кто-то работал на кухне, конечно, я слышала через дверь какие-то звуки, чувствовала запахи, но мы не зашли туда.

Мои обеденные сэндвичи, наш общий ужин и чай я находила уже готовыми в комнате, откуда никто не выходил.

Твою ж мать.

Я прикрыла глаза, прикусив губу, и постаралась найти рациональное объяснение этому.

Много ли я, в конце концов, видела слуг? Может быть, в особенно благородных домах слуги умеют быть незаметными?

Как призраки.

– Доброго вечера, – раздался голос за спиной.

Я могла поклясться, что я не слышала ни шагов, ни звука открывающейся двери, ни шелеста ткани, ни чужого дыхания – вообще ничего.

Сильвия опять вышла из ниоткуда, тихо, словно все время была здесь, рядом.

Я открыла глаза и обернулась, чувствуя, как меня бросило в жар, а в ногах появилась слабость.

– И вам тоже, – прохрипела я.

Губы Сильвии растянулись в улыбке. Она стояла за моей спиной, держа в руках подсвечник с тремя еще не зажженными свечами. На плечах у нее лежала шаль, темные волосы были перехвачены лентой у самой шеи. Та строгая дама, собранная, прямая, которую я видела днем, кажется, готовилась уйти спать.

– Рада видеть, что вы в добром здравии, – сказала Сильвия, улыбаясь чуть шире – зубов ее улыбка не открывала. – Не хотела нарушать ваш покой, но, кажется, в течение дня мы обе были слишком заняты даже для важных разговоров.

Она сказала это вежливо, но я почувствовала укор. Направленный, правда, не на меня.

– Я зашла проведать вас, – продолжила Сильвия. Она шагнула чуть в сторону к какому-то комоду у стены и поставила на него подсвечник. – И принесла свечи, если они понадобятся. Если у вас есть вопросы или пожелания, то я здесь.

– Я... Я не знаю, – выпалила я.

– Со временем разберетесь. – Улыбка Сильвии стала почти теплой, насколько я могла судить в полумраке. Она щелкнула

пальцами, и кристаллы в люстре, свисающей с потолка, вспыхнули – в первый момент я даже зажмурилась. – Действие и усилие воли зажигают волшебные кристаллы. Щелчок пальцами или хлопок. Волшебником для этого быть не обязательно, – Сильвия посмотрела на меня.

В свете кристаллов она казалась самой обыкновенной женщиной что-то около тридцати лет: тонкий нос, острый взгляд, хрупкие пальцы держат шаль на груди, чтобы та не распахнулась. Ничего призрачного. Может, и правда просто очень тихо ходит. Или знает пару тайных дверей и коридоров между стенами. Такое, вроде бы, тоже бывает, если дело касается замков и особняков.

Она снова щелкнула пальцами еще раз, и все кристаллы, кроме того, что на стене, опять погасли.

– Сначала будет сложновато, – сказала Сильвия. – Потом все получится. Спите завтра столько, сколько считаете нужным, миледи, вас никто не потревожит. Но я очень прошу вас не выходить за пределы покоев ночью.

Серьезно?

– Призраки или собаки? – спросила я.

– Вы видели здесь собак? – ответила она.

Кажется, ехидно, но не зло.

Я покачала головой. Сильвия улыбнулась, в этот раз показав зубы, белые и, кажется, немного мелковатые.

– Просто не очень хотелось бы, чтобы вы потерялись в темных коридорах, миледи, – сказала она. – Здесь есть где заблудиться и чего испугаться и без призраков. В остальном вы можете делать все, что захотите.

– Совсем все? – уточнила я.

– Все, что не принесет вам серьезного вреда, конечно, и не поставит в опасное положение вас или других обитателей замка. – Сильвия открыла верхний ящик комода, у которого стояла, и посмотрела в него. – Свечи, огниво и прочие нужные вещи здесь, – добавила она, удовлетворенно хмыкнув, и снова посмотрела в мою сторону. – Если я понадобится – зовите.

– Как?

– Просто. По имени. – Она дернула плечом, словно я задала глупый вопрос, и прошла – почти проплыла – мимо меня к дверям,

ведущим в коридор. – Я услышу и приду. Магия, миледи, творит удивительные чудеса. К этому вы тоже привыкнете. Доброй ночи и сладких снов. – Она почти повернула дверную ручку, но вдруг спохватилась. – Ах да! Если боитесь призраков или кого-то еще, вот здесь есть засов, – она указала на широкую полосу металла. – Теперь точно доброй ночи. Спите сладко.

Она перехватила мой взгляд и кивнула, ласково улыбнувшись.

Дверной замок тихо щелкнул, и я осталась одна.

Первым делом я, конечно, закрыла дверь на засов, а потом проверила все темные углы, все шкафы, ниши и двери, которые могла найти, посмотрела за все шторы и под всеми кроватями, креслами, диванами и комодами. Просто так, на всякий случай. Точно так же на всякий случай я сняла с одной из полок маленькую, но довольно тяжелую декоративную тарелочку.

Не то чтобы я всерьез думала, что смогу кого-то ударить, но тяжелый предмет в руке как-то улучшал самочувствие.

Потом я просто брякнулась на пол рядом с камином, скрестив ноги, и, подперев щеки ладонями, задумалась, глядя, как переливаются всполохи оранжевого на черном.

Десятилетняя я, та девочка, которая ныряла в платяные шкафы, чтобы проверить, не окажется ли в них дверца, ведущая в зимний лес, наверное, ликовала. Тринадцатилетняя, которая верила, что правильный трамвай в правильное время отвезет тебя в правильное место, саркастически хмыкала, мол, а она говорила, что рано или поздно, так или иначе. Пятнадцатилетняя – в черном платье с кружевами – помахивала дешевой колодой Таро, купленной на сэкономленные на обедах деньги.

Они все улыбались мне, двадцатилетней, сидящей на полу странного замка посреди леса в чужом мире.

Мне, дурной девице, которой бы сейчас прыгать от радости и учиться правильно щелкать пальцами на магические светильники.

Мне, с которой наконец случилось что-то чудесное и волшебное. И, кажется, даже не совсем злое.

По крайней мере, никто не пытался запереть меня в башне, принести в жертву, сдать темному магу на опыты, сожрать или затащить под венец, или... что там еще случается с незадачливыми попаданками? Я не слишком верила в абсолютную искренность доброго отношения ко мне со стороны местных жителей, с которыми провела этот день, но три комнаты? Ванная? Платье? Миледи то, миледи это, не желаешь ли прогуляться, милая?

Пока рациональная часть меня, которая привыкла не верить ни в удачу, ни в успех, пыталась паниковать, потому что ей чудился подвох, все остальное, что когда-то было и все еще оставалось мной, вопило от радости.

Моя мама сказала бы, что это очень безрассудное поведение.

Я стряхнула с себя эту мысль и очень безрассудно пошла за сигаретами и зажигалкой.

Потому что если у меня теперь есть собственная ванна, в которой можно проваляться три часа и мне никто слова не скажет, я не прощу себе, если не поваляюсь в ней с сигаретой в зубах.

Будем считать, что вред от этого процесса – незначительный.

В ванной комнате было тепло.

Поблескивая в тусклом свете волшебных кристаллов, спал в саду единорог.

Густое, похожее на мед мыло, пахнущее травами и лавандой, неплохо пенилось.

Я шагнула в воду. Сигарету я сжимала в зубах – чтобы не упала, зажигалка была в руке – тяжелый прямоугольник из металла.

Все шло по плану, и вечер обещал закончиться хорошо, но в тот момент, когда я уже открыла крышку и готовилась чиркнуть колесиком и поднести зажигалку к лицу, через большое зеркало, стоящее у стены, вышел мой знакомый маг, слегка растрепанный и очень, очень торопливый. Он шагнул вперед, зачем-то оглянувшись на свое отражение, словно бы вслед за ним из зеркала могло появиться еще что-то, пригладил волосы рукой и увидел меня.

Удивление оказалось взаимным.

Сигарету я спасти успела, но вот зажигалка выскользнула из рук и, громко булькнув, скрылась где-то под слоем пены.

– Доброго вечера, – сказала я, подрагивающими пальцами держа сигарету.

Что напугало меня больше – то, что волшебник здесь появился, или то, как именно он появился, я, признаюсь, затруднялась определить.

В любом случае, кажется, он сам был не рад.

Кондор моргнул, будто бы от этого я могла исчезнуть, но я не исчезла. Удивление на его лице сменилось хмурой сосредоточенностью. Он посмотрел на зеркало, дотронулся до рамы, словно проверял, все ли с нею так, нахмурился еще сильнее и повернул голову в мою сторону.

– Доброго вечера, Мари, – спокойно сказал Кондор и, кивнув мне, сделал шаг ближе к стене, но подальше от меня. Взгляд он тоже отвел. – Прошу прощения за столь, хм, неожиданное вторжение.

Маг рассматривал то свечу, которую я поставила на пол, то окно с единорогом, то что-то еще в комнате, но не меня. Я тем временем нащупала ногой утонувшую зажигалку. Открытую, конечно, крышку-то я не успела захлопнуть.

– Все в порядке, – сказала я, выгибаясь, чтобы дотянуться до нее.

Острые края впились мне в ладонь.

Мне очень хотелось, чтобы маг просто взял – и ушел, можно даже без извинений, только бы не заставлял меня хотеть провалиться на пару этажей вниз вместе с ванной.

Как я завтра буду смотреть ему в глаза – я старалась не думать, потому что тут же начинала краснеть и смеяться.

Кондор снова пригладил волосы, проведя по ним пальцами так, словно пытался откинуть мешающие пряди со лба, и вдруг посмотрел

прямо на меня – и сощурился, наклонив голову набок. Под этим его взглядом, едким и пристальным, я чуть снова не выронила то, что с таким трудом пыталась выудить из мыльной воды.

– И что ты там не видел? – процедила я сквозь зубы, а потом поняла – еще до того, как он ответил.

– У тебя... что-то на плече, – сказал Кондор вкрадчиво и нарисовал пальцем в воздухе то, что у меня на плече было.

Точнее, не совсем на плече, но да, все верно – звезда в круге, прямая пентаграмма.

Очень надеюсь, что за татуировки здесь не сжигают на костре. И не делают что-то не менее плохое.

Мое смущение куда-то резко испарилось, осталось только легкое раздражение человека, которого отвлекали от важного занятия какой-то ерундой.

– Под ключицей, – поправила я, стараясь высечь огонь. Он, конечно, не высекался. Колесико щелкало, но, кажется, «Зиппо» все. Придется разбирать и проверять. Очень обидно.

Исподтишка я следила за магом – так, на всякий случай.

– Не столь важно где, – ответил Кондор, снова отводя глаза в сторону. – Но это все объясняет.

– Что объясняет? – я вскинула голову, оторвав печальный взгляд от зажигалки.

– Почему моя метка сбилась. – Он прислонился к стене и посмотрел на витраж, тяжело вздохнув. – Еще раз прошу прощения, Мари. – Наши взгляды встретились. Я ожидала встретить насмешку, хищное любопытство или что-то похожее на это, но наткнулась на настороженность и внезапное для меня смущение. Кондор улыбнулся, и эта улыбка тоже получилась какой-то извиняющейся. Выглядел он заметно лучше, чем в тот раз, по крайней мере, уже не напоминал восставшее умертвие. И синяки под глазами исчезли. – У тебя все в порядке?

– Не жалуюсь, – ответила я, все еще не понимая, что происходит.

– Вот и славно. – Кондор приложил ладонь к груди и наклонил голову – такой вежливый жест, напоминающий одновременно и приветствие, и прощание, и просто выражение хорошего отношения. – Приятно провести время.

Он резковато развернулся и пошел в сторону двери.

Я посмотрела на зажигалку в своей руке, на свечу, которая стояла слишком далеко, чтобы мне хотелось к ней тянуться, и вдруг порядочно осмелела.

– Кондор, стой!

Он остановился уже рядом с дверью, готовясь ее толкнуть, и обернулся ко мне, удивленно приподняв брови. Я потрясла бесполезной зажигалкой в воздухе.

– Ты же маг, – сказала я, пытаюсь сдержать улыбку. – А мне нужно...

Он бросил взгляд на свечу, понял, в чем дело, быстрее, чем я могла объяснить, и, самодовольно ухмыльнувшись, щелкнул пальцами. На кончике сигареты вспыхнуло пламя.

Мое удивленное «спасибо» ударилось в закрытую дверь.

Я облокотилась на бортик ванной, положила голову на скрещенные руки и затянулась сигаретой, а после этого, выдохнув дым, с головой ушла под воду.

...И тут же чуть не подскочила, потому что ступня попала как раз в поток горячей воды.

И обидно, и от самой себя смешно.

Почти как намек, что нужно быть осторожнее и осмотрительнее.

Шутки про призраков перестали быть смешными, когда я обнаружила всю одежду, которую оставила за ширмой в ванной комнате, на кровати. И платье, и белье, и даже мои носки были чистыми, пахли травами и чем-то еще.

Придерживая одной рукой полотенце на груди, я взяла во вторую руку то самое тяжелое блюдо и, дрожа уже не от холода, а от паники, еще раз обошла все углы.

И угол за ширмой тоже.

Он был пустым. Две деревянные полочки, на которые меня просили складывать одежду, тоже были пусты. Никакой потайной двери или окошка, через которое кто-то мог бы проникнуть сюда, я не нашла, и от этого стало еще страшнее.

Засов на двери был задвинут.

Я прижалась спиной к стене, ощутив лопатками, кажется, все ниточки на гобелене и прохладу камня, которую он прятал, и попыталась выровнять дыхание.

Видимо, некоторые чародеи проходят сквозь стены или...

Без «или». В спальне, в углу рядом с окном, стояло еще одно зеркало. Вот и ответ.

С остальным я разберусь завтра. Обязательно. Приставлю канделябр к горлу того, кого поймаю первым, и все узнаю. Переберу все книги в библиотеке – должны же здесь быть энциклопедии и учебники? Начну без стеснения спрашивать обо всем, что кажется мне подозрительным или непонятным.

А сегодня посплю с тяжелым предметом под подушкой.

Зажигалка, к моей печали, все еще не работала. Я положила ее в открытом виде на маленький столик, стоящий сбоку от кровати. На этом же столике откуда-то взялся флакон – тот самый, который дал мне Кондор, посоветовав использовать его содержимое, если буду плохо спать. Предусмотрительный, надо же. Я скептически хмыкнула, но все-таки щелкнула металлическим рычажком, который держал на месте крышку, и принялась.

Валериана, анис и что-то еще.

«Может быть, – подумала я, возвращая закрытый флакон на место, – там и нет никакой магии – только травы».

Но пока я не хочу рисковать.

Тем более что сильнее, чем запах аниса, я терпеть не могла только лакрицу.

Ночная сорочка, которая лежала тут же, рядом с моими чистыми и подлатанными на коленях джинсами, оказалась длиной до колена и без всех этих ужасных воланов и кружев, которые я успела себе навоображать. «Если и нижнее белье здесь окажется нормальным, – подумала я, проводя рукой по прохладной ткани наволочки, – то, пожалуй, можно будет совсем расслабиться. И попробовать получить удовольствие».

Третий щелчок пальцев заставил кристаллы мигнуть и погаснуть.
Комната погрузилась в темноту.

Я лежала в ней, свернувшись под одеялом, спрятавшись в нем с головой на самом краю огромной кровати, и прислушивалась к мягкой, как вата, тишине.

Ни шагов, ни шума машин, ни голосов с улицы – ни даже завываний ветра.

Ни мышей, скребущихся в стенах и за гобеленами, ни кошек, следящих за мышами, ни собак.

Даже угли в камине вели себя тихо.

Странное место.

В полутемном баре было уютно и тепло.

Я любила приходить туда вечером в будни после учебы ради вишневого пива, картофельных шариков с сыром и одного из барменов.

Одной из.

В тот вечер ее ловкие пальцы мешали колоду Таро – ту самую, старую, которую я принесла, чтобы был повод поговорить.

Наверное, мне хотелось говорить хоть с кем-то, и эта девушка, рыжая, как октябрь, с короткой стрижкой, обнажающей скулы и татуировку-лотос на шее сзади, была прекрасным собеседником. Или слушателем, если мне хотелось выговориться.

Должно быть, у барменов это профессиональное, но я хотела верить, что когда она улыбалась мне – она улыбалась по-особенному и только мне.

– Тяни три, – приказала она, протянув мне веер колоды, и улыбнулась растерянно. – Давно я такого не делала.

Между коктейлем и кофе я вытащила себе три карты – по одной на прошлое, настоящее и будущее, и рыжая женщина с лотосом на

шее, с ловкими руками, которые бывают у барменов, музыкантов и волшебников, сказала мне, что я есть.

Повешенный означал, что я запуталась и застряла – и я правда чувствовала себя так, словно вишу вниз головой, а мир вокруг смеется и ускользает из-под контроля.

Смерть, рыцарь на бледном коне, несла перемены и рядом с Повешенным читалась как освобождение от пут.

Иногда это освобождение сопровождалось падением и ударом о землю, предупредили меня. Больно, но лучше так, чем вечно болтаться ногами вверх.

Последней картой выпал Маг. Первый аркан.

– Возьми жизнь в свои руки, – рассмеялась девушка с лотосом на шее. – И твори свою волю, потому что больше ничего не остается. А мне пора, золотце. – Она собрала карты вместе, сложила в картонную коробку и вернула мне. – Еще встретимся.

Через две недели после этого закончились мои первые отношения – достаточно долгие для того, чтобы на что-то надеяться, слишком неясные, чтобы надежды могли оправдаться. Они истлели, сгнили, как неубранный урожай к концу дождливого октября. Я перестала висеть вниз головой, но, кажется, ударилась о землю так больно, что провалилась в царство теней – и блуждала в нем, пряча себя настоящую от всех, кто со мной говорил, и от себя самой.

Через месяц я проснулась от кошмара в огромной темной комнате, на незнакомой мне постели, большой, холодной, и не сразу поняла, где я нахожусь и что произошло. Я плакала во сне – и не помнила, что мне снилось, что-то плохое, что-то из прошлого, что-то, где за мной гнались и почти догоняли.

Флакончик с волшебным зельем, который вручил мне знакомый маг, больше не вызывал никаких сомнений. Я сделала глоток неприятно-сладкого чего-то, отдающего микстурой, перевернулась на другой бок и смотрела в темноту, пока глаза сами не закрылись.

С той стороны стекла

План приставить канделябр к чьему-нибудь горлу и узнать все, что нужно, успешно провалился: с утра я уже не была столь смелой и злой, как думала о себе вечером. Сильвия, явившаяся на мой зов так быстро, словно ходила сквозь стены, с ласковой насмешкой посоветовала мне искать знания там, где их должно искать.

То есть в библиотеке.

И вот я оказалась здесь, среди шкафов и старых книг.

Было прохладно и тихо, очень светло и так же пыльно.

А еще у меня обнаружились ровно две проблемы с доступом к знаниям.

Для начала от заклинания, которое давало возможность читать на незнакомом языке, кружилась голова, стоило открыть книгу и коснуться взглядом строк. Это было... печально и очень затрудняло поиск, потому что мне то и дело приходилось садиться на стул, на ступеньку стремянки или даже на пол и пытаться дышать, не чихая то и дело от пыли.

Вторая проблема была серьезнее – я не знала, что мне искать. Где искать и как – я тоже не знала. Кем бы ни был владелец замковой библиотеки, он, кажется, не интересовался ею и не следил за ней. Книги словно сложили сюда просто, чтобы сложить, и так и оставили.

Конечно, здесь не лежала пыль слоем толщиной с палец, не свисала лохмотьями паутина, не былодохлых мышей, засохших мух, плесени и прочих радостей жизни. Но от всех этих полок, пустых мест

на них и стопок рядом со стеллажами я чувствовала себя так, словно застряла посреди деталей головоломки, которую не могу собрать.

Географические атласы соседствовали с рецептами зелий, кулинарные книги – с заметками и воспоминаниями путешественников и первооткрывателей, исторические трактаты – с трактатами по медицине, полными не самых приятных гравюр. Я нашла девятый том некой “Истории мира для девиц, в десяти с половиной томах”, но как ни пыталась разглядеть среди сотен корешков, обложек, среди цветных, белых, золотистых и даже узорчатых обрезков остальные тома или хотя бы первый, увы, они словно провалились куда-то.

Если вообще существовали, в чем я начала сомневаться, как и в существовании владельца библиотеки. Точнее, того, кто был бы к ней неравнодушен. Следил бы за ней. Дополнял. Разбирал. Избавлялся от лишнего.

Разочарованно вздохнув, я прислонилась к стене – и чуть не подпрыгнула, увидев напротив себя силуэт.

Чертово зеркало.

Оно пряталось в нише между стеллажей, в тени, само по себе темное, широкое, похожее на тайную дверь. Можно было подумать, что это проход в соседнее помещение, из которого за мной кто-то наблюдал.

Другая версия меня.

Когда сердце снова стало биться ровно, я вернулась к книгам.

Правда, ненадолго.

– Доброе утро, Мари.

Я вздрогнула и обернулась с раскрытой книгой в руках – огромным тяжелым томом, озаглавленным «Ars Magica».

В отличие от большей части книг по магии, которые попадались мне, этот был хотя бы не на латыни.

На латынь заклинание чтения не распространялось, а мои собственные знания ограничивались терминами, тремя пословицами и призывом выпить.

Кондор стоял рядом с той самой нишей, в которой пряталось зеркало, расслабленно привалившись плечом к одной из полок. Он был спокоен, как человек, который выспался и потому чувствует себя готовым к любым неприятностям. Только черная одежда делала его

как-то по-особенному худым и бледным, еще более худым и бледным, чем я запомнила.

Я захлопнула книгу и прижала ее к груди, словно попыталась отгородиться, и застыла, сжав губы, потому что не знала, что сказать. Чувствовала я себя как школьница, которую поймали за курением или рассматриванием похабных картинок в журнале.

Взгляд Кондора скользнул по моей фигуре, задержавшись на книге. Волшебник прочитал название, и на его лице появилась на миг кривоватая улыбка. Он шагнул вперед, к столу, который стоял у окна.

— У тебя такой вид, словно ты что-то натворила, и я собираюсь тебя отчитывать, — сказал он и сел боком на один из стульев, а потом кивнул мне на второй. — Но нет. Сядь, пожалуйста.

Я послушно кивнула и, стараясь не двигаться слишком резко, села. «Ars Magica» легла на стол между нами — я просто не подумала вернуть ее туда, где взяла. Я натянула рукава толстовки на ладони и поежилась.

Мы сидели рядом с окном, сквозь мелкие стекла в библиотеку проникал холодный зимний свет. Кондор не то нахмурился, не то сощурился, а я заметила, что глаза у него какие-то странно светлые, и тут же смущенно уставилась на неровный книжный край.

Рассматривать людей так пристально, конечно, это невежливо.

Особенно, когда при этом начинаешь краснеть и выдаешь себя с головой.

Кондор, кажется, воспринял это все чуть иначе.

— Не трясись так, словно я тебя сожру, — насмешливо сказал он. — Для начала я пришел извиниться.

Я удивленно посмотрела на него. Он же приложил правую ладонь к груди, наклонил голову, словно кланялся мне, как вчера, и по-доброму улыбнулся. То есть совсем по-доброму. Не так, как должен был бы улыбаться самоуверенный красавчик барышне, к которой накануне зашел в не самый подходящий момент.

— Хорошо, — сказала я хрипло. — Извинения приняты.

Наверное, получилось сухо, но слова застревали у меня в горле.

Кондор моргнул. Улыбка исчезла, уступив место серьезному и хмурому выражению. Он вздохнул, кажется, с сожалением и протянул руку к книге. Красивые длинные пальцы осторожно коснулись края обложки.

– Можно?

Он что, у меня разрешения спросил?

Наши взгляды встретились, и я поняла, что глаза у него не светлые, а желто-оранжевые, с тонкой темной каймой вокруг радужки.

Когда мы встретились в первый раз, было слишком темно, чтобы разглядывать такую мелочь, как чей-то цвет глаз. Вчера, конечно, вообще было не до этого, и вот сейчас, когда дневной свет исключал любую ошибку, я застыла, как напуганный кролик, под едким, острым взглядом, похожим на взгляд хищной птицы.

Видимо, все, что я подумала, отразилось у меня на лице.

Волшебник, конечно, понял.

– Фамильная черта, миледи, – пояснил он с кривой полуулыбкой, от которой на его лице проступило что-то неприятное. – Почему так – долгая история. Мой цвет глаз не самое странное, что здесь можно увидеть, поэтому предлагаю перейти к более важным вопросам.

Он убрал руку с книги и даже сам, кажется, отодвинулся, мгновенно став каким-то закрытым и отстраненным.

– Что же касается книг, – продолжил Кондор прохладно, – то я бы советовал начать с истории или этикета. Это сейчас куда полезнее.

– Именно так я и сделаю, – ответила я и демонстративно осмотрелась. – Как только пойму, где мне искать список обязательной литературы для попаданок.

Кондор хмыкнул и тоже осмотрелся.

– Я подумаю, что здесь можно сделать, – ответил он куда вежливее, чем я ожидала. – Твои предшественницы не проявляли к библиотеке особого интереса.

– Поэтому прислуга расслабилась?

– У местной прислуги есть свои недостатки, – сказал Кондор. – И своеобразное представление о порядке вещей. Но ближе к важному, Мари. Я, кажется, обещал тебе кое-что. И если я не нарушу твои планы в столь, хм, интересном занятии, как изучение магии по сомнительным источникам, – Кондор почти брезгливо ткнул пальцем в корешок книги, которая все еще лежала между нами, – то у меня как раз есть время и силы, чтобы приоткрыть завесу и показать тебе твой мир. И то, что ты хочешь там увидеть.

Я буквально вскочила, чуть не ударившись коленом о стол.

– Да, конечно! Спрашиваешь еще! – сказала я, боясь, что он вдруг возьмет – и передумает.

– Замечательно.

Маг снисходительно улыбнулся и сделал мне знак сесть на место.

Он, в отличие от меня, никуда не торопился, поэтому пришлось плюхнуться на стул. От шумного вздоха я не удержалась.

Кондор снова нахмурился, словно моя порывистость разочаровала его.

– Сначала выслушай меня, чтобы не было неприятных сюрпризов, – ворчливо сказал он и на секунду замялся, будто готовился сказать мне что-то не очень приятное. Его пальцы отбили на обложке книги несложный ритм. – Может быть, ты уже успела отсюда вычитать, что иногда для волшебства нужна весьма определенная жертва. Зеркало, через которое ты будешь смотреть на свой мир, потребует крови. – Он пристально посмотрел на меня и добавил, как будто бы я и без того не поняла: – Твоей крови, милая.

Он замолчал, давая мне время понять и осознать сказанное. Наверное, это правильно, мало ли, как непосвященный человек отреагирует на предложение поделиться собственной кровью.

Я пожала плечами и скривила губы, мол, тоже мне. Обещание боли меня не пугало, в моей жизни были вещи, куда более неприятные, чем пара часов под машинкой у тату-мастера. Но живот все равно свело от волнения, это был не страх перед болью, скорее, предвкушение чего-то такого, непосредственного участия в чем-то настолько... необычном?

– Проколешь мне палец булавкой? – спросила я.

– Можно сказать и так, – ответил Кондор, не слишком довольный моей бравадой. – Только прокалывать будешь сама. Считай это частью ритуала.

Он криво улыбнулся моей смелости и встал, протягивая руку, за которую я не взялась.

– Куда мы... – начала я, когда поняла, что он и не собирается воспользоваться дверью.

– Храм находится в другом месте, Мари, – ответил Кондор, остановившись у той самой ниши с зеркалом. Значит, моя догадка, как он пришел в библиотеку, была верна. – Пытаться попасть туда через дверь было бы скучно и долго, но, к счастью, особым гостям доступны

особые пути. – Он снова предложил мне руку ладонью вверх, на этот раз сопроводив жест почти глумливым поклоном. – Если ты не возьмешь меня за руку, боюсь, я не смогу провести тебя с собой, милая, – добавил маг серьезно и прохладно.

– А... это не опасно? – уточнила я, опасливо вкладывая свою ладонь в его.

Одно дело – магические светильники щелчком пальцев включать, а вот через зеркала шастать – это совсем другое. Я ж не знаю, что там, с той стороны, и что именно я сейчас почувствую. В книжках тоже разное пишут.

– Это не более опасно, чем все остальное, Мари, и не страшно. – На лице Кондора появилось выражение нетерпеливого раздражения. – Ты быстро привыкнешь. Идем.

Рука волшебника была прохладной, как я и запомнила. Сильные пальцы крепко обхватили мою кисть, и меня повели за собой.

Я затаила дыхание, как перед прыжком в глубину, и закрыла глаза, покрепче вцепившись в руку Кондора и чуть не поранившись об одно из его колец. Никакого головокружения, никакого ощущения падения или чего-то еще, о чем я читала в фэнтези, не было, только легкое сопротивление пространства, словно проходишь сквозь сильный вертикальный поток воздуха.

После этого стало заметно холоднее, и я открыла глаза.

Под ногами у меня был вымощенный каменной плиткой пол, сквозь трещины в котором торчала бурая сухая трава. Длинный узкий коридор убегал вперед, мягко заворачивая влево, его потолок терялся в вышине. В стене то тут, то там темнели ниши, а в нишах – колонны и статуи, увитые побегами какого-то растения, высохшими, черными, но все еще цепкими.

Свет падал из узких окон, лишившихся стекол.

Кое-где лежал снег, труха опавших листьев, осколки цветного стекла и птичьи скелеты, распластанные на камне.

Я переступила с ноги на ногу и обхватила себя руками.

За моей спиной в отполированной поверхности черного камня стояло мое сумрачное отражение.

– Это и есть храм? – спросила я, вглядываясь во тьму внутри этого странного зеркала.

Не про него ли?..

– Да, это и есть храм, – сказал Кондор и коснулся моего плеча. – Пойдем.

– А это...

– А это обсидиан, – ответил он, не оборачиваясь.

Пришлось догонять.

Мы прошли мимо высоких ворот, запертых на засов, обвитый стеблями так, что, пожалуй, не разрубив их, сдвинуть его не получилось бы.

Это место напоминало не то заброшенное гнездо, не то вымерший волшебный дворец, погруженный в чары сна. Ни жрецов, ни армии служек – только пустота и зимний холод вокруг.

Кондор уже не держал меня за руку, он молча шел вперед, а мне приходилось на каждые его шаг совершать два. Краем глаза я замечала и разбитые витражи, и выщербленные барельефы, и еще много чего такого, и думала, что за такое отношение к храму я бы по голове настучала, будь я на месте их богов.

Так и запишем.

– Что здесь произошло? – выдохнула я и встала на месте.

Из рта шел пар.

Кондор остановился и повернулся ко мне, наклонив голову набок. На его лице читалось удивление и очень въедливое любопытство, словно заданный вопрос стал для него сюрпризом.

– В смысле? – переспросил он.

– Здесь никого, – ответила я, вздрогнув от звука собственного голоса. – Ни слуг, ни священников, ни прихожан. Ворота закрыты. Все заброшено.

Говорить было сложновато, я замерзла, и губы переставали слушаться. Я обхватила себя руками и подумала, что кое-кто мог хотя бы предупредить, что нужна куртка. Или шарф.

Кондор вздернул острый подбородок, окинув меня задумчивым взглядом, а потом начал снимать то, что носил вместо пиджака. Не знаю, сюртук? Камзол? Пусть будет сюртук, дальше разберусь.

– Что ты...

– Прости, Мари, я не подумал, – сказал маг, набрасывая сюртук мне на плечи. Сам он остался в рубашке и жилете. – Я несколько рассеян в последнее время, как ты успела заметить, но, поверь, я не со зла.

Это было настолько неожиданно, что “спасибо” я буквально прохрипела.

– Не за что, – хмыкнул Кондор.

Ему, кажется, было совсем не холодно.

Так же, как Ренару, который вышел в одной рубашке на крышу башни.

У них тут что, магическая терморегуляция у всех?

– Что же касается твоего вопроса... – задумчиво продолжил волшебник. – Скажем, это особый храм. Он создавался не для того, чтобы пропускать сквозь себя толпы страждущих и ищущих, а тех, кто хранил порядок в нем, к сожалению, больше нет под этими небесами.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

– У меня, увы, не было возможности узнать о тонкостях религии в твоём мире. Если у тебя возникнет желание поговорить об этом, я к твоим услугам. А сейчас пойдем, пока мы оба не замерзли.

И он снова легонько толкнул меня вперед.

– Мы почти пришли.

Мы и правда почти пришли. Коридор закончился тупиком, в конце которого стояла большая каменная чаша, полная воды, чуть подернутой корочкой льда. На стене за этой чашей еле-еле проступали контуры фрески – несколько кругов, расположенных по горизонтальной дуге.

– Луна, – выдохнула я.

Кондор покосился на меня.

– Все верно, – сказал он.

– Но... у вас же две луны...

Маг усмехнулся, но ничего не сказал. Вместо этого он взял меня за плечи, развернул налево, где в стене зияла арка проема – и мы оказались посреди большого круглого зала.

Высокий потолок заканчивался стеклянным куполом, каким-то чудом уцелевшим в этой разрухе. На стенах еще различались поблекшие фрески, в стрельчатых окнах – остовы витражей. Их было одиннадцать, по пять с каждой стороны и один впереди, над возвышением, к которому вели широкие каменные ступени. А на этом возвышении стояло огромное, очень яркое и чистое зеркало. Его металлическая рама блестела так, словно ни время, ни равнодушие

людей, забросивших это место, ни холод, ни влажность — ничто не могло заставить ее потускнеть и поблекнуть.

Я чуть не споткнулась, засмотревшись, и цапнула Кондора за рукав.

Он истолковал это как-то по-своему.

— Здесь нечего бояться. И вообще. — Он посмотрел на меня и ухмыльнулся с таким легким острым высокомерием. — Пока я не боюсь, не бойся ничего.

Я разжала пальцы.

— А если ты боишься? — спросила я, поднимаясь за ним к зеркалу.

Ступени были выщербленными и затертыми.

— О, тогда беги в ужасе и прячься под кровать, — фыркнул маг и провел рукой по металлической раме, словно смахивал несуществующую пыль. — Это дверь, — сказал Кондор, словно представлял мне важную персону. — Говорят, когда-то она выглядела иначе.

— Очень приятно, дверь, — ответила я с усмешкой. — Будем знакомы.

Мне показалось, что где-то вдалеке раздался еле слышный хрустальный перезвон, как будто бы ветер смахнул с крыши мелкое крошево льда.

Мое отражение в зеркале едва доставало макушкой до плеча отражению волшебника, и красные кеды на полу, на котором различался какой-то затертый узор, выглядели дико. Наверное, еще более дико, чем на паркете в украшенных гобеленами залах.

Я вдруг поняла, что там, в библиотеке, мне ничего не сказали про мой наряд. Кондору все равно или... или это такое проявление вежливости?

Кондор повернулся ко мне и бесцеремонно сунул руку в карман своего сюртука, ни капли не смущаясь тем, что этот самый сюртук в этот момент был надет не на нем.

— Держи булавку, — с усмешкой сказал он, протягивая мне небольшие кожаные ножны.

В них оказался нож, маленький, чуть длиннее моей ладони от запястья до кончиков пальцев. Загнутое лезвие, заточенное с внутренней стороны, напоминало не то серп, не то коготь хищника.

Совсем не булавка.

Я моргнула и поняла, что мне страшно.

Это тебе не кровь в больничке сдавать, дурочка.

– Что я... – я подняла взгляд на Кондора.

– Что ты должна делать? – мягко подсказал он.

– Ну... да. – Я дотронулась острым кончиком ножа до подушечки большого пальца. Страшно. – Чертить какие-то символы или...

Кондор покачал головой.

– Ничего такого. Просто положи руку на раму. Вот так. – Его пальцы легли на один из металлических завитков. – И попытайся представить то, что хочешь увидеть. Или кого хочешь. Найди свой маяк. – Кондор улыбнулся. – И сама к нему выйдешь.

Я моргнула.

– И все?

– Ну... – Его взгляд скользнул по ножу в моей руке. – Остальное – уже моя работа.

Я разочарованно хмыкнула, демонстративно взвешивая нож в руке.

– Что? – ласково спросил Кондор, наклонив голову набок.

– Я ожидала сложных ритуалов и заклинаний, – призналась я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Почти дерзко.

– Сейчас в них нет нужды, – маг ухмыльнулся, чуть вздернув подбородок.

Кажется, он понял, что я болтаю, чтобы оттянуть неприятный момент, и нашел это забавным.

Стальной коготь замер над моей кожей.

– А если ты мне врешь? – спросила я. – И все, что я увижу, будет только иллюзией?

Кондор скрестил руки на груди, вздохнул и демонстративно закатил глаза, словно спрашивал у местных духов, за что ему это все. Будь его воля, он, кажется, еще бы и головой о зеркало побился.

– У меня нет причин тебе врать, – устало ответил волшебник. – Если бы я хотел задурить тебе голову, выбрал бы куда менее затратный для себя способ. Не потащился бы сюда в мороз. Не стал бы использовать сакральное пространство. И не заставлял бы никого резать руки, – холодно перечислил он и добавил почти обиженно: – Но, конечно, ты можешь мне не верить. Полностью твое право.

Направленный на меня взгляд был хмурым.

Я сжала лезвие ножа в руке и вытащила, рассекая себе ладонь быстро и глубоко, наверное, глубже, чем надеялась. Тут же стало горячо, липко и больно, алое проступило между пальцев, потекло по запястью, а я так и стояла с разведенными в стороны руками, сжимая в правой рукоять ножа.

Кондор забрал нож, не без труда разжав мои побледневшие пальцы.

Он ничего не сказал, но осторожно приобнял за плечи, подталкивая вперед. И руку мою, испачканную в крови, он тоже сам к раме приложил, накрыв своей рукой.

«Как трогательно, – успела подумать я. – Это он поддержать пытается или боится, что я сбегу?»

А потом я снова услышала звон, и мир начал меняться.

Цветные пятна уцелевших стеклышек в витражах, блики света, камень и металл, тени в углах – я видела это все, но каким-то другим, более четким, более ясным. Мое испуганное бледное лицо в зеркале показалось чужим. Мелькнула где-то под самым потолком тень, стремительная, как ласточка, и воздух вокруг застыл, замерз и замер весь, от пола до верхней точки стеклянного купола вместе со всеми пылинками, снежинками, бликами и тенями.

Мир вокруг рухнул, все пылинки, все блики, вся снежная взвесь, все полетело вниз – и я тоже рухнула туда, в глубину зеркала, уже не помня ни о боли в руке, ни о маяках, ни о том, что так и не спросила, как мне отсюда выбраться.

Мама что-то готовила на кухне.

Кухня была крошечной – три шага туда-сюда.

Часы на микроволновке показывали половину десятого.

Значит, это завтрак.

Я видела мамину спину, локти, бантик на поясе фартука, то, как двигается рука с ножом – вверх, вниз, вверх, вниз, как идет пар из-под крышек. Стол, такой же маленький, как и кухня, был накрыт на троих очень тщательно. Так делают люди, для которых важно собрать всех вместе в один момент, и не важно, каких усилий это стоит. Я знала, что будет дальше, очень хорошо знала, могла бы даже вести счет по секундам. Вот сейчас мать повернет голову – есть, крикнет что-то, не выпустив из руки ножа, – сделано, поднимет крышку, помешает, что-то поставит на стол, что-то с него уберет, что-то переложит, перепроверит – сделано. Все как по расписанию.

Я ненавидела это всю жизнь, все эти домашние ритуалы, салфетки, приборы, просьбы передать соусницу, которая вообще непонятно зачем нужна на этом крошечном столе, пустые разговоры, в которые тебя пытаются втянуть, но сейчас вдруг очень захотела туда. К салфеткам и соусницам. И даже к разговорам.

Ко всей этой игре в благополучную и дружную семью, в которой принято молчать за завтраком или говорить о погоде.

К неудобным для меня вопросам, к придиркам младшей сестры, к звукам телевизора, который за едой смотрел отец – деловые каналы, скучную и нудную болтовню об экономике.

Кстати, о сестрах.

Она появилась как обычно медленно, заполняя своим присутствием все пространство, и застыла напротив меня. Я поняла, что смотрю из зеркала на стене, над столом, оно круглое, декоративное, не слишком нужное, привезенное откуда-то из отпуска – бесполезная вещь, к тому же безвкусная и висит не на месте. И вот пригодилась, надо же.

Лицо моей младшей, очень похожее на мое собственное, было прямо перед моим лицом настолько близко, что я на секунду испугалась, а не видит ли она меня. Нет. Конечно, нет. Она смотрела на себя и только на себя, на четкие стрелки, от которых ее глаза казались хитрыми, а она сама – чуточку более взрослой.

Она налюбовалась, хмыкнула и отошла в сторону, поправляя бархатный чокер. Удивительно знакомый, надо сказать.

Она даже дома одевалась так, словно готовилась, как любила говорить, выйдя за хлебом, встретить свою судьбу.

В последние полгода эта судьба должна была воплотиться в готическом принце, и, кажется, в мое отсутствие кто-то набрался наглости и добрался до моих старых вещей на антресолях.

Не то чтобы мне было жалко, но...

Мир подернулся рябью и начал расплываться, словно кто-то кинул камень в воду, и пошли круги один за другим.

Один за другим – во все стороны от точки падения.

Все вокруг рассыпалось и собиралось заново, картинка сменяла картинку, искажались углы зрения, мелькали перед глазами цветные пятна, огни и силуэты.

Вот моя старшая сестра пишет что-то – я вижу это из зеркальца на ее столе. Тонкий кончик гелевой ручки скользит по тетрадным листам, растянутые рукава домашнего свитера прикрывают почти половину кисти, на ногтях – ошметки темного лака.

Вот моя работа и поток людей, очередь к кассе, вешалки, кто-то отбрасывает волосы за спину, кто-то улыбается и смеется – я не слышу смех, я вижу лица, жесты, запрокинутую голову, крупные серьги в ушах.

Вот моя подруга покупает кофе перед парой – я смотрю на нее из зеркала, висящего над головой бариста, вижу кошелек, цветную макушку, мех на капюшоне. Я знаю, что она не выпалась опять, я знаю, что у нее в стакане две порции эспрессо без сахара.

Вот человек, которого я любила, смотрит на себя в маленькое треснувшее зеркало над раковиной в ванной. Лампочка светит на него слева, и он чуть щурится, пытаясь пригладить непослушный вихор. Он постригся, и мне грустно от этого. Мне нравилось, что его волосы были длиннее моих. Я смотрю на его лицо и пытаюсь запомнить эти черты, словно и без того не помню их на взгляд и на ощупь: тонкий нос, прямые брови, крошечный шрамик от пирсинга на нижней губе.

Чья-то ладонь закрывает ему глаза, и он улыбается, ловит ее, кусает за пальцы...

...я исчезаю – кажется, во всех смыслах, падаю куда-то во тьму, в мельтешение снежинок, в колючую пургу, в ледяной ад.

И здесь, посреди снежного вихря, я смотрю на саму себя.

Чей-то голос зовет меня по имени очень настойчиво, у меня болит левая ладонь – я достаю ее из кармана, и на снег падают красные капли. Я отмахиваюсь от голоса и от боли в руке и пытаюсь догнать

себя. Что-то идет за мной, за той, другой мной, что-то, отчего мне – обеим нам – страшно и хочется бежать.

Снежная пелена густеет, снежинки становятся острыми, как осколки, ветер безжалостно бросает их прямо мне в лицо, царапая кожу, словно пытается меня остановить, но я упрямо иду вперед, не теряя из виду собственную тень.

Иду до тех пор, пока мир снова не начинает расплываться.

– Хватит, – сказал Кондор. – Пора возвращаться.

Я решила послушаться его и вернулась – очнувшись, хватая ртом воздух, словно только что решила испытать себя и задержать дыхание так долго, как могу.

Зеркало было все таким же сияющим и равнодушным, и ничего, кажется, не изменилось.

Только я почему-то плакала.

И еще стало темнее, самую малость, потому что там, над нами, за стеклом собирались тяжелые тучи, обещающие снегопад.

Моя кровь осталась на зеркале – красное пятно, портящее его совершенную чистоту. Я уставилась на глубокий порез, рассекающий ладонь посередине, и подумала, что из всех вещей, которые я сейчас сделала, порезать себя было самой простой задачей. Шрам, наверное, останется, но так даже интереснее.

– Не останется.

Кондор схватил меня за запястье и осторожно расправил раненую ладонь. Его пальцы прошли вдоль пореза – было щекотно и тепло. Кровь исчезала, рана затягивалась, я удивленно смотрела, как срастаются ее края, и не чувствовала ни страха, ни отвращения.

Но взгляд в итоге отвела – куда-то в сторону и вниз.

– Если честно, – сказала я, удивляясь тому, что слышу свой голос, и он даже звучит не слишком хрипло, не срывается на плаксивые

причитания, – я бы предпочла этого не делать.

– Чего не делать? – Кондор закончил с моей рукой и смахнул с нее засохшую кровь.

– Не смотреть.

– Увидела что-то не то?

Он все еще стоял близко, так близко, что если я упаду, успеет подхватить.

А на мне все еще был его сюртук. Или как оно называется?

Я кивнула, стирая ладонью слезы со щек, а потом поняла, что не могу больше играть в стойкого и смелого бойца, которому все нипочем. Я села прямо на каменную ступеньку, совсем забыв, что вокруг зима и пол холодный, и сжалась, стараясь не дышать, чтобы не разрыдаться. «Сейчас пройдет, – думала я, – всегда проходит».

К сожалению, не прошло, и я спрятала лицо в ладонях.

Когда Кондор со вздохом сел со мной рядом и слегка приобнял за плечи, я совсем перестала дышать. Это было последнее, что я сейчас ожидала.

– Мне очень жаль, – сказал он. Тепла в его голосе было не больше, чем раньше, но, кажется, он не спешил осуждать меня или напоминать, что я сама обо всем попросила. – Я не знаю, что ты видела и что именно из этого тебя расстроило, но мне очень жаль, что так получилось. – Маг как-то неловко погладил меня по голове, когда я, не выдержав, все-таки хлюпнула носом. – Ай-й, и я тоже тот еще болван, конечно!

Почему именно он болван – этого волшебник решил не говорить.

Это прозвучало как-то иначе. Не как все остальное. Растерянно. Со странной, не злой досадой на самого себя. Я, честно говоря, думала, что Кондор как следует меня встряхнет и заставит успокоиться, напомнив, что господин маг здесь не в роли моей мамочки... В общем-то, он совсем не обязан вытирать мне слезы.

Но судя по белому носовому платку, который мне протянули, когда я выпрямилась, выползая из своей раковины, именно этим он и намеревался заняться. Ну, как умел.

– С-с-спасибо, – едва не заикаясь, сказала я, сжимая платок в руке.

– Не за что, милая. – Маг снова вздохнул и попытался мне улыбнуться. – Не могу сказать, что я мастер в том, чтобы справляться с потоком женских слез, но, боюсь, именно сейчас у меня нет выбора.

– Прости, я... – начала было я, используя платок по назначению, то есть стирая им слезы, текущие по щекам и подбородку.

– За что мне тебя прощать, Мари? – совершенно искренне удивился Кондор. – Ты не сделала ничего дурного. Думаю, у тебя есть весьма понятный повод для печали. – он кривовато ухмыльнулся, отводя взгляд в сторону. – Я, признаюсь, совершенно не представляю, что с тобой сейчас делать.

– Я тоже, – сказала я. – Не знаю, что теперь с собой делать.

– Вот видишь. – Кондор улыбнулся добрее. – У нас, оказывается, общая беда. И у меня есть предложение.

– М? – всхлипнула я.

Кондор встал со ступеньки и осторожно дотронулся до моего плеча, будто пытался разбудить. Я подняла голову, щурясь на него. Больше всего сейчас хотела оказаться у себя в комнате и спрятаться под одеялом.

– Я не уверен, что моя компания может считаться хорошей, – сказал волшебник, наклонившись ко мне. – И тем более не уверен, что ты решишь поделиться своими печалью с кем бы то ни было. Но я хочу предложить тебе выпить вместе – а дальше решай сама.

– Что? – не поверила я.

– Идей лучше, чем пьянка, у меня сейчас нет. Разве что какое-нибудь заклинание. Но это тебе не понравится, гарантирую.

Кондор протянул мне руку, я почти автоматически схватилась за нее, и мне помогли встать.

– Ты сейчас серьезно? – я моргнула, глядя на него.

– Абсолютно. – Кондор кивнул без тени улыбки. – Но если ты по каким-то причинам предпочтешь побыть одна, я пойму и найду для тебя легкое успокоительное.

– Нет, я не... – Я растерянно выдохнула, заправила за ухо выбившуюся прядь волос и поняла, что, наверное, он прав. Извиниться и уйти к себе, чтобы рыдать под одеялом, я всегда успею. – Ладно, давай... попробуем.

Черная гладь обсидиана. Туман. Шаг.

И мир изменился быстрее, чем я успела уловить и осознать разницу температур.

Я стояла, пялясь на свои ладони, пока Кондор не окликнул меня.

– Прекрасно понимаю желание побыть в одиночестве, – сказал он, – но спешу напомнить, что мы договаривались о чем-то совсем другом. Держи. – Он протянул мне полотенце. – Это мои личные комнаты... и там – ванная. – Он махнул рукой куда-то в сторону. – Умойся. Это поможет прийти в себя.

Я рассеянно кивнула.

– А ты куда?

– Загляну на кухню, – усмехнулся он, отодвигая меня в сторону. – Я, знаешь ли, предпочитаю закусывать.

Я моргнула, чувствуя себя в еще большей растерянности, чем до этого, и как-то упустила момент, когда осталась одна.

Кондор не шутил. И не передумал. Его предложение все еще было в силе, и, черт возьми, меня это вдруг испугало.

Я задумчиво стянула с себя сюртук, сосредоточенно и педантично сложила его, будто бы в этом простом действии был какой-то тайный смысл, и оставила на спинке кровати. Переброшенное через плечо полотенце казалось мне тяжелым.

Вокруг была чужая территория, на которую я проникла и потому чувствовала себя крайне неловко. Я очень старалась оставить как можно меньше следов и не смотреть по сторонам, словно бы могла наткнуться на какую-то тайну, обнаружение которое грозило проклятием.

Но я все равно заметила, к примеру, темно-синее покрывало на кровати, тяжелые гардины и ту необжитую пустоту, которая бывает в роскошных номерах отеля, куда приходят только ночевать.

Я подумала, что кабинет Кондора с завалом бумаг на комод, со стопками книг и всем прочим, был куда более... теплым? Не в смысле температуры воздуха.

В ванной комнате тоже был витраж, но не с единорогом, как в моей, а с узором из листьев и цветов, похожих на цветы шиповника. Я

подставила руки под воду, сделав ее ледяной, настолько холодной, чтобы пальцы начала сводить судорога, и посмотрела в зеркало, висевшее над раковиной. Зрелище было печальным во всех смыслах.

Ну, ничего удивительного, я бы себе тоже предложила сначала умыться, а потом уже все остальное.

Холодная вода действительно помогла, я перестала чувствовать песок под веками, перестала нервно дрожать, словно вместе со следами слез вода смыла и всю ту муть, которая поднялась в душе. Отражение, взлохмаченное и бледное, с намокшими тонкими прядями, прилипшими ко лбу и щекам, смотрело на меня зеленущими от слез глазами. Я провела рукой по волосам, пытаюсь привести их в подобие порядка. Рука слегка дрожала от волнения.

Я согласилась напиться.

С едва знакомым мужиком, красивым настолько, что я боялась смотреть на него.

В другом, мать его, мире.

Я оперлась руками о раковину и рассмеялась.

Лекарство от меланхолии

В кармане толстовки обнаружилась зажигалка.

Видимо, я прихватила ее утром, когда собиралась, так, в качестве бесполезного талисмана.

Кондор не приказывал мне оставаться и ждать его на месте, поэтому я выскользнула в уже знакомый коридор и без труда нашла в нем дверь, ведущую в гостиную. Ту самую, где проснулась позапрошлой ночью.

Сидеть на этом диване оказалось куда удобнее, чем спать. Я привычным движением откинула крышку зажигалки и щелкнула колесиком – просто из желания отвлечься, потому что пачка сигарет все равно осталась в ящике в спальне. Безрезультатно. Зажигалка все еще не хотела работать. Я даже потрясла ее непонятно зачем, но это тоже ничего не дало.

Вот такой вот растерянной, с мокрыми волосами, с открытой зажигалкой в руке, меня нашел Кондор – и напугал, появившись внезапно за спиной и протянув мне красивое красное яблоко.

– Спасибо, – прохрипела я, застыв, как идиотка, с яблоком в одной руке и зажигалкой в другой.

Что делать со всем этим, почему-то не приходило мне в голову.

– Угощайся, – небрежно бросил маг, занимая одно из кресел напротив. Он сел расслабленно, закинул ногу на ногу и, подперев ладонью подбородок, посмотрел на меня. Я растерялась еще больше. – Не отравлено, – усмехнулся Кондор. – Не бойся.

Я недоверчиво посмотрела на него, попыталась улыбнуться и положила яблоко рядом с собой.

– Спасибо, пока не хочу. – И сунула руку с зажигалкой в карман. – Я оставила вещи в твоей комнате.

Он молча кивнул, разглядывая меня с каким-то исследовательским интересом от макушки до кончиков кед, с каждой минутой все больше хмурясь, словно бы что-то во мне ему не нравилось. Молчание затянулось, я сложила руки на коленях и сосредоточенно смотрела на пальцы, чтобы не столкнуться вдруг с пронзительным и въедливым взглядом желтых глаз. Ногти немного отросли, на одном мизинце чернели остатки лака – я зачем-то накрасила его накануне того дня, когда...

– Я попросил принести обед сюда. – Голос Кондора звучал на удивление приветливо. – Надеюсь, ты не против.

Я помотала головой – мне было просто все равно.

Даже если обед принесут птички и белочки, как и должно быть в сказке.

Маг устало вздохнул. Я заметила, что он встал, послышались мягкие шаги – куда-то в сторону, к какому-то из углов комнаты, левее, ближе к дверям в кабинет. Раздался звон стекла, ударившегося о стекло, это заставило меня очнуться и вернуться в мир. Мне стало немного страшно, как бывает перед лицом неизвестности, на встречу с которой ты уже согласился. В голове вдруг возникло множество «а что, если?» и сценариев дальнейших событий, и мне пришлось заставить себя успокоиться и не придумывать всякое. Получалось не слишком хорошо.

– В том, что касается выпивки, я разбираюсь в традициях вашего мира еще хуже, чем в его религии, – сказал Кондор, ставя на стол между нами два низких бокала из кусочков цветного стекла и темную непрозрачную бутылку. – И взял на себя смелость выбрать для тебя кое-что необычное. – Он ловко вытащил пробку из бутылки и посмотрел мне в глаза. – Если не понравится, придумаем что-нибудь другое.

Напиток был темно-красным и густым.

– После твоего зелья для спокойного сна, думаю, мне все понравится, – ворчливо ответила я, принимаясь.

То, что было в бокале, пахло травами и вишней. Приятно. Пряно. Незнакомо. Я поднесла это к губам и попробовала, даже глоток не сделала, так, осторожничая, и удивленно застыла.

С мерзким на вкус вчерашним зельем, конечно, не было ничего общего. И со всем, что я пробовала до этого, тоже. Вот если сделать глинтвейн с вишневым соком, добавив, кроме специй, еще какие-то травы, то вот это, наверное, напомнило бы по вкусу то, что было в моем бокале. Только оно было еще темным, густым и вязким. И холодным, почти ледяным.

– Понравилось? – Кондор сидел напротив и все так же смотрел на меня. Казалось, что его губы вот-вот растянутся в торжествующей улыбке. Я кивнула. Он самодовольно усмехнулся и поднял чуть выше руку с бокалом – цветное стекло было покрыто тонким слоем инея. – Тогда пьем.

– За культурный обмен, – сказала я и опрокинула содержимое бокала в себя.

Он не протестовал.

– Этот напиток называется «Лесная кровь», – сказал Кондор, заново наполняя наши бокалы. Когда он дотронулся до одного из них, чтобы протянуть мне, от его пальцев по стеклу разошлись тонкие линии морозного узора. – Держи. Его делают в Каэрии... в одном из ее северных княжеств. Эльфы, – многозначительно протянул маг, словно именно это вот «эльфы» все и объясняло, и задумчиво посмотрел в свой бокал. – У нас много раз пытались повторить, но всегда получалось что-то не то.

Я сидела как на иголках, цепляясь рукой за собственное колено, и очень надеялась, что волшебник этого не замечает. Бокал в руке слегка дрожал и клацнул о зубы, когда я попыталась сделать глоток. Это меня выдало.

– Не трясись так.

Кондор расслабленно откинулся на спинку кресла. Его голос прозвучал ровно и почти холодно, но мне почему-то казалось, что и за этой холодностью, и за ленивой позой скрывалось что-то, что он сдерживал. Слишком уж подчеркнутым было его спокойствие.

– Пей. – Маг кивнул на все еще полный бокал в моей руке, и я послушалась. – Я не собираюсь ни есть тебя, ни превращать в жабу, ни проделывать с тобой еще что-то из тех вещей, которые ты успела себе напридумывать, милая. – Теперь в его голосе прорезалось ехидство. – Хотя насчет жабы я подумаю... Если вдруг проблем от тебя станет слишком много, и носить тебя в кармане будет лучшим их решением. Вот, так лучше.

Он, кажется, заметил мою попытку улыбнуться и приподнял свой бокал.

Но ничего больше не сказал.

То ли не знал, о чем со мной разговаривать, то ли боялся задавать вопросы, то ли ждал, что я сама буду делать. Так или иначе, когда молчание стало невыносимо тяжелым, я, поежившись, решила, что мне неудобно.

– Я думала, что я... раздражаю тебя, – призналась я.

Не иначе как это их эльфово зелье в голову ударило.

Кондор наклонил голову набок, показывая, что внимательно меня слушает.

Я продолжила уже смелее:

– Ты не отличался приветливостью в нашу первую встречу. И потом тоже.

Он криво улыбнулся, левый кончик губ дернулся вверх, и лицо сразу стало высокомерным.

– У меня были причины для раздражения, – сказал он. – Сожалею, если оно так бросилось в глаза. – Кондор приложил правую ладонь к груди и слегка наклонил голову, как в библиотеке, когда извинялся за то, что ввалился ко мне в ванную комнату. – Принято считать, что волшебники вообще не отличаются добрым нравом, а я – не последний волшебник в этом мире, и мне нужно как-то поддерживать репутацию.

Он шутил, и я поддержала шутку:

– Девичьи сердца небось поедает?

– И печенью закусываю, – хищно оскалился Кондор. – Как полагается большой злобной птице. Нет, лично ты меня раздражаешь не больше, чем любой другой человек, – добавил он уже серьезнее и попытался забрать бокал, который я прикрыла ладонью, намекая, что мне пока хватит. – Э, не-ет, милая. Я позвал тебя с весьма конкретной целью и намереваюсь дойти до конца.

Он недовольно нахмурился и попытался посмотреть мне в глаза, и теперь уже мои губы дернулись в пародии на улыбку.

Ладонь с бокала я не убрала.

– Мне пока хватит. Иначе цели мы достигнем слишком быстро, – сказала я как можно тверже и спрятала руку в карман – к зажигалке.

– М-м-м... – Он понимающе кивнул. – Тогда вернемся к вопросу моей неприветливости. – Он сделал глоток. – Дай мне то, что у тебя в кармане.

– Что? – не сразу поняла я.

– То, что ты так судорожно сжимаешь в руке, милая. – Кондор протянул раскрытую ладонь в мою сторону. – Кажется, там что-то сломалось, и в этом есть немного моей вины.

Я растерянно достала зажигалку и протянула ее магу.

– Не понимаю, что случилось, – сказала я, не зная, подсказать ему, как оно работает, или нет. – Может, намокла и еще не просохла, может, что-то с кремнем, может... Ты... Как?!

Кондор торжествующе хмыкнул. Он не только сообразил, как высечь пламя, он что-то сделал и сейчас демонстрировал мне ярко-синий огонек.

Крышка щелкнула, закрываясь.

– Будем считать это попыткой купить твое доверие, – сказал маг, возвращая мне зажигалку. – Попробуй сама.

Я попробовала, нажала пальцем на колесо и высекла пламя. Оно было другим – не обычным газовым огоньком, бледно-голубым у основания, а таким же насыщенно-синим, как цветок, созданный из магии, и птица, слетевшая с руки Кондора в ту ночь, когда мы встретились.

Птица рассыпалась на множество мелких искорок, когда ударилась о стекло витража.

Я зачарованно смотрела на точно такие же искры, вырывающиеся из моей зажигалки, и хотела уже поднести к огню палец, чтобы проверить, но меня остановили:

– Оно обожжет тебя так же, как обычное пламя, – спокойно сказал Кондор. Я бросила в его сторону короткий взгляд – маг наблюдал за мной, мирно улыбаясь. – Так что лучше не трогай. Хватит надолго, – пообещал он, наклоня бутылку с «Лесной кровью» над моим бокалом. – А теперь пей. И не бойся меня. Ничего дурного я тебе не сделаю, – добавил он с такой усмешкой, словно знал, о чем я успела подумать и чего успела испугаться. – Пусть чародеи и отличаются зловредным коварством, но у некоторых из нас все-таки бывают определенные понятия о чести. Вот я как раз отношусь к таким «некоторым».

– Я это запомню, – пообещала я и потянулась к яблоку, решив, что настало его время.

Раздался предупредительный стук в дверь, и служанка, настоящая живая служанка, не призрак и не чудовище, зашла в комнату, неся перед собой поднос. Она поставила его на стол между нами, сняла с блюд крышки и салфетки и застыла рядом, старательно глядя в пол и держа руки перед собой. Все это она проделала молча, и от этого молчания было очень неудобно. Мне бросилось в глаза, как девушка едва заметно следила за магом, как вздрогнула, когда он случайно подался в ее сторону, как были сжаты ее бледные губы и слегка дрожали пальцы.

– Можешь идти, – кивнул ей Кондор и указал на стол. – Вечером пусть кто-то из вас заберет все это.

Девушка, не поднимая глаз, сделала книксен и исчезла за дверью так быстро, что у меня не осталось никаких сомнений в том, что она ужасно боялась.

И это тоже делало ее живой и настоящей.

Я медленно, с чувством выдохнула и поняла, что страшно проголодалась.

На лице Кондора было написано его отношение к случившемуся. Он устало хмурился и смотрел куда-то в сторону.

– Что? – спросила я, наклоняясь, чтобы расшнуровать кеды. Очень хотелось забраться на диван с ногами. – Ее ты тоже обещал в жабу превратить?

Волшебник дернул плечом, словно стряхнул с него что-то неприятное.

– Думаю, она боится меня по другой причине, – сказал он и усмехнулся совсем не весело. – Но заячью лапку в кармане все-таки носит.

– Заячья лапка? – переспросила я.

– Поможет от фэйри, – с улыбкой ответил Кондор и, кажется, тоже наконец решил, что проголодался. – От чар коварного волшебника, боюсь, не убережет.

Он склонил голову набок, наблюдая, как я рассматриваю содержимое тарелок.

– Не стесняйся, милая, – сказал маг. – Одним яблоком ты не наешься.

Он проследил за тем, как я покорно взяла в руки тарелку с мясным рагу и, вооружившись вилкой, села на диване, скрестив ноги.

То ли «Лесная кровь» подействовала на меня благотворно, и я расслабилась, то ли свою роль сыграла чародейская харизма, но в какой-то момент я поняла, что строгий и резкий маг, которого я побаивалась, не зная, что от него ожидать, превратился в обаятельного парня. Я наблюдала, как меняется выражение его лица, как он лениво тянется за куском хлеба, как устраивается в кресле так, чтобы было удобно есть, держа тарелку на весу. Мой взгляд скользнул по яблоку, лежащему на краю стола, и я вдруг подумала, что это такое своеобразное проявление заботы.

Обо мне.

Совсем не то, чего ожидаешь от незнакомца, волей судьбы обязанного тебе помогать.

Наверное, именно в этот момент стена, за которой я хотела прятаться, разрушилась.

– Расскажи о себе, – попросила я.

Кондор замер, даже вилку до рта не донес, и посмотрел на меня, удивленно вскинув брови. Кажется, к такому повороту событий он был не готов.

– Мне правда интересно.

Я вытерла губы тканевой салфеткой, одной из тех, которые принесла служанка, и, окончательно осмелев, налила в свой бокал еще одну порцию... будем считать, что ликера.

– Любопытство – это похвально, – сказал Кондор, опуская вилку. – Но мне как настоящему волшебнику, живущему в зачарованном замке, полагается до конца сохранять тайнственность и держать некоторые факты своей биографии подальше от попавших в мои руки девиц. – Он подмигнул. – Предлагаю обмен. Ты рассказываешь о себе, а я отвечаю на твой вопрос об этом мире... и, хорошо, о себе как о его части.

– А Замок правда зачарован? – в тон ему переспросила я.

– Да, – кивнул Кондор с серьезным видом. – Как минимум, и тебе должны были рассказать про это, к Замку нельзя просто так выйти. Попасть сюда через портал без моего разрешения тоже не получится. Здесь очень глубокие подвалы, и видят боги, в некоторые углы я предпочитаю не заглядывать. Так что вполне себе зачарованный замок. Еще и в чаще. А если еще и сплетни послушать, о-о-о... – Он мечтательно посмотрел на потолок. – Я сам себя бояться начинаю.

Я улыбнулась и отпила глоток «Лесной крови».

– Почему ты предпочитаешь не заглядывать в некоторые углы?

– Это второй вопрос, Мари. – Он подался чуть назад, откидываясь на спинку кресла. – С твоего позволения, я бы послушал, что расскажешь ты. Иначе рискую остаться без горячего обеда.

– Ладно. О чем?

Он снова замер с поднятой вилкой.

– Можешь пожаловаться на жизнь. – Кондор чуть заметно пожал плечами. – Или удиви меня.

Я поджала губы. Нужно придумать что-то достаточно интересное, чтобы он не смог придаться, но при этом достаточно невинное... чтобы лишних вопросов не последовало. Обсуждать некоторые темы, вроде той, что касалась увиденного сегодня в зеркале, мне не хотелось. По крайней мере, сейчас. По крайней мере, с этим человеком.

Или не человеком?

Бросив вороватый взгляд в сторону мага, все внимание которого было сосредоточено на обеде, я поставила бокал на диван перед собой и вытерла ладони о колени, справляясь с волнением.

– У меня две... – Я кашлянула. – Две сестры. Одна старше, вторая младше.

– Отлично, – кивнул Кондор. – У меня одна. Младшая.

– Это считается за ответ? – на всякий случай переспросила я.

– Считай скидкой, – ответил он, не поднимая взгляда от тарелки с рагу. – Продолжай, я слушаю.

Я снова поджала губы, слегка прикусив нижнюю. Кондор сбил меня с мысли.

– В общем, моя старшая сестра очень умная, а младшая – красивая, – продолжила я, чувствуя, как мне снова становится неловко.

– А ты средняя, ни то, ни другое? – с ехидцей спросил Кондор, и я вспыхнула, потому что эта фраза ударила в самое больное.

Вот и верь потом, что те вспышки раздражительности, которые я наблюдала во время нашей первой встречи, были случайностью, а не закономерностью.

– Что, я прав? – Маг посмотрел на меня. – Прости, если задел.

Извинился он, впрочем, вполне искренне.

– Ты прав, – сказала я, решив, что прощать пока не буду. – Не то чтобы меня не любили дома, у меня хорошие родители...

– Но?

– Но свободы очень хотелось. – Я задумалась, хочу ли говорить еще что-то, и решила, что не хочу. Тем более, кажется, была моя очередь задавать вопросы. – Почему ты не заглядываешь в некоторые углы?

Кондор наклонил голову чуть вперед и усмехнулся.

– Хитра-я, – протянул он. – Потому что Замку очень много лет. Больше, чем мне. Больше, чем любому городу, до которого отсюда можно добраться. Его фундамент построен в такие времена, от

которых остались только камни и немного легенд, поэтому я боюсь подумать, что может там обитать. – Он поставил пустую тарелку на стол и наполнил свой бокал. – Мне бы не хотелось тебя пугать, но реалии нашего мира таковы, что люди делят его не только с эльфами, но и с существами более волшебными и менее понятными. Вполне возможно, ты никогда с ними не столкнешься или, столкнувшись, не распознаешь в них нелюдей, но я, увы, сталкивался. Некоторые из них мирные и даже забавные, а вот в дела других лучше не лезть. Поэтому я стараюсь не соваться туда, где такие вот другие, как мне кажется, могут заниматься своими делами. – Его рука приподняла бокал. – Достаточно? Или хочешь подробностей?

Я покачала головой, переваривая сказанное.

– Тогда я хочу узнать, о какой свободе ты говорила.

Теперь я помедлила, прежде чем отвечать.

– Если бы не... вы все и ваши боги, – сказала я, – то через пару лет я бы закончила обучение и нашла работу. Только и всего. Но это дало бы мне какую-то свободу в жизни. Независимость там, все такое.

– А замужество? – спросил Кондор, и я не сразу поняла, что мне только что задали внеочередной вопрос.

– С ума сошел? – фыркнула я. – Мне двадцать, какое замужество?! – Он промолчал, едва заметно улыбаясь, и меня осенило. – А у вас иначе, да? Патриархат, все такое, дети, кухня, церковь, и в моем возрасте в вашем мире я бы уже третьего ждала, да?

Я скривилась и отхлебнула еще, словно этот жест и то, как небрежно я поднесла бокал к губам, были чем-то вроде протеста.

Кондор, не переставая улыбаться, помотал головой, и я поняла, что, похоже, мне засчитали ход.

– Не совсем так, – спокойно сказал Кондор. – К сожалению, не все женщины имеют свободу выбора, и не все двери открыты для них, но наше общество часто принимает незамужних женщин, сделавших выбор в пользу карьеры. Это зависело бы от семьи, в которой ты бы родилась.

– Твоя сестра не замужем?

– Умница, – хмыкнул он. – Именно что нет. Но у нее особые обстоятельства.

– М?

Я допила все, что у меня было, и протянула бокал, намекая, что хочу еще.

– Если ты не против, я бы не хотел касаться этой темы, – все с той же спокойной улыбкой ответил маг.

Я смиренно кивнула.

Кондор демонстративно перевернул бутылку: ликера, оставшегося в ней, хватило чуть меньше, чем на одну порцию. Последнюю. На лице Кондора отразилось глубокое сожаление – несомненно, искреннее.

– Придется придумать что-нибудь еще, – сказал он и поставил бутылку на пол.

– Непременно, – согласилась я.

– Мой вопрос про замужество был весьма закономерным, – продолжил Кондор. – Прости меня за бестактность и можешь не отвечать, но... У тебя был там кто-то... особенный?

Я нервно рассмеялась, едва не расплескав на себя содержимое бокала.

– Особенный – да, но не жених, – сказала я. – Мы... встречались. Нет, ладно. – Я махнула рукой. – С вашей точки зрения это может быть аморально...

– Ничуть.

– Да ладно, серьезно?!

– С точки зрения кого-то другого – да, возможно, это не то поведение, которое красит девицу. Я менее принципиален в вопросах морали там, где мое мнение не спрашивали. – Он подался чуть вперед и вцепился в меня взглядом. – Итак, не жених?

Я замотала головой и поднесла бокал к губам, прячась за ним.

– Но у вас были какие-то обязательства друг перед другом?

Я кивнула и развела руками.

– Были, но что с того...

– Кто-то из вас их нарушил?

С каждой фразой голос волшебника становился все более вкрадчивым, и мне казалось, что меня видят насквозь.

Ах ты, зараза настырная.

– Тебе не кажется, что мне уже нет смысла беспокоиться об этом? – резко ответила я, подумав, а не видел ли чертов колдун все то же, что видела я. – Я не в другую страну уехала на неделю. Поэтому закрыли тему.

Кондор примирительно развел руками в стороны, показав пустые ладони, мол, он понял, принял и сделал выводы.

Одна из небольших подушек, все еще лежащих на диване, оказалась весьма кстати, я вцепилась в нее, обняла, как мягкую игрушку, и уткнулась подбородком.

– Проехали, – сказала я.

Кондор кивнул и одним глотком допил все, что было в его бокале.

– Если захочешь поговорить, – сказал он, – я к твоим услугам. Правда, я не слишком талантлив в том, чтобы утешать и давать советы в таких ситуациях, но... – Он снова достал из воздуха платок и протянул его мне – только в этот момент я поняла, что начала плакать. – Но обещаю внимательно выслушать.

«Было бы куда как лучше, если бы он не вспоминал об этом вообще», – подумала я, но платок взяла.

– Я учту.

– Вот и хорошо. – Кондор ласково улыбнулся, словно так и не понял, что ничего хорошего на самом деле не было. – Я спрашивал не из праздного любопытства. Мне нужно знать, насколько крепкими были твои связи с домом. Больше я не буду возвращаться к этой теме, если ты сама не захочешь.

Не дождавшись ответа, он молча встал и подошел к тому шкафу, из которого в самом начале доставал бутылку с «Лесной кровью», и распахнул стеклянные дверцы. Я вытянулась, наблюдая из-за спинки дивана. Увидела, правда, немного.

– Вон та синяя, – сказала я, сама удивляясь своему нахальству.

– Эта? – Кондор показал пальцем на красивую бутылку из стекла какого-то умопомрачительного василькового оттенка. – Ты уверена? – уточнил он с ехидцей.

– Более чем.

– Зато я не уверен, – фыркнул Кондор в ответ. Его рука переместилась в сторону и замерла, словно маг не знал, что выбрать. – Джин? – вдруг спросил он. – Или что-то сладкое?

– Джин, – уверенно ответила я. – Не знала, что он у вас есть.

– Вот и проверишь, насколько это похоже на то, что у вас называют джином.

Прежде, чем мы продолжили, Кондор педантично сложил все пустые тарелки на поднос, поставив их одна на другую. Из своего угла

я наблюдала, как маг провел ладонью над бокалами, как стекло сначала запотело, а потом так же быстро высохло.

Удобно.

– А почему с тарелками не так? – спросила я.

– Не хочу лишать слуг их работы. – Кондор, не глядя на меня, налил в бокалы джин. На бутылке не было этикетки, только тонкий узор гравировки. – И это было бы... чуть сложнее. Садись ближе. – Он протянул мою порцию. – Или опять боишься, что я тебя сожру?

– Ха! – я переползла ближе.

Рука дернулась, когда я попыталась взять бокал, и джин едва не пролился. Знакомый и любимый запах можжевельника перебивало что-то другое, резкое и тяжелое, поэтому я с сомнением хмыкнула и только потом сделала глоток.

И хорошо, что этот глоток был небольшим.

Кондор, кажется, заметил все, что отразилось у меня на лице, и смотрел со смесью жалости и любопытства.

– Не то? – с легкой иронией спросил он.

– Не то, – ответила я. – Но пить можно.

И выпила. Правда, не все.

Он рассмеялся.

– Откуда у тебя все это?

Я протянула руку к бутылке, схватила за нее и подвинула ближе, чтобы рассмотреть со всех сторон.

– Держу на случай, если нужно лечить кому-то разбитое сердце или больное горло. – Кондор посмотрел куда-то в сторону, вроде как в окно, за которым снова повалил снег. Сумерки еще не начинались. – А если серьезно... Что-то дарят. Что-то привожу сам, потому что интересно. У взрослых богатых мальчиков свои игрушки, – усмехнулся он. – Иногда они, как видишь, бывают полезными.

Я отвлеклась от разглядывания узора из веточек можжевельника и колосьев, который оплетал бутылку этого их джина, и подняла взгляд на собеседника, но прежде, чем спросить, пересилила себя и сделала еще один глоток.

– А ты из богатых мальчиков?

Мне показалось, что его улыбка стала почти хищной. Он откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову.

– По праву рождения.

Это прозвучало очень самодовольно, как мне показалось.

– И поэтому у тебя вместо длинного пафосного имени из пяти частей птичье прозвище, да? – фыркнула я, снова закрываясь бокалом. Кондор остался таким же спокойным. Видимо, самолюбие взрослых богатых мальчиков в этом мире было куда более прочным, чем во всяких дурацких книжках. – А если серьезно, то почему так?

– Это... довольно долгая история.

Он задумчиво поднял бокал так, чтобы посмотреть через него в окно.

– Расскажи! – Я подалась чуть вперед, пытаюсь намекнуть, что мне правда интересно. – Ты же сам сказал, что не знаешь, о чем со мной говорить.

Маг покосился на меня с таким видом, словно разглядывание цветного стекла на просвет было куда интереснее, чем моя персона, и вроде как собирался что-то ответить, но не успел. Раздался стук в дверь, и она распахнулась быстрее, чем кто-то из нас поинтересовался, кого это принесло.

– Птица, а ты не ви... дел... – Ренар влетел в комнату, сходу задавая вопрос, и так и застыл, заметив меня. Я отсалютовала ему бокалом. – Ага. Вопрос снят.

Он начал обходить нас по кругу напряженно и осторожно, будто увиденное было для него даже не удивительным, а чем-то совсем из ряда вон выходящим.

– Присоединяйся, – небрежно сказал Кондор.

Позы он не поменял.

– Подожди, подожди. Я сначала в это поверю. – Ренар замер за моей спиной и, кажется, сделал глубокий вдох. – Что случилось?

Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на него, пусть и снизу вверх.

– Ничего, – с улыбкой сказала я. – Господин маг собирался рассказать мне, откуда у него такое замеча-а-ательное имя.

– Кондор, она же пьяна в...

– Еще нет. – Кажется, маг ухмыльнулся. – Но скоро будет.

– Нет, ты серьезно? – Ренар каким-то слишком быстрым и ловким движением забрал у меня бокал, принюхался, не поверил – и сделал глоток. – Провалиться мне на месте! Не ожидал, что ты предложишь леди джин!

– Не-не-не... – попыталась возмутиться я.

Сидеть с запрокинутой головой, оказывается, было очень удобно!

– Она его сама выбрала, – так же спокойно ответил Кондор. – И, как видишь...

Он не продолжил фразу, просто указал рукой на меня.

Ренар сел рядом. Пустой уже бокал он все еще держал в руке и смотрел на него рассеянно, словно не понимал, что происходит.

Я молчала, глупо улыбаясь и просто не зная, что сказать.

Кондор тоже молчал. Мне показалось, что он чего-то ждал, но не торопил события, просто наблюдая за тем, что происходит вокруг.

– Ладно, – выдохнул Ренар. – Я охотно верю, что ты устроил пьянку в середине дня не без весомой причины. Я верю, что леди вдруг решила попробовать этот горлодер и сделала это добровольно. – Он с улыбкой протянул мне бокал, в который успел плеснуть еще джина. – Я даже готов простить тебе, что вы пили «Лесную кровь» без меня. Но мне все-таки интересно...

– Если леди посчитает нужным рассказать о причинах, она расскажет, – спокойно ответил Кондор, кивая мне. Я замотала головой, потому что говорить о причинах все еще не было никакого желания. – В таком случае, друг мой, предлагаю считать, что я старательно улучшаю самочувствие гостей доступными и подходящими методами.

Ренар фыркнул, забрал бутылку джина и, откинувшись на спинку дивана, сделал глоток прямо из горла. С его лица все еще не сходило выражение крайнего удивления.

Я посмотрела на бокал в своей руке и тоже выпила. Зачем-то залпом.

– Улучшать самочувствие леди с помощью джина, мой друг, – язвительно сказал Ренар, ставя бутылку обратно, – очень плохая идея, а ты вроде бы уже не глупый юнец, чтобы это не понимать.

Кондор снова развел руками, делая вид, что чувствует себя виноватым.

А через минуту Ренар протягивал мне уже что-то другое – в другом бокале:

– Расслабься и пей, милая. Теперь ты в надежных руках.

Он с улыбкой искусителя проследил за тем, как я поднесла бокал к губам и сделала первый глоток терпкого, обжигающе пряного бальзама. Кажется, по выражению лица было понятно, что мне

понравилось, поэтому Ренар улыбнулся еще шире, словно самолично эту штуку сделал или, как минимум, знатно повлиял на рецептуру.

– Вот, так лучше, – сказал он. – А если что-то тебя беспокоит, я с радостью предоставлю свое плечо. Только намекни, – и с видом заговорщика подмигнул.

Через какое-то время мир вокруг опять начал едва заметно меняться, но уже совсем не в том смысле, в котором он менялся пару часов назад.

Или сколько там прошло?

Стало слегка теплее, голова отяжелела, и голоса моих собеседников звучали приглушенно, будто издалека. Даже если обращались они ко мне напрямую.

– Значит, ты побывала у Зеркала... – сказал Ренар, двигаясь ко мне чуть ближе. – И как тебе наш восхитительный храм?

Я моргнула, не расслышав иронию в его голосе.

– На месте ваших богов я бы послала на вас десять казней... каких-нибудь...

Ренар рассмеялся:

– Да, в других вопросах боги куда менее милосердны...

– Как там город? – спросил Кондор, качая бокал в руке.

Ренар с неудовольствием отвлекся от меня, пожал плечами, буркнул что-то вроде «а что ему сделается?» и пустился в ленивый рассказ с перечислением незнакомых мне имен и названий. Когда я поняла, что запуталась, то тихонько встала с дивана, чуть пошатываясь, и осторожно, чувствуя, как мир вокруг уже начал слегка вращаться, подошла к шкафу с бухлом. Рассмотреть получше. Мои собеседники то ли не заметили ничего, то ли сделали вид, что не заметили, молчанием дав мне разрешение перемещаться по комнате.

За стеклом шкафа стояли бутылки разных форм и размеров: небольшие, похожие на старые пузырьки с лекарствами, темные, прозрачные, глиняные, красивые и словно бы сделанные из кусочков цветного стекла. На парочке были этикетки, квадраты чуть потертой желтоватой бумаги с чернильными надписями или штампами. Я была слишком пьяна, чтобы их прочесть. Та красивая синяя бутылка, которая привлекла мое внимание, стояла в самом углу на виду, но так, что ее загораживали штуки поменьше. На одной из полок лежала пара блестящих кристаллов. Я отпила из бокала, моргнула и вернулась к

дивану, встала за Ренаром, положив согнутые руки на спинку рядом с его головой.

– И все-таки, – спросила я. – А что в синей бутылке такого, что ты не... не уверен?

Они оба замолчали так резко, что я чуть не испугалась – вдруг прервала беседу на каком-то очень, очень важном моменте, и мне сейчас попадет? Но нет. Кондор посмотрел на меня и улыбнулся почти обезоруживающе:

– Кое-что слишком крепкое для тебя, Мари.

Ой.

Ренар рассмеялся и похлопал ладонью по дивану:

– Иди к нам, милая. Не стой босиком.

Только тут до меня дошло, что ногам действительно прохладно – кеды-то я сняла. Я снова ойкнула и вернулась на диван, села, поджав ноги, моргнула еще раз и попыталась вспомнить, что еще хотела спросить. Смеющийся Ренар забрал у меня бокал и, потянувшись вперед, сцапал ту самую подушку, которую я обнимала. Положил ее рядом с собой так, чтобы она закрывала его бедро, и, подмигнув мне, предложил прилечь.

Через какое-то время я приняла его предложение.

Кажется, тогда в ход пошла уже третья бутылка – в ней было что-то похожее на виски, и хватило всего пары глотков, чтобы понять: мне хватит. Потолок со всеми его узорами начал вращаться, и я замерла, свернувшись на диване.

– Что, все? – рассмеялся Ренар, убирая прядь волос мне за ухо – он сделал это так мягко, что я даже не дернулась и не нашла сил возмутиться. – Кстати, ты соврала мне, Алиса. Или все-таки не Алиса?

Я пробормотала что-то в ответ и спрятала покрасневшее лицо в подушку.

В этот момент почему-то стало ужасно стыдно – и за вранье насчет имени, и за то, что позволила себя напоить. За то, что молчала, не в состоянии связать двух слов, за то, что мне вдруг понравилась тяжесть чужой руки у меня на шее и то, как чужие пальцы осторожно перебирают мои волосы. Стыдно, но как-то странно уютно.

Честно, я не помню, как отключилась.

Когда проснулась, мне показалось, что в голову куда-то в районе затылка вбили гвоздь – тот самый, который держал тесный железный обруч, сжимающий череп. Было жарко и темно, на мне лежала чья-то тяжелая рука, и чужое дыхание щекотало шею.

Я зажмурилась, осторожно выползая из-под пледа и из неожиданных объятий спящего Ренара, чтобы спокойно сесть на кровати и, подперев голову рукой, вспомнить, что было, и понять, что делать.

В голове, кроме жуткой боли, остались обрывки разговоров, какие-то истории, смех, служанка, кажется, другая, которая зашла забрать поднос с тарелками, синяя бутылка, о содержимом которой мне так ничего и не рассказали, что-то про некоего Герхарда из Йарны, про Солнцестояние, про какого-то Дара и еще кого-то. Про то, что Кондор как-то подозрительно трезв, поэтому я непременно должна выпить с ним еще. А потом еще. А потом я цепляюсь за чей-то рукав, потому что мне сложно держаться вертикально. Меня, кажется, укладывают спать, и я не помню кто.

Сейчас я проснулась.

Одежда оставила на коже полосы и рубцы, щеки горели, страшно хотелось пить. И умыться. Я попыталась зажечь светильники, но, видимо, спросонья не рассчитала яркость, поэтому зашипела, сощурившись от слишком бьющего по глазам света, и до ванны пробиралась в темноте, по памяти, шарахнувшись от своей тени в поверхности еще одного большого зеркала на стене.

Полотенце висело там же, где я его оставила.

Смотреть на себя в зеркало над раковиной я не решилась.

Когда вернулась, Ренар еще не проснулся. В темноте я нашла кеды, кое-как обулась, не завязывая шнурки, а просто запихнув их под язычок, и осторожно, стараясь не шуметь и не дергаться, потому что каждое резкое движение вызывало новую волну боли, выскользнула из спальни Кондора. Мне нужен был он сам.

В конце концов, если у него есть успокоительное и снотворное, должно же быть еще что-то от головной боли?

Хотя на самом деле, наверное, мне хотелось одновременно сказать спасибо, извиниться за неудобства и попросить отвести меня в мою комнату. Просто для этого нужен был правильный предлог.

Гостиная пустовала, все следы пьянки исчезли. Дверь, ведущая в кабинет из коридора, была приоткрыта, я видела, что за ней горит свет, и, подойдя ближе, уже готовясь постучаться, услышала голоса. Точнее – голос, потому что реплики Кондора я различала достаточно хорошо, а вот ответы ему звучали глухо, и в первый момент мне показалось, что маг говорит сам с собой.

– ...Я вроде бы еще имею какое-то право принимать решения, – сказал он язвительно и, выждав короткую паузу, добавил не менее ядовито: – Несомненно. Но я прекрасно знаю, что делаю и зачем. Не думал, что давал так много поводов сомневаться в разумности моих действий.

Он замолчал. В тишине я слышала какие-то шорохи и словно бы шепот, еле заметный, похожий на шипение или свист. Стало немного страшно, и голова заболела с удвоенной силой. Я уверенно потянулась к дверной ручке и занесла кулак, чтобы как-то обозначить свое присутствие, но не успела, так и застыла, не коснувшись металла рукой.

– Хватит злиться, – устало сказал Кондор. Послышались шаги. – Я, в отличие от некоторых, детей не ем.

Я снова услышала шепот и свист, вздрогнула и подалась вперед, потянула дверную ручку на себя. Где-то в глубине души я надеялась, что все это выглядит естественно, и я ничем не выдам того, что случайно подслушала пару реплик.

Маг сидел на полу напротив зеркала. Сидел он, по-восточному скрестив ноги, и смотрел куда-то перед собой. Стоило войти, как он вскинулся, сощурившись на меня, будто вдруг стал хуже видеть, но тут же улыбнулся, стерев с лица какое-то настороженно-злое выражение, и махнул мне рукой, подзывая ближе. Я осторожно прошла вперед, пытаюсь найти того, с кем он говорил, но в комнате не было никого, кроме нас – и наших отражений в зеркале. Мне показалось, что с той стороны стекла мелькнула тень, но я списала это на разыгравшееся воображение.

– Я собирался идти будить тебя, – тихо сказал Кондор, поднимаясь с пола и подходя ко мне на расстояние вытянутой руки.

– Ренар еще спит, – ответила я, думая, как бы намекнуть про похмелье. – Как он вообще там оказался? Я не...

– Собирался охранять сны прекрасной леди, – ответил маг, рассматривая меня сверху вниз очень внимательно. – Ты к тому моменту уже мало что понимала. Позволишь? – Он протянул руку к моей голове. В первый миг я отпрянула, непонимающе моргая, и тут же поморщилась от боли. – Не дергайся так, – фыркнул Кондор. Его пальцы дотронулись до моего виска, очень холодные, почти ледяные. Обруч, давящий на голову, вдруг ослаб. – Сейчас все пройдет.

– Собственно, я за этим и шла, – пробурчала я, едва не улыбнувшись.

В ответ раздался глухой смешок.

– Так точно лучше, милая. Можешь не благодарить. Похмелье – это то еще удовольствие. – Кондор совершенно точно улыбался, я могла бы поспорить, хотя стояла с закрытыми глазами, боясь, что если пошевелю хотя бы веками, если неловко дернусь или слишком глубоко вздохну – магия исчезнет. – А ты сегодня, кажется, решила перепробовать все, что горит. Полегчало?

– Угу, – ответила я, все еще не открывая глаза.

– Вот и хорошо. – Он отошел в сторону, и тут же раздался плеск воды и звук, похожий на шипение. – Держи.

Кондор протянул мне кубок из металла.

– Что это? – я скептически приняухалась.

Вроде как вода. Моя жажда все еще никуда не делась.

– Вода кое с чем еще, – улыбнулся маг. – Пей, не бойся. Там пара капель зелья, которое уберет все последствия неумеренности.

Я хмыкнула и осушила стакан с такой жадностью, словно только что вышла из пустыни. Кондор спокойно ждал и, когда я попросила еще, просто кивнул в сторону металлического кувшина, стоящего на столе. Наплевав на приличия, я сделала несколько глотков прямо из кувшина и вытерла рот тыльной стороной ладони. Потом уставилась на Кондора, ожидая, что будет дальше.

– Если ты закончила, пойдем. – Кондор осторожно взял меня за руку и потянул за собой. – Отведу тебя к тебе. Давай, Мари,

пошевеливайся. Мне нужно еще выпроводить из своей комнаты этого рыжего нахала.

Он вывел меня через зеркало прямо в мою спальню, освещенную тусклым светом двух кристаллов, висящих на стенах. В камине пылал огонь, пахло нагретым деревом и словно бы яблоками, на кровати стоял поднос с парой накрытых тканью тарелок. Я обернулась и увидела в зеркальном стекле только отражения комнаты и нас двоих. Кабинета за ним уже не было. Я невидяще смотрела на растрепанную и заспанную себя и пыталась вспомнить, исчезало ли стекло в прошлый раз, или мы проходили прямо через него. Не знаю, почему это показалось мне важным.

– Сильвия оставила тебе хлеб и мясо, – раздался спокойный голос Кондора. Маг зачем-то подошел к окнам и, отодвинув в сторону портьеру, посмотрел в зимнюю тьму. – Если хочешь что-то более существенное, могу проводить тебя до кухни, но, боюсь, сейчас почти все спят.

– Не-ет, я, наверное, тоже спать, – ответила я.

Одна мысль о сне вызывала желание зевнуть.

– Хорошее решение, – кивнул Кондор, подходя ближе. Он коротко коснулся меня взглядом и моментально сощурился, а потом стремительно осмотрелся, будто что-то искал или проверял, все ли в порядке. Камин. Углы. Двери. Шкаф. – Понимаю, что не время для подобных вопросов, но я, кажется, забыл поинтересоваться, насколько тебе понравились твои покои.

Я пожала плечами.

– Не жалуюсь.

– Да? Замечательно. – Он кивнул, рассматривая покрывало. А потом резко выдохнул, словно готовился нырнуть или шагнуть в неизвестность: – Не прими за бестактность. Я очень надеюсь, что смог немного помочь сегодня.

Я наконец посмотрела прямо ему в глаза. Очень хотелось держать что-то в руках, чтобы не прятать их за спину или не натягивать на них рукава.

– Ты помог, – сказала я твердо. – По крайней мере, я не знаю, что тут еще можно было сделать. Будем считать это установлением контакта, – добавила я, усмехаясь.

– Значит, мы наладили дипломатические связи, – ответил он, приложив руку к груди и чуть наклонив голову. Видимо, действительно знак чего-то вроде почтения или благодарности. Надо запомнить. – Спасибо за приятную компанию.

– Серьезно?

Я скрестила руки на груди и скептически нахмурилась. Тоже мне, приятная компания – молчаливо внимающее бревно, под конец еще более молчаливое и еще более бревно.

– Серьезно. Я согласен повторить, правда. – Он фыркнул. – Не настолько радикально, конечно.

– Снова ответ за ответ? – уточнила я, зевая.

– Или рассказ за рассказ, – кивнул Кондор. – Мне, поверь, тоже интересно то место, откуда ты пришла. Доброй ночи. Если понадобится, зови.

И он исчез в зеркале быстрее, чем я успела спросить, в каком смысле «зови», не в том ли, что и у Сильвии, и проследить, как именно он это сделал.

Как именно он ушел.

Черт.

Когда маг исчез, я села на кровать и лениво стянула тканевую салфетку с подноса. Действительно, вареное мясо, холодное уже, нарезанное тонкими ломтями, и несколько кусков свежего хлеба. Пахло вкусно. Но есть я не хотела. Сложив руки на коленях, я невидяще уставилась в зеркало на тот кусок комнаты, который был виден в отражении: столбики у изножья кровати, темно-зеленое полотно портьеры на фоне стены, обитой бежевой тканью. Я смотрела на все это с равнодушием дерева и пыталась понять, что я чувствую.

Вокруг было тихо, если не считать еле слышного потрескивания пламени. У меня уже больше суток не было ни телефона, подключенного к соцсетям, ни телевизора и его сонного бормотания, ни воды в батареях, ни разговоров и шарканья тапочек за стеной, ни звуков и криков с улицы, ни музыки – ничего вообще.

Ничего такого, что сейчас могло бы меня отвлечь.

Я осталась наедине с собой.

Моя внутренняя тишина, усыпленная пьяной болтовней и чужим присутствием, проснулась и затопила меня целиком. Я смотрела в

зеркало, в котором не было меня, и молчала, оглушенная осознанием того, что произошло, и отсутствием своей реакции.

Я знала, что должна была чувствовать что-то.

Обиду.

Злость.

Отчаяние.

Ненависть — к себе или к тем, чьей волей моя жизнь перевернулась.

Вместо этого я созерцала пустоту.

Я упала на покрывало, раскинув руки, кровать мягко спружинила, принимая меня. «Может быть, — думала я, глядя на потолок, — именно эта пустота и является, в конечном итоге, самой страшной формой отчаяния».

Может быть, это некая разновидность магии или что-то, спрятанное в одной из бутылок, подмешанное, незаметное среди пряностей и ягодного сока, нечто сродни каким-нибудь чарам, от которых отступали все дурные мысли.

Может быть, через какое-то время — как только я вернусь из ванной и решу заснуть, или завтра утром — чары развеются, и вместо тишины меня затопит боль от ощущения собственной ненужности и никчемности. От понимания, что все, с кем я была связана, остались с той стороны и не думают обо мне.

Похоже ли это на предательство? Я не знала.

И сейчас не могла найти в себе ничего.

Вспоминала, выцарапывала из себя, искала — и не находила.

Мой мир словно выплюнул меня, оттолкнул, сделав такой вот прощальный подарок, а новый мир — принял, схватил за руку и не дал оступиться в первый момент. Я все еще злилась, как не может не злиться человек, чьи планы пошли псу под хвост, но, кроме раздражения, во мне появился интерес. Сейчас, глядя в потолок, я понимала, как же легко меня купили, расположив к себе беседой, потому что мало что в жизни я любила так, как долгие разговоры. И в этот раз мне было кого слушать.

И пусть у джина здесь оказался другой вкус, после пьянки голова у меня болела ничуть не меньше, чем там, в мире, где я родилась и выросла.

Я попыталась улыбнуться, поднялась на локтях, посмотрела на дверь, ведущую в ванную, и решила, что мне хочется переодеться и действительно уже лечь спать. И выпить на всякий случай глоток зелья, чтобы кошмары не повторились, потому что в этот раз им было из чего прорасти.

Allons-y!

Я еще не решил, как с ней поступить, но не мог отказать себе в удовольствии позабавиться. А сконфуженная идиотка – штука весьма забавная.

А. Сапковский, «Золотой полдень»

– Значит, – сказал Ренар, – Алисой звали девочку, которая провалилась в кроличью нору и попала в приключения?

– Сначала провалилась в нору, – улыбнулась я. – А потом прошла сквозь волшебное зеркало.

– Удивительный талант. – Ренар усмехнулся и вытащил из моей пачки вторую сигарету. Первую он, по его словам, не распробовал. – Это в вашем мире такие легенды?

– Это сказка, – ответила я. – Ее написал один... ученый.

– Дай мне свое волшебное огниво.

Я протянула ему зажигалку, которая, как и обещал Кондор, работала не хуже, чем раньше.

– Я любила эту сказку в детстве и знала ее наизусть.

– И искала белых кроликов, чтобы они увели тебя на изнанку мира? – Его пальцы ловко захлопнули крышку, погасив волшебное пламя. Я не ответила. – Почему ты соврала?

Я сделала глубокий вдох и выдохнула, надув щеки, потому что объяснять мне пришлось во второй раз.

– Потому что не люблю, когда мое имя произносят вслух незнакомые люди.

– Мы познакомились, – Ренар выдохнул дым через ноздри и отвел руку с сигаретой в сторону, чтобы стряхнуть пепел куда-то вниз.

Мы сидели на одной из тех узких лестниц, которые соединяли между собой этажи замка незаметными, тайными путями. Эти пути предназначались для слуг и незваных гостей, здесь было примерно как на заднем дворе школы, куда взрослые заглядывают редко: тихо, пусто и почти спокойно.

Идеальное место для преступлений против общественного порядка, если ты, в целом, привыкла играть роль хорошей девочки.

– Ладно. – Видимо, мое молчание Ренар расценил по-своему. – Будем считать, что я не обиделся, а если обиделся, то еще вчера тебя простил. Но если ты Алиса, то мы, получается, как их там? Заяц и мастер по шляпам?

– Тогда я, скорее, мышь Соня, – вздохнула я. – Которая спала в чайнике.

Ренар рассмеялся и протянул мне уже раскуренную трубку. Баш на баш – мы договорились друг друга угостить, так что преступление теперь делили на двоих. Сообщник из него вышел чудесный и заботливый к тому же: чтобы я не отморозила себе ничего жизненно важного, на ступеньку, куда я решила сесть, предварительно кинули легкую кожаную куртку.

Каковы принципы Сильвии относительно того, может ли леди курить с мужчиной одну трубку на двоих, я не интересовалась и даже не собиралась. Утром она лишь спросила, хорошо ли я себя чувствую,

и уточнила, почему я не ношу приготовленные мне платья: потому что мне непривычно или потому что они не нравятся?

– Непривычно, – пискнула я, прижимая к груди покрывало. – Слишком громко шелестят.

Ночная рубашка, конечно, отличалась скромностью, но я как-то не была готова к тому, что кто-то заявится в спальню до того, как я успею одеться.

Кажется, мой ответ Сильвии понравился. Она кивнула, сказала про завтрак в гостиной и исчезла за дверью так же тихо и незаметно, как появилась.

Так что я снова была предоставлена сама себе и вместо библиотеки в этот раз выбрала сомнительные развлечения.

– И много в твоём мире таких историй? – спросил Ренар.

Я закашлялась – не от вопроса, а потому что трубочный табак оказался куда крепче, чем мое горло.

– Ну, ну, тихо, милая. – Теплая рука обняла меня и легонько похлопала по плечу. – Не умирай раньше времени, в мире слишком много плохих вещей, которым я тебя еще не научил. Так что там насчет сказок? – повторил он вопрос, когда приступ кашля прекратился, и я вернула трубку хозяину.

Больше никогда.

– Историй много, даже слишком, – сказала я. – Таких, как про Алису, не очень.

Ренар улыбнулся и, ловко поднявшись со ступеньки, шагнул вниз на пару шагов, где и застыл, прислонившись спиной к стене.

– Забавно, – сказал он, задумчиво рассматривая мою зажигалку.

– Что? Истории?

– Нет, истории мне забавными не кажутся. – Ренар взвесил зажигалку в руке и вернул мне. – Ты развела Кондора на волшебство, – сказал он серьезно. – Это куда сложнее, чем развести его на пьянку, поверь моему опыту.

Я вздохнула и откинулась назад, легла на ступени, глядя куда-то вверх. Острые каменные края врезались в позвоночник – не больно, терпимо, даже как-то почти приятно. Лестница была холодной, и я понимала, что долго так нельзя, но...

– Не замерзни, милая, – не заставил себя ждать заботливый совет.

– Ты не заяц и не шляпник, – ответила я, глядя, как ступени круто убегают вверх до площадки и потом продолжают сбоку. – Мне кажется, ты гусеница. Которая курила кальян.

– Да? – В его голосе отчетливо слышалось удивление. – Какие интересные подробности! Гусеница с кальяном, говорящие мыши, странный чай – что там еще было, не расскажешь?

Я хотела сказать, что еще там был кот, который имел привычку появляться и исчезать по частям, иногда оставаясь лишь собственной улыбкой, повисшей в воздухе, но в это время на верхних ступеньках показались ноги, обутые в узкие черные ботинки, а затем и весь чародей. Когда Кондор увидел меня, развалившуюся на лестнице с незажженной сигаретой в руке, его брови удивленно дернулись, а на лице чуть не мелькнула гримаса чего-то, похожего на презрение. Ну, мне показалось.

Он был одет так же, как вчера, только рубашку поменял с черной на белую и собрал волосы в низкий хвост. Одна прядь, слишком короткая, чтобы удержаться на месте, вилась вдоль щеки.

– Доброе утро, – приветливо сказала я и села.

От взгляда волшебника хотелось вскочить на ноги и сделать вид, что я ни в чем не виновата.

– Рад, что для вас оно доброе, – ответил Кондор так, словно именно его доброе утро мы бессовестно присвоили. – Хорошо, что я поймал вас обоих.

Его взгляд снова упал на сигарету в моей руке, и Кондор опять меня удивил.

Он сел – прямо на ступени – и, протянув руку, вежливо сказал:

– Могу ли я попросить леди об одолжении?

Я пожала плечами.

Строгий, взрослый богатый мальчик, который так и не рассказал мне, куда делось его длинное аристократическое имя, зажег стрельнутую у меня сигарету одним взглядом. Он держал ее почти привычно, и я поймала себя на мысли, что ему, с этими его длинными тонкими пальцами, удивительно идет курить.

– Я помню о том, что обещал тебе, – торопливо сказал Ренар, не отходя от стены.

Кондор кивнул.

– И вот уже собирался...

– Не оправдывайся, – ответил волшебник. – Если уж все пошло наперекосяк, пусть и дальше движется в том же направлении.

Ренар развел руками и подмигнул мне, а я поняла, что завороженно рассматриваю кольца на чародейских пальцах: одно, второе, третье, пятое – тонкий ободок на средней фаланге, все – простые, то ли из серебра, то ли из чего-то, похожего на серебро, и только одно, на безымянном пальце, с круглым желто-оранжевым камнем. Почти тот же цвет, что у его глаз.

Столь пристальное внимание было сложно скрыть, поэтому наши с Кондором взгляды в какой-то момент встретились. Волшебник приподнял одну бровь, словно спрашивал, все ли он правильно понял.

Я смущенно потупилась.

– Хочешь посмотреть мир за пределами Замка? – спросил вдруг Кондор, чуть наклонившись ко мне.

– В смысле? – не сразу поняла я.

– Я ее с собой не возьму, – довольно резко сказал Ренар. – При всей симпатии, Мари, не в этот раз, – поспешил оправдаться он.

– Я и не говорю про тебя. – Кондор превратил окурок в пепел, который тут же разлетелся в стороны. – До встречи, на которую я сегодня должен попасть, еще есть несколько часов. А леди, думаю, будет полезна прогулка по миру, где ей предстоит жить... какое-то время.

– Ты необычайно добр уже вторые сутки, – рассмеялся Ренар, вытряхивая трубку и пряча ее в карман.

– Уже вторые сутки я имею счастье выспаться, – в тон ему ответил Кондор. – Так что леди решила?

Леди вдруг поняла, что, кажется, подобное предложение – из тех, от которых невозможно отказаться.

– Мне нужно переодеться?

– Обойдемся без этого, – Кондор самодовольно оскалился.

– Иди-иди, милая, – сказал Ренар, подмигивая мне. – А то еще передумает.

– Куда ты хотела бы отправиться? – спросил Кондор.

Он стоял где-то за моей спиной у своего стола, разбирал какие-то бумаги. Некоторые складывал в отдельную стопку, другие оставлял на месте. Я слушала этот шелест уже несколько минут, и все эти несколько минут я смотрела в зеркало.

В то зеркало, которое было у него в кабинете. Широкое и ясное, с массивной деревянной рамой, оно отражало меня и всю остальную комнату, позволяя исподтишка следить за чародеем.

К верхней части рамы, на самой ее середине, была приделана деревянная голова какого-то существа – не то гоблина, не то другого обитателя бестиария. Голова открывала рот в беззвучной улыбке, острые маленькие рожки торчали в разные стороны, а глаза, настолько живые, что было жутковато, казалось, наблюдают за каждым моим движением.

Я скрестила руки на груди.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Думала, ты уже все решил.

Кондор не ответил.

В зеркале я заметила, как на его губах мелькнула усмешка.

Я подошла ближе и дотронулась пальцем до выпуклого виноградного листа. Деревянная лоза бежала по правой стороне зеркальной рамы, искусно сделанная и тоже почти настоящая.

– А куда бы ты хотел?

– Мои интересы достаточно... необычны, скажем так. – За моей спиной Кондор начал складывать бумаги во взявшуюся откуда-то сумку – из темной мягкой кожи, с длинной лямкой, она явно предназначалась, чтобы ее носили на плече или через плечо. – Боюсь, ты не поймешь.

– Ну, спасибо! – фыркнула я.

– Не обижайся. – Он подошел ближе и дружески потрепал меня по плечу. – Если уж тебе так хочется, я обязательно покажу тебе одно из тех невероятно скучных мест этого мира, в которых кто-то вроде меня находит определенное очарование. Но, думаю, для первого раза лучше выбрать что-то... поинтереснее.

Он сощурился, глядя куда-то в глубину зеркального мира, словно пытался вспомнить что-то важное или что-то важное решить.

– Куда угодно? – спросила я.

– Почти куда угодно. – Один кончик тонких губ дернулся вверх. – Мои возможности далеко не безграничны. Мы можем отправиться в любое место, где есть знакомое мне зеркало, а потом куда-нибудь еще, и еще, и вернуться назад, когда тебе надоест... Или когда ты проголодаешься.

– Прямо как Доктор, – усмехнулась я.

– Кто?

– Вот именно! – Я с умным видом подняла указательный палец вверх. – Раз так, то хочу к эльфам.

Кондор обернулся ко мне, чуть наклонив голову и улыбаясь с каким-то странным торжеством.

– Я так и думал, – сказал он, цапнул меня за руку и утащил куда-то в зеркало.

Музыка шла откуда-то извне – призывок песни на незнакомом мне языке. Чистый женский голос то замолкал, то снова подхватывал мелодию, повторяя ее раз за разом под звонкий перебор струн. Музыка лишь помогала ей поймать нужный звук, а вот голос – голос был здесь главным. Он манил к себе так сильно, что в первый момент мне не хотелось ничего, кроме как идти на этот голос.

Рука Кондора на моем плече вернула меня в реальность.

Волшебник улыбался.

– Мы с тобой незваные гости, Мари, – тихо сказал он, кивая вперед, мол, посмотри. – Не думаю, что нас прогонят, но пока води себя тихо.

Впереди за перегородкой, украшенной разноцветными стеклами витража, горел огонь. В воздухе пахло смолистым нагретым деревом,

хвоей и чем-то еще.

«Нарциссами, – поняла я, когда мы осторожно подошли к перегородке, разделяющей комнату надвое. – Нарциссами и только что сорванной сочной травой. Весной. Цветущим садом. Прохладой глубокого омута».

У девушки, которая сидела перед камином и пела, были золотистые волосы, длинные, тяжелыми локонами спадающие вдоль спины. Зеленые рукава платья двигались вместе с ее руками, в которых был какой-то инструмент вроде гитары.

Лютня, точно.

Кондор не решился привлечь чужое внимание. Он застыл у входа на эту половину, заложив руки за спину, словно ждал, пока золотоволосая леди закончит – или ей наскучит заставлять лютню плакать.

Новая песня, в отличие от предыдущей, была печальной.

Я спряталась за спиной волшебника и осторожно поглядывала на мир вокруг. Два узких окна закрывали ставни с витражами, поэтому в комнате царил полумрак. Пламя бросало оранжевые отблески на пол и на стены. На широком столе стояла клетка, закрытая тканью, и ваза с цветами – яркими желто-белыми нарциссами.

Откуда нарциссы зимой?

Пять минут назад я вышла из зеркала в маленький квадратный сад, окруженный галереями из белого мрамора. Белым был снег, липкий, как влажный морозец, которым встретил меня мир с этой стороны зеркала, белой была ткань, которой закрыли некоторые деревья и статуи. Только голые ветки лозы, вьющейся по кружеву беседки, были черными, с алыми каплями подвявших ягод.

Кричали чайки где-то вдалеке, небо было низким и серым, и уже там, стоя на мраморных ступенях перед чистым серебряным зеркалом, я слышала этот голос.

Голос умолк.

Лютня легла на низкую подставку.

Тонкая рука поправила волосы, откинула их с плеча.

– Я не ждала сегодня никаких волшебников, – заявила девушка, все еще не оборачиваясь. Голос даже сейчас звучал так, словно она пела.

Я бросила на Кондора гневный взгляд, он лишь пожал плечами.

— Я виноват и всячески признаю свою вину, — весело ответил он. — Но мне вдруг очень понадобилась помощь некой Айвеллин Росиньоль, и я решил попросить об этом лично.

— Тебе повезло застать меня здесь и, к счастью, одну. — Она наконец обернулась — и увидела меня. — Ах, вот как, ты еще и не один! Что за отвратительная привычка, Кондор, делать все так, как тебе удобно, не заботясь о чужих планах и надеждах! Не пугайтесь, милое дитя. — Звонкий голос, в котором только что звучал гнев, смягчился, когда она обратилась ко мне. — На вас я не злюсь, вовсе нет. Но не хочет ли милорд кое-что добавить? Кое-что... важное.

Она выразительно посмотрела на Кондора, и тот наконец понял, что от него требовалось.

Я прыснула в кулак, потому что, кажется, где-то мы это уже проходили.

— Конечно. — Волшебник улыбнулся, явно не чувствуя за собой никакой вины. — Леди Айвеллин Росиньоль, я рад представить вам, эм, кое-кого особенного.

Айвеллин нахмурилась и склонила хорошенькую головку набок, недовольно поджав губы.

Я скрестила руки на груди, пытаюсь понять, почему мой наряд — совершенно не подходящий этому всему вокруг, не вызывает у леди Айвеллин никаких вопросов.

— Мари, — продолжил Кондор, словно ничего не произошло. — Это Лин. Я рад, что удалось вас познакомить, прежде чем...

— Прежде чем что? — серьезно спросила Лин.

Ее взгляд стал похож на стальную спицу, которую приставили к горлу одного чародея.

— Прежде, чем ты, милая, получила приказ его высочества, — сказал чародей, улыбаясь, как довольный кот. — О том, что вам необходимо познакомиться.

Глаза Лин распахнулись очень широко, и удивление в них смешалось с пониманием.

— О, — сказала она, приложив пальцы к губам. — Вот оно что.

В зеркале не было меня. В нем была какая-то другая девушка. Зеркало, предназначенное стоять на столе и отражать лицо и плечи своей хозяйки, выхватывало то воротник платья – серого, с черным кружевом, цвета перьев вороны, то его рукава с узкими манжетами, то черный пояс, обхватывающий мою талию в несколько оборотов, то аккуратную косу вместо растрепанных волос – и тонкую серебристую ленточку, которая эту косу держала. Черты лица расплывались под взглядом, я не могла удержать их вместе, словно смотрела сквозь время в собственную память – и пыталась представить кого-то, с кем виделась давно. Только глаза были моими – злыми и зелеными, еще более зелеными, чем я привыкла, и куда более злыми, чем обычно.

Потому что кое-кто мог бы и предупредить!

– Это иллюзия, – пояснил Кондор, когда я начала рассеянно и суетливо осматривать сама себя, чтобы удостовериться, на месте ли джинсы и кеды. – И легкий морок, не дающий разглядеть твое лицо. Немного неосторожности не помешает, – добавил он.

Я нащупала в кармане зажигалку.

Девушка в зеркале сунула руку в карман платья, спрятанный где-то в складках юбки.

Но вместо зажигалки в ее руке появился маленький огарок свечи.

Лин, в чье зеркало я смотрелась, следила за мной с улыбкой, как за маленьким ребенком, решающим сложную задачу. Или за котом, который увидел свое отражение и пытается понять, что это за мерзавец пушистый смотрит на него с другой стороны.

– Туфли тоже черные, – сказала Лин и подошла ближе, но не ко мне.

Она сняла с клетки ткань. Две маленькие птички, золотисто-желтые, чем-то похожие на канареек, тут же оживились и радостно запищали. Лин открыла дверцу, позволив им решить, хотят ли они наружу. Птички пока сомневались, но свистели так мелодично, словно пытались произвести на нас впечатление.

Лин улыбнулась, и я поняла, что прекраснее девушки я в жизни не видела. Ее рука заправила прядь волос за ухо.

Ухо оказалось острым.

Я моргнула и выдала себя.

– А! – Лин улыбнулась еще теплее и протянула руку птичкам. Одна из них тут же выпорхнула из клетки и зацепилась коготками за тонкие пальцы девушки. – Я полуэльф.

Следовало догадаться.

– А ты молчалива не в меру. – Лин разглядывала меня, щуря прекрасные, по-детски большие глаза. Цвет у них был тот самый, о котором говорят, когда говорят о теплом море. – Или этот вредный волшебник успел нарасказать тебе ужасов об эльфийских колдуньях, которые могут украсть твой голос?

– Это смущение, – сказал Кондор за меня и чуть тронул мое плечо, словно пытался поддержать.

Смущение и... восхищение?

Страх, что мой голос после ее пения будет звучать, как скрип несмазанной двери?

– Я рада... знакомству.

Хорошо, чуть лучше, чем дверь.

Лин беззлобно рассмеялась и ссадила птичку с руки на ветку карликового деревца, растущего здесь в большой керамической кадке.

– Ты смотри, совсем не немая! – сказала она, и я поняла, что за все время действительно не произнесла ни слова. – Я тоже рада... Как, напомни, тебя зовут?

Она протянула мне руку.

– Мари, – сказала я, протягивая руку в ответ. – Пока только имя.

Пальцы у нее были мягкие, но очень крепкие, улыбка стала еще шире и теплее, и я почувствовала, что весь мой мир вдруг схлопнулся, сжался до этого рукопожатия и стал пахнуть нарциссами и сочной зеленью, согретой солнцем. Внутри разлились тепло и свет, словно бы кто-то погладил меня по голове теплой ладонью, и я застыла, с блаженной улыбкой глядя, как чуть сполз зеленый рукав, обнажая запястье и тонкие серебряные браслеты на нем.

– Лин, хватит, – укоризненно сказал Кондор.

Волна тепла схлынула, оставив после себя что-то, похожее на разочарование.

– Должна же я была попробовать, – виновато ответила Лин, глядя мне в глаза. – Прости, дитя, я не думала, что ты такая... ммм,

чувствительная. — Вместо вины в ее взгляде светилось что-то дерзкое, почти коварное. — И что один самонадеянный волшебник забудет о защите от чар в этом гостеприимном месте, — ехидно добавила она.

Стало ясно, что место это совсем не гостеприимное.

Я бы очень хотела на нее разозлиться, но в этот момент не смогла.

Видимо, чары из головы не выветрились.

У берегов Теплого моря, синего и вечно тихого, среди кипарисов и холмов стоит Лорна-Тир, Первая крепость Каэрии.

Башни из белого мрамора тянутся к небу, как мачты огромных кораблей, на крышах богатых домов раскинулись вечнозеленые сады, искусные фрески украшают стены храмов и галерей, а на улицах нет нищеты, только радость и сытая леность, вечный сияющий золотом полдень. Ближе к порту воздух становится тяжелым от влаги и соли, и чайки, крикливые, сытые, сидят на фонтанах и перилах мраморных лестниц. Спящая гавань пестрит парусами, как праздник — девичьими юбками, но ни один корабль уже сотню лет не покидал этого места дальше, чем на день, с утра до заката.

Здесь нет рыбаков и торговцев, их порт восточнее, в Каэр-но-Ларе, он шумнее, грязнее и не так красив.

Лорна-Тир — это храм, это память о том, что было, и семь его башен — это семь маяков для тех, кто идет сквозь океан безвременья, лежащий за пределами мира, где-то между всеми мирами.

Люди, которым удалось побывать здесь, говорят, что белый мрамор превращен рукой эльдар в тонкие кружева. Что цветы на фресках кажутся настоящими, и даже пчелы и бабочки садятся на них, обманываясь. Что залы древних дворцов похожи на руины, сквозь которые проросли сады, что вода в фонтанах чище горных потоков, и сотни ярких зеркал украшают дома и улицы, умножая свет солнца, луны и звезд.

Люди, побывавшие здесь, говорят, что воины эльдар похожи на каменные статуи, совершенные и недвижимые, что серебро их доспеха светится в лунном свете, а в глазах застыла вечная зелень Священных деревьев, аше-альдэ, чьи семена Первородные когда-то привезли на эту землю, и земля приняла их.

Здесь не было ни смерти, ни старости, ни болезней, только холодная белизна мрамора, и рокот волн, и разноцветие красок на фресках, и прекрасные лица женщин из рода эльдар, застывшие в мраморе и на фресках, и песни о сияющем прошлом – арфы и флейты, звонкие голоса певчих, их странный язык, на котором не нужно говорить, чтобы понимать, о чем эти песни.

Люди, которых пускали сюда, потом вспоминали о светлых ухоженных улицах, о теплом ветре, о ласковом солнце, о запахе вина и специй, о богатых нарядах горожан и о вечности, застывшей там, где под высоким куполом из разноцветного стекла раскинулись ветви с изумрудными листьями.

Но людей сюда пускают нечасто, и видят они лишь фасад.

Чтобы попасть в глубину, нужен проводник. Кто-то, чья рука откроет для тебя закрытые двери, чье имя станет ключом, а слово – защитой от чар и очарования.

Мари шла впереди, опережая их на несколько шагов, и даже не представляла, насколько ей повезло с проводником, и какие двери открывало имя Айвеллин Росиньоль. Их общая гостья была сейчас похожа на потерявшегося ребенка, она обнимала себя руками, словно ей было зябко, и иногда застывала на месте, запрокинув голову, чтобы получше рассмотреть что-нибудь. Фреску, витраж или зеркало. При этом рот ее приоткрывался от изумления, а на лице появлялось то странное выражение, которое бывает у слишком чувствительных людей, готовых плакать по малейшему поводу, хорошему или нет.

Кажется, ей все нравилось. И чары, которыми Лин опутала ее голову, были тут ни при чем.

Когда они прошли мимо двух стражников, высоких нелюдей, хмурых, как зимнее море за окнами Дворца Дома Мериль, Мари испуганно застыла, спрятала руки за спиной, сцепив пальцы, и бросила за спину беспомощный взгляд.

Лин улыбнулась ей – куда более ласково, чем мог бы улыбнуться Кондор, – и махнула рукой вперед, мол, иди, милая, не бойся.

Только, ради всех святых покровителей, ради небес и звезд, не трогай руками ничего, что может разбиться от твоего прикосновения.

– Дедушка Нелле будет смеяться, когда узнает об этом, – сказала Лин себе под нос так, чтобы слышал только Кондор, но никак не гостья, снова застывшая, чтобы изучить еще одну фреску.

Ту, где из-за нарисованных деревьев на нее смотрели огромные глаза существ, прячущихся в переплетении ветвей и теней.

– Главное, чтобы не злился на нас.

– В его владения еще не приводили человеческих школьниц из хороших семей. – Лин сощурилась, как недовольная кошка. – Или кого-то, кто прикидывается школьницей. Значит, я должна вернуться в замок?

Кондор кивнул.

– Я заберу тебя в любой день, когда ты скажешь, – ответил он.

Лин задумалась, прикусив нижнюю губу и глядя вперед, словно пыталась просчитать что-то в голове.

– Еще три дня я здесь, – сказала она. – Мучаю арфу и лютню, пою для своих кузин и раздражаю взгляды родни своим несовершенством. Потом я буду у матери, так что ищи меня там.

Кондор недовольно нахмурился.

– Я предпочел бы забрать тебя отсюда, – проворчал он. – И раньше.

Лин покачала пальцем в воздухе.

– Никак ты не выучишь, глупый волшебник, что не все в этом мире подчиняется твоей воле, – с улыбкой сказала она. – У меня есть некоторые обязательства перед этой страной, и даже король твоей страны не может заставить меня эти обязательства нарушить. Через четыре дня в Лоссэ, – это прозвучало так, что Кондор не решился спорить и только развел руками.

И заметил, как Мари, застывшая впереди, рядом с закрытыми дверьми, в которые упирался коридор, покраснела и смущенно отвела взгляд. Волей или неволей она услышала их разговор и, кажется, решила истолковать его по-своему. Для того чтобы это понять, не нужно было даже слышать ее мысли: все, о чем маленькая леди думала, тут же отражалось у нее на лице. Сию секунду и очень ярко.

– Если бы нам было что скрывать, – сказал Кондор, как ему казалось, строго. – Мы бы нашли способ обсудить дела без тебя,

милая.

— Я... не...

— Я вижу, — ответил он, чуть наклонив голову вперед. — Что ты не.

И тут же пожалел и о словах, и о своем тоне, потому что смущение и испуг на лице Мари сменились тем самым выражением, с которым она впервые появилась у него в кабинете. С канделябром в руках.

Лин шикнула на него и мягко дотронулась до плеча, заставляя отступить и дать ей самой разобраться с этим всем. В том, чтобы успокаивать детей и взбалмошных девиц, она действительно преуспевала куда лучше, чем Кондор.

Иногда она преуспевала в том, чтобы успокаивать самого Кондора.

Какой ценой ей дались все эти таланты, лучше было не думать.

Дерево росло внутри дворца, под куполом из цветного стекла. Оно было старым, очень старым, раскидистым, с сероватой корой и мясистыми листьями, изумрудно-зелеными с одной стороны и серебристо-серыми на изнанке. Корни дерева уходили в земляной пол, бугрились под ним, ползли в разные стороны, а крона едва не достигала потолка.

Мы стояли на крошечном балкончике наверху, похожем на место то ли для прислуги, то ли для тайных наблюдений, и отсюда, если бы я протянула руку, я бы могла погладить один из листьев.

Если бы я могла протянуть руку, потому что никому из людей не позволялось касаться аше-альдэ.

Даже находиться здесь, рядом с ним, мне было бы нельзя, если бы не Лин.

Ее имя оказалось ключом, который открывал выходы к чудесам. Не парадные, конечно, но даже узкая лестница, ведущая на балкончик,

с которого я видела зелено-серебристые тени листвы, казалась мне чем-то невероятным.

Воздух здесь пах влагой и землей, мхом, зеленью и чем-то особенным, сладким и теплым, отчего становилось тепло и спокойно внутри. В глубине переплетающихся ветвей копошились мелкие птицы, которых я не могла разглядеть – я видела только их тени и то, как вдруг начинала качаться ветка или лист, слышала отзвуки птичьих голосов и быстрое хлопанье крыльев.

Внизу, где-то под нами, если заглянуть за изящную каменную балюстраду, на черной земле между симметричными лучами дорожек змеились узоры цветных камешков – круги, спирали, что-то неуловимо знакомое и совершенно чужое.

Там, внизу, стояли эльдар – молчаливые стражники с белыми, как молоко, волосами. Они если и знали о нас, наблюдающих сверху, то не подавали виду. Я бы вообще приняла их за искусные статуи, если бы пару минут назад в круглый зал с аше-альдэ не зашел кто-то еще – и оба стражника не поклонились бы ему до самой земли.

Сейчас он был здесь – странная фигура, завернутая в ткань, серо-зеленый плащ с низким капюшоном. Плащ скрывал все, а сверху и не поймешь, кто там – ребенок, старик или кто-то, к кому слова «ребенок» и «старик» неприменимы.

– Вейо Нелле? – тихо спросил Кондор где-то у меня за спиной.

Лин прикрыла глаза вместо кивка.

– Да, – сказала она и уточнила для меня: – Мой дедушка.

Я дернулась, испугавшись, что теперь, когда внизу гулял кто-то из старших, нам стоило бы сбежать и сделать вид, что нас тут не было, но Лин лишь приложила палец к губам, призывая к молчанию.

– Ему, в общем-то, все равно. – Она погладила мрамор перил рукой. – Подумаешь, несколько глупых детей забрались так высоко, что все видят. Он пришел сюда отдыхать и думать и не пожертвует своим покоем ради минутной суеты вокруг правил.

Я смотрела, как хрупкая фигура в зеленом медленно идет по тропинке. Шагов я не слышала.

– Вейо Нелле – глава моего рода, – шепнула Лин мне на ухо, – один из старейшин Круга. Поэтому здесь растет это дерево. Он мне не дедушка, – добавила она. – Скорее, пра-пра-прадедушка моего дедушки.

– Эльфы, я так понимаю, живут долго? – спросила я, чтобы как-то заполнить пустоту.

Я вообще говорила мало, словно чары Лин действительно отняли у меня голос.

– Непростительно долго, – ответила Лин, глядя мне в глаза. – На кого-то вроде меня это, увы, распространяется редко, – уточнила она, глядя куда-то в глубину серебристо-зеленой кроны. – Правда, не всегда годы приносят с собой мудрость. Князь Ирро, к примеру, достиг того порога, за которым начинается зрелость, но все еще вспыльчив, как юный человеческий отпрыск. Однажды он закрыл свои границы от людей и с тех пор с упрямством, достойным войти в историю, продолжает игнорировать вежливые просьбы и приказы со стороны Верховного Дома. И что бы там ни говорили дипломаты обеих сторон, князь Ирро в своем праве и пользуется им, как считает нужным. – Лин улыбнулась странной улыбкой. – Пока Великий Нэниме не решит призвать его к послушанию, но годы Великого Нэниме научили его быть холодным ко всему в этом мире.

Я не спросила, кто такой Великий Нэниме, просто кивнула, сделав вид, что все поняла.

А что не поняла, с тем разберусь потом, когда мне перестанет быть так тревожно.

Свет изменился. Из-за облаков выглянуло солнце, яркое и холодное. Его лучи прошли сквозь цветное стекло, рассыпавшись по тяжелым листьям аше-альдэ пятнами разных цветов. Мелкие камешки внизу засияли. Я невольно наклонилась вперед, потому что это сияние, перламутровое и полупрозрачное, притягивало взгляд.

Вейо Нелле остановился и поднял голову. Капюшон сполз, и я увидела лицо – не старика, а кого-то другого, юного и прекрасного, тонкого и почти прозрачного, словно призрак. Серебряные пряди волос были короткими, золотой обруч охватывал высокий лоб.

Он безошибочно нашел, где я прячусь, и смотрел на меня прямо и пристально, словно нас не разделяли десяток метров воздуха и одна тонкая ветка с листьями, похожими на листья клена. Я не могла отсюда разглядеть, улыбался он или хмурился, но мне казалось, что через его глаза меня внимательно изучает что-то глубокое, древнее, как корни аше-альдэ. Если для аше-альдэ и для этого вот, живущего в глазах вейо Нелле, существовало понятие времени и древности.

Рука Кондора почти болезненно вцепилась в мое плечо, словно я вдруг решила перегнуться через балкон и полететь головой вниз, а он пытался остановить меня. Волшебник ничего не сказал, но когда я обернулась, то заметила, как в его глазах мелькнуло что-то, похожее на тревогу.

Лин сказала что-то – громко, на незнакомом мне мелодичном языке – и, вытянувшись вперед, помахала рукой.

Он ответил – то существо, которое стояло внизу и не было ни юным, ни старым, – тоже громко и весело.

Лин рассмеялась и повернулась к нам, тревожно застывшим за ее спиной. Рука Кондора все еще сжимала мое плечо, а я вцепилась в его запястье так, что костяшки побелели.

– Дедушка сказал, – звонко сказала она, – что рад был бы пригласить моих друзей к чаю, но боится, что остальная семья не очень поймет такое мое знакомство. И он попросил, – Лин замолчала, разглядывая меня с серьезным видом, – чтобы я кое-что подарила гостю. На память.

Она потянулась к ветке, той самой, которая почти упиралась в балкончик, и сжала в пальцах черешок листа. Он сочно щелкнул, ветка качнулась, теплый и сладкий запах усилился. Птицы в глубине кроны суетливо завопили, словно мы потревожили их.

– А... – начала я, когда Лин схватила меня за руку и положила лист на мою ладонь – он закрыл ее почти всю, тяжелый и плотный.

Серебристо-серая изнанка оказалась мягкой, как ткань.

– А теперь идем отсюда, – торопливым шепотом сказала Лин. – Я провожу вас.

После этого мир вокруг менялся с поразительной быстротой.

Нужно было сделать шаг – один шаг, и я оказывалась где-то еще, совсем не там, где была за минуту до этого. Пустой зал в чем-то

дворце, шумная городская ратуша, еще один заснеженный сад – в несколько раз больше, чем тот, который был в Каэрии, с лабиринтом, уже не зеленым, а черно-охристым от пожухлой листвы, еще оставшейся на ветках. Мир обрушивался на меня всеми своими звуками, всеми запахами и красками, морозом, снегом и всеми ветрами.

Низкие тучи за окнами сменялись ясным голубым небом, близость моря – пустыми белыми холмами с тонкой полоской дороги, ведущей по ним. Стекланные купола крыш – высокими каменными сводами и расписными потолками. Разговоры об эльфийских деревьях и о том, как мне повезло получить столь необычный подарок, – рассказами о городах, названия которых я не запоминала, о странах, которые видела мельком, и о том, почему мы вдруг оказались именно здесь.

В какой-то момент я поняла, что больше не могу – от впечатлений кружилась голова. Я схватила Кондора за рукав, поймала его взгляд и сказала, что с меня, кажется, хватит. Все это очень интересно, но, пожалуй, время выдохнуть и остановиться.

Волшебник обеспокоенно нахмурился, кивнул – и мы вышли куда-то еще.

В этот раз не было ни садов, ни статуй, ни людей, ни фресок, ни картин, ни лепнины, ни даже окон, из которых я бы увидела очередной незнакомый мне пейзаж. Только узкий коридор, упирающийся в двери, темный и неуютный.

Кондор придержал дверь, пропуская меня вперед.

Я сделала шаг и застыла, задрав голову вверх.

Где-то там, на высоте третьего яруса, опоясывающего овальный зал, под самым сводом стеклянной крыши висел скелет не то кита, не то какого-то другого похожего существа – блеклое небо просвечивало сквозь ребра. На мраморных плитах пола лежала еле заметная тень. Она начиналась у дверей на другом конце зала, таких же, как те, через которые вошли мы, и заканчивалась в паре метров от моих ног, – метров десять от черепа до хвоста.

– Это что, музей? – спросила я, прислушиваясь: здесь было удивительно тихо, раздавался только какой-то еле слышный скрип и, кажется, завывание ветра.

Мне показалось, что мой голос прозвучал слишком громко, и я смущенно покосилась на Кондора.

Тот покачал головой.

– Это библиотека, – сказал он. – Очень большая библиотека, в которой хранятся не только книги. Пойдем. – Он снова взял меня за руку и потянул за собой направо – вверх по одной из двух лестниц, по которым можно было забраться на ярус выше. – Эту штуку наверху можно рассмотреть поближе... Ну, или пробраться в следующий зал. Без костей. Или, если ты совсем устала, посидеть на ступеньках.

– Нет уж, пойдем смотреть поближе, – хмыкнула я, вцепившись в его ладонь крепче, потому что подошвы кедров опасо скользили по мрамору, и я боялась упасть. Наверное, будь я действительно в платье, а не в джинсах, скрытых мороком, я бы еще и юбку деловито перехватила, чтобы не мешалась.

На втором ярусе стало понятно, что это действительно библиотека. Небольшие низкие шкафы с книгами, а еще с какими-то препаратами в плотно закрытых банках. На полках за стеклом стояли друзья минералов, раковины и осколки раковин, свернутые карты и карты в рамках, статуэтки, напоминающие глиняных божков, модели кораблей и другие сокровища.

Кондор шел рядом со мной со стороны перил, ограждающих нас от почти трехметровой высоты над мраморным полом, шел, заложив руки за спину, и молчал, ожидая то ли того, когда же я насмотрюсь на это все, то ли того, что молчание мне надоест. Я зябко ежилась, встречаясь в темных стеклах с тенью своего отражения, и старалась привыкнуть и к этому серому платью, и к черной ленте в волосах.

Молчание надоело мне раньше, чем мы обошли зал по кругу, вернувшись к лестнице.

– Почему сюда? – спросила я, поднимаясь вслед за ним по ступеням.

Он замер на секунду, посмотрев на носки своих туфель, потом вскинул голову, тряхнув волосами, словно они ему мешали. Руки он все так же держал за спиной – поэтому я шла, хватаясь за прохладный мрамор перил.

– Подумал, что тебе может понравиться, – признался Кондор.

– Мне... нравится, – кивнула я, нервно сглотнув. – А почему тут никого?

Я остановилась на верхней ступеньке и на всякий случай даже посмотрела вниз, за перила.

— Здесь редко бывает многолюдно. В соседних залах — да. — Кондор кивнул в сторону тех, других дверей. — А здесь разве что служители ходят. Ты же спрашивала, куда бы я хотел пойти. — Он покосился на меня, видимо, пытаясь понять, как я на это отреагирую. — И вот мы здесь.

Он махнул рукой в сторону скелета.

Скелет молчал.

Существа в банках — тоже.

Поэтому голос волшебника казался мне невероятно громким.

«Альтеон, — сказал Кондор, — это город исследователей и магов на юго-западе Королевства. Здесь расположен один из лучших университетов Союза, здесь же основан тот самый порт, откуда отправились в неизвестность первые экспедиции, вдохновленные легендами о землях, лежащих за горизонтом. Здесь находится знаменитая Библиотека, одна из лучших на Латиерре, куда моложе знаменитого Клементинума, в который вход всяким маленьким девочкам запрещен, Альтеонский Либрариум был основан после Великой Войны прямо на Холме Павших, как память о том, к чему приводят войны за знания».

Пока Кондор рассказывал это, он шел, заложив руки за спину, с такой прямой спиной, что напоминал бы строгого учителя, вещающего с кафедры, если бы не ехидство в голосе и не улыбка — почти мальчишеская.

— В Университет попасть нашими методами сложновато, в порту сейчас холодно, поэтому я решил, что библиотека будет в самый раз, — сказал он, тряхнув головой, словно пытался убрать со лба ту самую прядь.

Мы обошли ярус по кругу. Череп огромного существа смотрел пустыми глазницами на балкон, чуть выступающий вперед. Мой спутник ловко устроился прямо на широком мраморном бортике, свесив одну ногу туда, куда мне было бы на его месте даже страшно смотреть. Я подошла ближе, осторожно положила руки перед собой и постаралась сосредоточиться на скелете, а не на том, что висел он... скажем, высоко.

Не так, как там, в Каэрии, или, тем более, в замке, но, кажется, я устала от высоты. Или просто устала.

– Что это за существо? – спросила я.

– Обычный полосатый кит. Даже, хм, сравнительно средних размеров. А ты ожидала чудищ из морских глубин?

– Вроде того, – рассеянно ответила я, найдя в себе силы наконец посмотреть вниз.

Ощетинившаяся ребрами тень была размытой, но достаточно темной, чтобы видеть ее очертания на полу.

– Чудовища из морских глубин висят в соседних залах. Но там слишкомлюдно, и меня могут узнать. Поэтому мы туда не пойдем.

– Давай вернемся к тому, о чем мы говорили, – сказала я чуть более резко, чем хотела бы.

– К методам использования листьев священного дерева Лорна-Тир в ритуалах? – лукаво сощурился маг. Я раздраженно выдохнула. – Или ты о чем?

– Мы говорили о порталах, – напомнила я таким тоном, которым обычно вежливые девочки-отличницы ставят на место зарвавшихся мальчишек, с которыми им приходится сидеть рядом. – И о том, что эльфы Каэрии пришли из-за моря, но не из-за моря.

– А, да. – Кондор кивнул. – Эльфы Каэрии пришли из-за моря, но не из-за моря, – повторил он почти нараспев. – Из-за другого моря, как они говорят, бескрайнего океана между мирами. Они видят это так.

– А на самом деле? – спросила я, не особо рассчитывая на ответ.

– А на самом деле – никто не знает. – Кондор пожал плечами. – Смотри, – сказал он, очерчивая пальцем круг – в воздухе между нами осталась висеть тонкая блекло-синяя полоса, похожая на потускневший неон. Я вытаращилась на нее с тем же удивлением, как на меня смотрело одно из рыбьих чучел, которые были выставлены в шкафах ярусом ниже. Маг оскалился, довольный эффектом. – Представь, что наш мир – это вот этот круг. Все, что в нем есть. Земля и звезды, озера и леса, горы и города. Реальные вещи. Осязаемые. Но внутри этого мира – или вокруг него, так метафора будет точнее – есть еще один. – Кондор создал второй круг близко-близко к границе первого. – Мы называем его Изнанкой или Иной стороной. Наша наука считает его магической оболочкой мира и в то же время – проявлением его внешней границы. – Рядом с первыми двумя кругами появились

еще два, снова один в другом, очень близко. – Именно благодаря Изнанке мы можем строить порталы – они разрывают ткань пространства в нужном месте, соединяя две точки физического мира. Как будто бы ты сложила лист бумаги и проткнула ножом. – Он нарисовал тонкую линию, которая начиналась в одном из кругов и была устремлена в другой, нарушая границы. – Раньше, веков пять назад, у нас были двери, которые открывались в соседние миры, проходя через самые глубокие слои Изнанки здесь и там.

– Как Зеркало? – поняла я.

Все это время я очень внимательно слушала.

– Именно так. – Он смахнул нарисованную в воздухе картинку одним движением ладони, как мел с доски стер. – Только Зеркало стихийно и открывается, если Богиня изволит, а теми можно было управлять.

– Можно было? – уточнила я – хотя все и так было яснее некуда.

– Потому что больше их нет, – сказал он резко. – Что-то сохранилось, говорят, в Каэрии так уж точно, но если оно действительно есть, то это всего лишь бесполезные руины.

Он тряхнул головой и начал с отстраненным видом расправлять манжеты рубашки. Мне показалось, что это было такое своеобразное «отстань от меня», но Кондор продолжил рассказ, не глядя, правда, в мою сторону.

– Такие вещи требуют очень хороших запасов сил, которых после войны в этом мире почти не было. А сейчас у нас нет потребности задействовать огромный ресурс, чтобы проходить через границу миров. – Он посмотрел на череп кита и махнул рукой – вокруг скелета появился мерцающий силуэт живого существа. – Эльфы Каэрии прошли через грани без статичных порталов. Никто не знает, как они это сделали, а Князя, те, которые остались еще с тех времен, загадочно молчат. – Кондор улыбнулся тоже загадочно и ехидно. – Подозреваю, что они сами не знают. Может быть, видели, но не знают.

– А спросить?

– О! – Волшебник повернулся ко мне, и его улыбка превратилась в оскал – уже не самодовольный, а, скорее, полный злого торжества. – Старшие Князя – это не вейо Нелле из Дома Мериля, они не разговаривают с людьми, милая. Даже с королями. Да и я бы не рискнул.

Кондор стал серьезнее, слез с перил и встал рядом со мной. Взгляд его был устремлен куда-то в противоположный конец зала.

Кит едва заметно шевелился, словно бы плыл в воздухе. Внизу, на мраморном полу, появились те блики, которые получаются, когда свет проходит сквозь толщу воды.

— В общем, поэтому мы говорим, что эльфы пришли из-за моря, но не из-за моря, — вздохнул Кондор, словно обязанность все объяснять мне уже утомила его. — Они справедливо верят, что в этом мире все, что слишком огромно, чтобы разум смог понять и представить целиком, где-то обязательно переходит в точно такое же, но в другом мире. Но я все же считаю, что на тех кораблях просто была парочка очень сильных магов, знающих свое дело. Ткань реальности, если так подумать, достаточно легко поддается, когда ты умеешь пользоваться ножом, — добавил он, скорее, для самого себя, а потом повернул голову ко мне. — Пойдем дальше, если ты здесь все посмотрела.

Я растерянно кивнула.

— Мороки... Иллюзии... — Кондор задумчиво почесал подбородок. — Тебе действительно интересно слушать про все это вот?

— А тебе было бы не интересно? — угрюмо ответила я. — Вот правда?

Он пожал плечами и посмотрел вперед — перед нами была красивая, теплая, очень светлая комната, полная деревянных шкафов с книгами. За ее окнами сиял зимний день. Солнце, клонящееся к закату, выглянуло из-за снежных туч, и все пространство заливал яркий, почти оранжевый свет, бликующий на стеклах и металлических ручках шкафов. После белого мрамора и холодного сумрака соседнего зала мне стало даже как-то теплее.

Люди, проходя мимо, не замечали нас с Кондором, словно мы превратились в тени или в статуи, и именно поэтому я спросила про

мороки.

– Ты же что-то сделал, я знаю, – добавила я, следуя за ним – маг опять тянул меня за руку вперед, хотя ни коварных ступенек, ни толпы тут не было.

– А если и сделал? – хмыкнул он, не оборачиваясь. – Нам просто не нужно лишнее внимание и вопросы, милая, вот и все. Кстати, – он вдруг остановился, развернулся и пристально посмотрел на меня. – Как ты относишься к тому, чтобы, наконец, пообедать?

Джейна

Андре Форжо в одном из своих писем-советов утверждал, что не стоит слишком всматриваться в отражение собственных грез, потому что этот путь неизбежно ведет к разочарованию.

Наверное, он никогда бы не подумал, что сам станет примером подобного разочарования.

Блестящий литератор, подающий надежды молодой историк и просто красивый молодой человек, обладатель острого ума и восхитительного таланта рассказчика, господин Форжо, конечно, был создан для того, чтобы им, скорее, очаровывались, нежели разочаровывались – в нем.

Но Джейна Бронкль уже полчаса скучала в его компании, не зная, куда себя деть.

Чай в ее чашке давно остыл, и Джейна с раздражением отметила, что шерстяные манжеты платья заставляют кожу чесаться.

Джейна была рыжей, с тонкой, очень бледной кожей, и грубая шерсть, из которой шили форменные платья Наставниц, доставляла ей массу неприятностей. Обычно Джейна не замечала этого, но если уж замечала...

Значит, дело плохо.

Ничто не предвещало беды. Почти год назад она осмелилась написать Андре Форжо, автору лучшего, по ее мнению, учебника по истории Латиерры для юных умов и нескольких жизнеописаний, которыми Джейна зачитывалась сама и рьяно рекомендовала своим ученицам в качестве полезного, но в то же время увлекательного чтения. В её первом письме было столько искреннего восхищения и сдержанного юмора в суждениях о мире, признался господин Форжо, отвечая ей, что он не смог пройти мимо, хотя не в его правилах отвечать каждому из поклонников лично.

У него был прекрасный почерк – ровный и четкий, с редкими щегольскими завитушками, которые совсем не мешали чтению, но украшали его.

И Форжо на портретах в книгах казался таким же. Прекрасным. Ровным. Сдержанным. Щегольский узел шейного платка выдавал в нем человека, который следит за собственной внешностью, а манера излагать мысли – что кроме внешности он следит и за своим умом, оттачивая его день за днем.

Их переписка с Джейной была активной и грозила перейти в нечто большее, чем полуофициальный прохладный обмен любезностями. В своих самых смелых мечтах Джейна представляла себя в роли музы и партнера, потому с радостью отвечала на вопросы Андре о Враньем Доле, школе, где она служила, о ее богатой истории и о мифах, которыми школа обросла, как старые камни – мхом.

Господин Форжо с радостью подхватил идею Джейны дать несколько советов ее юным подопечным, продемонстрировав, как она просила, мужской взгляд на важные для девиц этого возраста вопросы. Ироничные, немного слишком рациональные суждения Андре на

жизнь, мир, искусство, людей, их чувства, нравы и чаяния нравились Джейне.

И когда он узнал, что на каникулах она будет в Маревельде с матушкой, которой нужно было навестить родню (участие Джейны в этом мероприятии было решено без обсуждений!), то предложил встретиться.

Даже поменял ради нее свой маршрут.

Сердце Джейны забилось сильнее, хотя, конечно, она не призналась в этом даже самой себе.

И вот теперь, устроившись на втором ярусе «Золотой ветви» – самого лучшего из всех приличных заведений, которые могла позволить себе скромная леди-наставница, желающая провести приятный вечер в хорошей компании, – Джейна Бронкль сидела напротив Андре Форжо и понимала, что разочарована.

Она ожидала увидеть прекрасного собеседника, умного, талантливого молодого мужчину с прекрасными манерами и тонкой иронией в каждом слове, той самой иронией, которой были пронизаны все его письма. Но перед ней сидел самовлюбленный светский красавец, лощеный, одетый по последней моде – ярко и слишком легко для Маревельда с его морем и ветрами, пронизывающими до костей.

Когда она вошла в зал и оказалась в поле его зрения, Андре в первый момент даже не заметил ее, просто мазнул взглядом, как по чему-то незначительному – и Джейна почувствовала себя так, как боялась себя почувствовать.

Тем, кто она есть, то есть – бедной учительницей в скромном платье, которое она надела сегодня, потому что во всех платьях своих кузин, предложенных тетушкой для выхода, рисковала замерзнуть.

Но, наверное, те платья куда больше подошли бы к костюму Андре. Точно так же девушка, которая носила бы подобное, куда лучше подошла бы самому Андре в качестве спутницы.

Так думала Джейна.

Коричневое шерстяное платье тем временем несколько не мешало Андре заигрывать с ней.

И Джейна бесилась, сама не зная почему.

Он был обходителен и умен. Он много говорил о себе и мало – об истории и искусстве. Точнее, об искусстве он говорил, но исключительно в контексте себя и своих менее удачливых собратьев по

перу. Это никак не походило на полные утонченного восприятия пассажи из писем, в которых он рассказывал ей о посещениях известных галерей и прочих достопримечательностей во время путешествий.

«Каменные храмы Кимри, – писал он как-то, – эти древние руины, покрытые льдом и мхами, вдохновили меня заинтересоваться прошлым этого мира».

За весь вечер он не сказал о храмах и истории ни слова.

Джейна скучала.

Андре рассказывал, как его принимали в домах благородных семейств, упоминал имена и приставки к фамилиям, стоимость картин в гостиных комнатах и украшений на дамах. Самих дам он тоже упоминал – и так, словно Джейна знала их поименно. Это не имело ничего общего с его взглядами на суетность светского бытия и недолговечность красоты внешней по сравнению с красотой души.

В бокале Джейны было полусухое белое вино – Андре выбрал его сам, и вино правда было прекрасным. Джейна не допила его только потому, что от вина она начинала краснеть, и это выдавало ее с головой. Сейчас очень хотелось выплеснуть содержимое бокала в лицо Андре, развернуться и уйти, но происхождение, род занятий и внутреннее убеждение, что леди так не поступают, останавливали Джейну.

Она смотрела по сторонам, оценивая скромное изящество и уют обстановки. Мебель была из хорошего дерева, стены украшали фрески и картины уютного, сытого быта, на потолочных балках висели гирлянды из веток, засушенных цветов и лент – знак ожидания Ночи Излома, которая уже вот-вот наступит. Внизу, у входа, Джейна увидела всю себя, с ног до головы, до самой своей рыжей макушки в огромном зеркале. Сейчас она радовалась и одновременно жалела, что в зале зеркал не было. Иначе, пожалуй, господин Форжо уделял бы им внимания больше, чем ей и всему тому, что закрывало строгое платье.

Как вообще человек может смотреть на другого человека вот так – оценивающе и с предвкушением, как на кусок пирога у себя в тарелке?

Как могло так случиться, что на нее именно таким взглядом смотрит человек, в чьих письмах она находила тонкое чувство красоты и любовь ко всему в мире?

Зачем она вообще согласилась на эту встречу?

– Как ваша работа, Джейна? – спросил вдруг Андре, отклонившись чуть назад.

Его холеная рука с одним ярким перстнем на мизинце – блестящий камень в нем по цвету напоминал морскую волну, точно так же, как глаза Андре.

Этот цвет глаз – слишком яркий для человека – и пепельно-белые волосы выдавали в нем примесь чужой крови. Той самой, которая иногда дарит тем, в чьих жилах течет хотя бы крошечная ее часть, разного рода таланты.

Умение завораживать сердца людей песней. Рисовать на холсте цветы настолько живые, что на них садятся пчелы. Убивать осколком зеркала и шпилькой для волос.

Или вот, например, очаровывать словами, написанными на бумаге.

Улыбка у Андре была как у кота, знающего, что перед ним – миска сливок, предназначенных только ему.

– А?

Джейна не сразу поняла, что он о чем-то ее спросил.

Андре рассмеялся, хлопнув ладонью по белоснежной скатерти на их столике.

– Вы такая милая, госпожа Бронкль...

– Леди, – поправила она его.

– Хорошо, славная, леди, – исправился он. – Леди Джейна. Я помню, что ваша матушка... – Взгляд Андре скользнул в сторону и вверх. Видимо, за подсказкой. – Благородна. Простите. Я спросил, как вам работается во Враньем Доле?

Она пожала плечами, потому что этот вопрос тоже напоминал ей о том, кто она такая, и втянула голову в плечи.

– Я не думаю, что это как-то отличается от работы в любой другой школе для юных леди, – сдержанно сказала она, озадаченная его интересом.

– Но эта лучшая, – напомнил он.

Он сидел, откинувшись на спинку стула и положив один локоть на нее. Другую руку он вытянул вперед и сейчас поигрывал ножкой бокала с вином.

Взгляд Андре скользнул вниз – сначала по столу, на котором еще оставалась пара блюд с едой, потом – по груди Джейны.

Андре прикусил нижнюю губу и повел плечами, словно что-то с них стряхивал.

– Лучшая. – Джейна медленно кивнула. – Поэтому я в ней.

– О, я не сомневался, – улыбнулся он и подался вперед, поставив локоть на стол. Это позволило ему приблизиться к Джейне еще чуть-чуть, как заговорщику. – Просто... леди Бронкль, мне, возможно, нужна ваша помощь, – сказал он пылко.

В первый момент она подумала, не будет ли эта помощь связана с тем, чтобы передать тайные письма одной из учениц.

Джейна поняла, что ее брови дернулись и строго сошлись, как всегда, когда она злилась и хотела показать свою злость. К примеру, если кто-то из учениц забывался.

– Я задумал очень... амбициозную книгу, – продолжил Андре. Его взгляд метался – вниз, к тарелкам, в сторону, вверх и, наконец, к Джейне, прямо в глаза. – Об Академии Галендора. И о традициях обучения в ней. Ваши письма говорят о том, как прекрасно вы все это знаете. Вообще-то, – он махнул рукой в воздухе и улыбнулся с самодовольством человека, который предчувствует свой успех, – я хотел написать биографии самых знаменитых ее ректоров и магистров, но оставил эту идею как запасную. Тем не менее, рассказ об Академии без упоминания той семьи, история которой тесно переплетена с историей города, будет неполным, вы же понимаете, Джейна?

Он снова смотрел ей в глаза со странным предвкушением, словно ждал, что она одобрительно улыбнется и похвалит его. Точно так же делали самые маленькие ученицы, когда показывали Джейне первые акварели.

Джейна смутилась.

Злоба и раздражение, скопившиеся в ней за вечер, куда-то исчезли под этим взглядом.

– А Враний Дол, – почти прошептала она, – под патронажем...

– Именно, моя дорогая! – Андре щелкнул пальцами в воздухе и довольно оскалится. – И дочь лорда Парсиваля, если я не ошибаюсь, тоже носила черно-серое платье, не так ли? Вы не были знакомы? По возрасту вы вроде бы близки.

Джейне показалось, что на нее нацелено перо. Острое, как ум господина Форжо, и безжалостное, как обстоятельства, из-за которых Джейна когда-то попала во Враний Дол в роли уже не ученицы, а Наставницы. Желание быть полезной и, что уж скрывать, желание быть соучастницей творения боролись в ней с нежеланием вспоминать то время, когда они действительно могли быть знакомы с девушкой, о которой Форжо хотел узнать.

Победило желание последнее – и чувство паники, которое вдруг ударило по Джейне, заставив ее покраснеть.

– Увы, не помню, – Джейна покачала головой и едва удержалась от того, чтобы облизать пересохшие губы.

Не стоило делать этого при Андре, вдруг истолкует по-своему?

– Совсем-совсем? – лениво спросил он, кажется, совершенно равнодушный к той буре, которая сейчас бушевала у нее внутри.

– Дети из таких семей держатся особняком, господин Форжо...

– Андре... – напомнил он строго. – Мы же договорились, моя милая.

– Андре, – повторила она и торопливо поправила воротник, ставший вдруг удивительно тесным. – Мне... мне надо выйти.

Во взгляде Форжо мелькнула вполне настоящая тревога.

Он подался вперед, готовый в случае чего вскочить с места и помочь ей.

– Что случилось, дорогая? Вам нехорошо?

– Кажется, здесь слишком душно, – ответила она, не желая говорить правду, и осторожно, чтобы не снести случайным движением что-нибудь из хрупкой утвари, стоящей на столе, встала, приложив похолодевшую руку к пылающему лбу. – Я вернусь через пару минут.

Он проводил ее рассеянным взглядом, а Джейна, подхватив со спинки стула висевший на нем расшитый бархатный мешочек с вещами, торопливо спустилась вниз. В уборную.

Ледяная вода и полотенце, пахнущее лавандой, немного ей помогли. Волна ужаса и паника отступили, спрятались где-то глубоко внутри. Там же, где лежали несколько лет, погребенные под ворохом забот и обязанностей.

«Видимо, – думала Джейна, глядя на себя в зеркало исподлобья, – что-то начинает ломаться, как лед по весне, и обнажает то, что под

этим льдом пряталось». Что-то такое заканчивается, и Джейна знает, что, но пока боится признаться себе в этом.

Письмо, которое лежало у нее в спальне, спрятанное среди тетрадей и учебников, было причиной, почему все менялось.

Колесо делало поворот – Джейна делала шаг вместе с ним. Пока непонятно, не оступится ли она и не вернется ли в прежнюю колею.

– Ой, – раздался из-за спины испуганный голос. – Добрый вечер.

Джейна открыла глаза и в первый момент не поверила в то, что увидела. А когда поверила, поспешила развернуться и вспомнить о том, кто она есть.

Наставница из Враньего Дола пока еще, а не кто-то там другой.

Потому что в зеркале за своей спиной Джейна увидела девушку в серо-черном платье, с косой, перекинутой через плечо, незнакомую самой Джейне, но очень напуганную и явно удивленную тем, что они встретились.

Джейна была удивлена не меньше, потому что не могла представить себе, каким образом одна из учениц могла оказаться здесь, в другой стране, в заведении, которое девочкам на время учебы разрешалось посещать только вместе с родителями. И почему она в форме, а не в обычном платье?

– Добрый вечер, дитя, – ласково сказала Джейна, готовясь в случае чего хватать девушку за плечо, чтобы не успела удрать. – Как вы тут оказались?

Наверное, самым красивым в ней были волосы – тёмно-рыжие, вьющиеся крупными волнами, густые, они были забраны в низкий узел у неё на затылке и закреплены тонкой серебристой сеточкой. Ей это удивительно шло, и я бы даже назвала её настоящей красавицей, если бы не печать усталости на бледном лице, делающая его слишком суровым и немного грустным.

Именно волосы я и увидела в первую очередь.

Именно из-за них остановилась как вкопанная и случайно, совершенно случайно поздоровалась с незнакомкой.

И теперь темно-серые глаза смотрели на меня внимательно и строго. На губах у нее застыла очень формальная, совершенно неискренняя улыбка человека, который вынужден обращаться к тебе и проявлять участие в силу своих обязанностей.

– Добрый вечер, милое дитя, – сказала она, протягивая ко мне руку. – Как вы тут оказались?

Ситуация была – полный швах, и я не знала, что делать. Я хотела извиниться и прошмыгнуть тихой мышкой мимо, но незнакомка перекрывала мне путь к двери.

Дернул меня черт за язык, конечно, вежливая самая нашлась!

Девушка нахмурилась и склонила голову набок.

– Меня зовут леди Джейна Бронкль, – продолжила она. – Возможно, вы не знаете меня, но я тоже из Враньего Дола.

Леди Джейна Бронкль вытащила из-за ворота медальон, висящий на тонкой серебряной цепочке, и, прищурившись, я разглядела какой-то герб.

Кажется, этот герб должен был быть мне знаком.

Оставалось только кивнуть и постараться сохранять невозмутимость на лице.

– Как ваше имя, дитя?

Леди Бронкль смотрела на меня с видимой лаской и улыбалась так, как улыбаются детям добрые тётеньки в больнице, обещая, что лекарство будет не очень горьким.

– Алиса, – сказала я.

Очень удобно.

– Полностью, девочка.

Её пальцы, сжимающие цепочку медальона, казались мне цепкими: вполне возможно, что они точно так же, до побелевших костяшек, могут впиться мне в плечо.

Я лихорадочно пыталась придумать, что же мне делать, потому что никаких инструкций на случай, если столкнусь лицом к лицу с местными, проявляющими ко мне интерес, не получала.

Не просить же кое-кого сопровождать меня еще и до уборной?

Джейна Бронкль явно ждала, что же я отвечу, и с каждой секундой ее лицо становилось все более строгим. Еще немного, и я вспомню, что я очень хорошая и послушная девочка, а взрослые лучше знают, что мне нужно.

Хотя, наверное, она не сильно старше меня.

Просто чуть выше.

И более, эмм... Женственная. Темно-коричневое платье, глухо закрытое везде, где платье может быть закрытым, эту женственность ни капли не скрывало.

– Имя, – голос Джейны стал холодным.

Она чуть наклонила голову и, кажется, подалась в мою сторону.

– Алиса Лидделл, – брякнула я. – Алиса Мария Лидделл, к вашим услугам.

И сделала неловкий книксен. Точнее, то, что в моем представлении должно было за него сойти.

Лицо Джейны скривилось от непонимания пополам с неодобрением, но только на миг – она тут же вернула себе прежнее строгое, но подчеркнуто благожелательное выражение.

– Я что-то не помню такого имени, – сказала она все так же холодно. – И с кем же вы тут, Алиса Мария Лидделл?

Кажется, она чуть придвинулась ко мне.

И с кем я тут?

И кто я вообще?

И чего она от меня хочет?

– С братом, – ответила я дерзко.

И добавила про себя, что щас он с тобой разберется.

В жабу превратит, например.

– Ах, с братом.

Этот ответ вызвал у леди Бронкль из Враньего Дола презрительную улыбку. И если вначале на её лице было место участию и интересу, то сейчас оно стало таким же холодным и строгим, как и голос.

Я поспешила добавить одну деталь, потому что у нас с моим предполагаемым братом было не то чтобы много сходства:

– С двоюродным.

– Значит, с двоюродным. – Ее глаза нехорошо сощурились. – Тогда я вас провожу... к брату. Двоюродному.

Она сделала скептическую паузу перед словом «брат», и в следующий момент её красивые губы сжались в жёсткую тонкую линию. Леди подобралась, расправила несуществующую складочку на юбке и действительно очень крепко схватила меня за предплечье.

– Так, подождите, – сказала я, оставшись на месте. Можно было бы сказать, что я никуда с ней не пойду, но мне так или иначе нужно было отсюда выйти. Поэтому я спросила: – С какой стати вы пытаетесь...

– Юная леди, я – наставница, – с арктическим холодом пояснила девушка, выталкивая меня из комнатки. – Наставница в той школе, в форме которой вы изволили появиться в общественном заведении, да еще и в компании... брата. Если он действительно ваш брат, я все равно должна напомнить ему о некоторых правилах, о которых он, кажется, забыл!

Ах, школьная форма, значит.

«Пообедать» в понимании Кондора выглядело неплохо.

Я думала, мы вернемся в Замок, и на этом прогулка закончится – этого мне очень не хотелось бы, потому что гулять по другому миру за руку с волшебником было так увлекательно, что я уже давно простила ему и выходку Лин с чарами, и то, что он не предупредил меня.

Но вместо Замка мы оказались в каком-то заведении, маленьком, уютном, с деревянной лестницей, ведущей на второй этаж, с небольшими квадратными окнами и светлыми стенами, на которых висели квадратные картины с идиллическими пейзажами. Каким-то образом мы оказались за столиком у камина – не напротив огня, а сбоку, так, чтобы в случае чего на нас не обратили внимания. Солнечный свет куда-то исчез, в комнате было темновато – только свечи на столах, и отблески огня, и тусклые волшебные кристаллы в большой деревянной люстре, висевшей в самой середине потолка.

Все шло хорошо. Даже слишком. Но черт дернул меня за язык на выходе из уборной – и теперь рыжеволосая незнакомка собственнически вела меня за собой. Я улыбалась и даже не думала упираться, я уже привыкла, что в этом мире меня таскают за руку, не особенно интересуясь моим мнением.

Пожалуй, знай она, куда именно меня тащить, мне было бы страшнее, но леди Бронкль из Враньего Дола, конечно, подрастеряла свою уверенность почти сразу, как вытащила меня в полный людей зал. Ее пальцы, и без того держащие меня как клещи, почти до боли, сжались сильнее.

– Мы рядом с камином, – подсказала я, не скрывая ехидства. – Левее, леди Бронкль, вон тот хмурый тип в углу.

– А вы дерзки, Алиса Лидделл, – холодно заметила она.

– В безысходном положении очень хочется взбрыкнуть, – призналась я миролюбиво и пожала плечами. – Не сломайте мне руку, пожалуйста. Мой, хм, брат будет недоволен.

Леди Бронкль удивленно вскинула тонкие брови, но хватку ослабила, выпустила меня и легко толкнула в спину, заставляя идти впереди.

Кондор оторвался от книги, которую читал, быстрее, чем я успела кашлянуть, подойдя к нему ближе. Он поднял взгляд, удивленно посмотрел на меня, видимо, не понимая, почему я не спешу упасть на стул рядом с ним, но заметил леди Бронкль за моим плечом и стал вдруг какой-то другой версией себя. Холодной и отстраненной настолько, что это было неприятно.

От такого Кондора хотелось сбежать подальше.

Чародей спросил, чуть растягивая гласные, отчего фраза получилась ленивой и презрительной:

– Что вам нужно от моей невесты?

«Надо же, – подумала я, чувствуя холодок вдоль позвоночника, – он тоже импровизирует».

– Невесты? – Рука леди Бронкль легла на мое плечо, с силой надавив, и я неуклюже села на стул прямо напротив волшебника. – Если верить этой девушке, вы ее брат.

– Вот как?

Он не смотрел на меня, полностью сосредоточившись на леди, чья рука все еще сжимала мое плечо.

— Леди младшая наставница, значит. — По губам Кондора скользнула хищная улыбка. — Надо же, какое совпадение. Сядьте, милая, нам надо поговорить. И если на плече моей спутницы останется синяк, — пообещал он холодно, — я сделаю с вами что-нибудь... не очень хорошее.

Леди Бронкль разумно решила отпустить мое плечо и, не дожидаясь, соизволил ли чародей встать, чтобы пододвинуть ей стул, как, наверное, ему и полагалось сделать по этикету, сделала это сама. Она оказалась справа от меня, как раз с той стороны, с которой в моем ухе висело пять серебряных колец, которых, кажется, она не видела за сетью морока. Зато я отлично видела, как она побледнела, как ее губы моментально высохли, стоило Кондору провести рукой перед своим лицом, снимая все тот же морок.

Морок, который прятал настоящий цвет его глаз.

Кажется, она его узнала.

И ей это не очень понравилось.

— Я прошу прощения, милорд, — сдержанно сказала леди Бронкль, опустив ресницы и чуть наклонив голову. — Что помешала вам и вашей... невесте. Но вот беда. — Мне показалось, что уголки ее губ дерзко дернулись. — В школе запрещены свидания. Даже с женихами.

— И с каких пор правила поменялись, леди... — Кондор вопросительно посмотрел на девушку.

— Леди Джейна Бронкль, — представилась она. — Уже два года, милорд, как правила ужесточили. Новая директриса считает, что наши воспитанницы могут встречаться с мужчинами только в присутствии компаньонки или попечителей. С женихами и братьями в том числе.

Кондор сощурился, словно пытался разглядеть в ней что-то или что-то вспоминал. Он снова чуть задрал подбородок и теперь смотрел на нас обеих свысока.

— И я не заметила на руках юной леди ни одного кольца, — вежливо добавила Джейна Бронкль.

Я заметила, что манжеты платья раздражают её кожу — под ними на запястьях были четко видны красные полосы.

— А вы отрастили шипы, леди Джейна Бронкль, — вдруг сказал Кондор, тряхнув головой, словно прогонял наваждение. Холод исчез, волшебник снова был тем, другим собой — немного усталым,

растрепанным и совсем не страшным. – Как я вам советовал. Сменили чийский шелк на платье наставницы?

Она с отчетливым раздражением фыркнула.

– Характер лучше не стал.

– Мой характер отвратительно исправился за эти годы, Джейна, – рассмеялся Кондор.

Я удивлённо посмотрела на Джейну – та сидела, надувшись с какой-то абсолютно детской сердитостью, и хмурилась в сторону улыбающегося мага.

– Вот же совпадение! – продолжил Кондор со странным весельем. – Я выбрал из всех мест, где можно пообедать, именно то, где нас ждали неприятности. Могу ли я надеяться на одолжение по старой... дружбе? – Он посмотрел на Джейну, по-птичьи наклонив голову. – Или ваши принципы столь же прочны, как стены Враньего Дола, и мне придется применять чары?

Он сказал это ласково, но я почувствовала что-то такое, отчего открыла рот быстрее, чем поняла, что делаю:

– Кондор, нет.

Он повернулся ко мне, удивленно приподняв одну бровь.

– Вот видите, Джейна, моя спутница не одобрит этого. Или мне придется выслушивать долгую проповедь о праве сильного на милосердие, – добавил он, подмигнув мне со странным лукавством, и снова переключился на Джейну. – Давайте мы просто договоримся, как два человека, связанные общей тайной и интересным приключением в прошлом? Пожаловаться на меня вы всегда успеете, я не сомневаюсь.

Джейна сделала глубокий вдох и покосилась на меня.

– Я не слышала имени Алисы Лидделл, – сказала она холодно и строго. – И подозреваю, что вы оба врете.

Кондор снова покосился на меня и коротко улыбнулся одним уголком губ.

– Несомненно. У меня и у моей, эм, спутницы есть причины сохранять инкогнито, но, поверьте, леди рядом со мной в полной безопасности. Думаю, зная, кто я, вы это отлично понимаете.

Джейна кивнула – не сразу, словно все-таки сомневалась в том, что мне ничего не угрожает.

– Я не знаю, что вы задумали, милорд, – сказала она. – Но с моей стороны все выглядит так, словно вы намеренно компрометируете Враний Дол.

– Так вот в чем дело? В ее платье? – понял он и щелкнул пальцами в мою сторону. Не глядя. – Так лучше?

Джейна повернула голову ко мне. Ее глаза изумленно распахнулись, крылья тонкого носа дернулись, но леди Наставница быстро вернула себе самообладание и поджала губы. Как мне показалось, с обидой.

– Хорошо, – сказала она. – Так лучше. Я постараюсь не думать о том, как много людей видели вас вместе.

– Много, Джейна, – не стал отрицать Кондор. – Но большинство из них уже не помнят, что видели нас.

Я сжала руку, которая лежала на скатерти, в кулак, чуть смяв плотную бежевую ткань.

Он мог бы предупредить.

Интересно, что она видит теперь?

– На тебе копия платья леди Бронкль, – пояснил Кондор, словно прочитал мои мысли. Взгляд его сделался острым. – Чуть приукрашенная. Прости, милая, я не настолько хорошо разбираюсь в женской моде, чтобы по памяти создавать мороки на любой вкус. Но постараюсь исправиться. Конфликт исчерпан, леди Бронкль?

Джейна медленно кивнула.

– Конечно, милорд, – сказала она рассеянно и медленно встала, держа спину так прямо, словно вместо позвоночника у нее был железный прут. – Спасибо.

Чародей не удержался и закатил глаза, демонстрируя свое отношение ко всему происходящему.

– Очень надеюсь, что в этот раз вы не вляпались в неприятности, – сказал он устало.

Джейна ничего не ответила на это. Она развернулась, собираясь уйти, но вдруг застыла. Ее рука, та, которую я видела, сжалась, как будто сведенная судорогой. Я испуганно огляделась, не понимая, что происходит.

– Что такое, леди Бронкль? – спросил Кондор и посмотрел туда, куда был устремлен ее взгляд. – А... Понятно.

Джейна села обратно и, кажется, забыв и о том, что она леди, и о том, что рядом – я, еще недавно – предполагаемая ученица школы, где она работала, поставила локти на стол и спрятала лицо в ладонях. Кажется, она прошептала что-то, но я не расслышала – или не поверила в то, что услышала.

– Что-то слу...

Кондор вместо ответа кивнул куда-то за спину, и я снова обернулась, вглядываясь в толпу.

Где-то там, у входа в зал, у лестницы, ведущей на второй ярус, стоял молодой мужчина в непривычно яркой одежде – золотисто-песчаные брюки, зеленый пиджак, светлые, словно выгоревшие волосы, коротко остриженные и взлохмаченные в творческом беспорядке. Он озибался по сторонам, будто искал кого-то.

И этот кто-то, кажется, сидел рядом со мной.

– Удивительное дело, – сказал Кондор, снова растягивая слова. Лицо его сияло таким злорадством, что было ясно: произошло что-то невероятное. – Встретить в одном заведении сразу двух старых знакомых. Джейна, вас серьезно угораздило связаться с Андре Форжо?

Она подняла на него взгляд, полный негодования, и это было лучшим ответом.

Мне показалось, что воздух вокруг нас стал гуще, а звуки извне заглохли, выцвели, как краски на старых обоях.

– Мне бы очень не хотелось продолжать это знакомство, милорд, – сдержанно сказала она.

На ее щеках алел румянец. Кончики ушей тоже покраснели.

«Вот так, значит, свидания запрещены, – подумала я. – Видимо, на Наставниц это правило не распространяется».

Странная школа.

Кондор пристально посмотрел на меня, покачал головой, но ничего не сказал. Он махнул рукой одному из подавальщиков, шныряющих между столиками.

– Надеюсь, ты не против, если леди Бронкль составит нам компанию, – сказал он мне.

– Не против, – я пожала плечами.

– Милорд, я не... – начала было Джейна.

Кондор посмотрел на потолок и, кажется, сосчитал до трех.

– Он сейчас поймет, что вы сбежали, – пояснил он, с очевидным усилием не выдавая своего раздражения. – И уйдет. После этого ваш путь будет свободен, а пока я предлагаю вам чашку чая, Джейна, не более того.

Она нервно вздохнула и закрыла рот ладонью, словно пыталась не расплакаться. Или не рассмеяться от облегчения.

«Удивительное приключение, – думала я, краем глаза следя за тем, как Джейна Бронкль пьет свой чай. – Я опять вляпалась, и мне это не нравится. Скорее бы она ушла».

Судя по поджатым губам и прямой спине, Джейна была не против уйти, но медлила, делая вид, что ей приятна наша компания. Ее присутствие тяготило меня не меньше, чем ее – наше, и я не знала, как себя вести. Мне было жалко ее, такую красивую и напуганную, злую, как оса, и в то же время я хотела, чтобы всего этого не было.

Кто этот человек, который мелькнул за моей спиной? Чего он хочет? Почему она бежала от него, а главное – почему Кондор язвит, но помогает ей?

Откуда он знает их обоих? Почему на мне была форма этой школы? Что с ней связано?

Ведь что-то связано, так ведь?

Я подняла взгляд на волшебника, который смотрел вперед, туда, где, кажется, все еще был тот мужчина. Можно было бы подумать, что Кондор лениво наблюдает за людьми, если бы не едва заметное напряжение в его взгляде – сосредоточенном и цепком. От этого взгляда я почувствовала холодную щекотку вдоль позвоночника, хотя смотрели даже не на меня.

Что чувствовал таинственный господин Форжо, я даже думать не хотела.

Наконец, Кондор моргнул и улыбнулся.

– Вот и все, леди Бронкль, – ласково сказал он. – Ваш путь свободен.

Джейна выдохнула с заметным облегчением и опять покраснела – от кончиков ушей до самой шеи.

– Удивительный у вас талант, – продолжил Кондор, не сдерживая ехидства. – Попадать в беду, стоит только подумать о том, чтобы нарушить правила.

Она скривила губы, сдерживая какие-то слова, и шмыгнула носом.

– Спасибо, милорд, – с интонациями, далекими от искренней благодарности, сказала Джейна и поспешно встала.

– Всегда пожалуйста, милая, – оскалился он. – Вы помните? Услуга за услугу.

Джейна испуганно замерла, не успев убрать руку со спинки стула.

– Ваше молчание, – спокойно напомнил Кондор и приложил палец к губам. – О том, что мы встретились. И мы квиты.

– Конечно, – хрипло ответила она. – Я никого здесь не видела. Удачи вам, юная леди. – Она посмотрела на меня, нехорошо щурясь. – Кем бы вы ни были.

Я пропищала что-то в ответ и, когда Джейна, наконец, ушла, тоже выдохнула, позволив себе расслабиться.

Кажется, все это время я просидела как на иголках, не в силах притронуться ни к одному из блюд, стоящих на столе.

– Ешь суп, пока совсем не остыл, – сказал Кондор, проводив Джейну взглядом. – И, пожалуйста, не задавай вопросов хотя бы пару минут.

Это было просьбой, не приказом, и взгляд, обращенный на меня, казался усталым.

Поэтому я усилием воли заставила себя проглотить все, что вертелось на языке, покорно кивнула и потянулась к ложке.

– Видишь ли, милая, – задумчиво сказал Кондор через какое-то время, когда замученное выражение стерлось с его лица. – У меня есть глупая привычка – иногда я спасаю девиц, попавших в беду. Я очень талантлив в том, чтобы оказываться рядом с ними в подходящий момент. А у некоторых леди, кажется, есть талант находить себе неприятности. И связываться с мужчинами, рядом с которыми я бы не хотел видеть, к примеру, свою сестру.

Я рассеянно моргнула и отодвинула от себя полупустую тарелку.

– Например, с неким Андре Форжо?

Кондор посмотрел на меня, склонив голову набок.

– Например – с ним, – ответил он. – А ты неплохо импровизируешь, как оказалось. Мне жаль, что так вышло, – добавил Кондор с искренним сожалением.

– Что меня поймала какая-то странная леди и попросила пояснить за платье? Или что тебе пришлось решать ее проблемы? – уточнила я. Волшебник тонко улыбнулся, и я продолжила: – Ну, мне кажется, мы не могли обойтись без приключений, выйдя за пределы безопасных стен. Просто в следующий раз, пожалуйста, предупреждай меня, какой легенды придерживаться.

Кондор приподнял брови в притворном изумлении.

– А из вас вышла бы неплохая шпионка, леди... как ты там назвалась?

– Алиса Лидделл.

– Леди Лидделл, – усмехнулся он. – У меня есть к тебе предложение.

– М?

Я оторвалась от разглядывания узоров на кромке тарелок и посмотрела на волшебника.

– Мне нужно... к одному старому другу, – сказал он. – Но заканчивать нашу с тобой прогулку на такой ноте не хочется. Сможешь полчаса побыть примерной девочкой и посидеть с книжкой у него в библиотеке?

– А этот твой друг, – неуверенно спросила я, – он будет рад меня видеть?

Кондор улыбнулся с видом заговорщика:

– Несомненно, – сказал он. – Я даже думаю, он угостит тебя кофе.

О прекрасных принцах

Закат догорал где-то за лесом – ярко-алая полоса над черной у самого-самого горизонта. В высоком окне, ведущем на балкон, можно было увидеть и лес, и поле, сизо-белое в наступающих сумерках, и тонкую ограду, отделяющую весь этот мир от голого, печального сада. Стройный ряд высоких деревьев выстроился вдоль подъездной аллеи, как настоящая гвардия. Прямо на моих глазах темная фигура в плаще зажигала желтовато-оранжевые огни фонарей, прячущихся во мраке.

Место, где мы оказались, принадлежало кому-то, у кого было право и на сад, и на аллею, и на такого вот человека, зажигающего огни. И на огромные окна, и на тяжелые шторы, и на просторные комнаты – такие, чтобы по углам их прятались тени, потому что ни один источник света не мог изгнать их до конца.

С моей стороны окна было тепло и самую малость мрачно, как, наверное, и должно быть в зимних гостиных, когда сгущаются сумерки. Тускло поблескивали часы на полке над камином – огонь в нем вспыхнул, стоило Кондору махнуть рукой. Вдоль стен стояли этажерки с книгами и диковинками, потолок украшало дерево и роспись, повторяющая узор на паркете.

Мне было странно, а вот Кондор, судя по закинутым на журнальный столик ногам, чувствовал себя почти как дома.

Он вытащил из сумки бумаги, какие-то свитки, письма, записную книжку и сейчас пытался их рассортировать у себя на коленях. Занимался он этим уже минут пять, неторопливо, почти лениво,

вольготно развалившись в одном из кресел, стоящих вокруг того самого столика поближе к огню. На лице у мага было написано, что лучше его не отвлекать – не дай Богиня, в жабу превратит.

Мы проникли сюда тихо, как воры, через зеркало в одном из соседних коридоров. Слуга, попавшийся нам, кажется, даже не удивился – он выслушал приказ Кондора передать хозяину дома, что мы его ждем, и словно бы испарился, даже не взглянув на меня.

И вот мы были здесь, и я смотрела на закат, едва не впечатавшись носом в холодное стекло.

– Ты сядешь уже или нет? – сказал Кондор недовольно.

Я бросила в его сторону косой взгляд: маг все еще был занят своими письмами.

– Сяду с книжкой в библиотеке, – ответила я и подошла к одной из этажерок. – Ой.

Волшебный кристалл рядом вспыхнул быстрее, чем я успела понять, что без его света вряд ли разобрала бы надписи на корешках книг.

Кто бы ты ни был, таинственный друг волшебника, ты любишь читать: все книги выглядели не новыми, их читали и, возможно, не один раз, некоторые страницы были заложены кусочками бумаги и тонкими лентами. «Политика», «Описание того, как избавился благородный герцог Борхо от врагов своих», «Мизерикорде, или Милосердие победителя», «Истории о золоте и железе»... Я протянула было руку к «Цивилистике и морали», но посягнуть на чужую собственность без разрешения не смогла, поэтому приложила руку к губам:

– Можно?

– Не стоит, – отозвался Кондор, даже не повернув головы в мою сторону.

Пришлось снова спрятать руки за спину и пойти смотреть на гобелен, висящий рядом.

На гобелене серые псы гнали белого безрогого оленя по бурому осеннему лесу, а за сворой этих гончих ехал на сером коне богато одетый светловолосый мужчина. Почему-то один, без свиты и даже без слуги-оруженосца, которому, как мне казалось, должно быть при рыцаре. По кромке полотна шел узор из переплетенных дубовых веточек с листьями и желудями. Я встала на цыпочки и пристально

всмотрелась в глубину гобеленового леса. То ли нити переплетались особым образом, то ли сказался недостаток света, то ли под определенным углом действительно можно было заметить среди деревьев какие-то полускрытые силуэты и насмешливые лица, следящие за всадником.

Как на фресках в Каэрии.

Я вытянула шею, пытаюсь понять, показалось мне или нет, и в эту минуту двустворчатые двери распахнулись, и в комнату вошел тот, кого мы ждали.

У него была грация того, кто привык, что путь перед ним свободен от любых препятствий – стремительный, порывистый и легкий шаг, почти бесшумный, как у танцовщика. В нескольких метрах передо мной мелькнула стройная высокая фигура, пряди светлых волос, белое пятно рубашки и темное – брюк, и вот этот человек уже сидел напротив Кондора – я видела только светловолосый затылок и руку, лежащую на подлокотнике кресла.

Кондор моментально выпрямился, убрал ноги со стола и улыбнулся.

Я отступила на шаг и положила руку на комод, словно пыталась найти у мебели поддержки, но меня, кажется, не торопились замечать.

– А я уже ждался, – голос незнакомца звучал мелодично и ясно, хотя говорил он тихо. – Чай принесут. Если тебе нужно что-то еще...

– Дар, – Кондор мягко перебил его и кивнул в сторону, где застыла я. – Я не один.

Дар, кем бы он ни был, повернулся ко мне – только голову, словно его окликнули посреди толпы, и он раздумывал, стоит ли останавливаться. На его лице отразилось что-то, похожее на недовольное удивление, но оно исчезло быстрее, чем я успела испугаться. Выразительные брови чуть темнее волос сдвинулись к переносице.

– Как неожиданно, – сказал Дар, качая головой и разворачиваясь сильнее. – Я ждал, когда же познакомлюсь с вами, милое дитя. Но не мог представить, что это произойдет так скоро. Подойдите ближе, не бойтесь.

Он поманил меня рукой, как кошку, и я послушалась.

Потому что бежать в случае чего не смогла бы точно.

Кондор наблюдал за нами, сцепив кончики пальцев и положив на них подбородок. В его глазах был странный интерес, похожий на интерес ученого, на глазах у которого происходит, наконец, долгожданный эксперимент.

Дар не спешил вставать и целовать мне руку – или как тут в высшем свете принято приветствовать незнакомых леди, которых тебе только что представили? Он изучал меня с немного лукавой, но теплой и мягкой улыбкой – так обычно умные взрослые смотрят на маленьких детей, стараясь не напугать их, а наоборот – завоевать расположение и доверие. Я, впрочем, не спешила вытаскивать руки из-за спины и кланяться, потому что откровенно растерялась в этот момент и ждала, что скажет мой волшебник.

И тоже изучала.

Глаза у Дара были темно-карие, очень теплые, волосы – цвета бледного золота, прямые и длинные, ниже плеч, они чуть завивались на концах. Его лицо, конечно, казалось мне идеальным – как лица почти каждого, с кем я успела познакомиться, а еще было в его чертах что-то такое, что притягивало и смущало.

Как будто бы все остальные не заставляли меня смущаться, когда я смотрела на них.

Вспомнилась Джейна и то, как быстро краска заливала ее уши, щеки и шею, и я, кажется, действительно сама покраснела.

Возможно, дело было в тонком прямом носе, или тени от ресниц на щеках, или в том, как Дар улыбался мне – или в том, что он улыбался мне. Так или иначе, когда Кондор заговорил, я чуть не подпрыгнула.

– Дар, это Мари, и ты все понял правильно, – представил он меня. – Мари, это... Дар, мой добрый друг.

Дар бросил на него удивленный и хитрый взгляд, и я поняла, что короткая пауза мне не послышалась.

– Надеюсь, вы поладите, – добавил Кондор.

– Не сомневаюсь, – Дар встал и сделал шаг в мою сторону, протягивая руку.

Но вместо вежливого рукопожатия я действительно удостоилась легкого прикосновения сухих и теплых губ к своему запястью.

– Извини, что не предупредил, – услышала я голос Кондора. – У нас несколько... сложные обстоятельства, и мне хотелось порадовать

девушку. Я обещал Мари, что если она оставит нас на полчаса, то ты со всей своей щедростью угостишь ее кофе.

– О, – произнес Дар, не отпуская моей руки и не отводя взгляда. – Ты опять пытаешься принять за меня решение и самонадеянно судишь о пределах моей щедрости, господин маг. Но так и быть, в этом случае я тебя прощаю.

– Тогда попроси, пожалуйста, проводить леди в библиотеку. – Кондор, не вставая с кресла, подвинулся так, чтобы я могла лучше его видеть. – Или показать ей парадные комнаты этого дома. Но лучше библиотеку, она их любит. – Он подмигнул мне. – Насколько я успел узнать.

– Милое дитя. – Дар, продолжая держать меня за руку, подвел к двери. – Я должен просить прощения за поведение вашего Хранителя. – Я заметила весело-нахмуренный взгляд в сторону Кондора. – К сожалению, этот маг иногда отличается крайне дурными манерами, наглостью и отсутствием такта. Мне очень жаль, что мы вынуждены оставить вас скучать на некоторое время, но, поверьте... – Он распахнул передо мной двери, за которыми обнаружился полутёмный коридор и стоящий в паре шагов от входа слуга в темно-коричневом костюме с золотым шитьем. – Наши разговоры ещё более скучны для ушей прелестной девушки. – Он окликнул слугу: – Будьте любезны, проводите леди Мари в библиотеку, а затем передайте на кухню, что через полчаса нам понадобится не только чай, но и кофе, и... Мари, вы голодны? Нет?

Я хлопнула пару раз ресницами, стряхивая с себя кокон очарования, в который меня только что изящно замотали, не менее изящно выставив за дверь.

– Нет, – ответила я.

Как мне показалось, совершенно отвратительно пропищала.

– Прекрасно, тогда, пожалуй, обойдемся печеньем. Не скучайте, Мари. – Дар на прощание легко сжал мои пальцы и, кажется, с довольным интересом пронаблюдал за выражением моего лица. Улыбнувшись, он добавил громче, достаточно, чтобы было слышно всем, кому надо: – И еще раз прошу вас простить этого...

– И постарайся в этот раз без осложнений, милая! – донеслось из комнаты.

Дар виновато пожал плечами и отпустил, наконец, мою руку.

Пока молчаливый слуга вел меня к библиотеке, оказавшейся буквально через пару комнат от гостиной, я пыталась собраться с мыслями. Мысли, увы, разбегались в разные стороны. В библиотеке, глядя на деревянную лестницу, ведущую на второй ярус, разглядывая корешки книг, стоящих за стеклянными дверцами шкафов, я пришла к выводу, что стоит выпросить у Кондора что-нибудь, что надежно защитит мою голову от чужой воли.

Хотя, наверное, в этом случае дело было не в магии, а в интонациях и красноречии.

И в теплом обаянии.

– Кхм-м...

Я обернулась на вежливое покашливание и обнаружила, что слуга всё ещё не ушёл – парень заставил кристаллы в светильниках зажечься и теперь стоял у входа в комнату и выжидающе смотрел на меня. Я вопросительно приподняла брови, не зная, как мне к нему обратиться.

– Может быть... госпожа... желает чего-нибудь?

– Нет-нет. – Я помахала руками и покачала головой. – Госпожа ничего не желает. Вы... можете быть свободны.

Он коротко кивнул мне и оставил наедине со шкафами и книжной пылью.

Лестница, ведущая на второй ярус, даже не скрипнула под моими ногами. Я села на одну из ступеней и вытащила из кармана зажигалку. Пальцы тряслись мелко-мелко, но волшебный огонек зажегся сразу, стоило коснуться колесика.

Я захлопнула крышку, как только вспомнила, где нахожусь.

Несколько мелких искорок растаяли в воздухе.

Было несложно понять, что у мага с его влиятельным знакомым прямо сейчас идет какой-то разговор, не предназначенный для ушей кого-то вроде меня. Наверное, этот Дар прав: выставять меня за дверь

не слишком вежливо. Может быть, по их меркам, это даже граничит с грубостью. Но, кажется, впервые с того момента, как мы с Кондором вышли через зеркало за пределы Замка, я получила в свое распоряжение время и тишину. И саму себя.

Я была очень, очень за это благодарна.

Потому что вокруг вдруг оказалось слишком много всего нового, незнакомого, и я не знала, плакать мне или смеяться. Поэтому я пошла исследовать шкафы.

В шкафах второго яруса прятались бесчисленные сборники законов Иберии, множество одинаковых томов в сером переплете, где-то чуть светлее, где-то темнее, с черными буквами и значками, в которых я, моргая, опознала римские цифры. Ничего, кроме законов, здесь не было – ни статуэток, ни карт, ни камешков, ни странного вида бутылочек. Только право, ничего, кроме права – и тусклое старое дерево, чуть красноватое, и фигурки на нем – дубовые листья, львиные головы, маленькие грифоны, наблюдающие за мной, словно я собиралась взяться за латунные ручки и нарушить покой скучных букв. Стекло в шкафах было с широкими гранями по краям, очень прозрачное.

Я печально вздохнула и спустилась вниз, с наслаждением погладив деревянные перила.

На широком столе под лестницей стоял глобус. Я повертела его, отметив для себя еще раз отсутствие Австралии и странные пометки на том месте, где пунктирной линией были обозначены очертания, смутно похожие на обе Америки. Пометки говорили о том, что в этой области обитают чудовища. Чудовища, правда, обитали и на полюсах, там, где на глобусе были нарисованы ледяные шапки, и в глубине континента, соответствующего нашей Африке, и там, где, по идее, должна была располагаться Россия и соседствующий с ней Китай.

Китай здесь назывался Чи и, если память не изменяла мне, был меньше, чем у нас.

России – не было, только чудовища, горы и контуры множества мелких стран ближе к западному краю материка, отсеченного от условной Европы тонкой полоской моря.

Я вздохнула и подошла к окну. Мое отражение в стеклах, темное, неясное, все еще одетое в платье Джейны – тоже коричневое, но с белым кружевом воротника и манжет, было похоже на призрак бедной

гувернантки, замученной жестоким нанимателем. А за стеклом спал под снегом чужой сад: в синих сумерках я смогла разглядеть замёрзшее зеркало искусственного пруда, рядом с которым стояла изящная белая беседка. Среди невысоких сугробов шли расчищенные дорожки, где-то стояли накрытые тканью, как мне сначала показалось, столбы. Подумав о том, зачем тут столбы, я вдруг догадалась, что, скорее всего, это статуи. Где-то вдалеке виднелась каменная стена, а на ней – черные ветки голых деревьев. Пара деревьев росла и у пруда – они казались удивительно мрачными на фоне чистоты снега, и несколько черных птиц, облюбовавших крючковатые ветви, заставили меня проникнуться неким очарованием момента: я в платье а-ля бедная викторианская родственница, тёмная библиотека, таинственный дом, зловещие птицы на обнажённых ветвях.

Я дотронулась до портьеры, провела пальцами по еле заметному узору и воровато отдернула руку, когда дверь, не та, через которую я сюда попала, а другая, в противоположной стене, открылась. В комнату вошел седой мужчина в черном. Его вытянутое скуластое лицо с глубоко запавшими глазами было настолько бледным, что я в первый момент подумала, что все-таки умудрилась встретить призрака, и едва не вскрикнула.

Он закрыл дверь и сначала лишь мазнул по мне взглядом, словно бы не заметил, потому что, видимо, в нормальном состоянии никаких странных девиц в этой библиотеке водиться не должно было. Но стоило мне выдохнуть, как тяжелый, неприятный взгляд вцепился в меня.

Пришлось спрятать руки за спиной и шаркнуть ножкой – больше ничего не пришло голову.

– Доброго вечера, господин призрак, – сказала я как можно более вежливо.

Он застыл, рассматривая меня с недоумением.

– Доброго вечера, госпожа.

Голос звучал сурово.

– Эм-м-м...

Я виновато улыбнулась, пытаюсь придумать убедительное вранье, как я сюда попала. Но ситуация, вообще-то, поменялась, и в этом доме я вроде бы гостя, поэтому мне не нужно оправдываться перед страшными незнакомцами.

Мужчина сделал шаг вперед, протягивая ко мне руку – ладонь была крупная и сильная – словно хотел схватить меня за плечо и потащить за собой, разобраться, кто я и откуда. Я видела, как раздуваются его ноздри, чувствовала совсем не призрачный запах терпкого парфюма, слышала дыхание.

Нет, это точно не призрак.

Я отступила.

– Я не помню, чтобы вы заходили в дом. – Он нависал надо мной мрачной тенью, и мне пришлось смотреть снизу вверх, чуть задрав голову. – Как вы сюда попали?

– Через... зеркало, – призналась я, отступая еще на шаг.

Рука нащупала штору.

И ведь даже не соврала!

– Через какое такое зеркало?

На суровом лице снова появилось недоумение, но тут же исчезло. Губы сжались в тонкую линию.

– Через то, которое в комнате с камином, – сказала я. – Пришла сюда в компании желтоглазого парня с птичьим прозвищем. Ещё что-то нужно объяснять? – В моем голосе прорезалось нахальство, и я на всякий случай сбавила тон: – А вы кто?

Он выпрямился и тоже спрятал руки за спиной, прямой и строгий, но уже спокойнее.

– Меня зовут Якоб Хартман, – теперь голос звучал мягче. – Я дворецкий в этом доме. Мой лорд, увы, не предупредил меня о том, что его гость появится не один.

– Так получилось, – виновато сказала я.

Опасность отступила, и мне вдруг стало стыдно за возможную дерзость.

В конце концов, этот вот господин тут делом занят.

– Я не удивлен, – седые брови сошлись на переносице.

Похоже, о манере Кондора недоговаривать и забывать предупреждать о мелочах и деталях, здесь знают и просто привыкли.

Якоб, кажется, был готов тяжело вздохнуть и осуждающе покачать головой, но не сделал этого – просто потому что сдержался.

– Мне не успели сообщить о том, что вы здесь, – продолжил Якоб. – Сожалею, если напугал вас, но я не ожидал обнаружить леди в

библиотеке его высочества, поэтому в первый момент подумал, что в дом пробрался кто-то, кому... не стоит здесь находиться.

– Его высочества? – теперь нахмурилась я.

– Вы не знаете, в чьи владения попали? – изумление Якоба было искренним, но все равно отдавало чем-то, похожим на сарказм.

Я покачала головой, прикусив нижнюю губу и сделав очень виноватые глаза.

– Его высочество – я так понимаю, Дар?

– Его высочество Антуан д'Альвело, наследный принц Иберии, герцог Арморики... – поправили меня с таким видом, будто бы я начала утверждать, что трава синяя.

А в море – действительно полно чудовищ.

Я вцепилась в штору.

Якоб прервал поток слов, которые были перечислением имен и титулов светловолосого парня, выставившего меня за дверь.

– Вижу, вы ошарашены, – с ехидцей сказал он.

– Невероятно, – согласилась я.

Хоть бы кто меня предупредил, я бы, наверное, чуть иначе вела себя.

– В таком случае, осмелюсь предложить вам свою компанию, леди...

Он замолчал на полуслове и выжидающе посмотрел на меня.

Я не сразу поняла, чего от меня хотят, и Якоб еле заметно кивнул.

– Или вы не леди?

– Мари, – я протянула ему руку, все-таки отцепившись от несчастной шторы.

– Леди Мари... и все?

Рука дворецкого застыла в паре сантиметров от моих пальцев.

– Пока просто Мари, – сказала я.

– Вот как. – Он все-таки пожал мне руку медленно и осторожно. – Здесь есть гостевые комнаты, куда я с удовольствием провожу вас, просто Мари. Чтобы вы не заблудились в переплетении коридоров и не испугались еще кого-нибудь.

Он развернул меня лицом к выходу и слегка подтолкнул вперед.

– А можно... – начала я.

– Да, леди?

– А можете показать мне дом?

Якоб изумленно замолчал на какое-то время.

– Конечно, – сказал он неохотно. – Если это как-то искупит нерасторопность того лакея, который не успел предупредить меня, и мою собственную вину, я покажу вам дом. Прошу.

И он снова указал на дверь – на ту, из которой появился.

Почему-то мне показалось, что если я попытаюсь бежать, сильные пальцы Якоба просто сомкнутся на моем плече крепко и совсем не так осторожно, как на моей ладони.

Что делают бойкие героини-попаданки, когда им встречается настоящий, всамделишный принц?

Чаще всего – влюбляются в него без памяти с самого первого взгляда. Ну, для начала, конечно, хамят и фыркают для вида – так, чтобы никто не догадался, что сердечко уже екнуло. Нужно же показать этим принцам, кто тут главный, чтобы не навоображали себе невесть чего! Иногда, конечно, от избытка чувств падают в обморок, или там оказываются перед принцем в совершенно неподобающем виде, или вообще не знают, что это принц, поэтому умудряются перейти с ним на панибратское «ты», спустить пару лошадей и уже потом основательно нахамить.

В моем случае проявить характер не удалось и, видимо, уже не удастся. Наверное, это к лучшему.

Дворецкий не спускал с меня глаз, хотя старался подчеркнуть хорошее отношение к незваной гостье. Может быть, именно поэтому он, вняв моей просьбе, повел меня окольными путями, и я смогла увидеть пару парадных залов, галерею с портретами каких-то важных и очень красивых людей – преимущественно мужчин, хотя пара женщин, немолодых и не то чтобы красивых, тут тоже была. Якоб был предусмотрителен и вежлив. Он открывал двери, он пропускал меня вперед, он щелкал пальцами, чтобы зажглись волшебные кристаллы, и

большую часть времени молчал, предоставляя мне самой разглядывать мир вокруг и делать свои выводы.

На галерее с портретами я сдалась.

– Якоб, простите, но кто все эти люди? – спросила я, по своему обыкновению пряча руки за спиной.

Ладони были холодными от волнения.

Так, глядишь, заведет меня мрачный дворецкий в темную комнату или подвал, и поминай как звали попаданку Мари.

Якоб ни капли не изменился в лице, хотя, думаю, мой вопрос мог показаться ему глупым. Как и я сама.

– Милорд коллекционирует портреты известных личностей, талантами которых восторгается и вдохновляется. По большей части это политики прошлого. Но есть парочка исключений. – Якоб махнул рукой в сторону портрета юноши, светлый лик которого выступал из тьмы. – Исследователи, ученые, капитаны морских судов, как, например, этот господин. Первооткрыватели и философы.

– А почему на глобусе было написано, что где-то могут водиться чудовища?

Я отвлеклась от портретов и повернула голову в сторону Якоба, чуть наклонив ее к плечу.

В этот раз Якоб не удержался от того, чтобы дернуть бровью.

– Это... странно, что вам неизвестно, – сказал он уже не так сухо – за вежливостью проскальзывало недоумение. Видимо, Якоб все еще не мог понять, кто перед ним, и принимал меня за кого-то из местных девиц. Мало ли, кого там чародей мог притащить с собой, вдруг у него хобби такое, таскать сомнительного происхождения барышень в гости к друзьям?

– Я слышала про Запретный континент, – кивнула я. – Но не про чудовищ.

Он улыбнулся.

– Думаю, господин дель Эйве будет рад рассказать вам об этом.

– Кто? – моргнула я.

Якоб закашлялся. Он хотел что-то сказать, но не успел – двери открылись, в комнате появился тот самый лакей, который провожал меня до библиотеки, и, торопливо подойдя к своему начальнику, что-то сказал – так тихо, что я не разобрала слов.

Якоб выслушал его и кивнул.

– Господа уже закончили, – сказал он мне. – И ждут вас.

– О, прекрасно! – я постаралась улыбнуться, хотя вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок.

– Проводите леди, – сказал он лакею и шагнул в мою сторону. – Удачного вечера, леди Мари, – сказал он с поклоном. – Был счастлив служить вам.

Рука в светлой перчатке застыла в паре сантиметров от моего плеча, словно Якоб все еще был готов меня схватить, но не желал этого делать по каким-то лишь ему ведомым причинам. Он вышел из зала стремительно и тихо, бросив суровый взгляд на бедного лакея, и растворился в полумраке.

«Я что-то сделала совсем не так, как было нужно», – думала я.

Пришлось сохранять невозмутимость и дальше все делать не так.

– Прошу прощения, ваше высочество, – сказала я, неуклюже кланяясь, когда оказалась в гостиной. – Ваш дворецкий невольно нарушил маскарад.

И застыла, старательно держа спину прямой.

– Леди все-таки побеспокоили, – покачал головой Кондор.

Был ли он недоволен – я не бралась судить, но вроде бы не хмурился.

Дар смерил меня теплым взглядом и рассмеялся. Это было настолько неожиданно, что я покраснела и поняла, что теперь вообще не представляю, что должна делать и как себя вести.

Рука принца указала мне на кресло, которое стояло между ним и волшебником. Молчаливый жест, не понять который было невозможно. Я еще раз неуклюже поклонилась и села в кресло, все еще держа спину прямой, и сначала сцепила руки в замок на коленях, как девочка, которая очень хочет показаться примерной, но потом передумала и положила их на подлокотники.

А потом увидела, что за время моего отсутствия здесь появилось еще одно существо.

Красивый пес, похожий на добермана, царственно лежал на полу между креслом принца и камином. Большие лапы он вытянул вперед, голову держал прямо и смотрел куда-то в пространство, изредка шевеля острыми ушками. Гладкая шерсть была графитово-серой, почти вся – только на широком лбу сияло белое пятнышко, формой напоминавшее не то незамкнутый круг, не то тонкий лунный серп.

Огонь в камине успели разжечь. Блики сияли на гладкой собачьей шерсти, на стенках бронзового кофейника, по паркету танцевали тени, а меня страшно колотило, словно бы и не было этого камина в двух шагах от меня.

Я уставилась на принца, кажется, чуть приоткрыв рот, как восторженная дурочка, хотя на самом деле я просто не знала, что делать. Принц, к счастью, занимался тем, что созерцал огонь, не слишком обращая на меня внимание – ровно так же, как его собака. Видимо, это было такое проявление милосердия.

– Твой кофе, милая.

«Стоило задавать несколько иные вопросы, – подумала я, забирая из рук Кондора свою чашку, – и попытаться узнать, как выглядят главные люди этого мира, а не в магические трактаты заглядывать».

Хоть бы предупредил, зараза!

О том, что чашка горячая, желательно – тоже!

Кондор чихнул.

Принц отвел взгляд от огня.

Пес переложил лапы, закинув одну на другую.

– Я думаю, самое важное мы успели обсудить, – сказал принц волшебнику. – Я все услышал и принял к сведению. А теперь не будем заставлять леди испытывать неудобство, выслушивая наши скучные разговоры, – он снова улыбнулся и повернул голову в мою сторону.

И замолчал, рассматривая меня уже куда более пристально, чем когда увидел впервые, словно пытался разглядеть что-то важное и нужное ему самому. Он упирался локтями в подлокотники и держал ладони на весу, сцепив кончики пальцев, длинных и сильных. На правом мизинце я заметила массивное кольцо из красноватого металла.

Больше никаких украшений на принце не было, да и одет он был куда скромнее, к примеру, господина Форжо.

– Вы, как я понял, были сегодня в разных местах этого мира, в местах необычных и, я бы даже сказал, волшебных. Вам понравилось? – сказал Дар наконец.

– Конечно, – ответила я. – Особенно скелет кита в...

Я моргнула, поняв, что забыла название города.

Кондор фыркнул.

– В Альтеоне, – подсказал он.

– Да, в библиотеке, – закивала я.

– Занятно. – Улыбка на лице Дара не думала гаснуть. – А как вам моя библиотека?

– В ней хранятся только сборники законов? – спросила я, ставя чашку на стол.

– Не только, – сказал Дар, на секунду сощурившись. – Но в том числе они. Должен же я их где-то хранить. Более... личные книги я держу в другой комнате. Парадные покои нужны не для того, чтобы в них жить, а чтобы производить впечатление. О, вы этого не знали...

Я покачала головой, потому что действительно не знала.

– Леди, которая была до вас, тоже не знала многих правил и условностей, с нашей стороны – вполне очевидных. Здесь нечего стесняться. – Улыбка принца стала ободряющей. – Даже лучшие из нас не могут знать все на свете.

Он расслабленно откинулся на спинку кресла и положил ладони на подлокотники.

Я моргнула и посмотрела на Кондора.

Тот пил чай с самым невозмутимым видом и наблюдал за тем, как я буду выкручиваться.

– Мне понравились портреты, – сказала я, чтобы перестать бояться молчания. – В зале с картинами.

Да ты просто образец красноречия сегодня.

– Я польщен. – Дар улыбнулся, щурясь, как довольный кот, в лапы к которому попала маленькая беззащитная мышка. – Эта галерея, пожалуй, говорит обо мне больше, чем любая из комнат поместья, куда вы могли попасть. – Его улыбка на секунду стала чуть более кривой. – Но, боюсь, для вас это пока лишь череда незнакомых лиц, приятных и не слишком. Ученые прошлых веков, милое дитя, не всегда отличались внешней привлекательностью к тому моменту, когда удаивались чести быть запечатленными на холсте.

Его голос звучал ласково, но я чувствовала звонкую, как сталь, насмешку – не злую, но все же колючую.

– Думаю, поименное знание всех твоих кумиров – немного не то, о чем леди стоит беспокоиться в ближайшее время, – проворчал Кондор.

– Несомненно. – Дар лукаво подмигнул мне. – У леди будет множество других забот, куда более интересных и приятных, чем какие-то старики в париках и без оных. Мы с вами встретились

немного не при тех обстоятельствах, на которые я рассчитывал, Мари, так что, поверьте, я растерян не меньше вас.

Он развел руки в стороны, улыбаясь светло.

– Спасибо, – сказала я глухо.

Дар снова рассмеялся.

Пес у камина заворчал, и я бросила в ту сторону испуганный взгляд.

– Вы боитесь собак, – сказал Дар в лоб.

Это был не вопрос, а утверждение.

Из его голоса тут же исчезло ласковое лукавство.

Я не стала ничего отрицать.

– Есть такое.

Он кивнул мне, уже не улыбаясь, и протянул псу руку:

– Кресцент!

Пес повернул голову к хозяину величаво, словно хозяин был не принцем, а так, мальчишкой, вздумавшим отвлечь это прекрасное существо какой-то ерундой от его, существа, ленивого лежания у огня.

Взгляды, человеческий и собачий, встретились, и через миг Кресцент встал, подошел к Дару и ткнулся головой ему в ладонь. Я заметила, что его высочество улыбнулся по-настоящему светло, так, как улыбаются люди, когда думают, что этого никто не увидит.

Кондор продолжал невозмутимо пить чай. Он перехватил мой взгляд и пожал плечами, словно бы говоря, что ничего особенного не происходит.

– Я не сторонник жестких методов, – сказал Дар, глядя собачьи уши, – но, боюсь, вам предстоит провести в компании меня и моего брата некоторое количество времени, милое дитя. А эта серая тварь и его стая часто вертятся рядом с нами. Поэтому, если вы не против, я бы хотел познакомить вас сейчас, раз у нас есть эта возможность. Вы же не против?

Я вытаращилась на него в ужасе, потому как что-то мне подсказывало, что не стоило отказываться – сама постановка вопроса исключала мой отказ.

– Восхитительный пример мелочной тирании. – Кондор поставил чашку на стол. – Не оставить ей возможности выбора. Ты вправе отказаться, милая, – сказал он мне. – Ты гостя, и если боишься...

– Я не... – Мой взгляд метнулся от одного из мужчин к другому – и я не заметила в Даре недовольства или чего-то еще. Он продолжал ждать моего решения, все с той же теплой улыбкой поглаживая пса. – Я не настолько боюсь собак, ваше высочество, – продолжила я, проглотив горькую от страха слюну. – Просто опасаясь всего, что размером больше кошки и имеет зубастую пасть.

Дар покачал головой, удовлетворенно хмыкнув, и сделал Кресценту знак подойти ко мне.

Тяжелая собачья голова легла на мои колени, кожу обдало горячим влажным дыханием, и я с опаской, но дотронулась до лоснящейся серой шеи.

– Хороший мальчик, – прошептала я.

Дар снова рассмеялся – по-мальчишески звонко, открыто, едва ли не хлопнул в ладоши, в общем, совсем не так, как в моем понимании должны смеяться властные тираны и наследные принцы.

Впрочем, я никогда в жизни не видела наследного принца иначе, чем на экране или в книге, и не могла знать, как они в действительности ведут себя, когда вокруг нет камер – и можно быть самим собой.

– Когти и зубы, несомненно, заслуживают того, чтобы их опасаться, – сказал Кондор с усмешкой.

В отличие от Дара, волшебник не видел поводов для веселья и, кажется, хотел добавить что-то еще, но Дар опередил его, махнув рукой так, что Кондор решил не продолжать. Он замолчал, на секунду нахмурившись, но лишь устало выдохнул и покачал головой. Взгляд его уперся в мои колени, на которых все еще лежал Кресцент, а я продолжала чесать его за ушами.

– В следующий раз мы с вами встретимся при совсем других обстоятельствах, Мари, – сказал Дар. – Более формальных и совсем не подходящих для разговоров о действительно интересных вещах. Вы уже будете знать, кто я, а я буду куда более похож на принца, чем на самого себя. – Он убрал выбившуюся прядь волос за ухо. – Поэтому пользуйтесь моментом, пока есть время. Задавайте вопросы. Те, которые вас действительно тревожат. Если я смогу, я отвечу на них.

Он откинулся на спинку своего кресла и снова сцепил кончики пальцев, глядя на меня поверх них спокойно и серьезно.

Я перевела взгляд на Кондора.

– Он сам это предложил, Мари, – сказал тот, пожав плечами. – На твоём месте я бы воспользовался.

Кресцент вывернулся из-под моей руки и, чуть слышно проскулив какую-то собачью жалобу, лег мордой прямо на туфли своего хозяина. Дар и не подумал сдвинуть ноги в сторону.

«Значит, у него есть брат, – подумала я, – которого тут нет, а мне, значит, придется проводить с ними обоими достаточно много времени. Видимо. И, значит, они знают, что им от меня нужно. Интересно, а брат у него такой же... красивый? Умный? Скользкий?»

Кондор кашлянул, словно поперхнулся чаем, и я опять стрельнула взглядом в его сторону.

Чародей был беспечен. На первый взгляд.

«Хорошо», – подумала я, наблюдая, как он расслабленно вытягивает ноги – на него-то собака здоровенная ложиться не собиралась! – и как вертит головой туда-сюда, разминая шею. Он ждал, что я решу.

Я решила воспользоваться моментом, пока кофе совсем не остыл.

«Правда, – подумала я, выбирая первый вопрос из десятков тех, которые хотела бы задать, – Дар пообещал ответить, если сможет».

Не врать мне он не обещал.

Кондор улыбнулся – криво, одним уголком губ – и еле заметно кивнул, словно бы знал, о чем я думаю, и подтверждал это.

Дар и правда ответил на мои вопросы быстро и точно, с неизменной своей лукавой улыбкой, тёплой, как солнечный луч. Он не сказал мне ничего нового – почти, только подтвердил все то, что говорил Кондор до этого. И Ренар – до Кондора. Я гостя и пробуду ею какое-то время, пока не вернусь назад.

Разница была лишь в том, что, считаясь формально гостьей короля, фактически я находилась под надзором и попечением двух его

сыновей.

Того, с которым я пила кофе.

И того, с которым ещё не была знакома, но потом познакомлюсь обязательно, потому что он, именно он отвечал при дворе за развлечения, игры и прочую важную чепуху, которая обычно интересна гостям.

«Ничего такого, – говорил мне золотоволосый принц, – ничего такого, за что стоит переживать, маленькая дурочка из другого мира. Только танцы, музыка и смех. Игры, в которые играют люди, живущие под этим небом. Сияние волшебных кристаллов и шелест юбок из дорогих тканей. Развлекайся, отдыхай. Остальное – не твои заботы».

Очень хотелось в это верить, конечно, но я почему-то верила не до конца. Чего-то не хватало, какой-то маленькой детали, из-за чего картина казалась неполной.

Потом, когда кофе был допит, а вопросы заданы, Кондор взял меня за руку и увёл через зеркало в Замок.

– Очень неплохо, милая, – сказал волшебник, когда мы вернулись в Замок. – Я, признаться, ничего от тебя не ожидал, но ты была хороша.

Я подняла на него недоуменный взгляд, потому что в этих словах мне почудилась откровенная насмешка.

– Что, прости?

– Я говорю, что ты молодец. – Он улыбался совершенно обезоруживающе. – И для ребенка, выпавшего из лодки в полную опасных течений реку, неплохо справилась. Это не было испытанием. – Кондор сел на стол, сдвинув в сторону стопку каких-то книг и канделябр. Тот самый или похожий на него. – Точнее, я не планировал тебя испытывать. Оно получилось как-то само.

– Ты мог предупредить меня.

Дважды. Или даже трижды.

– Мог. – Он кивнул. – И вызвал бы этим сомнения и лишние вопросы. Увы, пророческий дар не входит в число моих многочисленных талантов, поэтому я не мог предугадать появление Джейны Бронкль. Но я рад, что среди твоих талантов обнаружилась склонность к импровизации.

Он замолчал и какое-то время рассматривал меня, чуть задрав подбородок, как будто бы что-то прикидывал в уме.

Я скрестила руки на груди и прошла через комнату к дивану. Села очень осторожно в самый угол и попыталась понять, что сейчас пошло не так.

Или не пошло?

Или – что?

Не так день закончился, как ты ожидала? Вернулась в исходную точку из путешествия и чувствуешь внутри себя странную пустоту?

– Мы можем... – попыталась я.

Кондор поднял одну бровь в знак, что слушает меня.

– Мы можем как-нибудь повторить?

– Конечно. – Кончик его губ дернулся вверх. – Как-нибудь. Обязательно. Если леди того желает. Но прежде всего я хочу выяснить кое-что, Мари, если ты не против.

– Хочу ли я влюбиться в вашего принца? – фыркнула я.

Он покачал головой и сразу стал каким-то слишком уж серьезным.

– Я не об этом. – Кондор покачал головой, чуть наклонив ее. Кажется, шутка ему не понравилась. – Но в этом вопросе надеюсь на твое благоразумие и чувство такта. Не знаю, как в вашем мире, милая, но здесь принцы, а равно с ними герцоги, маркизы, графы и прочие обладатели высоких титулов чаще всего едят таких, как ты, на завтрак. Или на ужин. Я, конечно, великий чародей, но склеить твоё разбитое сердце вряд ли смогу.

– Я не...

– Я понял. – Он попытался улыбнуться. – Что ты шутила. Но счел нужным предупредить, что романтические иллюзии лучше оставить где-нибудь здесь.

Он прошелся по комнате, заложив руки за шею, а я следила за ним взглядом, не понимая, что происходит.

Очень хотелось уйти в свою комнату и спрятаться под одеялом. Или поесть. Или поплакать. Или просто с кем-то поговорить о... принцах, китах и волшебных деревьях.

– О принцах, китах и волшебных деревьях ты можешь рассказать Ренару завтра утром. – Кондор обернулся ко мне, стоя в противоположном углу комнаты. – А мне лучше расскажи о том, как обстоят дела с магией в вашем мире.

Это было настолько внезапно, что я не сразу поняла, а когда поняла, то просто прыснула со смеху.

Он спросил это так серьезно, что было сложно удержаться.

Видимо, зря.

– Я что-то не так сказал?

Кондор скрестил руки на груди и чуть склонил голову набок, смотря на меня исподлобья, хмуро и строго.

Выглядел он сейчас как не слишком добрый взрослый, очень недовольный кое-чьим поведением, и смеяться мне сразу расхотелось.

– Ты просто... как-то резко перешел к таким вопросам, – сказала я, улыбаясь как можно более виновато. – С чего вдруг? Может быть, отложим до более удобного момента вместе с вопросами о религии, культуре... что ты там еще хотел узнать?

Он сделал глубокий вдох, словно считал до десяти, чтобы не дай их боги не превратить меня в жабу или что похуже. Потом дернул плечами, выдохнул и сказал, коснувшись рукой подбородка:

– Официальная наука нашего мира не признает существование магии в вашем. Он – единственный из сопряженных миров, в котором из-за каких-то внутренних изменений стало слишком мало чистой силы, чтобы перенаправлять ее так, как делаем мы. – Он сделал еле заметный жест рукой – и свечи в канделябре вспыхнули. – И с помощью воли изменять реальность. Это, впрочем, не означает, что ее нет совсем. Но я не был с той стороны волшебного зеркала, я не могу сказать наверняка. Я могу лишь строить предположения.

Я кивнула, решив, что лучше его не перебивать.

– Я, знаешь ли, слишком любопытен и слишком маг, чтобы позволить себе не разбираться в некоторых вещах. И не желать еще больше знаний, когда я могу их получить. Твои предшественницы, увы, были не слишком подходящими источниками информации, а вот ты... – Он резко наклонил голову на другой бок – так же, как при нашей первой встрече. – А вот ты, сдаётся мне, можешь рассказать много чего интересного.

– Что, прямо сейчас?

Я пронаблюдала, как он подошел к столу и сел – в этот раз за стол, а не на него.

Кондор лениво посмотрел на собственную руку, согнул и разогнул пальцы один за другим, будто бы проверял, хорошо ли работают суставы.

– Мне бы хотелось сейчас. – Он поднял взгляд на меня и кивнул в сторону стула, еще одного, который, проплыв по воздуху, оказался прямо напротив волшебника с другой стороны стола. – Сядь, пожалуйста.

– Мне и здесь хорошо, – огрызнулась я.

Слишком уж много приказа было в его голосе.

Но одумалась и добавила помягче:

– И вообще, я бы предпочла пойти спать.

Кондор снова приподнял одну бровь – в этот раз в знак удивления.

– В присутствии его высочества ты была более... покладистой.

– Кроме его высочества, – ответила я. – Там присутствовала еще здоровенная псина с вот такими клыками. – Размер клыков я показала, растопырив пальцы. – На моем месте кто угодно был бы покладистым.

Он криво улыбнулся:

– Твоя предшественница так не считала.

– Ты тоже водил ее пить кофе с принцем в неформальной обстановке?

– Я – нет. Она сама решила в подобные обстоятельства попасть. Правда, не с этим принцем. – Кондор убрал со лба выбившуюся прядь волос. – С другим.

Кажется, он переключился с вопросов магии на более... приземленные.

– И осталась с разбитым сердцем, которое ты не смог вылечить?

– Боюсь, то сердце было невозможно разбить. – Он сощурился. – Но даже если бы оно разбилось, я бы не стал его лечить. Подлить мне в чай приворотное зелье было очень плохой идеей с её стороны. Я не разозлился только потому, что она не сама это придумала. Но отношения всё равно испортились.

Какие откровения, надо же.

– Я поняла, – сказала я. – Вы с Даром – интриганы с клыками, как у его собаки. Хитрые и коварные. Склонные к игре в хорошего и плохого... стражей и тонким манипуляциям с запуганными иномирскими девчонками. Только вот... – Я нахмурилась, потому что мне в голову пришла мысль, что же за деталь отсутствовала, чтобы картина моего пребывания здесь, наконец, сложилась. – Только вот...

Я посмотрела на него, моргнув, и наткнулась на действительно хитрый, острый, изучающий взгляд.

Кондор ждал, что я скажу, ждал, скрестив руки на груди и еле заметно покачивая головой, словно уже знал все дословно. Как кто-то знает продолжение песни, звучащей в воздухе, и ждет нужный ему переход.

«Ну? – спрашивал его взгляд. – Ну и что ты поняла, маленькая запуганная девочка из другого мира?»

– Только вот я все никак не возьму в толк, – сказала я, сглотнув. – В чем ценность... меня и остальных?

Он расплылся в довольной улыбке.

– Иными словами, – я вскинула подбородок и сощурилась, почти как это делал он, – зачем я вам нужна.

– Затем, – спокойно ответил Кондор, – что ты – посланница богини, пришедшая из другого мира, ее глаза и уши, ее поверенный и судья. Разве этого мало, чтобы мы, скромные хозяева этого мира, подчиняясь законам гостеприимства, оказали тебе, важной гостье, достойный прием?

Он говорил, словно читал заранее заученную, отрепетированную речь, к которой относился почти с презрением и в суть которой не верил.

Точно так же, с точно такими же интонациями в нашу первую встречу он рассказывал мне о богине, зеркале и всем остальном.

Ни капли пиетета, ни капли той вдохновленной увлеченности, которая звучала в его голосе, когда он говорил о магии.

– Ты сам-то веришь в то, что сказал? – спросила я и встала с дивана.

Почему-то мне очень хотелось сбежать.

Кондор, не переставая улыбаться, покачал головой. Отрицательно.

– Ты вольна принять или не принять эту версию, Мари. Другой версии у меня для тебя нет, да и эта, поверь, ни единым словом не лжет.

Теперь я подняла одну бровь.

Осуждающе.

– Щас, – сказала я. – Лапшу с ушей сниму.

Он криво усмехнулся и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. То ли я попала в точку, то ли наоборот – оскорбила его в

лучших чувствах.

– Думай, как тебе больше нравится, Мари, – спокойно сказал Кондор. – Разубеждать не буду. Надеюсь только, что в твоей неглупой голове всё-таки поселилось осознание того, что не стоит ждать от нас ничего плохого. За себя так я мог бы даже поклясться на крови, но, увы, моя кровь – штука слишком ценная, чтобы тратить её на ерунду, которую я могу получить и другими методами.

– Вот как. – Я зло сощурилась. – Зачаровать меня, например?

Он рассмеялся, закинув голову назад, злым холодным смехом.

– Глупое дитя, ты всерьёз ожидаешь, что я буду играть с тобой в сказочного злодея, получившего в распоряжение беззащитную девицу, чтобы над ней издеваться? – язвительно спросил Кондор, отсмеявшись. – О нет, милая, ты – далеко не пешка в той партии, которую мы, два опытных интригана, разыгрываем раз за разом.

Ну, конечно. Гостя гостьей, а в какой-то схеме тебя, конечно, разыграют. Хорошо, если без ущерба для тебя самой.

– И кто же я?

– Король.

– Даже так? – искренне удивилась я. – А ты – рука,двигающая фигуры?

– Нет. – Он нервно пригладил волосы. – Рука,двигающая фигуры, сегодня наливала тебе кофе. Я – всего лишь ферзь. Ты – фигура важная, и потеря тебя означает провал для всей партии. А я – та сила, которая стоит на твоей защите.

– И про цель вашей партии, – сказала я, – ты мне, конечно, ничего не скажешь?

Он с ласковой улыбкой покачал головой. Снова отрицательно.

– Уже достаточно того, что я сказал тебе о ее существовании. – Голос Кондора звучал серьезно и прохладно. – Это, считай, предложение сотрудничества.

– Спасибо, – резко выдохнула я, чувствуя, что сейчас или разревусь, или наору на него.

Мне никогда в жизни не говорили, что меня собираются использовать.

Даже когда действительно использовали.

Кондору, кажется, в эмпатии при рождении отказали.

– Что, лучше было и дальше держать тебя за дуру? – спросил он. – И делать вид, что ты тут всем управляешь и любой твой каприз будет выполнен? Будь ты действительно душой, милая, мы бы сейчас не говорили. Я бы просто приставил к тебе Ренара в качестве няньки и на том успокоился.

– Ах, он, значит, тоже с вами? – сказала я, запинаясь от злости. – И глазки мне строит, потому что у него приказ свыше? А я-то, наивная такая, думала, что это искренняя симпатия. Может, ты ему еще трахнуть меня прикажешь? Так, чтобы точно к принцам не лезла?

Кондор ошалело вытаращился на меня, видимо, не ожидая, что я могу так разозлиться. Не успела я обрадоваться, что, кажется, мне удалось его задеть или хотя бы просто сбить с его остроскулого лица всю спесь, как волшебник пришел в себя.

– Села быстро, – строго сказал он. Меня буквально уронило на стул, на который мне до того вежливо предложили сесть. – И выдохнула.

Я только пискнула, пытаюсь двинуть рукой, которая безвольно свисала вдоль тела и категорически не двигалась.

Ничего себе демонстрация силы!

Чужая воля сковала меня так, что в первую минуту я пыталась вспомнить, как именно я должна выдохнуть – мои легкие словно забыли алгоритм, по которому действовали двадцать с лишним лет, и потому прежде, чем выдохнуть, я судорожно вдохнула воздух.

Словно сонный паралич, только ты не спишь.

Кондор выполз из-за стола и сел рядом со мной на пол, привычно скрестив ноги. Он лениво наблюдал за тем, как я пытаюсь пошевелиться или просто начать говорить, а я могла лишь пытаться испепелить его взглядом в ответ.

– Мне очень жаль, – сказал волшебник куда более мягко, чем говорил со мной до этого. – Что приходится успокаивать тебя таким способом. Мне слишком нравится твое чувство юмора и то, как ты соображаешь, милая, чтобы хотеть быть твоим врагом. И будет обидно делать из тебя красивую куклу. Я не люблю такие методы.

– А я, – прошептала я, когда способность шевелить губами ко мне вернулась. – Не особо верю в то, что всякие там интриганы могут делать что-то просто так. И испытывать симпатию.

Маг с выражением любопытства наблюдал за тем, как мои пальцы складывались в неприличный жест, адресованный его ненаглядной персоне.

– Правильно не веришь, – сказал он, не отрывая взгляда от моей руки. – Только вот если ты не видишь в чем-то выгоды для опытных интриганов, это не означает, что её нет. Хм-м-м... Странно, у тебя получается.

– Что? – не поняла я.

– Ломать чары. – Он поднял взгляд на моё лицо и прищурился. – И еще некоторые другие фокусы. Отпущу, если пообещаешь не царапаться и не пинаться.

«Так ты же меня по стенке размажешь, если я начну», – подумала я и коротко кивнула.

Когда чары исчезли, я не сразу поняла, что снова могу двигаться. Что-то – уже не чужая воля, а, скорее, собственное безволие и шок от произошедшего держали меня на месте. Я провела дрожащей рукой по щеке и поняла, что щека была мокрой от слез.

Рука теперь – тоже.

Отвратительная штука – эта их магия, когда ею владеешь не ты.

Кондор продолжал сидеть на полу рядом и смотреть на меня без тени сочувствия на лице. То, что он сделал, кажется, ни капли его не волновало и не трогало – подумаешь, заставил какую-то там девчонку успокоиться. Радикальным методом. Показал, на что способен, когда не строит из себя лапочку и не шутит про злых коварных чародеев.

Которым, похоже, и являлся на самом деле.

Я попыталась открыть рот, чтобы сказать ему об этом, но не смогла – открыть открыла, но связки все еще не слушались меня. Вместо того чтобы наорать на волшебника, я позорно разрыдалась, хлюпая носом так, что еще чуть-чуть – и сорву к чертовой матери слизистую и пойдет кровь. В груди было больно, словно кто-то прошелся железным скребком и содрал что-то важное, что-то, что защищало меня, как мягкий теплый кокон, от темноты и печали.

Кажется, Кондор попытался все-таки протянуть руку и дотронуться до меня, но едва я это заметила – сразу вскочила, найдя в себе силы, и стремительно, молча и не прекращая рыдать, выскочила из кабинета.

Прямо в дверь, которая открылась за мгновение до того, как я коснулась ее.

Мимо ошарашенного таким моим появлением Ренара, открывшего дверь с другой стороны, мимо узких окон, за которыми была тьма, через коридор и темную гостиную – куда-то в глубину зачарованного замка, из которого было не выбраться.

Не ночью, так уж точно.

Коридоры были пусты, только волшебные кристаллы зажигались, стоило мне свернуть за очередной угол – рядом со мной и чуть впереди, как болотные огоньки, словно сам замок подсказывал мне, слишком злой и все еще рыдающей, куда нужно идти.

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой, поворот коридора за поворотом, галерея за галереей – до дверей, за которыми меня ждали мои комнаты.

Тоже темные.

Тоже пустые.

И, наверное, в тот момент это было хорошо.

Чудеса и чудовища

Темнота за пределами комнаты была такой густой, что, казалось, прилипала к окнам с другой стороны, как амальгама – к зеркалу. Ренар

подошел ближе и немного сощурился, всматриваясь в сумрачную поверхность оконного стекла, за которой смутно виднелись очертания гор и яркая растущая луна, зависшая над ними в ожидании своего близнеца.

Кондор стоял рядом и молчал, скрестив руки на груди и чуть сгорбившись – это он-то, с детства приученный держать спину прямо, словно от этого зависит равновесие мира. Он смотрел в пол, криво усмехаясь, и, кажется, совершенно не чувствовал себя виноватым.

Кто-то другой, знавший его хуже, так бы и решил.

Ренар, увы, слишком привык замечать то, что умело прятали за равнодушием, злостью или показным спокойствием.

– Я думал, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал беспечно, – что ссориться вы начнете чуть позже. Но вот я открываю дверь – и что я вижу? Леди проносится мимо меня, словно за ней гонится рой диких фэйри, сама злая, как оса, едва не сбивает меня с ног и исчезает в темноте. Что ты ей сказал?

Он развернулся к Кондору и тоже скрестил руки на груди.

Ну, давай. Колись.

– Не сказал. – Кондор с неохотой выпрямил спину и перестал рассматривать паркет. – Сделал.

На лице его не было ни злости, ни злорадства, ни даже проблеска того восхитительного презрения, с которым он умел смотреть на людей, которые выводили его из себя, – только невероятная усталость.

Ренар приподнял брови, даже не пытаясь скрыть удивление.

– Я знаю не так много действий, – сказал он, выделив последнее слово. – В ответ на которые оскорбленная леди разворачивается и убегает. И ни одного, на которое был бы способен ты.

Кондор вздохнул и устало провел рукой по волосам, убирая их со лба.

– Я вспылел, – признался он. – И заставил ее сесть и остыть.

– С помощью магии, конечно? – понял Ренар.

– С помощью магии. – Волшебник кивнул и привалился спиной к стене прямо рядом с окном, в которое только что смотрел сам Ренар. – Ненавижу чары подчинения. – Он прикрыл глаза, словно тусклый оранжевый свет кристаллов раздражал его. – Но оно само собой получилось.

– Вспылил ты, а остывала она? – Ренар усмехнулся. – Что-то не сходится. Но я понял. – Он подхватил бутылку брендивайна, которую принес с собой и которая ждала своего часа на подоконнике, и не без усилия вытащил из нее пробку. – На мои плечи ложится важная миссия – если не вернуть расположение леди, то как минимум вызвать в ней желание выслушать твои извинения.

– Я не... – начал было Кондор с явным раздражением, но махнул рукой. – Ладно. Я извинюсь еще раз. Главное, чтобы к утру она перестала злиться.

– Если я правильно понимаю, – сказал Ренар, прикинув расклад. – Не перестанет. Когда тебе так явно демонстрируют твоё бессилие, это, знаешь ли, выводит из себя.

Кондор бросил на него злой взгляд и пересек комнату, чтобы сесть за стол.

– А когда это делает кто-то, от кого ты зависишь, – продолжил Ренар, сощурившись на чародея. – Ты начинаешь его ненавидеть и бояться. Но я пришел не для того, чтобы читать тебе нотации. Это работа твоей тетушки.

– Уж сделай одолжение, – фыркнул Кондор. Он поставил локти на стол и спрятал лицо в ладонях. – Пощади мою совесть, которая, я тебе напомним, вопреки всем слухам все-таки существует.

– И, видимо, спит. – Ренар сделал глоток брендивайна. – Потому что хоть кто-то из вас должен это делать. Время от времени.

– Ты – рыжий нахал, который ворует мою выпивку, – беззлобно проворчал Кондор. – Чего ты хотел?

Прозвучало это как «говори, зачем пришел, и выметайся отсюда».

Ренар на минуту задумался, застыв с бутылкой в руке. В спину тянуло холодом от окна, в голове была пустота, потому что все мысли, которые в ней кружились с утра, смело удивлением, когда Мари пробежала мимо. Можно было бы, конечно, попытаться догнать ее и успокоить, но это было бы похоже на попытку догнать злой колючий ветер – хорошо, если только руки расцарапает.

Оставалось надеяться на Сильвию, но Сильвия точно не подведет. Поймает, сбережет и заставит лечь спать, пока леди не натворила бед.

– Кажется, сегодня утром ты давал мне кое-какие поручения, – сказал Ренар, хорошенько подумав, не стоит ли вернуть беседу в то русло, из которого ее пытались вывести. – О которых напомнил перед

тем, как утащить леди на эту вашу долгую прогулку, которая столь нелепо закончилась. Я как честный человек и верный друг выполнил эти поручения и принес тебе привет от Мастера Герхарда и немного городских сплетен на сдачу. Но если сейчас у нас есть проблемы более, хм, существенные, чем...

– Мастер Герхард снова хочет меня видеть?

Воодушевления в голосе волшебника не было.

– Не горит желанием, – признался Ренар. – Но у него какие-то мелкие проблемы, и ты ему нужен. По условиям вашего договора, просил он напомнить, ты обязался в случае чего оказывать местным жителям посильную помощь.

– Я про это не забывал. – Кондор поднял голову, и его взгляд остановился на Ренаре. – Но вот досада, не думал, что по договору я должен являться перед Мастером Йарны по первому его зову из-за каждого шороха.

Ренар развел руками.

– Не я это предложил, – сказал он. – И не я придумывал условия.

Кондор хмыкнул и посмотрел куда-то в сторону. То ли на зеркало, в котором отражался кабинет. То ли на дверь.

Кажется, ему тоже очень хотелось побыстрее оказаться где-нибудь не здесь.

– Хорошо, – сказал он, с шумом выдохнув. – Завтра я наведу к Герхарду.

Ренару показалось, что дышать вдруг стало легче. Одной бедой меньше – уже хорошо.

– А я за это время постараюсь разжалобить маленькую леди и убедить ее, что ты не такой уж засранец, каким кажешься, когда ведешь себя, как дурак, – сказал он, сделав еще один глоток брендивайна.

Кондор устало посмотрел на него, но ничего не сказал – только улыбнулся. Получилось у него не очень весело.

Ренар посмотрел сквозь бутылку на просвет, отмечая насыщенный цвет напитка и его незамутнённую прозрачность. Брендивайн был отличный. Не отличных вещей в шкафу с зельями просто не водилось.

– Понимаю, что со стороны это выглядит... нечестно, – добавил он. – Но на войне и в любви все средства хороши. Извиняться потом

будешь сам, здесь я тебе не помощник, так что советую заранее придумать и отрепетировать слова. Чтобы не было недопонимания.

«Потому что если дело только в волшебстве, – подумал Ренар, – это сложно, но поправимо. А если в чем-то другом, то кто знает, что успела напридумывать себе напуганная девочка. И на что она действительно обиделась».

Кондор вдруг сощурился, словно увидел перед собой что-то, что его крайне заинтересовало.

– Излом через неделю, – сказал он. – Если я за всем этим еще не потерял чувство времени.

– Не потерял, – кивнул Ренар.

– И если так, то в Йарне сейчас, наверное, очень... весело.

Волшебник наклонил голову набок и сразу как-то растерял всю ту усталость, которой от него веяло.

– Конечно. – Ренар кивнул, понимая, к чему он клонит. – Очень весело. Огни везде, вино пряное, венки на дверях и ленты на деревьях.

Кондор ухмыльнулся, как человек, задумавший недоброе.

– Вот и план, – сказал он. – Покажи девочке праздник, пока я буду разбираться, что там случилось у Герхарда. Заодно познакомим их.

– Какой ты коварный, – сказал Ренар, не скрывая иронии. – Какой дешевый прием. Ты уверен, что печеное яблоко и пара коньков в придачу купят тебе ее расположение?

– Они ее как минимум развлекут, – ответил Кондор невозмутимо. – Может быть, лучше, чем эльфийские дворцы и библиотечные залы.

Упоминание эльфийских дворцов заставило Ренара отхлебнуть еще брендивайна. Хорошо, зараза.

– Вы были в Лоссэ?

– В Лорна-Тир, – мягко поправил его Кондор. – Леди Айвеллин сейчас в семье своего отца. А через три дня я забираю ее сюда. Боюсь, правда, в этот раз ее помощь будет незначительной, но это лучше, чем ничего.

– Вот как, – протянул Ренар, стараясь, чтобы голос не выдал то, что он чувствует. – И как... леди Росиньоль? Не скучает по нашим мрачным пейзажам в своей теплой стране?

– Судя по всему – не особо. – Кондор ничего не заметил. Он встал из-за стола и остановился рядом с книжным шкафом. Взгляд

волшебника лениво скользнул по потрепанным корешкам. – Ее мысли сейчас заняты совсем другим. А пока леди Айвеллин решает свои семейные проблемы... – Он вытащил с полки два темных тома, полустершиеся надписи на которых было не разглядеть. – Ты объяснишь нашей гостье азы этикета. Судя по тому, как она вела себя с Даром, в сообразительности ей не откажешь. С очень большой вероятностью он захочет снова увидеть ее на днях.

Ренар на секунду зажмурился, пытаясь убедиться, что не спит.

– Подожди-ка, – сказал он, подавив порыв выпить еще. – Ты и к Дару ее отвел?

– Да. – Кондор улыбнулся с такой показной беспечностью, что приставать с расспросами сразу расхотелось. – Расскажу потом, а пока, с твоего позволения, пойду попробую заснуть. – Он махнул в воздухе рукой с книгами. – Или проведу пару часов в компании этих почтенных мужей.

У самой двери Кондор обернулся, легко дотронулся пальцами до головы – видимо, его вдруг осенила какая-то идея.

– Кстати, – сказал он и замолчал, словно подбирал слова

Ренар многозначительно сощурился в ответ и сделал вид, что брендивайн его больше не интересует, и вообще, он уберется из кабинета господина мага при первом слове хозяина.

– Утром попрошу тебя еще кое о чем, – наконец выдал Кондор. – Касательно нашей гостьи. Мне нужно, чтобы ты понаблюдал за некоторыми... деталями ее поведения. Но это завтра. – Он толкнул дверь плечом. – Доброй ночи. Можешь оставаться здесь, если хочешь.

«Куда я вообще полезла, – думала я, – на что подписалась? Откуда во мне все это безрассудство? Как я вообще сюда попала? Что произошло такого, что я оказалась здесь, и почему я была так довольна?»

Ну, до того момента, как обнаружила себя рыдающей в подушку.

Сумрак комнаты молчал.

Сильвия оставила на прикроватной тумбочке серебряный поднос, на котором стоял чайник чая, блюдце с чем-то вкусным и фарфоровая чашка – лекарство от печали, сказала она и напомнила, что явится по малейшему зову.

Я не собиралась звать ее.

Я вообще никого не хотела видеть, а еще я не хотела ничего пить и есть здесь. Больше никогда не выходить из комнаты. И тем более не соглашаться на всякие там любезные предложения прогуляться и посмотреть мир.

И я совершенно не сомневалась, что меня в случае чего заставят это сделать: поесть, выйти из комнаты и отправиться развлекаться. Пить кофе с принцами. Участвовать в чем-то, в чем я должна участвовать. Не уговорами – так магией, которая, как оказалось, могла быть не только средством от головной боли или красивыми синими огоньками.

Магия давала власть.

Могла, я не сомневалась, задурить чью-то голову.

И, наверное, могла убить, если это понадобится.

От этой мысли я свернулась в клубок под одеялом, обхватив себя руками, потому что меня знобило от нервов, и разрыдалась с удвоенной силой. Внутри, где-то между ребер, что-то болело – не физическое, не то, чему полагается между ребер быть. Что-то, что болит, когда тебе больно иначе. Когда мир вдруг оказывается не таким, как ты себе навоображал, и не собирается меняться. Когда тебя не пускают на желанный концерт, потому что слишком далеко ехать и слишком поздно возвращаться, а друзьям твоим веры нет. Когда тебя бросает первый и главный в жизни мальчик. Когда ты понимаешь, что не в силах вернуться назад во времени и сделать другой выбор.

Когда тебя ставят перед фактом, что ты здесь ничего не решаешь, и ты сразу же превращаешься в ничто. В пустое место.

Я перевернулась на спину и уставилась в темноту потолка. Что-то неприятно ударило меня в бок, в ребра, и, вытянув руку, я обнаружила книгу, лежащую поверх покрывала. И даже не одну.

Удивительное дело, конечно, но кровать, на которой я спала, была такой большой, что я бы и сама в ней потерялась при случае. Что уж говорить о книжках, даже таких немаленьких, как «Ars Magica».

Я провела рукой по кожаному переплету с металлическими уголками, один из которых как раз и впился мне в бок. Интересно, когда я успела ее сюда притащить?

Или все дело в призраках, населяющих замок и кидающих полезные книжки в комнаты девиц, попавших в беду?

Или...

Я посмотрела на остальные книги, каким-то образом оказавшиеся на покрывале. «История мира для девиц», первый и второй тома – внезапно, какой-то сборник правил этикета... То, что мне, наверное, и стоило искать в библиотеке.

И то, что я держала в руках, когда сама в этой библиотеке была.

Видимо, кто-то из слуг принес это сюда... Хотя почему оставил на кровати? Лучше места не нашлось? Или рассчитывал, что так быстрее найду – когда уголки одной из них вопьются мне в бок?

«Так или иначе, – подумала я, шмыгая носом, – мне лучше отвлечься. И если этим «отвлечься» станет книжка о магии, о той самой магии, действие которой я испытала на своей шкуре, то почему бы и нет?»

– Нет, – сказала я. – Я никуда с вами не пойду.

И грозно нахмурилась, всем своим видом выражая глубочайшую обиду.

Утро, конечно, не задалось с самого начала. Я наплакалась и не выспалась, поэтому смотрела на мир и всех его обитателей с неприязнью.

То, что вчера казалось мне поводом для жестокой обиды и горьких слез, сейчас поблекло и выглядело уже не так страшно. В какой-то момент мне даже начало казаться, что лучшим решением будет извиниться – и тем самым прекратить конфликт.

Я бы так и сделала, если бы чувствовала за собой какую-то вину.

Кроме вины за то, что вспылила.

В ответ на что?

На обещание использовать меня с наименьшим для меня вредом?

Или что?

«В любом случае,— рассудила я с утра, — применять к беззащитному человеку магию — подло и некрасиво». Тем более что Кондор делал это не в первый раз: я помнила, как он заколдовал меня, отправив спать в ту ночь, когда я здесь появилась. Это я могла бы простить и даже понять. Вчерашнее прощать и понимать я не собиралась.

Именно это я и сказала в лицо Ренару, когда он заявился ко мне в комнату.

Он, кажется, заодно со всеми ними, а значит — тоже был готов меня использовать.

Ренар в ответ виновато улыбнулся и шагнул ближе ко мне, сидящей, скрестив ноги, на краю кровати.

До его появления я пыталась лениво долистать «Ars Magica» и сейчас, прикусив нижнюю губу, снова невидяще уткнулась в ее страницы. Книга лежала у меня на коленях, пыльная, с заморочным шрифтом и гравюрами, и такая тяжелая, что, пожалуй, в случае чего ею можно было бы отбиваться от всяких там.

«Маги не разделяют свои чары на добрые и зловредные, светлые или тёмные, считая, что сила, дарованная им свыше, лишь инструмент, направление которого зависит от рук, его использующих».

«Вот уж правда, — подумала я. — Хочешь — прикурить даст, хочешь — заставит сидеть на месте, пока ему не надоест».

— Мари...

— Уйди.

Все те несколько часов, которые я пыталась спать, очень тревожно и неглубоко, мне снилась эта книга. Веры в доброту и милосердие волшебников от чтения не прибавилось. Даже наоборот.

«Миру известно немало историй как о невинных девицах, совращённых коварными чародеями, так и о юношах, ставших слугами злых ведьм».

Ренар сел на пол передо мной и попытался осторожно отодвинуть книгу, которой я от него отгораживалась.

— Я-то тебе что сделал? — серьезно спросил он.

Без обиды в голосе, но так, что мне вдруг стало почти стыдно, и я задумалась.

Что он мне сделал? Да, собственно, ничего такого. Просто был слишком милым и слишком своим, а я, дурочка, ему верила, пока не выяснилось, что...

– Ты мне ничего не сделал, – сказала я, не смотря на него. – Достаточно того, что мне сделал кое-кто другой.

Ренар ничего не ответил, словно обдумывал мои слова. Он сидел, чуть вытянув шею, как удивленный кот, и слегка постукивал пальцем по подбородку. Глаза его смеялись, несмотря на нахмуренные брови.

«Девицы, – говорилось в книге, – чародейскому обучению очень препятствуют, потому к девицам у чародеев отношение сугубо практическое, как и к прочим видам связей, свойственных роду человеческому».

Смешно.

– И поэтому, – продолжила я. – Я никуда с вами не пойду. Ни с ним, ни с тобой, ни с вами обоими. Если Кондору это так нужно, он может снова меня заколдовать. – Я поставила локти на книжные листы и посмотрела на собеседника так, что, по моему мнению, ему следовало бы провалиться сквозь пол на все три этажа под нами. – И вести за собой на ленточке.

«Видимо, господин маг не умеет иначе обращаться с девушками», – подумала я, но произносить это вслух не рискнула.

Ренар вздохнул, прикрыв глаза, и его плечи поникли.

– Я прекрасно понимаю, почему ты злишься, – сказал он.

Я подняла одну бровь, мол, да ладно, а что ты еще понимаешь?

– Это совершенно справедливая злость.

– Неужели?

Ядом в моем голосе, наверное, можно было отравить все реки на каком-нибудь маленьком островке.

– Но позволь мне хоть немного исправить это все. – Ренар убрал прядь волос за ухо. – Из искренней симпатии к тебе в том числе.

– А я думала, – сказала я, зло щурясь. – Потому что твой хозяин тебе приказал.

– Он мне не хозяин, – ответил Ренар, и на секунду мне показалось, что на его прекрасном лице мелькнула недобрая тень. – Он мой друг. А

я – его друг. И считаю, что сейчас он не прав, так же, как ты не права, когда обвиняешь меня в неискренности и коварстве.

В его взгляде был настолько ласковый укор, что я почувствовала, как краснею от стыда.

– И я пришел позвать тебя с нами, потому что хотел показать тебе город, который ты видела с вершины башни, – продолжил Ренар все так же спокойно. – Мне кажется глупым из-за чужой ошибки запираяться в четырех стенах, когда за пределами этих стен много всего интересного и нового для тебя.

Его рука скользнула вверх и сжала мою руку осторожно и бережно, пальцы переплелись, и я вдруг забыла, что хотела ответить, мол, спасибо, вчера насмотрелась на ваш мир и на его обитателей и пока сыта этим по горло. Особенно – обитателями. Особенно – некоторыми конкретными. Ненавижу магию. Ненавижу все.

– Ненавижу вас, – всхлипнула я и вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Готов смириться с этим, – сказал Ренар, протягивая мне платок. – И терпеть твои едкие шутки весь день, лишь бы ты перестала сидеть здесь и злиться на весь мир. Весь мир не виноват в глупости одного человека.

Я закивала, смаргивая слезы. Платок оказался кстати – когда слезы капали на страницы книги, которая все еще лежала у меня на коленях, буквы начинали расползаться. Ренар осторожно, с опаской закрыл «Ars Magica» и отложил ее в сторону. Он, кажется, прочитал название, хмыкнул – возможно, именно по этому поводу, но сказал совсем другое:

– Я готов дождаться, пока ты наплачешься вволю и будешь готова идти. Обещаю тебе сладости и красивые пейзажи.

Я снова кивнула скорее из желания, чтобы он отстал, чем в знак абсолютного согласия, и замерла, уставившись за его спину.

Там, у самой двери, в тени этажерки стояла Сильвия.

Она опять появилась тихо, как тень, и я не знала, как давно она здесь была и слушала, о чем мы говорили.

Сильвия поймала мой взгляд, коротко кивнула и кашлянула, привлекая к себе внимание Ренара. Тот резко вскочил на ноги, словно и правда испугался не меньше, чем я, и замер рядом. Сильвия

ухмыльнулась – почти незаметно, так, на миг, я увидела это только потому, что смотрела прямо ей в лицо.

В темные непроницаемые глаза, которые казались старше, чем их обладательница.

– Я прошу прощения, – сказала Сильвия, не улыбаясь. – Что невольно подслушала ваш разговор.

Мы промолчали. Только я, не удержавшись, по инерции всхлипнула, потому что все еще не успокоилась.

– Вряд ли мнение кого-то, вроде меня, интересно леди. Но все же, если бы леди спрашивала моего совета, – продолжила она. – Если бы леди немного интересовало мнение со стороны, которое, конечно, она вправе не принимать... – Ее голова с забранными в низкий пучок темными локонами наклонилась чуть вперед, словно Сильвия хотела мне поклониться, но решила остановиться на этом. – То я бы сказала, что ей действительно не стоит запираť себя в комнатах, как пленницу. Особенно, когда леди так искренне хочет не быть пленницей.

Она прошла вперед с прямой спиной, с такой осанкой и такой грацией, что я опять забыла, кто из нас леди. Сегодня на Сильвии было темное платье с небольшим шлейфом – он тек за ней, как тень, плавно, изящно, ни за что не цепляясь, словно в самом деле был тенью или темной-темной водой, превращенной в ткань.

Сильвия распахнула портьеры на одном из двух окон – и в спальню хлынул яркий солнечный свет. Такой бывает, когда на улице ясно и холодно, очень холодно и очень ясно.

В общем, погода там была отличная. Самое то для прогулки.

– Что же касается чародеев, – продолжила Сильвия, не оборачиваясь. Она была занята тем, что расправляла складки на портьерах, приводя их в порядок. – То с ними лучше договариваться, чем воевать. Особенно, если по уши втянуты в их чародейские игры и пока не имеете возможности выйти из них.

Она подошла к другому окну – и я заметила, что на ее лице мелькнула улыбка.

– Так что позвольте мне навести порядок в ваших покоях, миледи. – Яркого света стало в два раза больше. – И не отказывайте себе в развлечениях. Может так получиться, что в вашей жизни станет чуть меньше свободы. Через какое-то время.

Что, еще меньше?

Я подумала это, но не рискнула произнести.

Рука Ренара легла на мое плечо. Я повернула голову, глядя на него сверху вниз, и поймала движение губ. Кажется, он прошептал что-то вроде «идем» или «пойдем», в общем, ну же, леди, давай.

Я почувствовала себя капризной девочкой, которая не хочет идти на праздник, устроенный лично для нее, и устыдилась.

Сильвия застыла у окна, сцепив руки в замок перед собой, как служанка с какой-нибудь картинки, с той разницей, что голову она не опускала. Свет бил мне в глаза, поэтому ее силуэт казался сейчас просто черной тенью на фоне стены.

– Но есть одна проблема, – добавила Сильвия, когда я сунула ноги в кеды и наклонилась, чтобы завязать шнурки. – Кажется, у леди все еще нет подходящей зимней одежды.

– Но у меня есть... – попыталась возмутиться я.

– Я сказала «подходящей», – мягко поправила Сильвия. – Чем бы ни была зима в вашем мире, миледи, она, кажется, не похожа на нашу.

Самым сложным было делать вид, что Кондора тут нет. Он был тут – и не планировал никуда деваться. Он даже смотрел на меня время от времени, но, к обоюдному счастью, молчал. Видимо, не торопился ни извиняться, ни язвить. Ни к тому, ни к другому я пока не была готова.

В неловком молчании мы вышли из замка, пересекли пустой круглый двор, и я впервые оказалась за высокой замковой стеной – в смысле, здесь, а не где-то там, в других городах, откуда эту стену не видно. Передо мной убегала сквозь лес заснеженная дорога – ровное белое полотно, ни пятнышка, ни следа на нем.

Будь я юной и отчаянной героиней фентезийной сказочки, можно было бы подумать о том, что вот он – путь к свободе: выйди за ворота и беги, попади в беду и будь спасена кем-то, в чьем лице обретешь

верного друга, помощника и, если повезет, любовь всей своей жизни – и пойдешь с ним дальше. Только вот лес вокруг был таким, что бежать в него не хотелось. Темный, густой, седой от снега, замерший так, словно в нем не было ни единого живого существа, этот лес говорил: пропадешь. Заблудишься. Сгинешь быстрее, чем встретишь кого-то, но даже если и встретишь – тебе это не понравится.

Ренар дернул меня за рукав – и только в этот миг я поняла, что так и застыла в шаге от ворот, вглядываясь в глубину снежной тропы, бегущей между деревьев.

– Пойдем, Мари, – сказал он. – Нам немного в сторону.

И я покорно пошла за ним, крепко вцепившись в руку, потому что, сделав шаг с каменной площадки, тут же утонула в сугробе.

Сильвия оказалась права: моя собственная одежда здесь была не к месту. Эта одежда создавалась в другом мире и с другими целями: для большого города, для перебежек от дома до метро и от метро до офиса. Для города, снег в котором быстро превращался в бурую жижу. Моя старая куртка не спасла бы меня от холода зимнего леса, что уж говорить о кедах?

Решить эту проблему оказалась не так уж сложно.

В великоватой для меня теплой куртке местного фасона и в плотном шарфе, наброшенном на голову, я походила на мальчика-подростка, сбежавшего со старшими братьями на прогулку в лес. Чужие сапоги, одолженные, как сказала Сильвия, у одной из служанок, выглядели непривычно, но вроде как нигде не жали и не грозили сделать меня к вечеру обладательницей кровавых мозолей.

Еле заметная тропка спускалась вдоль стены к основанию холма, на котором стоял замок. Я крепче схватилась за руку Ренара, потому что тропка эта оказалась старой лестницей, выложенной потрескавшимися, впечатанными в землю булыжниками, покрытыми сейчас слоем налипшего льда. Слишком крутой и скользкий спуск, неловкое движение – и я бы летела сейчас носом прямо в чародейскую спину.

До такого я в порыве ненависти еще не дошла.

Справа от нас высилась стена, слева – ельник, оцетинившийся сухими ветками. Стоило ступить в его тень, как солнечное утро вдруг куда-то исчезло, мир нахмурился и померк.

И примерно тогда впервые за утро Кондор заговорил – не оборачиваясь и ни к кому не обращаясь:

– Замок – очень безопасное место, – сказал он, убирая в сторону ветку, которой рисковал получить по лицу. – В том числе потому, что в него нельзя перенестись из другого места через портал. Ну, если не считать зеркала, но это другой разговор. – Маг подождал, пока я с помощью Ренара переступлю через упавший поперёк тропинки ствол дерева. – Так что стационарный портал вынесли за пределы Замка, на всякий случай неплохо припрятав. Заметить этот спуск, не зная, что он есть, невозможно.

Я сделала вид, что никаких волшебников рядом нет, но сказанное, конечно, запомнила. На всякий случай.

– Господин маг хочет сказать, милая, – Ренар шагнул вперед и подал мне руку, потому что тропинка круто поворачивала, забирая еще больше вправо, – что для посещения нашего гостеприимного дома необходимо его высочайшее разрешение. Без этого никак.

Кондор улыбнулся в ответ на его иронию. Беззлобно.

Мы вышли на крошечную площадку, полукруглую, вымощенную спиральным узором камней. Замковая стена начиналась в паре метров над нами, а здесь, казалось, проступал какой-то другой фундамент, еще более древний. В нем угадывались очертания арки, намеченные тонкими пластинами блестящего черного камня, такими небольшими, что не сразу поймешь, что это не вкрапления или не обман зрения.

Кондор коснулся рукой стены – и этот контур вдруг замерцал, черные пластинки слились в одну черную линию, и эта чернота начала расползаться: сначала заполнила выемки на стыке камней, потом мелкие трещинки, а потом, когда впитала в себя все, что могла, застыла непроницаемой черной пленкой.

Как обсидиановое зеркало в Храме, только то был неподвижный камень, а эта чернота казалась живой. И очень, очень изменчивой.

Я вытаращилась на неё в ужасе и подалась назад, упершись в Ренара, который успокаивающе положил руки мне на плечи.

– Не бойся, – прошептал он.

– Но... оно чёрное! – я ткнула пальцем в сторону арки.

– И что? – обернулся к нам Кондор. – Что конкретно тебе не нравится?

– Но...

Я не нашла, что ответить, и промолчала, страдальчески прикусив губу.

– Именно, – фыркнул маг, отворачиваясь. – Надеюсь, нас будут рады видеть.

Чернота вдруг исчезла – и меня провели через арку куда-то в другое место.

Это оказалось так же просто, как выйти через дверь в соседнюю комнату.

С той разницей, что за спиной ты оставлял глубокий и страшный заснеженный зимний лес.

Пол в круглом зале был каменным, но сквозь трещины в плитах торчала прошлогодняя сухая трава, а края пьедестала, на котором высилась арка портала, покрывал зеленоватый налет мха. Это место было похоже на тот храм, в котором стояло Зеркало, такое же запущенное, словно без необходимости тяжелая кованая дверь, ведущая куда-то дальше, не открывалась, и люди сюда не заходили.

– Ай.

– Согласен, очень коварная ступенька, – Ренар подхватил меня под локоть, потому что смотреть, куда идешь, одну девочку совсем не учили.

Точнее, девочка смотрела не туда и засмотрелась.

Темнота, блестящая, как нефтяная пленка, закрыла проход и зимний лес за ним и уже начала расползаться по краям портала прямо в осколки обсидиана, которыми был выложен контур арки.

С барельефа над нею некто, обладающий двумя лицами, смотрел сразу в обе стороны. То ли божество, то ли просто картинка – я не знала, но почему-то это показалось правильным.

– Идем, – Ренар осторожно потянул меня за рукав, и я, кивнув, обернулась.

Кондор как раз не без труда открывал металлическую дверь, а там, за этой дверью, меня ждало что-то новое.

Я бросила взгляд назад и попыталась задрать голову.

Над залом был каменный купол с небольшими окнами-бойницами на самом верху. По стенам ползли то ли трещины, то ли ветки какого-то растения, я не успела разглядеть – меня утащили дальше, куда-то в тепло.

Пришлось скинуть с головы шарф и устыдиться заляпанных снегом сапог, которые, конечно, оставляли мокрые следы на досках пола.

Солнечный свет падал через два больших окна, занавешенных только легкой полупрозрачной тканью. Там, за этими окнами, то и дело мелькали силуэты проходящих мимо людей. Мне казалось, что я слышу голоса, звонкие вспышки смеха, обрывки диалогов. После тишины вокруг замка все это было таким ярким и громким, что и пугало, и манило к себе.

Редкие пылинки кружились в солнечных лучах, свет был теплым и радостным, и, видимо, поэтому комната, в которую я попала, сначала показалась мне милой и уютной. Здесь был камин в углу, пара кресел, диван и стулья, и старое зеркало в деревянной раме – оно висело на стене напротив окон, словно припыленное, с отколотым уголком. Камин, конечно же, не горел. Полка над ним пустовала, а салфетка на низком столике перед выцветшим диваном казалась застиранной и потрепанной. Это место, при всех попытках создать в нем уют, если присмотреться, выглядело неуловимо холодным, почти неприятным, как приемная в районной больнице, куда спихнули все, что не пригодилось дома.

Но настоящим домом она от этого не стала.

– Где мы? – спросила я, втянув голову в плечи.

Мне не нравилось здесь. И не нравилось то, что мы проникли сюда без предупреждения.

– В гостях у моего коллеги, – холодно ответил Кондор, отряхивая рукав, словно успел в чем-то его испачкать.

Волшебник коротко посмотрел на меня, и мне показалось, что на его лице мелькнуло что-то вроде удивления.

Думал, что я с ним заговорила?

Я поджала губы и спряталась за Ренаром. Вовремя, потому что послышались неспешные шаги, и я увидела, как хозяин дома спускается по деревянной лестнице со второго этажа. Он, казалось, нисколько не торопился к незванным гостям, оказавшимся посреди его... гостиной? Приемной? Прихожей?

Кондор отвлекся от созерцания рукава и сделал шаг так, чтобы оказаться между нами с Ренаром и новым для меня человеком, словно пытался нас защитить. Именно поэтому я не смогла толком разглядеть ничего, только то, что хозяин дома был светловолос, довольно высок и носил темно-серый костюм без особых украшений.

— А я-то думал, — раздался его голос, хрипловатый и чуть ленивый. — Когда же Мастер почтит меня своим присутствием. Рад вас видеть, милорд. Честно говоря, я уже успел решить, что вы на меня обиделись или окончательно сложили с себя обязанности.

Милорд, значит.

Кажется, он поклонился Кондору.

— У меня много дел, Мастер Герхард, — сказал тот, лишь кивнув в ответ на поклон, и то — коротко и как-то без особого желания. — Но сегодня я к вашим услугам. Правда, прежде, чем мы начнем, я хотел бы сказать пару слов своим спутникам.

— Несомненно. — Мастер Герхард, кажется, улыбнулся, но в сторону не отошел. — Я знаком с вашим... слугой, — добавил он, и я покосилась на Ренара. Тот молчал, чуть задрал нос и изображая на лице беспечную улыбку. — Но кто еще сегодня с вами?

Я думала, что Кондор ответит что-то вроде «не ваше дело, Мастер Герхард, идите лесом», но он на удивление легко отошел в сторону и, торжественно махнув рукой, указал на меня.

— Эта юная леди под моей опекой, — сказал он, подчеркнув слово «опека» так, словно оно имело тайный смысл. — Если вы поняли, о чем я, вы не будете задавать лишних вопросов, мой друг. И постараетесь не рассказывать о ней каждой уличной собаке.

Внимательные и проницательные, колючие серые глаза Герхарда впились в меня с жестоким любопытством. Мне казалось, я смотрю на него снизу вверх, как напуганный ребенок, и дело было не в росте. Скорее, в ощущении, что я столкнулась с кем-то взрослым и не слишком ко мне расположенным. Мои не то спутники, не то стражники вели себя слишком по-панибратски, ну, до вчерашнего

вечера, и я успела начать считать их своими. Дар – очаровывал, его дворецкий, когда понял, кто я, был мил, как старый пес, на которого оставили трехнедельного котенка. Лин, кажется, восприняла меня как приложение к Кондору. А вот Герхард почему-то не спешил радоваться.

Он вел себя так, как, по моему мнению, и должен вести себя кто-то, на чьем пороге оказываются незваные гости, которых притащил с собой высокомерный и не слишком вежливый коллега. Коллега, который одновременно и моложе, и выше по статусу, поэтому считает себя вправе быть вот таким. Резким, наглым и...

Бедняга Герхард.

Из солидарности я попыталась улыбнуться. Получилось, наверное, не очень, но направленный на меня взгляд смягчился.

Герхард вежливо улыбнулся мне в ответ.

– Доброго дня, леди...

– Мари, – сказала я.

«Он старше, – подумалось мне, – старше этих двоих, да еще и выглядит усталым, задерганным и недовольным». В отличие от Кондора, Герхарду не шли эти круги под глазами. Его светлые волосы были тонкими, остриженными куда короче, чем я привыкла здесь видеть – даже в хвост не собрать, а рядом с бледными губами притаились жесткие складки, словно бедняга чаще злился и нервничал, чем улыбался. Наверное, поэтому улыбка Герхарда казалась мне неискренней и вымученной.

Он протянул мне руку, и я, резко стянув свою перчатку, пожала мягкие теплые пальцы.

Это был второй волшебник, которого я здесь встретила, и колец он носил куда меньше, чем первый, всего два – оба на правой руке.

– Мастер Герхард Оденберг, – представился он. – Штатный волшебник города Йарна на службе его королевского величества и своей страны. Приятно познакомиться, миледи.

Он отстранился, освободив свои пальцы, и посмотрел на Кондора, словно ждал его одобрения или любой другой реакции.

– Отлично. – Кондор усмехнулся. Он стоял, сунув руки в карманы короткого черного пальто. – Все формальности мы соблюдали, и я могу отправить леди любоваться окрестностями. Вернусь к вам через пару минут, Герхард, и мы обсудим... что у вас там ко мне было.

Он перехватил взгляд Ренара и указал подбородком куда-то в сторону лестницы. Видимо, там был выход из дома.

Меня, все еще растерянную, схватили за локоть и вывели из гостиной.

Где-то тут до меня дошло, что Герхард не удостоил Ренара ни приветственным кивком, ни тем более рукопожатием.

Ренару, кажется, было все равно, а я почему-то почувствовала странное внутреннее возмущение и неприязнь к этому Герхарду, его стрижке и вымученной улыбке.

Дверь наружу действительно была напротив лестницы. Мы вышли на крыльцо и оказались на широкой людной улице в паре домов от перекрестка, за которым начиналась прямоугольная площадь. С другого ее конца высилась темно-серая мрачная башенка с часами наверху. На башне виднелись яркие пятна незнакомых флагов – изумрудная зелень, белые круги, небесная лазурь и желтые полосы.

Рядом с перилами крыльца стоял, прислонившись к ним, скучающий юноша. Он был не старше меня, может, даже и младше, и его одежда, похожая на военную форму, была ему великовата. При нашем появлении юноша перестал скучать, встал прямо, опасливо покосился на Кондора, приветливо кивнул Ренару и попытался не рассматривать меня.

Последнее получалось у него не очень хорошо. Ему совершенно точно было интересно, что я такое, и он очень старался этот интерес не показать.

Мы прошли мимо почти до самой площади, и, пока я озиралась вокруг, мои спутники, кажется, о чем-то договорились. Рука Ренара крепко сжимала мою руку, переплетая наши пальцы так, что вырваться было сложновато.

– Ты помнишь, что делать? – спросил Кондор. – И что мне обещал?

На фоне разноцветных домиков, невысоких, не больше трех этажей, на фоне солнечного дня, белого снега и ясных небес чародей, одетый в черное, и правда казался мрачной и злой птицей. Он чуть щурился от слишком яркого света и прятал руки в карманах. И явно мерз без шапки, поэтому втягивал голову в поднятый воротник и обернутый вокруг шеи шарф. Черный, конечно. Такой плотный кусок черной ткани.

– Конечно, – ответил Ренар, притягивая меня к себе, словно боялся, что я и правда убегу. – Мы отлично проведем время.

Я заметила, как он медленно моргнул, словно это движение век было чем-то вроде тайного знака.

– В смыс... – начала было я.

Кондор холодно посмотрел на меня, и я замолчала. Не потому что испугалась, а потому что вспомнила, что я все еще обижена. Волшебник усмехнулся и отвел взгляд.

– Отвечаешь за нее головой, – сказал он Ренару, став вдруг очень, очень серьезным. – Если что-то пойдет не так, возвращайтесь к Герхарду, я буду у него.

– Что может пойти не так? – Ренар улыбнулся. Его пальцы сжали мою ладонь сильнее. – Если леди замерзнет, я найду, где ее согреть.

Мне показалось, что меня пытаются отпросить у строгого родителя погулять в соседних дворах, вот как это выглядело со стороны.

Кондор промолчал, только дернул уголком губ, будто бы сдержал скептическую гримасу. Он снова скользнул по мне взглядом и, кажется, остался если не доволен, то как минимум уверен – в чем? Что я не замерзну? Что я выгляжу, как местный житель? Что я не потеряюсь где-то в этом городе и не попытаюсь от них сбежать? Волшебник поправил шарф так, чтобы тот прикрывал нижнюю половину лица, и, молча развернувшись, ушел в сторону дома другого волшебника, оставляя меня под присмотром. Не уверена, что надежным.

Мы с Ренаром стояли посреди улицы. За спиной была площадь, а впереди, там, куда улица убегала, виднелся лес. Точно такой же, как рядом с замком. И горные вершины вокруг были точно те же, только я смотрела на них с чуть другого угла – и не все узнавала.

– Ну что? – Ренар развернул меня к себе и бесцеремонно поправил воротник куртки. – Как ты относишься к конькам?

К конькам я относилась никак, но сложно избежать развлечения, когда за тебя уже все решили и ведут за ручку, как покорное дитя, через заснеженные улицы, мимо высоких елей, резных оград, по узким мостикам над замерзшими ручейками.

Город по имени Йарна вырос на дне горной долины рядом с рекой, и здесь, в городе, эта река замедляла свой ход, словно близость людей умирjala воду. Река отделяла город от холма, за которым начинался лес, здесь она была узкой и глубокой. Она же текла рядом с руинами старой городской стены – с холма открывался неплохой вид на них, разбросанных там и тут. Новая стена была дальше, город разросся, раздался вширь, сожрав пару соседних охотничьих деревень, а главный вход теперь открывался не в сторону замка, как раньше, а в сторону тракта, ведущего в большой мир. К другим городам, а не в глубину гор.

Ренар вел меня какими-то своими тропами сквозь город. Тропы эти были неровными, узкими, но попадалось на них интересное. Резная деревянная дверь. Кованый фонарь над крыльцом. Большой черно-белый кот, который сидел на заборе и провожал нас хмурым, недовольным взглядом. Высокая арка, выходящая в пустой внутренний двор, посередине которого стоял старый колодец. Венки из веток и лент на деревьях и стенах. Изредка – люди, дети и взрослые, обращающие на нас внимания не больше, чем на прошмыгнувших мимо крыс.

Крысы, кстати, тоже были, настолько наглые, что перебежали улицы.

– Значит, – заговорил Ренар, когда мое молчание ему надоело. – Ты решила, что я мил с тобой по приказу?

Его голос звучал странно, и я перестала делать вид, что вид снега на брусчатке занимает меня больше, чем все остальное в этом мире. И подняла взгляд. Ренар был серьезен и задумчив – странное для него состояние, потому что до того серьезность и задумчивость я за ним не замечала. Только как маски, которые он иногда примерял и которые слетали быстрее, чем ты понимал, что за ними он смеется.

– Если честно, – ответила я и пнула попавшуюся под ногу шишку. – Да.

– Хм.

Мне показалось, что он нервно дернул уголком рта.

– Потому что с чего бы вдруг тебе со мной возиться?

– Ты хотела сказать, с чего бы мне относиться к милой потерянной девочке хорошо? – уточнил Ренар и улыбнулся. Задумчивость спряталась за этой улыбкой, но не исчезла. – Может быть, потому что я в принципе хорошо отношусь к людям?

– Особенно – к милым девочкам? – не удержалась я.

Он не ответил, но покачал головой с таким загадочным видом, что сомнений в том, что все именно так, у меня не осталось.

– Не уверена, что я подхожу под это определение, – надулась я.

– Тогда ты либо кокетничаешь, либо обманываешь саму себя, – прямо ответил он и посмотрел на меня сверху вниз. – Либо и то, и другое.

Я надулась еще больше и получила легкий щелчок по носу.

– Не то чтобы я был против. – Ренар положил мне руку на плечо и подтолкнул вправо, куда уходила одна из улочек. – Но позволь мне самому решать, как вести себя и как распределять симпатии. Нажраться чужого презрения и ненависти, милая, ты еще успеешь, поверь мне.

– Спасибо, – сказала я, выворачиваясь из его ненавязчивых объятий. – Утешил и ободрил.

– На благо, – с улыбкой ответил он и подмигнул мне. – Не вижу смысла создавать иллюзии, тем более что ты у нас девица с головой, которую не так уж просто задурить. Если не станешь высокомерно фыркать на всех подряд, цены тебе не будет, славная.

Я криво улыбнулась и поежилась. В куртке нашлись глубокие карманы, куда я спрятала руки, потому что рукавицы рукавицами, а пальцы начали подмерзать. И мне не хотелось, чтобы меня снова брали за руку и тащили куда-то. Мне вообще надоело, что меня все время касаются, хотелось ошетиниться иглами и заставить всех держаться на расстоянии большем, чем то, которое разделяло сейчас нас с Ренаром. Почти плечо к плечу, мне даже казалось, что я чувствую запах его табака.

– Но если тебе хочется и дальше искать подводные камни и ловушки там, где их с большой вероятностью нет, то, конечно, я не буду тебе препятствовать, – добавил Ренар после некоторого молчания. Я чуть не вздрогнула. – Просто тогда всем будет сложно, скучно и неинтересно.

– Предыдущих ты тоже на коньках кататься водил? – уточнила я едко. – Из глубокой симпатии и желания сделать их пребывание здесь приятным и интересным?

Он снова покосился на меня и хитро сощурился:

– Нет, оба раза был не сезон. Мы находили другие развлечения.

– Стесняюсь спросить, какие, – фыркнула я.

– Да леди никак ревнует, – притворно изумился он.

– Что? Нет! – возмутилась я совершенно искренне. – Я не...

И замолчала, потому что поняла – со мной играют. По-доброму, не как кошка с полузадушенной мышкой.

Ренар покачал головой, изображая осуждение и недоумение.

– Спешу утешить леди, но поводов для ревности нет, – ехидно ответил он. – Меня хватит и на то, чтобы заплетать косички маленьким девочкам, и на то, чтобы учить девиц постарше танцевать, играть в карты и не попадаться в ловушки придворных любителей флирта с продолжением. И на то, чтобы заставить одну хмурую красавицу почаще улыбаться, меня тоже хватит.

Он остановился прямо передо мной и легко коснулся пальцами моего подбородка, заставляя поднять взгляд.

Я, конечно, шагнула назад – из чувства противоречия, но взгляда от лица собеседника не отвела.

Ренар все еще был спокоен и серьезен, хотя хитрые зеленые глаза смеялись. Не злобно, а как над кем-то милым и забавным, кому не желают зла.

– Мы почти пришли, – примирительно сказал он. – Осталось раздобыть для тебя коньки и научить не падать.

За его спиной улица упиралась в пустое пространство, то ли еще одну площадь, то ли просто в пустоту, и оттуда, если прислушаться, доносились смех и веселые разговоры.

– Еще не поздно отказаться? – уточнила я.

– Нет, – твердо ответил Ренар. – Я очень упрям в своем намерении развлекать тебя, пока ты не попала ко Двору и не завывала там от тоски и

регламентированных способов смеяться. Пойдем, хотя бы попробуешь. – Он протянул руку и легонько потянул меня за угол шарфа. – Это куда веселее, чем зубрить основы этикета днями напролет.

Озеро. Это было озеро. То самое озеро, которое издалека казалось мне блестящей монеткой. Люди обжили его берега, сделав их частью города. Деревянные ступени спускались к воде рядом с каким-то двухэтажным зданием – не то таверной, не то домиком для рыбаков, не то пристанью – я не могла судить. Оттуда, изнутри, пахло дымом и едой, мимо проходили люди, от которых я шарахалась, крепко держась за руку Ренара. Дорога под ногами превратилась в деревянный настил, в щелях которого застрял снег.

Мы подошли почти к самому краю, туда, где за невысокими перилами берег обрывался и начинался лед – непрозрачный, темный, неровный, но достаточно крепкий, чтобы несколько десятков человек не боялись на него выйти. Здесь, рядом с настилом, лед расчистили. Чуть дальше начинался нетронутый слой снега, а где-то за ним виднелся другой берег, оцетинившийся темным ельником.

– Ну что? – Ренар остановился и посмотрел куда-то в сторону. – Готова к первым самостоятельным шагам, моя хорошая?

Все еще глядя куда-то в сторону, он вытащил из кармана куртки горсть монет и повернулся ко мне.

Я рассеянно моргнула и подставила ладонь. Перчатка из тонкой кожи была чуть великовата, и когда на нее одна за другой начали падать монетки, я постаралась не дышать и держать руку прямо. Чтобы не поднимать их потом со снега.

Монетки были ровными, блестящими, словно только что из банка – или что у них тут вместо банков? Маленькими, но плотными, с каким-то символом посередине. Все, кроме двух, были медными,

оставшиеся две – из белого металла, более легкие, словно тоньше, с насечками по краю. На них был четкий узор из дубовых листьев вокруг короны.

– Это медные солиды, – сказал Ренар, ткнув пальцем в желтые монеты. – И две серебряные кроны. И еще. – Он положил мне на руку серебряную монету крупнее. Вместо дубовых листьев и короны на ней был какой-то герб. – И фунт. Он тебе не понадобится в этом городе, но если уж завалялся у меня в кармане, то почему бы тебе его не показать.

Я подняла взгляд от монет и сощурилась на собеседника.

– Отлично, – сказала я. – И что мне с этим делать?

– Идти к торговцу и добывать себе коньки, – лучисто улыбнулся Ренар. – Пара часов аренды обойдется тебе в полкроны, – добавил он и подвинул чуть в сторону четыре медные монетки. – То есть – в четыре солида.

«То есть, – мысленно добавила я, – в одной серебряной монетке – восемь медных».

И, значит, придется поучиться складывать в уме всякое.

Ренар осторожно перевернул мою ладонь, высыпав монеты себе в руку, и потом бесцеремонно переложил их в карман куртки, которая была на мне надета.

– А я послежу, чтобы с тобой ничего не случилось, – сказал он, разворачивая меня за плечи лицом к стоящим чуть в стороне от берега маленьким торговым рядам. – Давай, Мари, – подбодрил он меня. – Сделай вид, что ты местная, они поверят.

Они поверили.

Это оказалось так просто, что я чувствовала себя почти обманутой, когда вернулась к Ренару с коньками в руках.

А вот потом все стало куда сложнее.

Потому что потом был лед и мои неуклюжие попытки устоять, были чужие руки, которые не давали мне падать, и совсем чужие взгляды, которые искрились от ожидания, когда же я, наконец, упаду. Или мне так казалось от страха, что я правда упаду, и все это увидят.

Я все еще ждала подвоха, разоблачения, какого-то события, которое перевернет все с ног на голову. Чьего-то появления, взрыва, нападения, в общем – чего-то такого, что сразу добавит всему этому смысла. Укажет направление движения. Даст мне какую-то определенность и цель – то, чего у меня до сих пор не было.

Но все вокруг оставалось мирным и праздничным.
И ничего не происходило.

Порталы рвали ткань пространства, соединяя две точки физического мира. Ничего сложного в этом не было, если сделать правильно, ничего опасного – тоже. Почти. Времена, когда магия была дикой, похожей на бушующую воду или пламя, остались в прошлом, волшебство давно уже стало обыденным, простым и привычным.

Если, конечно, не вдаваться в некоторые подробности и ходить проторенными тропами.

Обсидиан был зеркалом и умел прятать в себе другое пространство. Под его пластинами скрывались сгилы, направляющие Поток в нужном направлении. Арка из песчаника легко поглощала излишек, если это было нужно, и она же создавала контур Двери. А над Дверью, как знак уважения и как еще один оберег, символ, якорь, ядро, был высеченный из камня барельеф Двуликого, Покровителя Дорог, Стража Перекрестков.

Одного из Двенадцати.

Кондор никогда не забывал, на смену кому пришел Двуликий, и к порталам, как и к любому проявлению границы, чувствовал странную смесь почтения, настороженности и неприязни. Границы, как бы хорошо ни охраняла их магия, все равно оставались безопасными не до конца.

Потому что Изнанка, с которой они соприкасались, была обитаема, а те, кто обитал в ней, всегда радовались новой Двери и тому, что могут за ней найти.

Чаще всего это были развлечения и еда, причем и развлечения, и еда могли трактоваться очень разнообразно.

Герхард Оденберг был не самым приятным человеком, но плохим волшебником его назвать было сложно. По крайней мере, для того, кто

запер себя на месте провинциального мага в небольшом горном городке, Герхард держался неплохо. Но ошибки у него тоже бывали.

К примеру, как тот, кто постоянно имеет дело с порталами, он мог бы понять, что именно произошло. Но, кажется, не понимал, и сейчас стоял с выражением недоумения, ужаса и брезгливости на лице.

– Но как?

– Как – что? – Кондор чуть склонил голову набок, не отрывая взгляда от существа, которое заставил выйти из Теней. – Как он оказался здесь? Самому интересно. Пикси редко забираются так далеко к востоку от Кимри.

Пикси заметил их быстро, как только перестал отряхиваться от чар, которые, наверное, ощущал так же, как человек – прилипшую к коже тонкую паутинку. Он был похож на крошечную пародию на человека, сделанную из веточек и листьев, с зеленоватой кожей и огромными темными глазами – почти игрушка или статуэтка, порождение фантазии столичного мастера, увлеченного мифами. С той небольшой разницей, что эта статуэтка двигалась и была наделена разумом, острым и крайне проказливым.

Недоумение, ужас и брезгливость со стороны Герхарда можно было понять. Когда впервые сталкиваешься с изнаночной тварью – или с новой для себя изнаночной тварью, вдруг получившей в этом мире плоть, вес и что-то, похожее на кровь, всегда недоумеваешь и часто пугаешься.

Кондор же не чувствовал ничего, кроме любопытства. Он наблюдал, как существо раскрыло полупрозрачные крылья, похожие на остовы сухих листьев, и ехидно оскалилось, давая понять, что видит волшебников и понимает, кто они. Рука Герхарда дернулась, на пальцах сверкнули зеленоватые искры.

Как глупо.

– Не стоит этого делать, – почти шепнул Кондор.

Герхард кисло улыбнулся в ответ.

– Да, не стоит, Герхард! – тонким, чуть стрекочущим голосом повторило существо, отталкиваясь от стены и зависая в воздухе. Крылья за его спиной шевелились медленно и словно бы лениво. – Твоя магия слишком сладкая для меня. А вот с тобой... – Он повернулся к Кондору и глумливо повторил его наклон головы. – С тобой я бы поиграл. Герхард слишком неповоротлив умом.

– Эй! – оскорбился Герхард.

Совершенно справедливо. Воздух рассекла волшебная сеть, на этот раз невидимая, брошенная на фэйри, но тот легко увернулся, взмыв вверх – к потолку.

Герхард засуетился. Наверху, под куполом, были окна без стекла и решеток, узкие прорезы в камне, и пикси мог нырнуть в любое из них и вылететь в город. Один-единственный, он вряд ли был всерьез опасен, но точно наделал бы шума не меньше, чем взбесившаяся лисица или шайка пронырливых маленьких воришек.

К счастью, что-то удерживало его здесь, и фэйри, покружив над головами волшебников, вернулся, чтобы пронестись рядом с головой Герхарда и обидно дернуть его за волосы. После этого он удобно устроился на одной из пластинок песчаника на самом верху арки и поставил локоть на один из носов Двумликого.

– Что, приятель? – обратился он к богу. – Тоже удивляешься глупости смертных? Я два месяца питался магией одного из них и вылакал до предела один из камней, а смертный и не заметил, пока я не вылакал еще два!

Он рассмеялся – это было похоже на стрекот кузнечиков на летнем лугу, или на скрежет ножниц, или на хлопанье листьев под порывом ветра – и на смех ребенка тоже. Герхард скривился и побледнел.

Кондор его отлично понимал. Любой, кто находился рядом, почувствовал бы холодок, пробежавший вдоль спины от этого смеха. Он звучал на границе и был ею: границей даже не звука, а идеи звука, имитацией, созданной фэйри, тем, как фэйри – этот конкретный – понимает смех.

Пикси щелкнул изображение божества по носу:

– Видишь? Я бы выгрыз их уши, если бы захотел!

– Если бы здесь были твои братья, – холодно сказал Кондор. – Которых здесь нет.

– Появятся, – заверил его пикси, делая вид, что падает вниз – его тело перевернулось в воздухе и замерло почти у самого пола. – Как только скажу им, что тут неплохо кормят! – Пикси демонстративно улыбнулся и погладил себя ладошкой по животу. – И есть с кем играть!

Он снова застрекотал крыльями, выделявая в воздухе мёртвые петли и восьмёрки и изредка бросая в магов обидные словечки и

жесты. Это было похоже на бравату и, скорее всего, действительно было ею: бедняга попался, понял это и пытается сделать вид, что может сбежать.

Если бы мог – сбежал бы сразу. Что-то не дает ему это сделать. Слабость? Какая-то болезнь, из-за которой он попал так далеко и жил в Тенях у портала, питаюсь чужим волшебством? Или сам портал не отпускает?

– Вот вам и ответ, Герхард. – Кондор не отрывал взгляд от мельтешащей в воздухе черно-зеленой точки. – Оно вас безнаказанно жрало. Эй ты, мелкий! Хоть бы спасибо сказал! – беспечно бросил он в сторону фэйри.

Так, словно тот был его добрым приятелем, а не мелким вредителем, грозящим отгрызть им с Герхардом уши.

Пикси визгливо рассмеялся и пронёсся перед лицом Герхарда, на мгновение замер и изогнулся в насмешливом поклоне – а потом снова вернулся к полёту.

– Ему нравится ваша магия, – продолжил Кондор мягко. Мягкость давалась ему не без усилий, слишком уж сильной была злость на Герхарда. – Он к ней привык и теперь поглощает быстрее, чем заклинание даёт нужный эффект. Верно я говорю? – Это было уже обращено к фэйри, который подтвердил, крутанув сальто перед лицом Кондора. – Что вы знаете о пикси, Герхард?

– Игривы, опасны и... ай! – Фэйри снова дёрнул мага за волосы. Попытка дотянуться до вредителя и схватить его рукой результатов тоже не дала. – И обычно нападают стаей. Не думал, что одна маленькая дрянь... ой!.. может причинить столько беспорядка!

Кондор покачал головой и скрестил руки на груди.

– Все так, – сказал он.

«Все так, – подумал он, – но не совсем так». А Герхард видел пикси впервые в своей жизни. И, наверное, никогда не видел других подобных существ. Видимо, там, где он учился быть волшебником, уделяли Изнанке и ее обитателям внимания не больше, чем истории волшебства и каллиграфии. «Впрочем, – одернул себя Кондор, – нельзя знать все. Герхард – хороший маг».

Неплохой. Для того места, которое занимает.

Маленькая дрянь снова беззаботно расселась рядом с изображением Двумликого – на этот раз с другой его стороны. Пикси

свернул крылья и уставился на волшебников большими черными глазами, похожими на глаза насекомого. Он ждал.

Герхард был прав: пикси действительно крайне игривы. Играть для них так же естественно, как рыбе – плыть, стрижу – лететь, а кролику – трястись от страха при малейшем шорохе. И в этом своем стремлении найти партнера в играх они опасны, потому что понятия об игре у всех фэйри серьезно отличаются от тех, которые приняты у людей.

Если бы Кондор встретился со стаей пикси где-нибудь на лугах Кимри, он бы предпочел засунуть гордость подальше и сбежать. Потому что стая пикси – это почти как штормовая волна или порыв ураганного ветра, только если бы у воды или ветра был разум, очень изощренный в вопросах жестокого любопытства. Но этот пикси был один – и пока он один, он был опасен, как шершень. Не более. Особенно, если ты знаешь, как повернуть чью-то привычку против него, обратив ее в ловушку.

Особенно – если у тебя чуть больше власти и знания, чем этот кто-то думает.

– Ты заигрался, мелкий, – с доброй улыбкой сказал Кондор, запрокидывая голову, чтобы видеть пикси. – Давай по-хорошему: или я тебя тут больше не вижу, или я делаю так, что я тебя тут больше не вижу.

– Да, друг мой. – Пикси вздохнул и погладил Двумликого по носу. – Смертные однозначно обнаглели! – Его голос вдруг из чуть стрекочущего стал отчётливым, холодным и высокомерным. – Я обглаживал пальцы таких, как ты, смертный! Выедал глаза! Прогрызал им чрево!

Воздух вокруг заискрился, словно ярость фэйри начала проникать в этот мир.

Кондор молча пожал плечами и под изумлённым взглядом Герхарда вытащил из-под пальто широкий шарф, сделанный из тонкой шерстяной материи.

– Ловили ли вы в детстве бабочек, друг мой? – со смешком спросил Кондор. – Принцип тот же.

«Главное, – подумал он, – чтобы наш маленький друг не разбил стекло и не покинул нас раньше, чем мы наиграемся».

Следующие полчаса прошли весело для всех – особенно для пикси, потому что вид двух растрёпанных взрослых мужчин и их попыток достать его с помощью куска ткани несомненно доставлял гостю с Изнанки неимоверное удовольствие. Пикси наблюдал, как они оба злобно шипят, в очередной раз обнаружив под шарфом стену или пол, и глумливо хихикал откуда-то сверху, недостижимый и полный сил. Игра увлекла его, как любого представителя его народа, склонного играть и заигрываться. Заигравшись, пикси не заметил, что шарф начал существовать отдельно от Кондора, который лениво привалился к стенке и пытался отдышаться.

В отличие от настороженного и разозленного Герхарда, гордость которого явно была задета всей этой беготней, со стороны Кондор выглядел так, словно не фэйри по залу гонял, а сам был расшалившимся фэйри.

Когда пикси в очередной раз попытался отсидеться под носом у Дзуликого, его накрыло, и запеленало, и уронило на землю, легонько ударив об нее.

– Иди сюда, – сказал Кондор, запуская руку под слой ткани. Оттуда раздался возмущённый стрекот и проклятия, и в пальцы чародея вцепились острые фэйские зубки. Кондор поморщился, но всё-таки смог перехватить пикси так, чтобы тот при всём желании не смог его укусить – просто зажал в ладони, почти ломая нежные крылья и упираясь большим пальцем в нижнюю челюсть. Пикси вертелся, хныкал, ругался, пытался процарапать в ладони дыры, но вырваться ему не удавалось. – Да, мелкий. – Жёлтые глаза смотрели на пленника насмешливо. – Я сказал. Ты не понял.

– Не убивай меня!

– Я отлично знаю, как вы умеете торговаться. – Кондор ухмыльнулся. – Предложить человеку всё золото мира и вечную жизнь с дочуркой вашего короля в придачу. Потом снова начнутся угрозы. Давай обойдемся без этого.

Пикси сделал вид, что смирился с судьбой, и притих на пару секунд, но потом начал царапаться с удвоенной силой, понимая, что решается его судьба.

– Не убью, – пообещал Кондор. – У меня есть идея поинтереснее.

Мы сидели на широких деревянных ступенях лестницы, спускающейся к озеру.

Глиняная чашка грела мои руки, а сбоку, в полушаге, стояла металлическая жаровня, на которой в медном котле варили то, что было в чашке, какой-то ягодный напиток с пряностями. Почти глинтвейн, но без вина.

Небеса все еще были глубокими и синими, но солнце уже начало спускаться к линии гор. Я смотрела туда, за озеро, думая о том, что острые пики с шапками ледников на них, наверное, ускорят закат.

По озерной глади уверенно скользили человеческие фигуры. Стайка девиц весело смеялась и переглядывалась, и вот провалиться мне сквозь лед, если объект их настойчивого внимания, та причина, почему перед моим носом то и дело мелькали красные юбки, светлые косы и все остальное, не сидела на ступеньке рядом и не пила то же, что и я.

Правда, с каплей виски, добавленной в чашку из фляжки, которая так вовремя обнаружилась у него в кармане.

– Значит, это был не первый раз на коньках? – уточнил Ренар.

– Третий, – сказала я. – Но первые два были... малоэффективны.

– Тогда ты не безнадежная ученица. Больше боишься, чем не умеешь, – он потрепал меня по плечу и сощурился, глядя вдаль.

Там, среди белого снега и синего льда, человеческие фигурки превращались в темные силуэты.

Кто-то шел далеко отсюда, пересекая озеро, цепочка из четырех черных точек.

Воздух перед началом заката становился золотым, тени деревьев удлинялись, и от застывшего озера веяло холодом. Я поежилась.

– Замерзла? – спросил Ренар с подчеркнутой тревогой в голосе.

Я помотала головой и уставилась в чашку.

Когда моя тревога сошла на нет, я начала замечать мир вокруг: его запахи, звуки, морозную свежесть, синеву небес, яркие костюмы

молодых жительниц Йарны, украшения на домах, стоящих вокруг озера, а потом – тепло мужской руки у себя на талии, сократившееся расстояние между нами и лёгкий запах кожи, трав и мокрой шерсти. И табака.

– Здесь всегда так весело? – спросила я, надеясь отогнать от себя неловкость.

Ренар покачал головой в ответ.

– Обычно люди этого города слишком заняты праведными трудами, чтобы так самозабвенно развлекаться, Мари, – ответил он с мягкой улыбкой. – Но близость праздника требует веселья. Не знаю, как у вас, а здесь рубежом года считается самая долгая ночь. – Он проводил взглядом мелькнувшую рядом с нами фигуру и наклонил голову ко мне. – Солнцестояние.

– Я знаю, как это называется, – нервно огрызнулась я.

Ренар не стал придавать моему тону особого значения.

– В Йарне в декабре – коньки, венки на дверях и печеные яблоки, – продолжил он доброжелательно. – В столице – балы и приемы. Там, где я вырос, пекли пряный хлеб в подарок добрым соседям. Везде свои обычаи. Если ты вдруг захочешь посмотреть на здешние, – его лицо приобрело крайне хитрое выражение, – я уговорю Кондора на пару веселых вечеров.

Я промолчала, глядя вдаль, на синеющие силуэты гор.

– Ему тоже будет полезно, – сказал Ренар задумчиво.

– А если я не хочу?

Тени удлинились, часть облаков окрасилась в бледно-розовый цвет.

Я не повернула головы к собеседнику.

Ренар тяжело вздохнул.

– Тогда я постараюсь возродить в тебе дух авантюризма и тягу к развлечениям, – сказал он с какой-то почти неестественной беспечностью.

Я подумала, что когда веселье становится твоей обязанностью, развлекаться как-то не хочется. Но не произнесла этого вслух.

Глиняная чашка в руке начала остывать.

Мне показалось, что в нашем молчании появилась неловкость иная, не та, которая была вызвана этими моими странными наблюдениями за улыбками, взглядами, теплом рук и всем остальным.

Я знала, что разговор может повернуться в сторону, в которую я не хотела смотреть.

И он повернулся.

– Нам нужно было познакомить тебя с Герхардом, – сказал Ренар совсем другим тоном. Его голос звучал приглушенно. – Это что-то вроде... официальной части.

Я угукнула в ответ, дав ему понять, что слушаю и не собираюсь перебивать, сбегать или уходить от темы.

В конце концов, мне, ура, рассказывают, что к чему.

– Он... не самый приятный человек в мире, – добавил Ренар, рассматривая свою ладонь – без перчатки.

Перчатка сейчас лежала у него на колене.

– Я заметила.

– Издержки профессии. И положения. И, наверное, просто особенности характера. Так или иначе – теперь он знает, что у нас есть ты.

Я посмотрела в сторону девушек. У одной из них была прекрасная белая коса, тяжелая, до талии. Другая носила ярко-красную юбку. Третья...

– И что, – спросила я. – Теперь мне нужно ждать толпы паломников к воротам волшебного замка?

– К счастью, нет.

Наши взгляды встретились, и я поняла, что сейчас Ренар настолько серьезен, что почти не похож сам на себя.

– А как же избранная, все дела? – я иронично усмехнулась.

Он в ответ сощурился и словно бы вытянулся вперед, став в этот момент действительно похожим на лисицу:

– У твоей игры чуть другие условия, моя хорошая. Твоя избранность, как ты назвала это, нужна с весьма определенной целью и не для того, чтобы они все, – он кивнул в сторону толпы, – знали о ней и пользовались ею. Тем более что ты вряд ли можешь дать им что-то действительно полезное. Или думаешь так. Я не прав?

Я уловила в его словах очень легкую, но все-таки издевку.

Знай свое место, вот что это было. Не те чары, которые усаживают тебя на стул, лишая воли, а легкий щелчок по носу, сбивающий спесь – или уверенность в собственной важности и нужности, как посмотреть.

Я могла только согласиться и отвести взгляд в сторону, потому что мне действительно нечего было дать кому-либо.

«Действительно, – подумала я, – кому нужны избранные вроде меня? Ни магии, ни волшебных даров, ни интеллекта, нужного, чтобы обыграть кого-нибудь очень важного и хитрого в шахматы, ни небесной красоты или способности обращать людей в истинную веру одним движением ресниц». Я была беспомощна настолько, насколько это вообще возможно, и, пожалуй, мое счастье, что рядом со мной оказалась парочка взрослых мальчиков, настроенных доброжелательно.

Пусть и не слишком честных. И не очень сдержанных.

– Дело в том, – продолжил Ренар, когда горстка местных парней прошла мимо нас, и вокруг снова образовалась пустота. – Что кое-кому очень влиятельному очень нужно укрепить свое влияние. Получить еще один козырь и спрятать его в рукаве. И он готов на многое ради этого. А кое-кто очень умный и любопытный достаточно амбициозен и нагл, чтобы по доброй воле лезть в глубину знания. Ты же понимаешь, о чем я?

Я помотала головой.

Ренар вздохнул и не стал объяснять:

– Значит, поймешь чуть позже.

Он протянул руку, ту, с которой снял перчатку, и взялся за мою ладонь. Осторожно, словно я могла вырваться и убежать.

– Птица вчера поступил очень... некрасиво и неосмотрительно, – сказал он вкрадчиво. Таким тоном, за которым чувствуется и второе, и третье дно, и то, что сейчас тебя начнут очень, очень убедительно уговаривать сделать все так, как надо кому-то. Кому-то, но не тебе, потому что ты не знаешь, как вообще тебе быть и что делать. – Я не прошу тебя понимать его и тем более прощать ему это. Но выслушай его, пожалуйста, потому что это в твоих собственных интересах.

– Иначе – что? – спросила я, глядя ему в глаза. – Мне велят идти в комнату и сидеть там, пока не пойму, в чем была не права?

Он приподнял бровь, видимо, не ожидая такого отпора.

– Здесь и сейчас ты права во всем, кроме упрямства, – сказал Ренар. – И никто не собирается сажать тебя под замок, ты слишком важна. Но, поверь, быть марионеткой, которую дергают за ниточки и

убирают в шкаф, когда она не нужна, куда хуже и неприятнее, чем быть партнером в игре.

– И чем же я так важна, если при этом я совершенно бесполезна?

Кажется, я снова попала в цель.

Ренар улыбнулся, довольный, как поймавший мышь кот.

– А вот об этом, милая, – сказал он. – Лучше спросить не меня.

Вдруг я что-то напутую?

Я широко распахнула глаза, потому что не ожидала от него, такого честного и прямого, от него, заставляющего меня думать и задавать правильные вопросы, подобного выверта.

Стало сумрачно, словно бы солнце закрыла туча.

Точнее, туча была ни при чем – само солнце, наконец, достигло кромки гор и зацепилось за одну из вершин.

– Пойдем. – Ренар встал и протянул мне руку. – Заберем нашего волшебника, пока он не превратил господина Оденберга в большую надутую жабу. Очень хочу попасть в замок до темноты, а то тропа там такая, что ноги переломать можно.

Солнце уходило за горы, луны еще не взошли, и дорога назад, к центру города, была полна серовато-сизых сумерек. Протопанная тропа через лесок, конечно, не освещалась ничем – только в самом ее начале стоял одинокий фонарь с коптящей свечой. Еще недавно такой светлый и яркий, мир вокруг превратился в чередование теней, темноты и светлых пятен – еловые лапы, стволы деревьев, ошестинившийся голыми ветками кустарник, пустоты там, где ничего не росло. И еле слышное завывание ветра где-то в вышине.

– Что поделать, я не волшебник и фонари щелчком пальцев не создаю, – ответил Ренар на мое ворчливое ойканье, когда я споткнулась о камень, спрятавшийся под снегом.

Он вежливо предложил мне зацепиться за его локоть, и я не стала фыркать и отказываться.

В этих сумерках было что-то жутковатое. Наверное, когда ты оказываешься в темноте в незнакомом месте, тебе в любом случае будет не по себе, но вокруг меня к тому же был лес. Кусочек того самого леса, который я видела с балкона башни, бескрайнего и темного. Настолько глухого, что некоторые дороги в нем, как я убедилась сегодня утром, существовали, но не использовались.

Мне было нужно держаться за чей-то локоть, пока я иду мимо силуэтов спящих деревьев.

– Ренар?

– Что, милая? – он повернул голову ко мне.

В сумерках его лицо казалось бледным пятном.

Яркий цвет волос словно бы выцвел, сгладился, начал превращаться в еще один оттенок серо-сизого.

– Если вокруг игра, я хочу знать ее правила.

Он хмыкнул.

Я не могла разглядеть черты его лица так же четко, как десять минут назад, но мне показалось, что это хмыканье было... довольным и одобрительным.

– Туз в рукаве хочет знать правила, по которым его планируют разыграть, забавно, – сказал он наконец и ласково потрепал меня по плечу. – Не обижайся, пожалуйста, – добавил он виновато. – Шутка слишком хороша, чтобы не сказать ее.

– Туз в рукаве может выпасть, – ответила я. – В самый ответственный момент.

– Справедливое замечание. – Голос Ренара звучал приглушенно, словно бы он не хотел говорить слишком громко. Или устал. Или что-то еще.

Мне самой в этих сумерках почему-то хотелось избегать громких звуков.

– Обычно вопросами правил игры занималась леди Айвеллин, – сказал Ренар. – Вы с ней знакомы.

Я кивнула, но потом поняла, что вряд ли он заметил короткое движение головы, и произнесла это вслух:

– Да. Мы... Нас познакомили.

И с тем, на что способно прикосновение леди Айвеллин, меня тоже познакомили.

– Я знаю, – ответил он так же глухо. – Не буду спрашивать, как тебе понравились дворцы Лорна-Тир. Лин очень...

«Красива, – подумала я, пока он выбирал слово. – И достаточно... безрассудна? Смела? Жестока? Как назвать того, кто решится проверять на прочность ничего не понимающего гостя?»

– Очень хорошо знает правила всяких там игр, – наконец нашелся Ренар. – В силу своего воспитания, происхождения и опыта. У нас с ней мало времени, но мы постараемся научить тебя, как не проиграть и не потеряться. Остальное зависит от тебя.

«Чудесно», – подумала я.

– Есть правильной вилкой и кланяться?

– Отличать один танец от другого, не путаться в собственных юбках и титулах придворных и держать спину прямо, – весело ответил он. – Ну и ставить на место тех, кто решит подойти слишком близко.

– А драться ты можешь меня научить?

Он остановился так резко, что я успела сделать полшага вперед и споткнулась.

– Драться? – уточнил Ренар с недоумением в голосе. – В смысле – правильно замахиваться канделябром? Или... – В его тоне появилась насмешка. – Или ты хочешь научиться убивать врагов ножом для резки фруктов?

– Я не...

Я не собиралась никого убивать, конечно. Но я помнила испуганное выражение на лице Джейны, когда она увидела того... как его? Андре Форжо?

И бесконечные лабиринты коридоров и комнат в парадных покоях одного там принца я тоже помнила.

Бегать по ним, путаясь в юбках, наверное, будет не очень. В случае чего.

Ренар терпеливо ждал моего ответа. Ветки деревьев над нами покачивались на ветру, становилось холоднее и темнее. Где-то вдалеке кто-то пел – незнакомую мне песню, слов которой было не разобрать.

– Я серьезно, – сказала я. – Не убивать, конечно, но... научи меня защищаться. Хоть канделябром, хоть веером.

– И с чего ты взяла, что я могу тебя этому научить? – спросил он осторожно, словно решил проверить мои намерения на прочность.

Я моргнула.

Почему-то моя уверенность в том, что и правда может, была железной, но если подумать, то она ни на чем не основывалась. Может быть, я решила в своей голове, что все мужчины этого мира по умолчанию должны владеть чем-то таким, из того зала, в котором на стене висел портрет красноволосой леди в рыцарских доспехах? Но не могло же быть так, чтобы нет?

Или могло?

– Хорошо, – сказал Ренар серьезно. – Научить тебя бить человека, чтобы ему было больно, я действительно могу. Но за что-то большее не возьмусь.

Он скрестил на груди руки и отошел на полшага от меня, словно пытался получше рассмотреть.

Сейчас мы оба друг для друга были чем-то вроде теней.

– Большее?

Когда я говорила, изо рта вырывался пар.

– А! – Ренар махнул рукой в воздухе, мол, дела былые и внимания не стоят. – Некоторые девочки любят хотеть играть... в мальчишеские игрушки и потом плачут, когда роняют их себе на ногу. Ладно. – Ренар опустил руки и как-то странно вздохнул. – Попробуй ударить меня.

– Что? – Я вытаращилась на него в изумлении. – Прямо здесь?

– Здесь и сейчас, – рассмеялся он. – Отвесь мне пощечину, ткни кулаком под рёбра, пни меня, в конце концов! – Ренар развел руки в сторону, словно приглашал меня к действию. – Или уже пошла на попятную? – спросил он язвительнее. Мне показалось, что здесь, посреди замерзшего леса, его голос звучал слишком громко и едва не отдавался эхом в вышине. – Все вы, девицы, такие, сначала: «О, дай я поддержу в руках твою рапиру!» – а потом... Ой!

Я, не понимая, к чему все это, действительно ударила, целясь кулаком в живот. Ренар сделал вид, что ему очень больно, и согнулся, но испугаться за него или начать извиняться я не успела, потому что раздался тихий смех.

Я прикусила нижнюю губу.

– Бьешь, как девчонка, – вынес приговор Ренар и выпрямился, убирая выбившуюся прядь со лба. – Хотя ты и есть девчонка. Это был

дружеский тычок под рёбра, милая, а я жду другого. Понимаешь ли... – Он сделал шаг в мою сторону. – Самое сложное для человека, который не привык к насилию, это ударить в полную силу. Ну, Мари, не жалея меня. – Он оказался ещё ближе, так, что даже в полумраке я видела черты его лица. И хитрую улыбку тоже. – Я разрешаю.

Ну, если ты разрешаешь...

Я замахнулась, чтобы вцепиться ему пощёчину, наверное, неумело, потому что делала такое только раз в жизни в обстоятельствах, о которых стыдно вспоминать. Попытка провалилась, конечно, Ренар перехватил мое запястье до того, как я дотянулась до него, и ловко, совершенно непонятно как завернул руку мне за спину. Я пискнула больше от возмущения, чем от боли. Достать его другой рукой не удалось – она тоже оказалась у меня за спиной, а я – прижатой к Ренару настолько близко, что это пугало.

Даже там, на льду, когда он ловил меня, стоило мне неловко наклониться, расстояние между нами не сокращалось так сильно.

Или мне так казалось.

– Попался, котенок, – прошептал Ренар мне на ухо. – А теперь по ошибкам. Не бейся так, вырваться не получится. – Он ловко извернулся, и моя попытка ударить коленом по стратегическому месту провалилась. – Первое. – Дыхание Ренара касалось моего виска. – Слишком долго думала, словно не решалась. Бей прежде, чем противник поймет, куда ты бьешь. И второе. – Голос его стал насмешливым и каким-то хрипловатым. – Слишком быстро сдалась и не попыталась выкрутиться, пока была возможность. Ну, что будешь делать теперь?

Я молчала.

– Можно было бы кричать, – продолжил Ренар. – Здесь и сейчас тебя бы даже услышали. Наверное. И даже отпинали бы меня, чтобы руки не распускал. В каких-нибудь дворцовых лабиринтах... вряд ли. – Он ослабил объятия достаточно, чтобы я могла дышать, как обычно, но недостаточно, чтобы я вырвалась. – Могла бы ударить меня лбом по носу. Очень... действительно.

Он отпустил меня окончательно, с хохотом увернувшись от пинка.

И задел рукой соседний куст, отчего с того с шорохом осыпались сухие листья вперемешку со снегом.

– Рад, что ты умеешь злиться, – силуэт Ренара согнулся в шутовском поклоне.

– Ты... – я возмущенно пыхтела, краснея от всего этого.

– Я нахал, о да, – ответил он и задрал голову куда-то вверх. – И жалеть тебя не собираюсь. Если не передумаешь, я к твоим услугам. Пойдем?

Он протянул мне руку.

Где-то в темноте раздались шелест и странный крик, и я вздрогнула.

– Это птицы, Мари. – Ладонь Ренара легла на мое плечо. – Здесь много всякой... живности, не бойся.

Я тряхнула головой.

– В следующий раз напомню тебе, что нужно взять с собой фонарь.

Он что-то согласно проворчал и легонько толкнул меня вперед.

Начинался снегопад, пока еще слабый и в темноте почти незаметный. Я поняла, что что-то поменялось, когда крупные снежные хлопья начали оседать на рукавах и шарфе. Сумерки резко, словно кто-то щелкнул пальцами, превратились в темноту, и когда мы вышли к площади, вокруг которой ярко горели оранжевые фонари, над головой оказалось низкое чернильное небо без лун и звезд.

«Это было похоже на что-то», – подумала я, разглядывая силуэт ратуши. Флаги на ней были собраны, круглый циферблат белел, как еще одна луна. Все эти оранжевые блики и мельтешение снежных хлопьев, мягких, как пух, низкое небо и желтоватая штукатурка на стенах домов, черные провалы подворотен и тишина вечернего города, все это что-то мне напоминало.

Тот вечер, когда я так неудачно вышла из бара и оказалась где-то, где не стоило бы находиться в неправильное время.

Стоило подумать об этом, как мне начало казаться, что кто-то смотрит мне в спину – кто-то оттуда, из лесной тьмы, из темноты неосвещенного переулка, из черной-черной воды, текущей под мостом, который мы перешли.

Ренар стряхнул мою руку со сгиба своего локтя и осторожно, еле касаясь, приобнял за плечи. Он ничего не сказал, но покосился на меня со странным выражением беспокойства на лице.

Мальчишка, охраняющий вход в дом Герхарда, поздоровался со мной и поклонился, прижав руку к груди рядом с сердцем. Он улыбался мне очень открыто, с какой-то совершенно искренней симпатией, и я неловко улыбнулась ему в ответ.

В сравнении с этой его улыбкой оскал Герхарда показался мне еще более вымученным и неприятным.

К счастью, терпеть его долго мне не пришлось.

У подножия замка, кажется, было еще темнее, и крошечный огонек, сгусток бело-голубого света, который завис над плечом Кондора, едва разгонял мрак. Черное зеркало портала сползло в трещины скалы сгустками тьмы, совершенно жуткими сейчас, когда вокруг была непроглядная зимняя ночь.

Снегопад усилился. От мельтешения белых и серых пятен перед глазами у меня закружилась голова, и я махнула перед лицом рукой, пытаясь отогнать от себя снежинки. «Настоящий рой, – подумала я, – как в одной там сказке, попадет такая в глаз или в сердце – и все, пропадешь в ледяных царствах, в вечных снегах».

Или в лесу, подсказало что-то, потому что вокруг тебя сейчас темный лес, такой глубокий, что лучше в него не смотреть. Потому что где-то там, в этой своей глубине, лес, как ему и полагается, переходит в совсем другой лес, и неизвестно что в нем, в том, другом лесу, обитает.

Мне показалось, что я услышала звон, легкий, еле заметный, где-то на самой границе слуха, и шелест, похожий на тот, с которым осыпались снег и сухие листья, когда кто-то случайно задел ветку. И плеск воды, текущей где-то невдалеке. И хлопанье крыльев над головой. Поскрипывание веток под порывами ветра.

– Эге, – раздалось рядом, и кто-то махнул рукой перед моим лицом. – Мари, ты здесь?

Я моргнула – мир стал четче, и приступ странного головокружения почти прошел. Ренар цепко, почти до боли сжимал мое предплечье, словно пытался удержать от падения.

– Кажется, не совсем, – Кондор подошел ближе и наклонился ко мне.

От волшебного огонька тени на его лице стали резкими, и мне казалось, что волшебник смотрит на меня, злобно щурясь.

Снежинки застревали в его темных волосах, как седина.

– Голова закружилась, – тихо сказала я, удивляясь тому, с каким трудом шевелятся губы.

Кондор, кажется, расслышал. Он наклонил голову набок, не то пытаясь стряхнуть снег, не то в порыве какого-то странного любопытства.

– Пойдем-ка быстрее в замок, – с беспокойством в голосе сказал он. – От этого снега мне тоже не по себе.

Он развернулся, махнув рукой, и второй световой шар завис над моей головой. Он еле заметно мерцал, и мне казалось, что снежинки роились вокруг светящегося пятна, как мотыльки вокруг свечи.

«Надо же, – подумала я, делая шаг вперед – не без помощи Ренара. – Великий чародей испугался снега. Ему, видите ли, не по себе. Может, еще и замерз и тоже хочет к огню, отогреться. Может, ему и от леса жутковато становится, только он не признается».

Кондор затормозил и повернул голову в нашу сторону – или мне показалось?

Скользкие ступеньки шли вверх, их замело, и мне приходилось ступать с осторожностью. Я смотрела себе под ноги, все равно вокруг не было видно ничего, кроме темноты и снега. Белая пелена сгущалась, я слышала, как воет ветер, и сами снежинки из мягких крупных хлопьев начали превращаться в злые, колючие ледяные иглы. Щеки жгло от холода.

От снега и ветра глаза слезились, я зажмурилась и остановилась, чтобы выдохнуть ледяной воздух и стряхнуть с глаз воду.

Лишь на миг я отпустила руку Ренара, просто выскользнула из его цепких пальцев так просто, словно он и не держал меня.

Ветер ударил мне в спину, проник за шиворот, в рукава, обвил шею удавкой и потянул куда-то за собой.

Туда, где было холодно и темно.

Туда, где я стояла посреди снежного вихря и смотрела на саму себя.

И видела все то, что успела забыть – потому что не хотела вспоминать, и потому что чужая воля позволила мне не помнить.

И мне это совсем, совсем не понравилось.

Все, что было темного и холодного, осталось за стенами замка.

Внутри было тепло, горел огонь в огромном камине, оранжевые отблески танцевали на стенах, пахло нагретым деревом, немного пылью и еще табаком, который курил Ренар. Ренар стоял у камина, облокотившись на него, а я смотрела на стену за его плечом и пыталась понять, действительно ли движутся листья нарисованного на ней дерева – или это лишь игра света, теней и отблесков огня?

И моего воображения.

В том, что правда, а что нет, я сейчас сомневалась, потому что память, сдерживаемая чарами, вернулась ко мне – от и до.

Туман, появляющийся в голове каждый раз, когда я пыталась понять, что же со мной случилось, сменился всепоглощающей ясностью.

Вместе с ней пришла страшная головная боль. Такая, что я чуть не потеряла сознание там, рядом с воротами замка. Хотя, может быть, и потеряла – на время достаточное, чтобы за меня испугались, но теплая и надежная рука не дала мне упасть.

Сейчас я сидела в кресле с ногами, словно что-то могло схватить меня за пятку, окажись она на полу, а Кондор стоял у меня за спиной. Его пальцы, как всегда прохладные, касались моей головы очень осторожно, как тогда, когда он лечил меня после пьянки. Я боялась пошевелиться.

– Любые чары имеют свой срок, – сказал Кондор, не слишком заботясь о том, слышу ли я его и понимаю ли, просто затем, чтобы

общая тишина так не давила на нас троих. – Или условие, при котором они разрушатся сами по себе. Без постороннего вмешательства. Когда мы касаемся чужой памяти, мы не можем предугадать, что в ней скрыто. – Он осторожно убрал мне за ухо прядку, которая, кажется, мешала ему. – И что может запустить процессы узнавания, вспоминания и возвращения. Когда я нашел тебя, милая...

– Мари, – поправила я его.

Кондор замер на миг, словно был удивлен, и его пальцы убрались подальше от моей головы.

– Хорошо, – сказал он, обходя кресло по кругу, и чуть наклонился ко мне. – Мари, значит Мари, я не собирался отбирать у тебя имя. Так вот, Мари. – Он сел в кресло напротив и наклонился вперед, поставив локти на колени. – Когда я тебя нашел в ту ночь...

Когда он меня нашел в ту ночь, я была без сознания.

Лежала на каменных ступенях, которые вели к тому самому Зеркалу.

Он не знал, что случилось, и боялся, что когда я очнусь, то слишком сильно испугаюсь. – Ты вывихнула запястье и ударила головой. – Кондор провел рукой по своему затылку, взъерошив волосы, словно хотел показать, как именно я ударила. – Я исправил все, что мог, и...

– И заколдовал меня, – закончила я спокойным голосом.

Будто бы это ничего не значило.

– Ай-ай-ай, – сказал Ренар из своего угла.

Он не осуждал никого и никого не поддерживал, просто ему нужна была реплика и право покачать головой. Я нервно дернула плечом.

– Я заколдовал тебя. – Кондор не стал этого отрицать. – Погрузил глубже в сон и заставил забыть то, что могло причинить тебе вред или напугать. Было оно или не было в действительности. Я хотел, чтобы твоё пробуждение здесь не было наполнено лишним страхом.

– И поэтому я была такая... – я замолчала, не закончив вопрос, потому что не могла найти верное слово.

– Доверчивая, – подсказал он. – Почти безрассудная. Да. Это... побочный эффект. Я снял бы чары через несколько дней, когда ты освоилась, но что-то заставило тебя саму вспомнить... – Он

сощурился, это было видно даже в оранжево-зеленом полумраке зала, и наклонил голову набок. – Что ты вспомнила?

Это звучало, как приказ говорить, причём только правду. Нет, не из-за интонаций: голос Кондора был усталым и мягким, то ли от этой усталости, то ли из жалости ко мне. В самих словах было что-то такое, что меняло мир. Я заметила, как замер Ренар, не донеся трубку до рта. Даже тени на стенах, кажется, притихли и перестали шевелиться от странного напряжения, которое оставил в воздухе вопрос Кондора.

И я рассказала.

Не потому, что он попросил, и даже не потому, что добавил, как мне казалось, в вопрос немного магии. Я даже не могла утверждать, что это было так. Дело было в том, что мне хотелось рассказать, мне было нужно рассказать, потому что слова и образы в моей голове были такими же колючими и мельтешащими, как снег, в котором я заблудилась.

Если я не решусь рассказать, казалось мне в тот момент, случится что-то плохое. Я снова потеряюсь в метели.

Дело оставалось за малым – перевести все то, что я хотела сказать, на человеческий язык.

– Все, что в этом мире длится слишком далеко и долго, чтобы мы могли это представить, – сказала я, глядя в глаза Кондору. – Возможно, переходит где-то там, вдалеке, в точно такое же, но не здесь.

Волшебник кивнул. Он понял, о чем я, и, кажется, готов был слушать действительно внимательно, не перебивая и не высказывая сомнения ни малейшим жестом.

Я вздохнула – и продолжила, удивляясь тому, как легко, на самом деле, находятся слова.

Снегопад, как оказывается, тоже может закончиться где-то не там, где начался и где тебя застал. Он делает мир зыбким, путает, сбивает с дороги, врет о расстояниях и пугает случайными силуэтами, в которые складываются снежинки и тени. Прислоненный к стене кусок стекла, конечно, превращается в зеркало в темноте.

Я почувствовала, как от волнения и страха ладони и кончики пальцев защекало, горло сжалось, и язык стал тяжелым и неловким. Очень хотелось пить.

Когда я обернулась там, в снегопаде, еще в своем мире во второй раз, я увидела что-то, чем не могла найти никаких объяснений. Что-то,

чему не было места нигде, где ярко горят фонари, поэтому оно их гасило – одним своим появлением. Достаточно красивое, чтобы хотеть смотреть на него, и настолько же страшное, чтобы забыть при первой возможности. Что-то достаточно быстрое, чтобы перемещаться за тот миг, который нужен, чтобы моргнуть, и достаточно хищное, чтобы от него хотелось бежать. Поэтому я бежала – от клыков, которые мелькнули, когда оно улыбнулось, от взгляда, который упирался мне в спину, как острый холодный кусок железа, от странных призывов в вое ветра, которые казались мне похожими на смех.

Я объяснила это так, как могла, и когда я закончила говорить, вокруг меня сгустилась тишина.

В этой тишине еле слышный звук, который издает дверь, открытая со всей осторожностью, прозвучал так, что заставил меня – и не только меня! – вздрогнуть и обернуться.

В первый раз за эти дни я увидела, как Сильвия входит в помещение, а не появляется откуда-то из ниоткуда. Она была спокойна, как обычно, словно ничего не произошло. «Действительно, – подумала я, – для нее ничего не произошло, это мой мир пошатнулся в самой своей основе».

В руках Сильвия несла металлический поднос, блестящий, как зеркало. На нем была одна-единственная глиняная чашка, толстостенная, совсем не похожая на то, из чего я пила чай до этого. Когда Сильвия оказалась рядом, встала сбоку от кресла, в котором я сидела, я почувствовала запах трав, горьковатый, но приятный.

– Я подумала, – сказала Сильвия Кондору, который сейчас впервые за этот вечер выглядел удивленным, – что леди нужно согреться, и взяла на себя смелость приготовить для нее нечто, согревающее не только тело, но и душу. Если вы позволите, милорд.

Мне показалось, что она еле заметно кивнула ему, коротко прикрыла глаза – только ресницы дрогнули, и так же коротко улыбнулась.

Кондор казался рассеянным.

Он коснулся пальцами подбородка, словно задумался на минуту, и потом сделал рукой жест, который можно было трактовать как разрешение.

– Если сама леди позволит вам, – сказал он медленно и четко.

Леди с жадностью принялась, пытаясь учуять подвох. Если подвох и был, то запах ромашки отлично его скрывал.

– Ничего особенного, миледи, – сказала Сильвия, опуская руку с подносом чуть ниже. – Травы, мед и специи.

– И капелька чар, – сказал Ренар.

Он все так же стоял у камина, только вес перенес на другую ногу и отложил трубку в сторону.

– Особой кухонной магии. – Сильвия улыбнулась ему ласково, как ребенку. – Доступное мне колдовство.

Ренар сощурился, и либо тени исказили его лицо, либо он действительно сощурился как-то не слишком по-доброму.

– Как вы все меня достали с вашими намеками, – сказала я и решилась.

Жажда перевесила благоразумие, можно сказать, или мне просто надоел этот саспенс на ровном месте.

Кондор смотрел на меня с усмешкой, Сильвия – с теплом, Ренар – со странной тревогой, словно бы я на его глазах совершила непоправимую ошибку. Но ничего ужасного со мной не случилось. Только и вправду стало теплее, и пришлось убрать с губ прилипшую мелкую веточку.

– Довольны? – спросила я и обвела их всех злым взглядом. – В жабу не превратилась вроде бы. И в обморок падать не собираюсь. – Я сделала вдох, чтобы набрать побольше воздуха, потому что мне все еще было страшно. – Я очень хочу узнать, какого черта со мной произошло.

Когда она вышла за дверь, Дар перестал улыбаться. Он не злился. Он вообще редко злился, кажется, хотя неудовольствие умел демонстрировать – мягко и молчаливо. От его молчания становилось стыдно, даже если ты ничего такого не сделал.

– Значит, порадовать девушку? – иронично спросил он.

Кондор невнятно что-то пробормотал в ответ и старательно сделал вид, что пытается навести порядок в и без того педантично сложенных записях Габриэля.

– Я не заметил, чтобы она выглядела расстроенной, – добавил Дар.

– Потому что расстроенной она была вчера. – Кондор протянул ему листы со схемами и расчетами. – И позавчера. Думаю, ты бы на ее месте тоже был расстроен.

– Справедливо, – согласился Дар с легкой усмешкой.

– А сегодня я ее... выгулял и покормил. – Кондор покосился на Кресцента, с царственным видом вышедшего из Теней. – И почти уверен, что вечером она не решит кинуть в меня чем-нибудь тяжелым.

– А что, попытки уже были?

Кондор загадочно промолчал и постарался вернуть внимание Дара к главному предмету встречи.

Девушка, пусть и была косвенно с этим предметом связана, подождет. Ее и так было чуть больше, чем Кондору хотелось бы, но ничего не поделаешь: сам вызвался в Хранители, и этот статус, будь он неладен, и собственная совесть не давали ему оставить леди наедине с тенями и трагедиями.

Они задумали все это давно, несколько лет назад, в жаркой Аль-Файризе, когда прятались от сентябрьского зноя и чужих взглядов под сводами Дома Знаний. Дар играл в шахматы с одним из старейшин, а Кондор, тогда уже получивший это имя и еще не вернувший себе прежнего себя, маялся от любопытства и бездельничал. Язык южан был ему незнаком – и свитки с их знаниями закрыты. Так продолжалось до тех пор, пока одна из серых теней, почтеннейший-как-его-там, единственный, открывший им свое имя, не решил вдруг, что хочет помочь. Он мог бы сделать это раньше, но сделал лишь после того, как Кондор, краснея сам за себя, четырежды позорно проиграл ему в шахматы.

Шахматы всегда давались ему хуже, допустим, фехтования. В них слишком много чего нужно было держать в голове, и мало оставалось на то, чтобы просто довериться – телу, опыту, чутью, собственному слуху и чувству ритма.

Дар, в отличие от него, играл великолепно. Фехтовал тоже прекрасно – как и полагается наследному принцу.

Точнее, тогда они оба еще не знали, что он теперь – наследник, а не просто один из сыновей короля.

Старейшине понравилось упрямство и старание, с которым молодой волшебник из чужих земель, где солнца мало и у людей слишком бледная кожа, проигрывал ему партию за партией. Он решил наградить противника, и с тех пор Кондор знал фэйризский язык так хорошо, что понимал тонкие метафоры древних мудрецов и несколько плетений, которые помогали работать с памятью и сознанием. Эти плетения он выучил, испробовав на себе, и не понаслышке знал, как трудно с ними и тому, кто плетет, и тому, на чью голову ложатся чары.

Господин Найам, так звали того старейшину, и его имя постоянно вылетало из головы Кондора, словно серая тень в балахоне жреца снова желала стать безымянной, как остальные тени, живущие в храме. Господин Найам решился показать им обоим, наследному принцу и его спутнику, сокровища древности. Эб-маэриф хранила в своей глубине погасший источник магии. Старые стены, камень, покрытый налетом мха, прохлада подземной тьмы – и светящиеся воды озера, вот что было в конце винтовой лестницы, уходившей вниз на тысячу шагов. Там, у озера, господин Найам сказал, что магия уходит из мира – медленно и неотвратно, и то, что случилось далеко на западе, то, от чего бежали, как он сказал, эти два бледных мальчика, это нечто еще больше всколыхнуло процесс угасания.

Месяцы назад в подземельях эб-маэриф бушевала буря, светящаяся вода беспокоилась и тянулась по стенам вверх, оставляя мерцающий свет. Она отзывалась на другую бурю – на ту, которая выстраивала новые границы мира на поверхности, под темными небесами с другой стороны океана. Потом озеро успокоилось – и ушло под землю. Больше чем на два локтя. И продолжало уходить, словно источник, питавший его, иссяк или нашел новое подземное русло.

Если прислушаться, можно было различить звук, мерный, похожий не то на дыхание, не то на пульс где-то там, в глубине.

От воды веяло чужой волей, не злой и не доброй, равнодушной к маленьким человечкам, но сильной настолько, что пожелай оно, это вот пульсирующее там, под водой или в воде, чтобы земля задрожала и провалилась – она бы задрожала и провалилась.

Кондор коснулся воды, свесившись с края каменной лестницы, — осторожно, как если бы касался клавиш, не желая, чтобы раздался звук. Чужая воля заворочалась, прильнула к нему, как ленивая кошка, и, не найдя ничего для себя интересного, схлынула.

Это было так давно, что Кондору иногда казалось, что с того момента прошла целая жизнь, а он сам — уже совсем другой человек. И привычки тянуться рукой к чудесам, способным откусить тебе пальцы, у него больше не было. Почти.

То, что затеяли они с Даром и не только с ним, вполне могло оттяпать руку по локоть, но риск был оправдан.

Как обстояли дела с богами в другом мире, Кондор, увы, точно не знал. Ни первая, ни вторая гостыи, увы, не смогли рассказать ему хоть что-то, действительно стоящее внимания. Единственный вывод, который он сделал, заключался в том, что если тамошние боги и существовали, если они были способны на чудеса, то и их существование, и их чудеса давно превратились в фикцию, в сказки, в набор красивых историй, полных странной морали, перепутанных между собой.

В реальность здешних богов Кондор не просто верил — он о ней знал куда больше, чем иной истово верящий в Дюжину. Здешние боги оставили миру чуть больше, чем сколько-то слов и заповедей, больше похожих на своды правил, больше, чем память о себе. Можно ли было назвать это наследие чудесами, Кондор сомневался — он слишком многое знал о чудесах. Но, так или иначе, все, что оставила Дюжина, можно было использовать, если набраться наглости, смелости и знаний.

У Дара было достаточно наглости и смелости, у Кондора была и наглость, и знания, и уверенность в этих знаниях, у них обоих — то, ради чего все это делать.

Что-то чуть больше жадности и амбиций.

И если Кондор действительно понимал здешних богов, они — все Двенадцать — были бы не против.

Начинать стоило издалека, потому что такие вещи в лоб не выдают. К таким вещам нужно привыкнуть, осознать их, проникнуться, так сказать, исключительностью момента, а лучше – испытать все на своей шкуре. Тогда понимание приходит сразу, хочешь ты того или нет. Требовать от испуганной девочки, выдернутой чужой волей в другой мир, понимания и тем более принятия было бы жестоко.

Куда более жестоко, чем временно водить ее за нос, подсовывая выверенную, упрощенную и добрую версию реальности. В этой версии, конечно, несложно было найти несоответствия и начать сомневаться, но что поделать. Рано или поздно вопросы бы возникли, и на них пришлось бы отвечать.

– Я очень хочу знать, что со мной произошло.

Она снова смотрела как в тот первый вечер, настороженно и сердито. Она злилась и боялась, но голос звучал твердо, словно маленькая леди, наконец, нащупала твердую почву под ногами, и это дало ей сил.

Сильвия все еще стояла рядом с ней, чуть позади, как верная тень, способная при желании превратить врагов леди в искореженные остовы деревьев или болотные коряги. Пожалуй, было хорошо, что леди – пока – об этом и не догадывалась. Она вообще о многом не имела ни малейшего представления, и лучше бы дальше так и шло, спокойно, без злых изнаночных чудес, по сценарию, о котором говорил Дар: танцы, платья, развлечения. Все были бы рады и счастливы, девица бы получила свое золото и в нужный срок убралась бы, откуда пришла.

Но мир уже все решил сам, и все уже случилось.

– На границах миров, – задумчиво сказал Кондор, потому что не знал, что еще сказать, – живут удивительные существа.

Губы Сильвии дернулись в ехидной полуулыбке, но Мари, конечно, этого не видела. Она смотрела прямо на Кондора и нервно сжимала правую руку в кулак, словно это давало ей силы.

– Скорее всего, – продолжил Кондор мягко, – ты столкнулась с кем-то... вот таким. И, к счастью для всех нас, пережила это

столкновение, отделавшись шишкой на затылке. Мне очень жаль, – добавил он и, заметив, как на ее лице мелькнула ярость, поспешил повторить то же самое, но – искреннее: – Мари, мне правда жаль, что...

– Что меня что-то чуть не сожрало?

«Еще миг, – подумал Кондор, – и она или расплчется, или рассмеется, или и то, и другое сразу».

– Но ведь не сожрало же, – Ренар вмешался в разговор внезапно, поймав паузу на самом ее излете – еще миг, и что-то бы точно произошло.

Мари рассеяннo хлопнула глазами и вытаращилась на Ренара. Самоуверенность слетела с нее, как подхваченная ветром шляпа в ненастный день.

Конечно, стоило понять, что от него она ожидала, пожалуй, сочувствия, но никак не подтрунивания, даже дружеского.

– И вообще. – Ренар подошел к гостье почти вплотную и встал с другой стороны от ее кресла, чуть наклонившись, словно хотел сказать что-то ей на ухо. – Может быть, оно и не собиралось тебя жрать? Может быть, – он бросил хитрый взгляд в сторону Кондора, – оно пыталось показать тебе путь? Или оберегало? Или...

Он ласково погладил девушку по плечу, та дернулась, словно ей было неприятно, и попыталась еще глубже спрятаться в кресле. Чужую руку с плеча, впрочем, она сбрасывать не спешила.

– Что еще я должна знать? – спросила Мари сдавленно.

– Как видишь, я не шутил про призраков, – Ренар улыбнулся ей так, что говори о чем-то другом, о чем-то, что не заставляет воздух искриться от напряжения, то, пожалуй, можно было бы подумать, что он пытается флиртовать.

– Спасибо, – голос Мари почти сорвался. – Теперь я боюсь спать одна.

Она не сразу поняла, что именно сказала, а когда поняла, то покраснела. Ренар моментально отстранился, скрестив руки на груди, и придал себе серьезный вид.

Кондор знал его достаточно долго, чтобы понимать: у Ренара точно вертелась на языке шутка, емкая и бьющая в цель. Но он держался. Видимо, его симпатия к леди была совершенно искренней.

– Прекрати, пожалуйста, – глухо попросил Кондор, когда понял, что это может закончиться слезами и хлопнувшей дверью.

Мари посмотрела в его сторону с искренней благодарностью, даже не вспомнила, что весь день демонстративно обижалась – справедливо, но слишком нарочито – за вчерашнее.

– Молчу. – Ренар поднял руки ладонями вверх. – Был не прав, заткнулся и молчу.

– Если леди страшно оставаться одной, – Сильвия заговорила так внезапно, что теперь дернулись они все, – я останусь в ее покоях сегодня ночью. Первое столкновение с потусторонним пережить непросто, – продолжила она, глядя на Мари – та повернула голову, и их взгляды встретились. – И меня это совершенно не затруднит.

– Я не... – сопротивления Мари хватило ненадолго. – Спасибо, – с явным облегчением выдохнула она. – Спасибо огромное!

Сильвия кивнула с поистине аристократической грацией.

– Если этот вопрос улажен, – сказала она, переводя взгляд со своей госпожи на Кондора, которого за господина не признавала и не пыталась этого скрывать. – То я оставлю вас улаживать другие вопросы. Приятного остатка вечера.

Она тихо и неспешно вышла из зала, пройдя его весь, и исчезла в тайной двери, открывающейся в переплетение внутренних, предназначенных для прислуги коридоров. Серебряный поднос в ее руках блеснул напоследок, поймав оранжевый отсвет каминного пламени.

Если бы Мари была чуть более наблюдательной... Даже не так: если бы Мари знала, на что обращать внимание, куда смотреть и что искать, радость от того, что ночью Сильвия собирается сторожить ее сон, погасла бы быстрее, чем свечной огонек под колпачком. Кондор почувствовал укол вины за то, что снова водит гостью за нос, беззастенчиво пользуясь ее невежественностью, и нахмурился.

– Если этот вопрос улажен, – с какой-то почти искусственной веселостью сказал Ренар, подхватывая упущенную нить беседы. – Может быть, стоит уладить другие вопросы? Что еще ты хочешь знать, милая? – Он сел на подлокотник ее кресла и осторожно взял девушку за руку. – Если ты действительно хочешь что-то еще сейчас узнавать, конечно.

Он посмотрел на Кондора без тени веселости на лице и еле заметно покачал головой.

То ли это значило – не вмешивайся, не делай хуже. То ли – отстань от самого себя. То ли что-то еще. Кондор решил на всякий случай промолчать и не мешать.

– Для долгих разговоров явно не время. – Ренар вернул свое внимание Мари. Он все еще держал ее руку в своей и рассматривал ладонь так, словно пытался найти в переплетении линий ответы на вопросы. Лицо девушки было таким же растерянным, как ее мысли, спутанные и полные пугающих теней. – Уже поздно. Ты устала. Ты испугалась. Ты столкнулась с тем, с чем не стоило бы сталкиваться, ты...

Он говорил ей что-то еще, успокаивал, как разоравшегося от страха ребенка, которого нужно было уговорить довериться и показать палец с занозой. Мари согласно кивала, шмыгая носом, потому что очень хотела расплакаться, но сдерживала себя.

– Ты выспишься. – Ренар сжал ее ладонь в кулачок, будто бы прятал в ней что-то. – И завтра будешь готова...

– Я боюсь, – плаксиво сказала она, сощурилась, смаргивая слезы, и пояснила ровнее: – В смысле, я боюсь засыпать.

– Попроси у господина мага волшебное зелье. – Улыбка Ренара была тонкой и хитрой. – Он не откажет.

Мари бросила на Кондора взгляд одновременно испуганный, злой и полный надежды. Она уже не была так уверена в себе и в желании что-то узнавать, но и паники, наконец, поубавилось. Кондор постарался не выглядеть рассерженным или хмурым.

– Вообще-то, – сказал он, поймав этот взгляд. – Я давал тебе кое-что для спокойного сна.

Она моргнула – и вспомнила.

– Точно.

– И очень надеюсь, – Кондор наклонил голову набок. – Что ты не успела выпить все, что там было.

– Конечно. – Мари рассеянно выдернула руку из хватки Ренара и, наконец, перестала вжиматься в несчастное кресло. – Я просто... не хочу больше никаких чар. Хотя бы не применительно ко мне. Если ты понял, о чем я.

Последнюю фразу она произнесла твердо и с еле заметной ехидцей в голосе.

Он не мог не понять.

– Могу предложить теплый брендивайн или травы на ночь, – ответил Кондор чуть более резко, чем стоило бы. Мари поджала губы и вздохнула так тяжело, что он снова почувствовал себя виноватым. – Прости. Я тебя понял. Больше никаких чар, если ты сама об этом не попросишь.

– Не попрошу, – упрямо заявила она, и Кондор лишь развел руками, признавая право леди упрямитесь там, где не следовало бы. – И я хочу защиту от чар, если у вас такое возможно.

Защита от чар сама по себе предполагала чары, но Кондор не стал говорить об этом сейчас.

– Будет тебе защита от чар, – пообещал он.

– И знать, зачем я вам нужна, – добавила она таким тоном, словно решила, что нащупала слабинку, а значит – может выторговать себе все что угодно и еще половину королевства.

Ее рука уже сама по себе сложилась в кулак на подлокотнике.

– Милая... – Ренар попытался погладить ее по волосам, но гостья отпрянула.

– У меня есть имя, – снова напомнила она, переводя взгляд с одного собеседника на другого. – Вообще-то.

– Конечно, ми... Мари. Прости, не удержался. – Ренар улыбнулся на яростный взгляд, направленный на него. Он легко встал и взял девушку за руку. – Я провожу тебя.

Отношения, которые связывали Кондора и богов, что Старых, что Новых, строились немного не так, как должно юноше из благородной семьи строить отношения с религией. То есть – без пиетета. Кто-то, не знавший истинное положение дел и далекий от колдовского ремесла,

пожалуй, был бы неприятно удивлен тем, как легко ломаются религиозные догмы, стоит начать задавать себе и другим неудобные вопросы. К счастью, религиозные догмы не были так сильны, как, допустим, полсотни лет назад.

Многих правил придерживались, кажется, по привычке, другие служили на благо светским законам, третьи были забыты и иногда всплывали суевериями. Какие-то были действительно важны, если ты хотел добиться своей цели, и лишь применительно к этой цели имели значение. Были, конечно, и те, невыполнение которых могло обернуться бедой, но эти законы, догмы и правила, если их поскрести, стереть с них все лишнее, оказывались не более чем выводами из опыта.

Не трогай огонь – он тебя обожжет.

Не суйся, куда не следует, вдруг там болото?

Не называй имена тех, кого не хочешь призвать.

Носи с собой кусок острого железа, если идешь в лес, и будь вежлив, если не знаешь, с чем имеешь дело.

Ремесло волшебника требовало не только соблюдать эти правила, но и уметь отличать те, которые работают, от всех остальных.

Поэтому отношения Кондора с богами были похожи, скорее, на выгодное сотрудничество, чем на любовь или священный трепет.

И потом, он слишком хорошо знал, что Новые боги, те самые Двенадцать, которым молилась эта часть видимого мира, были людьми, когда появились, и так и остались людьми. Это знание всегда было с ним, с самого детства, и случалось так, что оно открывало перед Кондором двери, в которые кто-то менее наглый, менее смелый и безрассудный не решился бы войти.

Идея найти Зеркало, один из предметов, которые Двенадцать не то оставили в наследство потомкам, не то просто забыли, уходя из этого мира в другие миры, пришла в голову Кондора где-то посреди вод Мидтерры, на пути из Аль-Файризы к одному из иберийских портов. Вынужденное путешествие, никак не похожее на то игрушечное приключение, которое переживал каждый второй юноша из благородной английской семьи, подходило к концу – почти счастливому, если вспомнить исходную точку.

На самом же деле никакого счастливого финала в нем не было, кроме того, что они оба – пропавший принц и отправившийся за ним

волшебник – вернулись живыми и повзрослевшими. И не совсем теми, кто когда-то ушел.

Путешествия имеют свойство показывать нам нашу ничтожность перед миром и то, насколько на самом деле мир сложнее, чем мы привыкли считать. Они же делают нас сильнее – или ломают навсегда, но в любом случае меняют, иногда – до неузнаваемости.

Ренар застал его в длинном зале с оружием на стенах.

Кто и зачем собирал здесь все это оружие – от украшенных узорами тяжелых мечей до изящных стилетов, которые можно было спрятать в рукаве, и легких дуэльных шпаг – это знала только Сильвия, а Сильвия любила загадочно улыбаться в ответ на такие вопросы.

Ищи свои ответы сам, волшебник, это твоя работа, не так ли?

Кондор стоял у портрета Красной леди, освещая его крошечным волшебным огоньком не ярче обычной свечи. Этого было достаточно, чтобы видеть в двух шагах рядом с собой, но все остальное пространство зала сейчас было темным и пустым. Шаги Ренара звучали гулко, он не пытался скрывать свое появление, уж скорее – предупреждал о нем.

Кондор усмехнулся и спросил, не оборачиваясь:

– Как там наша гостья?

– Рыдала, – сказал Ренар, выходя из темноты в световой круг.

Он встал рядом, спрятав руки за спиной, и сделал вид, что тоже увлечен разглядыванием картины.

– Рыдала? – уточнил Кондор. – А теперь?

– Я надеюсь, что успокоилась и спит. Я оставил ее, когда слезы пошли на спад, и перед тем заставил умыться и поесть. Сильвия обещала проследить, чтобы леди не изводила себя напрасными страданиями. – Он замолчал, словно переводил дыхание или искал нужные слова. – Слезы – это хорошо, – добавил он осторожно.

Кондор хотел бы поспорить, но не стал.

Возможно, в этом случае слезы действительно были лучшим из вариантов. Куда лучше, например, чем провалы в памяти, которая, спасая рассудок, вытесняла бы из себя новые, пугающие знания. И тем более лучше, чем легкое безумие, страх или, не дай боги, очарованность тем, что леди увидела в снежных тенях.

Слезы, в конце концов, высохнут к завтрашнему дню.

И тогда можно будет что-то решать и выстраивать стратегию общения дальше.

Ренар приподнялся на носки и качнулся, переступая с ноги на ногу. Он вытянул шею, вглядываясь в портрет, и покрутил головой из стороны в сторону, будто искал нужную точку зрения.

– Не понимаю, – сказал он рассеянно.

Кондор лениво повернулся к нему.

– Что? – коротко спросил он.

– Зачем тебе смотреть на нее в темноте. – Ренар почесал затылок жестом, похожим на звериный. – Висит тут сто лет и столько же провисит, приходи в любое время, любуйся, пока не надоест. Или в неверных отблесках тусклого света ты видишь волшебные знаки, проступающие сквозь краску, о чародей?

Кондор вздохнул и заставил волшебный огонь стать ярче, так, чтобы тот выхватил из темноты весь угол, единственный угол, в котором, кроме клинков и щитов, висели картины.

– Видишь? – спросил он.

Ренар огляделся и простодушно пожал плечами.

– Вижу, – сказал он. – Пейзажи, натюрморты, или как оно там у вас называется?

– Здесь нет натюрмортов, – поправил его Кондор.

Ренар насмешливо фыркнул, мол, ему-то что? Как ни назови, все равно – кусок холста, покрытый слоем краски. Висит и висит, есть не просит.

– Здесь есть пейзажи и портреты. – Кондор заставил огонек плавно пролететь мимо картин. – И среди этих портретов – лишь один женский.

Вот этот. Огонек завис прямо над ним. Красно-рыжие локоны, снятый шлем, тяжелые доспехи, мрачное небо за плечами, отсветы пламени в этом небе, словно там, за спиной у леди в доспехах, догорал

павший город. Один из тех городов, которые тогда пали и были сожжены. Художник, кем бы он ни был, рисовал эту женщину красивой и сильной и, главное, торжествующей.

– И других нет, – сказал Кондор. – Словно их не было. Или они не были достойны того, чтобы их помнить.

Ренар снова пожал плечами.

– Или их просто не рисовали, – сказал он. – Или их портреты спрятаны где-то на чердаке или в подвалах. Или куплены кем-то влиятельным. Серьезно, Кондор. – он легко толкнул волшебника локтем в бок. – Причины могут быть любыми, ты сам это говоришь...

– ... они упоминаются в легендах, – сказал Кондор. – Те, кто был до нее.

Ренар тяжело вздохнул:

– Мы здесь сколько? Три года? И тебе нужно думать об этом именно сейчас?

– Ну, – Кондор усмехнулся. – До недавнего времени я был твердо уверен, что Дверь полностью подчиняется мне.

– А теперь ищешь тайные знаки в чьей-то манере развешивать картины? – Ренар скрестил руки на груди и демонстративно подавил зевок. – Мне лично кажется, что она просто удачно вписалась в интерьер. Или как оно называется? Рыцари, оружейная, все такое. А еще мне кажется, – он повернул голову к волшебнику и сощурился. – Что тебе лучше пойти спать. Говорят, с утра голова работает лучше, – добавил он, развернувшись в сторону выхода. – А уговаривать леди в очередной раз простить тебе вспыльчивость я не буду, так и знай.

Когда я проснулась, в соседней комнате кто-то был.

Из-под дверей пробивались отблески теплого оранжевого света.

Кто-то, возможно – Ренар, оставил в углу спальни напольный фонарь с тусклым кристаллом: не для освещения, а чтобы одна глупая

девочка не испугалась, когда очнется одна в темноте.

Но мне уже не было страшно.

Страх уступил место чему-то другому, словно между мной и моими воспоминаниями вдруг появился заслон, стеклянная стена, как в океанариуме: ты видишь за ней тёмную водяную бездну, силуэты китов, запертых в стеклянной тюрьме, зубастые пасти акул, но знаешь, что ни вода, ни твари, обитающие в ней, не причинят тебе вреда.

Я осторожно поднялась на локте. Чужая одежда, та, в которой я вышла из замка утром, сейчас стала вдруг неудобной, колючей, мне хотелось выбраться из неё и отмыться, отскрести с себя что-то такое, неправильное. Чужой запах, знание, что я носила на себе чужое, остатки ужаса, следы истерики.

От слез опухло лицо, ресницы слиплись и глаза все еще щипало. Я шмыгнула носом и поставила ноги на пол.

Холодный, я чувствовала это даже сквозь плотные носки.

Раньше я не замечала этого холода так ясно.

В двери что-то щелкнуло, когда я повернула ручку и потянула её на себя, скрипнули петли, я почувствовала запах камина и почему-то опавших листьев, влажной древесины и мха.

Сильвия сидела на диване перед очагом, забравшись на него с ногами. Сначала я увидела её силуэт – прекрасный профиль, тёмные волосы, в этот раз – распущенные по плечам, руку, вытянутую вдоль спинки дивана, и уже потом, подойдя ближе, разглядела, что на ней было другое платье – то, в котором я видела её в один из вечеров, больше похожее на халат, плотный, достаточно длинный, чтобы сейчас закрывать её ноги полностью и чуть свешиваться вниз, как русалочий хвост.

– Доброго вечера, миледи, – сказала она, не поворачивая ко мне головы, словно игра пламени в очаге занимала все её внимание. – Не спится?

Я моргнула и поднесла руку ко лбу, чтобы поправить прядь, неприятно влажную и колючую. Она неприятно щекотала кожу на щеке.

Очень хотелось пить.

– На столе есть чай, – сказала Сильвия, словно угадала, о чем я думаю. – И не только. Если вы, конечно, снова голодны.

– Спасибо, – выдавила я.

Во рту пересохло и на губах появилась неприятная корочка.

– Не за что, миледи, – она повернулась ко мне. Отблески огня танцевали в тяжелых темных локонах, на четких скулах и кончике прямого носа. Я не могла поручиться, но, кажется, на губах Сильвии мелькнула улыбка. – Как видите, я здесь, сторожу ваш покой, как и обещала.

– Спасибо, – снова сказала я, чувствуя себя неловко.

– Приходите в себя и отдыхайте.

Она проследила за тем, как я наливаю себе нет, не чай, а воду из металлического графин и жадно пью её, а затем, вытерев губы тыльной стороной ладони, ставлю чашку на место. Я схватила не стакан, предназначенный для воды, а фарфоровую чашку для чая, тонкостенную, бледную, как ядовитые грибы, растущие в чаще леса.

– Я... – начала было я, но замолчала.

Сильвия наклонила голову. Её рука сдвинулась, согнулась в локте, пальцы коснулись подбородка.

– Миледи?

Я поняла, что она не торопится вставать, что-то делать, помогать мне – совсем не то, чего стоило бы ждать от камеристки, не так ли? Сильвия словно бы делала мне одолжение уже тем, что сидела сейчас у камина в этой комнате – чтобы мне было не страшно. Я мало что знала о слугах, конечно, но все, что я знала, сейчас говорило о неправильности происходящего.

Миледи и госпожа – лишь слова, – подумала я. – Ко мне не относятся ни как к леди, ни как к госпоже, скорее, как к потерянному, испуганному, неуклюжему ребенку – в лучшем случае, в худшем – как к капризной, эгоистичной девице, свалившейся с небес. Я ничего не решаю и ничего не могу – потому что я ничего не знаю, а кто из них дал мне что-то узнать?»

Ну, кроме того, что лежит на поверхности?

Сильвия вздохнула – лениво и с наслаждением, словно запах дыма, запах огня и нагретого дерева, а еще тот легкий, еле заметный запах леса, который я все еще чувствовала – все это доставляло ей удовольствие.

И ей было совершенно не до меня.

– Я пойду умоюсь, – смущенно сказала я.

Она медленно кивнула в ответ и вернулась к созерцанию огня.

В ту ночь мне не снилось кошмаров, не виделись чудовища, выходящие из теней, не повторялась погоня – та погоня, о которой я, наконец, вспомнила. Пузырек с волшебным зельем мне не пригодился, да я и без того не собиралась притрагиваться к нему – больше никогда. Я изредка просыпалась, выныривая из сна то в полумрак освещенной кристаллом комнаты, то в тусклые предрассветные сумерки, и каждый из-под двери, ведущей в соседнюю комнату, виднелись желто-оранжевые всполохи, а я чувствовала, что не одна, и мне было спокойно.

В моих снах был лес – темный, глубокий лес, совсем не страшный. Он был полон мягкого сумрака и еловых веток, тишины и покоя, он пах зеленью и влагой, грибницей и мокрой землей. Он не желал мне зла, и во сне я видела себя диким зверьком, свернувшимся у корней старого дерева на подстилке из прошлогодних листьев и опавшей хвои под надежной защитой.

Потерянная девочка

Ты стоишь на распутье и хочешь принять решение, но боги смеются над тобой и танцуют в камышовых коронах – сам факт того, что ты оказался здесь, говорит о том, что решение было принято уже давно и, вполне вероятно, не тобой.

Лена Элтанг

– Дорогая моя лягушонка. Позволь напомнить, что ты уже не в пруду. Сейчас по тебе не всегда поймешь, кто ты – девочка или мальчик. Забудь про портки. Записывай второе правило: Мошка Май впредь будет одеваться и вести себя как существо женского пола.

Фрэнсис Хардинг, «Fly by Night»

Библиотека изменилась до неузнаваемости.

Кто-то – я все еще не знала, кто именно, я не видела здесь слуг, кроме Сильвии и двух девушек, которые приносили еду – расставил на полках книги корешок к корешку, убрал их со стремянки и с пола, разобрал согласно теме и назначению – насколько я могла судить.

Здесь пахло свежестью, как в комнате, в которой только что вымыли полы.

Внутренние створки окна, те, которые украшал узор витража, были открыты, и яркий солнечный свет падал сквозь чистые стекла прямо на широкий деревянный стол.

На столе лежала стопка книг, картонная папка и перо – острый металлический наконечник в деревянном держателе. Или как это называется? Перо было легким, дерево покрывал слой темного лака, как шкатулку. Рядом стояла хрустальная чернильница и фарфоровая вазочка с еловой веткой.

Ветка была перехвачена бледно-голубой лентой.

Я задумчиво повертела в руках перо и скептически скривилась.

Кто бы ни навел здесь порядок, он выложил на стол книги, которые могли бы пригодиться девице, оказавшейся в сложных обстоятельствах. Я обнаружила «Детскую географию», «Книгу лордов» и, как ни странно, сборник сказок и еще что-то, озаглавленное как «Прекрасная леди Франческа и Король Гоблинов. Роман». И те книги, которые были у меня в комнате. Их вернули сюда, видимо,

решив, что библиотека – более подходящее место, чтобы одна девочка сидела и прилежно училась быть леди.

Я плюхнулась на стул, вытянула руки вперед на столе и спрятала в них лицо.

Мне не было страшно. Я проснулась свежей и отдохнувшей и с удивлением поняла, что весь ужас, который я вчера испытала, куда-то исчез. Ему на смену пришла странная для меня ярость, тихая, но в то же время острая. Я хотела действовать.

«Если мне нужно выучить все основы этикета, – думала я, лежа лицом в стол, – если мне нужно вызубрить все имена и звания этих их принцев, чародеев и всех остальных, от кого зависит мое возвращение назад, я сделаю это. Я выучу правила игры и постараюсь сыграть так, чтобы все поскорее закончилось».

И вернусь к себе домой, к серой рутине, в которой не будет никаких принцев и чародеев и никакого волшебства. И никаких клыкастых тварей в снежном мареве. И никаких подозрительных зелий.

В общем, я хотела действовать и была чертовски зла, когда открыла «Правила хорошего тона» и, закинув ноги на подоконник, начала их листать, пытаясь найти в этом хоть какое-то удовольствие.

Мое знакомство с порядком представления гостей на официальном приеме прервало появление одного там волшебника. Кондор, как и в прошлый раз, вышел из зеркала – и демонстративно постучал костяшками пальцев по раме.

Видимо, чтобы привлечь мое внимание.

– Подозревал, что найду тебя здесь.

Голос Кондора звучал дружелюбно и как-то... смущенно?

Я подняла на него взгляд. «Еще позавчера я бы чувствовала себя как на экзамене, – подумала я, – и робела бы перед строгим холодным чародеем. Думала бы, не сделала ли я чего дурного, не полезла ли куда-то, куда не надо лезть?» Сейчас мне было почти все равно.

– Я пришел с миром, Мари, – ухмыльнулся Кондор и поднял руки ладонями вверх, словно заранее капитулировал. – Не смотри на меня так, словно желаешь испепелить взглядом. Могу я... сесть?

Я удивленно моргнула.

– Ты спрашиваешь у меня разрешения?

Опять.

– Еще бы. – Он подошел ближе, осторожно, как двигаются люди, когда рядом есть кто-то, кто может напасть в ответ на слишком резкое движение. – Я бы не хотел тебе мешать, если ты занята.

– Я не...

Я бросила короткий взгляд на таблицу титулов и решила, что учить ее хочу еще меньше, чем говорить с Кондором.

Что-то подсказывало мне, что разговор будет не самым приятным для меня.

– Я не занята, – книга была закрыта и отложена в сторону.

– Но и видеть меня не слишком рада.

Кондор наклонил голову чуть набок и, кажется, был готов улыбнуться.

Я пожала плечами и не стала признаваться, что с удовольствием избегала бы его и дальше. Слишком уж непонятно мне было, чего от него ждать. Еще одно заклинание в лоб или еще одну прогулку по красивым местам?

Кондор отодвинул стул и сел напротив меня – и тут же выложил на стол что-то, что достал из кармана.

– Для начала – я принес что-то вроде взятки, – он раскрыл ладонь и чуть приподнял руку над столом.

Его пальцы обвила тонкая цепочка из белого металла, а на этой цепочке висел кристалл. Прозрачный, как маленькая льдинка, в оплетке из серебряных нитей.

– Ты просила защиту от чар, – сказал Кондор. – Я сделал то, что мог сделать здесь и сейчас. К сожалению, защиты ото всех чар этого мира не существует, но с тем, чтобы оградить тебя от влияния чужой воли, эта безделушка вполне справится.

Кончик его рта дернулся, словно волшебник пытался не улыбнуться.

– Бери, – сказал он. – Это теперь твое. И постарайся не снимать.

Я смотрела, как играют грани кристалла, сквозь которые проходит свет, и не решалась протянуть руку. Мне казалось, что если я возьму амулет, я совершу какую-то странную сделку, продамсья и соглашусь на что-то, на что не стоило бы соглашаться.

Лицо Кондора не менялось, он ждал моего решения с каким-то непривычным спокойствием. Примерно с тем же, с которым слушал вчера мой рассказ и отвечал на вопросы.

Ответы все еще были мне нужны, и я решилась.

– Я обещала Ренару, что пойду тебе навстречу, – сказала я. – И выслушаю тебя. Прощать я не обещала.

Кристалл и правда оказался похож на льдинку, такой же прохладный. Пальцы волшебника тоже были прохладными – распутывая цепочку, я случайно коснулась его руки. Кондор не двигался и не помогал, словно бы разрешал мне действовать так, как я хочу.

Интересно, каковы гарантии, что со мной не случится что-то плохое, как только я застегну цепочку?

– Никаких, – сказал Кондор. – Тебе придется поверить мне на слово.

Я подняла на него недоуменный взгляд.

Волшебник смотрел на меня, чуть наклонив голову вниз, так, словно между нами появилась вдруг странная тайна, которую не стоило рассказывать миру.

– Ты очень громко думаешь, милая, – сказал он. – Иногда так громко, что я слышу твои мысли в своей голове. И мне не то чтобы это нравится.

Я так и застыла с приоткрытым от удивления ртом, чувствуя, как начинаю краснеть.

О чем я только не думала в эти дни.

– Очень странно, что это волнует тебя больше, чем то, что твои мысли перестали принадлежать только тебе. – Кондор усмехнулся. – Я постараюсь это исправить.

– А я думала, – сказала я, сжимая кристалл в ладони: острые грани тут же впились в кожу. – Что тебе выгодно знать эти самые мысли.

Он приподнял одну бровь.

– То, что ты думаешь и что чувствуешь, легко понять по твоему лицу. А вот невозможность не слышать едкие замечания, которые не произнесены вслух, это, поверь, кого угодно способно сбить с толку. Не переживай, – добавил он серьезнее. – Я не собираюсь использовать хоть что-то из этого против тебя. Это было бы нечестно, да и то, что я узнал, вряд ли кому-то полезно. Разве что мне самому.

Я моргнула.

– В том смысле, – пояснил Кондор, – чтобы осознать и принять то, как ты меня видишь. Я очень некрасиво сорвался. – Он посмотрел прямо на меня, чуть вздернув подбородок. – И я не буду просить у тебя прощения, потому что действительно не надеюсь, что ты меня простишь. Но я постараюсь сделать так, чтобы...

– Долго речь репетировал? – перебила его я.

Он застыл, словно я его ударила, очень растерянный, с недоумением во взгляде.

– Я тебя услышала, спасибо за то, что признал свой косяк, – сказала я и все-таки решила надеть амулет. Артефакт? Или как это называется? – И спасибо за честность. А теперь позволь мне остаться наедине с правилами этикета. Мне кажется, именно на них ты советовал мне обратить внимание в первую очередь?

Я думала, он резко встанет, грохнет стулом и выйдет через свое зеркало куда-нибудь подальше от меня, но Кондор всего лишь вернул себе обычное выражение лица – сосредоточенное, чуточку высокомерное, словно он всех насквозь тут видит и заранее считает себя лучше остальных.

– О да, – сказал он спокойно. – Очень своевременно. В скором времени у тебя появится возможность попрактиковаться.

– Вот как?

Я наконец справилась с замочком, который так и норовил выскользнуть из дрожащих пальцев.

Что бы я там ни изображала, пытаясь казаться уверенной и злой, мне было страшно.

– Его высочество Антуан д'Альвело хочет видеть тебя снова. Завтра. В этот раз – в официальной обстановке.

– И я так понимаю, мое желание видеть его высочество Антуана д'Альвело не имеет никакого значения?

– Абсолютно. – Кондор кивнул с кривой усмешкой. – Это не приглашение на чашку кофе, милая, и не увеселительная прогулка. Нам нужно дать тебе все права на существование в этом мире, и мой принц считает, что чем быстрее мы это сделаем, тем меньше у нас потом будет болеть голова. Ты должна получить имя и титул.

Он говорил это без издевательских ноток в голосе, как-то поделовому сухо и почти строго.

– Имя? – переспросила я.

С титулом все было как-то... понятно.

– Имя. – Кондор снова кивнул. – То, которое посчитаешь нужным. Кажется, у тебя было какое-то на примете?

Он точно съехидничал, припоминая мне обман с Алисой.

– Я подумаю, спасибо.

– Вот и чудесно. – Волшебник встал и коротко поклонился мне, прижав руку к груди. – На этом у меня все. Пойду потренируюсь в репетировании речей.

Я набрала в легкие воздуха, чтобы что-то сказать, но не стала.

– Чуть не забыл. – Кондор остановился у дверей, ведущих прочь из библиотеки, и окинул меня пристальным взглядом. Таким, от которого захотелось сесть прямо, свести колени вместе и постараться не чувствовать себя почти раздетой. – Ты сделаешь мне большое одолжение, если сможешь найти в этом богами забытом месте приличное платье. Или хотя бы юбку. Там, куда мы завтра пойдем, это важно.

Он пожелал мне доброго дня и выскользнул, едва приоткрыв дверь.

Я нервно одернула рукава толстовки и постаралась найти в учебнике этикета раздел, посвященный общению с монархами.

Я нашла Ренара в оружейной. Он сидел на широком подоконнике прямо с ногами и щурился на солнышке.

Окно было большим, в три створки, с ровными ромбиками маленьких стеклышек, вставленных в металл. Зал – пустым и светлым. Люди с портретов смотрели куда-то сквозь меня, прекрасные и величественные в своих парадных доспехах, и лишь Красная леди, кажется, следила за тем, как я иду через весь зал яростной стремительной походкой. Учебник этикета я прижимала к груди вместе с «Книгой лордов», заложенной лентой на одной конкретной странице.

На одной конкретной странице, на которой был портрет одного конкретного лорда и рассказ о нем.

Там все страницы были в портретах каких-то великих мужей и с рассказами о том, чем же эти мужи так велики. Или не велики. Не то местный список миллиардеров, не то руководство для юных девиц, как найти себе достойного жениха, на кого не стоит даже зариться, а от кого лучше держаться подальше.

Такие советы там тоже были.

Ренар лениво повернул голову в мою сторону и улыбнулся так, что вся моя ярость об эту улыбку разбилась.

– Доброе утро, милая, – сказал он. – Что-то случилось?

– Случилось, – сказала я и протянула ему книгу. – Завтра мне...

– О! – Ренар не дал мне договорить – он раскрыл «Книгу лордов» на той самой странице и усмехнулся. – Ты разгадала великую тайну, Мари, я тебя поздравляю.

– Да, – сказала я. – Я нашла ее на столе в библиотеке.

– Таинственная и темная натура, – с выражением прочитал Ренар. – Принадлежит к славному древнему роду, представители которого, к нашему великому сожалению, сторонятся светских развлечений. Обладатель графского титула не по праву рождения, но в знак особых заслуг перед Коронай Иберийского Государства. Прекрасный фехтовальщик, безусловно владеющий рапирой. По слухам, увлечен рисованием, но мы считаем, что подобное увлечение не делает чести мужчине и лорду. – Голос Ренара с каждой фразой становился все более язвительным. – Из достоверных источников известно, что он никогда не был помолвлен. Вокруг Юлиана дель Эйве ходит множество слухов о противоречивых связях, омрачающих его репутацию, и в сочетании с его профессией и особенностями характера это делает его нежелательным интересом для молодых девиц. – Ренар захлопнул книгу. – И так далее, и тому подобное. И портрет. Ему польстили, – добавил он. – Обычно у него куда более кислое выражение лица.

Он протянул мне книгу, и я забрала ее, едва подавив порыв бросить куда-нибудь в стену.

– Я уже сколько? Три дня? Четыре? – начала я, плюхаясь рядом с ним на подоконник. – Зову его дурацким прозвищем. Нарушаю правила поведения. Пью с ним, в конце концов. А потом узнаю, что у

него есть титул и маленькое графство где-то там, а значит, я должна была быть с ним на «вы» и кланяться.

– У него замок в Каделле, – сказал Ренар. – Я родился там.

– Прекрасно. Только не говори, что ты тоже древних кровей...

– А я похож? – его улыбка стала тонкой и хитрой.

– Я не знаю, – сказала я резко. – Не знаю, чего от вас всех еще ожидать.

– Ты все еще злишься.

Это был не вопрос – утверждение.

Ренар подвинулся ближе и взял меня за руку.

– Мне кажется, – сказал он мягко. – Ничего не поменялось. Ни для тебя, ни для кого-то еще. Ну, знаешь ты теперь, что у Кондора есть нормальное имя.

– И титул.

– И титул. И семья.

– У кого из нас нет семьи?

– О, у него особенная семья. – Ренар усмехнулся. – Древний род, земли далеко к западу от Альбы, пара темных тайн, родовые поместья, портреты именитых предков в картинных галереях. И тетушка. Все, как положено. Могу поспорить, – добавил он лукаво. – Слова про «нежелательный интерес» кто-то оплатил. Нельзя придумать более соблазнительный образ для девиц, чем назвать кого-то нежелательным для них интересом. Ну! – Он легонько толкнул меня в плечо. – Тут можешь представить себе Кондора, который пытается отмахаться рапирой от толпы поклонниц и их встревоженных мамаш. Вот, отлично, милая, ты улыбаешься.

Я выдохнула, чувствуя, что краснею. Я действительно разозлилась на ровном месте, потому что эта вот глупость – неназванное имя, кусочек тайны, то, что скрыли по невнимательности или из нежелания говорить здесь и сейчас, – стала поводом вспомнить, что меня водят за нос.

Даже в таких мелочах.

– Так что случилось?

Я повернулась к Ренару. Его лицо сейчас было серьезным, серьезнее некуда – ни дать ни взять старший брат, к которому непутевая сестрица прибежала жаловаться на вредного мальчишку.

– Он слышит мои мысли.

– Какой удивительно тонкий слух у этого мерзавца. – Ренар покачал головой. – И много ты надумала, хм, лишнего?

– Я... – Я опешила от того, как он воспринял эту новость. Никакого сочувствия. – Мне неприятно!

– Конечно, тебе неприятно. – Ренар пожал плечами и постарался улыбнуться. Вышло у него как-то слишком глумливо. – Кому приятно узнать, что его мысли принадлежат не ему одному? Но, мне кажется, если бы Кондору было выгодно и дальше их слышать, – Ренар махнул в воздухе рукой, – он бы не выдал себя. А если выдал, то, милая, я думаю, он смущен не менее твоего.

Я растерянно моргнула и поняла, что Кондор сказал то же самое. И пообещал, что попробует понять, в чем дело.

– Что? – усмехнулся Ренар. – Я прав?

– Он сказал, что это сбивает его с толку.

Ренар рассмеялся, лениво, будто бы с неохотой.

– На твоём месте я бы думал о невозможной похабной ерунде, – признался он, сверкнув зубами в странной улыбке. – Чтобы ещё больше сбивать с толку. Потрясающее оружие в твоих руках, дурочка, а ты не ценишь. – Он щёлкнул меня по носу и снова стал серьёзным. – Вот тебе и первый урок защиты, милая. Что ещё случилось, раз ты прибежала ко мне с учебником этикета и этим каталогом женихов для благородных девиц?

Ах, значит, я была права в своих догадках по поводу этой книги?

– Завтра я буду у его высочества. – Я постаралась вспомнить то, что вычитала в «Книге лордов». – У Антуана Фердинанда, ай, забыла третье имя, д'Альвело, герцога Арморики, наследного принца Иберийской Короны.

– Чудесно.

– И мне нужно знать, как не выставить себя дурой.

– Легко. – Ренар протянул руку и осторожно взял меня за подбородок, заставляя поднять голову, а не смотреть в пол. – Веди себя вежливо и естественно. С этим ты справишься. Я уверен.

– И платье.

– М-м-м, – задумчиво протянул он. – Попробуем что-то придумать. Пойдем, найдем Сильвию.

Он легким, почти танцевальным движением встал с подоконника и протянул мне руку.

Кондор сидел на столе и обескураженно смотрел на меня.

Я пыталась дожевать перехваченный на ходу бутерброд и понять, что я сделала не так.

Впрочем, понять было несложно, достаточно было посмотреть на чародея. Точнее, на то, как он был одет.

На серебристый узор вышивки, бегущий по воротнику и манжетам сюртука. На бежевые брюки и высокие сапоги. На белоснежный шейный платок и цепочку часов, спрятанных в кармане жилета, черного, с каким-то еле заметным текстурным узором. Ему это настолько шло, что я отвела взгляд, чтобы не подумать что-нибудь не то.

— Ты выглядишь как горничная.

Он сказал это без сарказма, просто как факт: ты выглядишь, как горничная, милая, слишком не так, как должен был выглядеть кто-то вроде тебя в этой ситуации.

— Я уже поняла, — сказала я, когда дожевала. — Но зато прилично, ведь так?

Он устало вздохнул и рассмеялся, закрыв лицо рукой.

— Ну, прости. — Я пожала плечами и стряхнула крошки с руки. — Сильвия вывалила на меня штук семь платьев. Они были или больше размером, или я выглядела в них как чучело. Поэтому я решила найти компромиссное решение.

Черное компромиссное решение, стащенное у самой Сильвии. И не очень удобные, но чистые и крепкие туфли. Стащенные Сильвией у одной из служанок.

— Мне стоило подумать об этом самому, — сказал Кондор примирительно. — Я рассчитывал, что у этой женщины припрятано что-то подходящее, но если нет, то...

Он спрыгнул со стола.

– То придется работать с тем, что есть.

Я зябко обхватила себя руками. То ли платье было слишком тонкое, то ли мне было холодно от недосыпа и нервозности, но я мерзла.

– А ты не можешь... Ну, как тогда. – Я нервно сглотнула. – Чтобы все подумали...

Кондор тряхнул головой и снова вздохнул очень недовольно.

– Могу, – сказал он честно. – Но, понимаешь ли, Мари, в той части дворца, где мы окажемся, очень мощные защитные чары против таких вот фокусов с восприятием. Из соображений безопасности высокопоставленных лиц. Пойдем. – Он осторожно дотронулся до моего локтя. – Дай мне руку.

И дальше, конечно, мы вошли в зеркало – и вышли из него в какой-то странной, почти пустой комнате. Стоящие вдоль стены стулья, гобелен с охотящимся на антилопу леопардом, которого перекосило от жизни и неумения мастера в анатомическую точность, пустой камин и зашторенные окна. Люстра с единственным кристаллом давала тусклый неприятный свет.

Такой свет бывает в пыльных конторах, старых таких, с дешевой мебелью и полудохлыми цветами. Там, где человеку не хочется задерживаться надолго.

Нас уже ждали.

– Доброе утро, Мастер Юлиан.

– Доброе, – ответил Кондор, отпуская мою руку. – Господин Блэкторн.

Мне показалось, что он появился из какой-то тени, с которой все это время сливался. Высокий, как мой спутник, но чуть шире в плечах, старше лет на пятнадцать, он был похож на благородного корсара или аристократа, который был вынужден пойти в разбойники. Он носил бороду и усы, короткие, аккуратные, как у испанцев со старых портретов, и, возможно, поэтому казался старше.

И еще глаза. Взгляд, который впился в меня, спокойный и совершенно непроницаемый. В нем не было ни доброго лукавства, ни хитрости, ни въедливого любопытства, ни торжества или злобы, ни снисходительности – вообще ничего, словно господин Блэкторн смотрел на дверь или на стену, а не на живого человека.

При этом он улыбался – только губами.

Под правым глазом, чуть выше скулы, у него был тонкий полумесяц старого шрама, словно кто-то пытался попасть ему в глазницу.

– Это Мари, – представил меня Кондор. Его рука легла на мое плечо, заставляя шагнуть вперед. – Та, ради которой мы сегодня собрались. Мари, познакомься с господином Уильямом Блэкторном. Он отвечает за безопасность королевской семьи.

Господин Блэкторн, продолжая смотреть на меня сверху вниз, взял мою руку в свою, обтянутую перчаткой из тонкой коричневой кожи.

– Рад познакомиться, миледи, – сказал он, мягко сжимая мои пальцы. – Если вы готовы, мы можем идти.

Я бросила встревоженный взгляд на Кондора и коротко кивнула.

Мы шли какими-то тайными коридорами, очень узкими, темными, без окон, с пыльными гобеленами на стенах и тусклым светом редких ламп с кристаллами. Здесь пахло пылью и затхлостью, а еще здесь не было людей – совсем, нам не встретился вообще никто. Уильям Блэкторн вел нас, он был в паре шагов впереди, и я видела, что его длинные волосы собраны в низкий хвост, перехваченный кожаным шнурком. Его одежда была темной, и, встретить я его где-то, я бы, наверное, не могла сказать о нем ничего: ни чем он занимается, ни какое место занимает в этом мире.

Спина у него была удивительно прямой, а шаг – уверенным и чеканным и в то же время – удивительно тихим.

То ли выцветший ковер, лежащий поверх паркета, проглатывал звук шагов. То ли Блэкторн действительно двигался очень тихо.

Я крепко держалась за локоть Кондора и чувствовала себя слегка обманутой.

Вчера вечером, пока Сильвия зашнуровывала на мне одно из платьев – то единственное, которое требовало помощи кого-то, чтобы в него влезть, – я успела нафантазировать себе этот момент. Небольшой квадратный зал с темными деревянными панелями и огромным камином, над которым висит панно с родовым гербом, обитый бархатом трон с золочеными подлокотниками – обязательно на возвышении, тяжелые занавеси с кистями за ним, золотоволосый юный принц, который смотрит на меня все с тем же ласковым лукавством, и вокруг – толпа странных, пугающих меня, разодетых в шелк и бархат людей.

Ну, или не толпа, но несколько придворных непременно.

У принца же должна быть свита, ведь так?

Я слишком мало знала о принцах, как оказалось.

Дар ждал меня в кабинете – просторном, светлом, с высокими арочными окнами, выходящими куда-то в сад, за которым виднелись крыши незнакомого мне города. В небольшом книжном шкафу стояли потрепанные книги, большой письменный стол был аккуратно прибран – ничего лишнего. На полу лежал ковер цвета опавших листьев – охристо-бурый, точно такого же цвета были портьеры, сейчас – распахнутые, словно хозяин кабинета старался впустить в него как можно больше яркого солнечного света.

Я сидела в удобном кресле напротив Дара и думала, что внутри моей головы продолжаю называть его этим именем – странным, совершенно не похожим на сокращение ни от одного из его имен. Антуан. Фердинанд. Флавий.

Имя отца, имя деда и имя, которое дала мать.

Мне полагалось называть его исключительно «ваше высочество», и я очень старалась это делать.

– Мари? – ласковым тоном спросил его высочество.

Он, кажется, сказал что-то, а я пропустила, увлеченная своими мыслями.

– М? – встрепенулась я и расправила плечи.

Господин Блэкторн, стоящий у стены за спиной Дара, посмотрел на меня все тем же ничего не выражающим взглядом.

Чуть выше его правого плеча висела картина, не портрет какого-нибудь ученого мужа, а пейзаж. Художник изобразил море,

предрассветное и спокойное, и кусочек городской пристани, на которой дремали лодки, оцетинившись мачтами без парусов.

– Я задал вопрос, – мягко и ласково сказал Антуан.

Фердинанд. Флавий.

Кронпринц Иберии, герцог Арморики, кто-то там еще.

Я моргнула, потому что вопрос упустила, и повернула голову в сторону Кондора – тот сидел слева от меня в таком же кресле, собранный и непривычно серьёзный. Поняв, что кое-кто невежливо прослушал слова принца, волшебник устало вздохнул.

– Его высочество спрашивает леди о том, какое имя будет стоять в её документах, – лениво сказал он. – Прошу прощения, ваше высочество, – добавил он уже в сторону Дара. – Леди, видимо, серьёзно смущена, и именно этим объясняется её рассеянность и невнимательность.

Леди покраснела.

– Я все понимаю. – Дар кивнул и улыбнулся мне. – Леди оказалась в непривычной для себя обстановке, а какие-то строгие лорды что-то от нее требуют и заставляют решать. Сосредоточьтесь, Мари, – посоветовал он все тем же ласковым тоном, не приторным, но таким, словно тебя шелковая лента касалась. – Это важно. Я не отниму у вас много времени и сил. Итак, мне нужно имя. То имя, которое будет принадлежать вам, определять вас и стоять во всех официальных документах.

За плечом Дара стоял его секретарь – аристократического вида молодой брюнэт, худой, ниже на голову, чем Блэкторн, и потому казавшийся хрупким юношей. У него было лицо ухоженного умного мальчишки, приятное, но его портила гримаса лёгкого презрения, отразившаяся на его лице в тот момент, когда он посмотрел на меня.

Видимо, Кондор был чертовски прав насчет приличного вида.

– Э-э-э... – протянула я. – А...

– Ты вправе выбрать любое имя и фамилию, – подсказал Кондор. – Никого особенно не интересует, как ты звалась у себя в мире.

– А.

Я задумчиво посмотрела в окно. Там, над крышами, ярко синело зимнее небо этого мира.

– Пусть будет Лидделл. Мари Лидделл, – выдала я, наконец. Ещё немного, и темно-серые глаза уважаемого господина секретаря прожгли бы во мне дырку.

– И всё? – удивленно вскинул брови Дар.

– А что? – не поняла я. Слева от меня кашлянули – очень красноречиво. – Что именно вас смущает, ваше высочество? – исправилась я.

– Вы точно хотите зваться... так просто? – уточнил Дар.

Мне опять начало казаться, что он видит меня насквозь.

– Да, ваше высочество, – сказала я твердо. – С более, хм, сложным именем я бы чувствовала себя неловко.

– Прекрасно, – улыбнулся мне принц. – Септим, вам остаётся лишь вписать имя Мари Лидделл во все документы, – небрежно бросил он секретарю и снова сосредоточился на мне. Секретарь, кивнув, исчез за низкой дверцей, спрятанной в стене. – Это займет какое-то время, леди Лидделл. – Он произнес мое новое имя так, словно пытался запомнить незнакомое слово чужого языка. – Потом вы поставите на них свою новую подпись – и все, окажетесь официально подданной моего отца, со всем причитающимся юной леди набором прав.

– Я поняла, ваше высочество, – сказала я.

– Есть несколько деталей, о которых вам следует знать, – продолжил Дар уже без улыбки. – По нашим законам вы считаетесь совершеннолетней. Но по тем же законам женщине, не имеющей семьи, назначается опекун, под защитой и присмотром которого находится её жизнь и её имущество. В вашем случае я решил, что будет справедливо и логично отдать эту роль лорду Юлиану дель Эйве.

– То есть мне, – оскалился Кондор.

– Справедливо и логично, – согласилась я.

– Рад, что вы согласны, леди Лидделл. – Дар улыбнулся, явно довольный. – Я готов лично поручиться за порядочность лорда дель Эйве, но если у вас с ним возникнут разногласия, вы всегда можете обратиться за помощью ко мне или моему секретарю.

«Щас, – подумала я, вспомнив, как на меня смотрел его секретарь, – бегу и падаю».

– Следующий вопрос чуть сложнее. – Дар откинулся на спинку своего кресла и бросил взгляд на Кондора, словно искал его

поддержки. – Он касается вашей, хм... Миссии, да будет мне позволено так сказать.

Я почувствовала, как совершенно автоматически, неосознанно вцепилась пальцами в подлокотник – до побелевших костяшек. Вдоль спины пробежал холодок, такой, как бывает, когда ты ожидаешь что-то плохое.

– О том, кто вы такая и откуда, сейчас знаем только мы. Все, кто в этой комнате, и несколько человек вне ее, заинтересованных в том, чтобы проявить свою лояльность по отношению к вам. И ко мне.

Он говорил, а я думала, что никогда не слышала такого голоса: он был мягок и добр, но я чувствовала, что где-то там, под этим всем, скрывается сталь, острая и твердая.

– Если вы решите, что хотите открыться миру, никто не станет вам препятствовать, – продолжил Дар. – Мы только попросим не торопиться, чтобы мы могли подготовить и вас, и всех, кто будет с этим связан. Но я бы советовал, леди Лидделл, учитывая все обстоятельства, сохранить вашу тайну для членов узкого круга. Это поможет избежать лишних вопросов и лишней ответственности. При всей моей симпатии к вам, – Дар подался чуть вперед, положил руки на стол и сцепил пальцы в замок, – я сомневаюсь, что сейчас вы готовы и к вопросам, и к ответственности.

Вот так, детка.

Еще один интересный поворот, еще один обман, еще один совет, которому лучше последовать – потому что это в твоих интересах, маленькая дурочка. Не ты ли недавно смотрела на толпу людей там, у озера, и думала, что ты можешь дать им, если выйдешь из тени и заявишь о себе?

Правильно – ничего.

Я вспомнила, что мне надо дышать, и втянула воздух в легкие. Кажется, слишком резко, потому что на лице Дара отразилась тревога.

– Мари? – Кондор чуть наклонился ко мне. – У тебя все хорошо?

– Д-да. – Я чуть не закашлялась. – Я согласна. В смысле, я согласна с вами, ваше высочество, – исправилась я. – Лучше мне сохранить инкогнито.

Дар сдержанно кивнул.

– Мой брат вернется не раньше, чем через неделю, и вы станете частью его свиты, леди Лидделл. До того наслаждайтесь свободой.

Быть при дворе – задача веселая, но по-своему утомительная.

Септим, возникший откуда-то из-за моей спины, положил перед Даром внушительную стопку бумаг, и его высочество переключил свое внимание с меня на них.

– Я никогда не была частью чьей-то свиты, ваше высочество, – зачем-то сказала я.

Он поднял на меня взгляд. Ни капли раздражения за то, что я отвлекла его, только все то же теплое лукавство.

– О, – сказал Дар. – Леди Росиньоль объяснит вам основы, а мы все поможем. Ничего сложного, я в вас верю. А теперь подойдите сюда, милая. – Он встал со своего кресла и сделал мне приглашающий жест. – Прошу вас. Ради вашего удобства.

Я сначала не поняла, а потом, когда принц взял в руки перо – точнее, что-то, похожее на перьевую ручку, до меня наконец дошло, что эту кипу бумаг, которую я должна подписать, будет неудобно и несолидно держать на коленях.

Я поднялась с места, чувствуя слабость в ногах, и, нервно обернувшись на Кондора – он улыбнулся мне и кивнул, видимо, пытаясь поддержать, – заняла место его высочества за столом, высоковатым для меня.

Септим собрал все бумаги так, чтобы мне было понятно, что к чему. Некоторые из них были написаны от руки очень изящным, каллиграфическим почерком, видимо, заранее, другие же, типовые, с гербом наверху, отпечатаны – в них тем же почерком было внесено моё имя – новое имя, имя кронпринца и имя Кондора – настоящее, которое значилось в «Книге Лордов».

– Можно мне чистый лист? – спросила я, посмотрев на Кондора.

Почему-то он сейчас казался мне наиболее дружелюбно настроенным.

Обращаться напрямую к Септиму я не хотела.

Взгляд волшебника был удивленным.

– Мне нужно... Попробовать новую подпись, – пояснила я и призналась: – Я плохо пишу пером. Не так часто приходилось, знаете ли, – добавила я, глядя на Дара. – Ваше высочество.

– Конечно, милая, – сказал волшебник, и, о чудо, Септим положил передо мной пустой лист.

Красивая перьевая ручка, белая с серебром, оказалась удивительно удобной и легко скользила по бумаге, плотной и тяжелой. Чернила скрывались где-то у нее внутри, так что мне не пришлось краснеть за испачканные пальцы. Пришлось поставить новую подпись пару десятков раз, причем его высочество любезно и терпеливо позволил мне прочитать каждый пункт в документах, поясняя то, что вызывало вопросы.

Это, конечно, помогло, но я все равно чувствовала себя одураченной, а рука под конец начала дрожать.

– Поздравляю вас, леди Мари Лидделл, – сказал Дар, когда все закончилось, и я вылезла из его кресла. Ноги все еще подкашивались от волнения, и меня трясло от адреналина. Принц протянул мне руку, и я коснулась его пальцев своими. – Я рад назвать вас подданной Короны Иберии.

Он не стал целовать мне руку, как я думала, что он сделает, он пожал ее – и все. Очень осторожно и в то же время крепко.

Дар окинул меня странным взглядом и отпустил, отойдя чуть в сторону, чтобы я смогла вернуться на место. К волшебнику.

– Мы можем идти? – спросил Кондор.

– Конечно. – Дар кивнул и снова посмотрел на меня. – Я буду тебе признателен, если ты покажешь леди Лидделл красоты Дворца-на-Острове. Но перед этим, – он улыбнулся, – я бы советовал найти для нее подходящее по статусу платье. Септим даст вам разрешение записать это на мой личный счет.

Мне показалось, что Блэкторн, все это время почти невидимый, словно его тут и не было, еле слышно хмыкнул.

Септим раздраженно оторвался от бумаг и сейчас в хмуром недоумении смотрел то на меня, готовую покраснеть, то на своего господина, то на Кондора.

Кондор замер. У него на лице появилось выражение удивления, почти раздражения, но быстро исчезло, сменившись чем-то сродни предвкушению.

– Я бы душу Неблагому отдал, чтобы посмотреть, как ты решишь эту задачу, Кондор, – Дар улыбался так, что у меня не осталось сомнений: это было сделано намеренно.

Но, кажется, не из желания кое-кому досадить или поставить на место.

– Могу только порадоваться, что тебе предстоит скучнейшая работа, пока мы с леди Лидделл будем развлекаться, – в тон ему ответил Кондор, встал и протянул мне руку. – Заодно угощу ее за твой счет.

– Спасибо, ваше высочество, – сказала я, понимая, что прозвучало это почти истерически.

И что намного больше я была бы ему благодарна за билет обратно домой, раз мое присутствие здесь, как выясняется, особенно ничего не меняет.

– Не за что, леди Лидделл, – улыбнулся Дар. – Отдыхайте, пока есть возможность.

Блэкторн отвел нас в ту же комнатку с зеркалом и камином точно тем же путем – через коридоры без окон. Ничего не поменялось: ни его шаги, ни молчаливость, ни пустота вокруг – нам снова никто не встретился.

– Мне очень жаль, леди Лидделл, – сказал Блэкторн в самом конце. – Что ваше первое знакомство с Дворцом-на-Острове было таким унылым.

– У леди Лидделл будет шанс исправить это впечатление, – ответил ему Кондор прежде, чем я успела открыть рот. – Возможно, даже сегодня.

– В таком случае... – Глаза Блэкторна смотрели на меня уже иначе, словно после того, как я обрела имя и статус, я перестала быть пустым местом. Сейчас в них читался какой-то интерес, кажется, даже добрый. – Я буду рад увидеть вас еще раз так скоро. Найди меня, Птица, – сказал он Кондору. – Откроем для леди пару тайных дверей.

Кондор наклонил голову набок:

– Не слишком ли ты занят? – спросил он.

– Найду полчаса. – Блэкторн улыбнулся и поклонился мне. – До скорой встречи, миледи. Милорд.

Кондору он лишь коротко кивнул и, развернувшись на каблуках, вышел из комнаты, оставив нас одних рядом с зеркалом.

Я моргнула, еще не понимая, что произошло.

– Ну что, леди Лидделл? – спросил волшебник иронично. – Готовы сбросить лягушачью шкурку и превратиться в благородную даму?

Я демонстративно спрятала руки за спину. Мне очень хотелось съязвить в ответ, но я не могла найти подходящих слов – достаточно острых и емких.

– Если честно, – сказала я куда более мирно, чем хотела бы, – я бы предпочла для начала позавтракать.

– Конечно, милая. – Кондор миролюбиво кивнул. – Я и забыл, что кое-кто сегодня притащил сэндвич ко мне в кабинет, потому что проспал завтрак. Попробуем решить этот вопрос.

Он замолчал.

Я тоже.

Из-за задернутых тяжелых занавесей пробивались яркие солнечные лучи, в них кружились пылинки.

– Ну? – Кондор протянул ко мне ладонь. – Если ты не возьмешь меня за руку, боюсь, единственным способом провести тебя через зеркало будет закинуть тебя на плечо, а это, знаешь ли, не устраивает уже меня.

– И почему же? – ворчливо спросила я, но за руку, впрочем, взялась.

– Я против насилия.

Он почти улыбался.

– Совсем недавно вы доказали мне обратное, милорд, – сказала я с наигранной покорностью. – Или как я теперь должна вас называть?

Кондор покосился в мою сторону, его почти улыбку стерло с лица.

– Я бы предпочел, чтобы наши отношения остались прежними, – сказал он. – Как пару дней назад. Еще до того, как я совершил ошибку, а ты узнала, кто я такой. Это поможет... хм... – Он задумчиво посмотрел в сторону. – Поможет избежать некоторой неловкости. Не только тебе, но и мне.

Мне было неловко уже потому, что он все это время держал меня за руку.

– М-м, – протянула я. – Взрослые богатые мальчики умеют испытывать неловкость.

– Ты даже не представляешь, – сказал он и потянул меня в сторону зеркала.

Вокруг было мило, как бывает мило в доме у красивой и почти беззаботной женщины, твердо уверенной в своей красоте. Нежные тона, тонкая лепнина на потолке и вокруг огромных чистых зеркал, живые цветы в хрупких фарфоровых вазах, позолота и статуэтки, изящная мебель с обивкой из той же ткани, что была на стенах, распахнутые занавеси на огромных окнах. Вид открывался на спуск к реке – а за этой рекой виднелся Королевский Остров.

Тот самый, откуда меня привел чародей.

В комнате пахло пудрой, пионами и чаем.

Хозяйка дома, маленькая, не выше меня женщина, тонкая, как одна из ее статуэток, как одна из прекрасных юных дев на пасторалях, висящих на стенах в круглых рамах, смотрела на меня оценивающе, но без видимой неприязни. Она только покачала головой и недовольно цокнула языком, дотронувшись до рукава моего платья.

– Странная ткань.

Это прозвучало задумчиво, словно эта дама, такая же красивая, как комната, которая ей принадлежала, столкнулась с чем-то, чему не могла найти объяснение.

– Так найдите что-то менее странное, – ответил Кондор. – У леди Лидделл... некоторые затруднения с гардеробом. Со всем гардеробом, – добавил он тоном, который я от него никогда не слышала – таким холодным и официальным, что мне стало страшно. –

И вам, госпожа Фонс-Флорал, придется помочь леди Лидделл начать снова выглядеть как леди.

Госпожа Фонс-Флорал отреагировала на это улыбкой, формальной и неискренней. «Видимо, – подумала я, садясь в кресло рядом с Кондором, который еле заметно мне кивнул, – у госпожи Фонс-Флорал есть иммунитет против приказного тона богатых мальчиков, которые сидят в ее приемной, пьют ее чай и таскают к ней всяких таинственных девочек, похожих на оборванок».

– Снова выглядеть как леди? – уточнила владелица швейной мастерской. Она сощурилась – и мелкая сеточка морщинок сделала ее лицо полным деловитого участия. – Как именно как леди должна выглядеть леди Лидделл?

– Как скромная юная дочь почтенного семейства, – ответил Кондор прохладно. – Которой предстоит оказаться в придворном обществе. Ваше молчание о том, что пришлось одевать клиентку, у которой нет даже одежды по сезону, будет включено в вознаграждение, – добавил он. – Нарушение этого правила, боюсь, вызовет некоторые проблемы в отношениях с заказчиком.

Я заметила, как деловитое участие на лице госпожи Фонс-Флорал сменилось чем-то другим, похожим одновременно на торжество и на тревогу, а потом, когда ее взгляд снова устремился на меня, лицо приобрело выражение обаятельного добродушия.

– Главное, чтобы леди Лидделл немного понимала, чего она сама хочет, – примирительно сказала госпожа Фонс-Флорал.

– Я думаю, в первую очередь леди Лидделл хочет пообедать. – Кондор посмотрел на меня. – Ведь так, ми... леди?

Я кивнула.

– Я пошлю слугу в соседнюю чайную, – сказала госпожа Фонс-Флорал и ласково мне улыбнулась. – Итак. Есть ли у вас... особые желания, миледи?

Я так и не поняла, к чему это относилось: к обеду или к платьям.

Они обменялись еще парой фраз, на мой взгляд, совершенно ничего не значащих: замечания о погоде, о каких-то людях, о предстоящих праздниках и о том, как одинокой женщине сложно держать свое дело в столице, и как она благодарна таинственному и такому щедрому клиенту. Я почему-то не сомневалась, что имя того, кто платит за мою одежду и обед, госпоже Фонс-Флорал известно.

Когда чай окончательно остыл, и пить его стало невозможно, Кондор исчез в зеркале, нахально улыбаясь, и обещал вернуться через пару часов.

– Оставляю вас на растерзание волшебницам иглы и ножниц, – сказал он мне на прощание и добавил для госпожи Фонс-Флорал почти строго: – Меня и... вашего непосредственного заказчика очень заботит благополучие леди Лидделл. Я доверяю вам и надеюсь, что это доверие будет оправдано.

Я заметила, как губы госпожи Фонс-Флорал растянулись в вежливой улыбке:

– Несомненно, милорд. Вам не о чем беспокоиться.

Мне бы очень хотелось, чтобы он остался, хотя бы с какой-нибудь книгой в каком-нибудь кресле, просто потому что оказаться вдруг в незнакомом городе среди чужаков – это было ужасно.

– Не лен и не хлопок, – пробурчала под нос госпожа Фонс-Флорал, когда Кондор ушел, и мы остались с ней наедине. – Простите, леди Лидделл, но откуда у вас это платье?

Я пожала плечами и почти не соврала:

– Мне одолжила его камеристка.

– Я буду благодарна вам, – она подошла чуть ближе и сказала это мне почти на ухо, – если вы попросите у нее для меня образец ткани и выведаете, где она ее взяла. Моя благодарность, леди Лидделл, будет не только на словах. А теперь, – тонкая сухая ручка дернула за шнурок, свисающий со стены, – начнем то, ради чего вы здесь оказались.

Госпожа Фонс-Флорал была умная женщина. Умная, хитрая и осторожная, но открытая всему новому. Она хорошо знала, кому можно отказывать, на кого не стоит работать даже за большие деньги, и как ходить по тонкому льду, чтобы он не успел провалиться под твоими ногами.

Когда ты обшиваешь капризных столичных леди и не только леди, волей-неволей превратишься в змею, или лисицу, или дикую кошку. Другие тут не выживают, по крайней мере – без могущественных покровителей. Слишком многое нужно держать в голове: особенности характера каждой клиентки, кто за нее платит, а главное – за кого этот кто-то тоже платит, на всякий случай, вдруг столкнутся на пороге?

Девочка в черном была колючей, но робкой, и главная проблема, которая могла возникнуть с ней, это проблема выбора. По своему опыту госпожа Фонс-Флорал отлично знала, как сложно угодить тому, кто сам не знает, чего хочет. Или не умеет знать. Или не знает, из чего выбирать, поэтому смотрит на все широко распахнутыми глазами, будто бы видит впервые.

Госпожа Фонс-Флорал была умная женщина и хорошо знала, что не ее дело, кто эта леди Лидделл, не знающая, что обычно леди носят под платьем. И не ее, не госпожи Фонс-Флорал дело, откуда у этого создания такие покровители, и кем она им приходится.

Молчать госпожа Фонс-Флорал умела не хуже, чем считать деньги и планировать визиты клиенток так, чтобы леди не столкнулась с не леди, а любовница какого-нибудь лорда – с его законной женой.

«Раз леди Лидделл не знает, что ей хочется, стоит показать ей то, что и так есть», – решила госпожа Фонс-Флорал и проводила девушку в швейный зал – огромный круглый зал под стеклянным куполом, где за круглыми столами сидели лучшие мастерицы этого города, а вдоль стен стояли манекены с готовыми и почти готовыми нарядами.

Конечно же, леди Лидделл задрала голову, рассматривая синее небо, вдруг оказавшееся над ее головой.

– Нравится? – спросила госпожа Фонс-Флорал, и девушка, вздрогнув, обернулась к ней.

При свете дня было хорошо видно, что глаза у нее зеленые, как лесной мох. «Очень фейские глаза, – подумала госпожа Фонс-Флорал, – такие, говорят, бывают у подменышей, полукровок и тех, кто вернулся с другой стороны мира».

– Это чтобы было больше света? – спросила девушка, снова задирая голову вверх.

– Конечно. – Госпожа Фонс-Флорал улыбнулась и чуть подтолкнула леди Лидделл вперед, туда, где ее уже ждала, сияя приветливой улыбкой, одна из работниц. Элси Хоук. Новенькая, но

хорошая девочка. – Чем больше света – тем дольше мои девочки могут работать, не напрягая глаза сверх меры. Чем лучше их зрение – тем лучше работа. У каждой профессии свои издержки. Доброго дня, Элси. Это леди Мари Лидделл, ей нужно новое платье. И все остальное.

Леди Мари Лидделл уверенно протянула руку Элси Хоук, и Элси Хоук, конечно, удивленно распахнула свои синие глазищи и глупо хихикнула. И вместо того, чтобы пожать протянутую руку, сделала неглубокий книксен, как и полагалось.

«Девчонки», – подумала про себя госпожа Фонс-Флорал и улыбнулась Элси, чтобы подбодрить ее.

– Леди Лидделл нужно накормить обедом, я уже приказала этот обед принести, – сказала она. – А пока покажи ей, что у нас есть. Чтобы леди знала, что ей выбирать.

Кажется, появление рядом кого-то равного если не по статусу, о котором оставалось только гадать, то хотя бы по возрасту, пошло леди Лидделл на пользу. Она перестала испуганно жать голову в плечи, озираться по сторонам, то и дело обхватывать свое запястье другой рукой, словно в попытке держаться в этом мире хотя бы за саму себя. И, самое главное, она перестала нервно прикусывать нижнюю губу.

Последнее почему-то ужасно раздражало.

Платье было такое красивое, что дух захватывало.

Я остановилась, рассматривая серебристые узоры на ярко-синем атласе: не то звезды, не то снежинки, блестящий стеклярус, крошечные прозрачные бусинки, похожие на капли росы. Узор бежал вдоль низкого выреза, спускался по лифу на пояс и переходил на юбку, пышную, в несколько слоев.

– Нравится? – спросила меня Элси.

Я рассеянно кивнула.

«Леди Анита Рендалл, для Первого зимнего бала» – значилось на карточке, прикрепленной за ленту к поясу платья.

– Леди Рендалл – наша постоянная клиентка, – сказала Элси с гордостью, словно это должно было меня впечатлить. – Остальные платья для зимних балов уже у нее, но вышивка на этом потребовала чуть больше времени. Мы закончили его вчера.

Я повернулась к ней.

– Зимние балы – это важно?

– Конечно, леди Лидделл. – Элси смотрела на меня удивленно, но в голос это удивление не проникало. – Двенадцать ночей продолжается праздник Возрожденного Солнца, двенадцать ночей двор веселится и танцует, а город веселится вместе с ним. Зимние балы может затмить лишь свадьба монарха или день его рождения, но и наш король, и его сыновья – летние дети, а свадебных хлопот пока не предвидится.

– Мне тоже нужны двенадцать платьев?

Я осторожно прошла мимо манекена с платьем леди Рендалл дальше. Следующий был пока лишь обернут алой и золотой тканью. За ним начинались вешалки, тянущиеся вдоль стены на пару метров.

Элси замялась. Видимо, она не знала, кто я, и это заставляло ее сомневаться в том, что именно включает в себя фраза про новое платье и все остальное.

– Неважно, – сказала я и уловила на лице девушки что-то вроде облегчения. – Я все равно не уверена, что попаду на эти балы. Я даже не умею танцевать.

Она удивленно моргнула, но не сказала мне ничего.

«Наверное, – подумала я, проходя мимо атласа, шелка, бархата, парчи, чего-то там еще, названий чему я не знала, мимо рулонов невероятных оттенков, мимо образцов лент, пуговиц и вышивки, – наверное, если ты – леди, то умение танцевать прививают тебе с детства. Так же, как умение ходить плавно, с высоко поднятой головой, разбираться в выигрышных оттенках тканей, в правильности фасонов для выхода, еще черт знает в чем».

Мой учебник этикета был неумолим и жесток, он содержал в себе десятка четыре разделов с советами на все случаи жизни.

Жаль, там не было ничего про то, как не краснеть, когда тебе приходится беззастенчиво врать очаровательной девушке, которая

любезна с тобой, кажется, не только потому, что это ее долг, но и потому, что она просто мила и любезна.

Я сделала свой выбор и вступила в игру, приняв правила этой игры.

Сама.

В этот раз мне хотя бы начали их объяснять.

– Ваш обед принесли, леди Лидделл.

– Обед? – Я обернулась на голос Элси, оторвавшись от изучения еще какого-то манекена с еще каким-то чужим костюмом, таким красивым, что мне было страшно рядом с ним стоять. – А, точно.

Она уже не удивлялась моей рассеянности, просто улыбнулась со странным пониманием и пригласила меня идти за ней в какую-то новую гостиную. Здесь было чуть темнее и гораздо теплее, чем в предыдущей, но куда более уютно без всей этой позолоты, розового, статуэток и запаха пионов и пудры. Пахло здесь яблоками с корицей, кофе и чем-то еще.

Большое окно от самого пола выходило в маленький заснеженный дворик с фонтаном посередине. Я заметила, что стало темнее: небо нахмурилось, солнце скрылось за облаками.

– Я оставлю вас, – сказала Элси и указала рукой на шнурок, торчащий из стены. – Если понадобится, просто позвоните. Потом мы снимем мерки и...

– А я могу попросить вас остаться со мной и разделить э-э-э... – Я бросила испуганный взгляд на несколько тарелок, накрытых тканевыми салфетками, медный кофейник и одинокую чашку – все то, что стояло сейчас на круглом низком столике. – Эту скромную трапезу?

Ее глаза стали огромными, как те серебряные монеты, которые показывал мне Ренар.

– Леди, я не... Я должна работать.

– Мы же все еще не обсудили, что я могу хотеть, – сказала я, чувствуя, как язык заплетается. – И я прошу вас остаться не потому, что я... эм, пытаюсь отвлечь вас от работы. Вас приставили ко мне. Мне нужна консультация. Это же тоже работа.

Она смотрела на меня не то чтобы в ужасе. В смятении. Кажется, не в обычае местных леди было делать местным слугам такие предложения, и Элси растерялась не меньше, чем я.

Ладно. Я не совсем леди. Признаем это.

– Пожалуйста, Элси, – сказала я почти умоляюще и добавила: – Я доплачу вам, если вопрос в этом.

– Не-ет, – протянула Элси, явно смущенная. – Дело совсем не в этом. Просто я... – Она бросила на стол жадный и любопытный взгляд. – Я получила эту работу недавно и не имею права давать советы... Я позову кого-нибудь из старших, – нашла она. – Хорошо, леди Лидделл?

– Не надо, – сказала я испуганно, понимая, что столкновения один на один с кем-то еще, с кем-то, кто будет опытнее и проницательнее, чем Элси Хоук, и, возможно, начнет задавать мне неудобные вопросы, я не хочу. – Я хочу, чтобы мне давали советы вы.

Ее смущение сменилось странным смирением, и Элси, коротко кивнув и снова присев, как она делала до этого, согласилась.

Я почувствовала себя самой капризной клиенткой в мире.

Следующие несколько часов своей жизни я провела в странной сосредоточенности, такая бывает, когда тебе нужно сделать что-то очень, очень важное и чертовски сложное. Сдать два экзамена, к примеру, или отработать третью смену подряд. Я слушала и кивала, соглашалась, внимала и спрашивала там, где становилось непонятно. Я позволила поставить себя на пьедестал, развела руки в стороны и терпеливо ждала, пока две девушки с лентами сделают все нужные им замеры. Я с замирающим сердцем, чувствуя, как подкашиваются колени, спряталась за ширмой, натянула на себя белую батистовую сорочку и нижнюю юбку и вышла вот так, чтобы на меня надели готовое платье. Не праздничное, простое. Оно было зеленым, из тонкой шерсти, ни капли не колючее, длиной чуть ниже колена.

Госпожа Фонс-Флорал, которая к этому моменту снова оказалась рядом со мной, сощурилась, как кошка, и кивнула, явно довольная.

– Чудесно, – сказала она, делая какой-то знак девушкам в серых платьях. – Словно бы вас и ждало, леди Лидделл. Чуть-чуть подогнуть, и сядет, как влитое.

Я зажмурилась, когда острые булавки начали вонзаться в ткань рядом с моей кожей.

Госпожа Фонс-Флорал рассмеялась, видимо, заметив, как я напряжена.

– Вы боитесь железа, леди Лидделл? – спросила она с отчетливой иронией в голосе.

– Когда оно так и норовит в меня вонзиться – да, боюсь, – ответила я.

Она хмыкнула, но никак это не прокомментировала.

Я замерла, боясь дышать, но, к своей радости, осталась цела.

– Ну что же, леди Лидделл, – сказала госпожа Фонс-Флорал, когда все, наконец, закончилось, и меня поставили перед ростовым зеркалом. – Кажется, теперь вы действительно напоминаете юную дочь почтенного семейства.

Я рассматривала свое отражение и не могла с нею не согласиться. Не знаю точно, как здесь выглядят юные дочери почтенных семейств, но я чувствовала себя школьницей. Или куклой. То ли дело было в длине платья, то ли в его закрытости и отсутствии лишних украшений, то ли во всем образе в целом, но я казалась себе куда больше школьницей, чем в тот день, когда на меня был наброшен морок с формой... как его? Враньего дола?

Госпожа Фонс-Флорал раздобыла для меня удобные сапожки со шнуровкой, и теплое пальто чуть длиннее платья, и шарф, который я могла набросить на голову, чтобы защититься от холода. Все это сейчас лежало за ширмой вместе с моим черным платьем и чужими туфлями.

– Осталось решить, что сделать с вашими волосами, – сказала госпожа Фонс-Флорал. Она подошла ближе и осторожно коснулась торчащей в сторону пряди. – Слишком короткие, – пробормотала она себе под нос. – Но мы что-нибудь придумаем. Принесите мне ленты, Элси Хоук, – приказала она громче и добавила, глядя в глаза моему отражению: – Придется вам сегодня походить с детской прической, леди Лидделл. Не переживайте, она прикроет уши. А то у вас слишком уж приметные украшения в одном из них. – Она ненавязчиво коснулась рукой своего правого уха и подмигнула мне. – Юные леди из почтенных семейств не носят такое.

Я вошла в этот дом через зеркало в гостиной.

Вышла я через парадные двери, спустившись по широкой мраморной лестнице. Слуга в красно-золотой форме раскрыл эти двери с глубоким поклоном. Не берусь судить, кому этот поклон предназначался в первую очередь, мне, моему спутнику или все-таки нам обоим.

Я не знаю, где Кондор провел все это время, но он успел переодеться. Придворный костюм сменился обычным, и я подумала, что, кажется, не я одна с утра была не в своей шкуре.

Сейчас, к сожалению, мое положение не изменилось. Я слегка шарахалась от отражений, потому что видела в них не себя, а незнакомую мне леди в зеленом, с зеленой бархатной лентой, сдерживающей волосы, как ободок.

– Стоит говорить всем, что ты моя младшая сестра, – задумчиво сказал Кондор, когда мы вышли на улицу, и я принялась судорожно натягивать на руки перчатки из тонкой коричневой кожи.

Я запнулась и бросила на него затравленный взгляд. «Если он сейчас скажет что-то язвительное, – подумала я, – я его ударю. Перчатками». И расплачусь, потому что больше всего на свете мне хотелось забиться в угол и не привлекать к себе внимания примерно так вечно.

– Ты чего? – удивленно спросил Кондор. – Если что-то не нравится, еще не поздно вернуться.

– Я не знаю, – призналась я, шмыгая носом. – Нравится мне или нет.

– Ну... – Он окинул меня пристальным взглядом, примерно таким же, как десять минут назад, когда встретил в гостиной госпожи Фонс-Флорал. Там, правда, он предпочел общаться не со мной. – На мой взгляд, ты выглядишь, как девушка из богатого района Альбы, приехавшая погулять по столице. Маскарад удался, милая.

– Очень хорошо, – буркнула я.

У пальто оказались отличные глубокие карманы, в которых можно было спрятать и перчатки, и собственные ладони.

– Если не будешь держать руки в карманах, – добавил Кондор, осторожно хватая меня за локоть, чтобы подтолкнуть в сторону нужной улицы. – И станешь следить за тем, чтобы спина оставалась прямой, то из тебя получится вполне настоящая леди. Правда, – сказал он чуть растерянно, – когда я просил сделать из тебя юную дочь почтенного семейства, я не подозревал, что они воспримут это так... буквально.

– О, не переживай, – хмыкнула я. – Это только одно платье. В конце концов, ты сам не так давно превращал меня в школьницу.

Кондор покосился на меня, и я заметила мелькнувшую у него на губах улыбку.

– Справедливое замечание, – сказал он и добавил непривычным мне, очень легкомысленным тоном: – Кстати, леди Лидделл, насколько я помню, я обещал угостить вас за счет его высочества. Если вы не против, то я знаю неплохое место в паре кварталов отсюда.

– Я уже обедала, – ответила я чуть резче, чем хотела бы, потому что не знала, к чему готовиться.

– Возьмем десерт, – все так же беспечно отозвался Кондор. – Заодно покажу тебе красивый район. Во имя Милосердного, Мари, я правда стараюсь быть доброжелательным и милым! – взмолился он и попытался взять меня за руку.

– Хорошо, – сказала я смиренно и зло одновременно. – Мы пойдем куда угодно. Просто в этот раз давай заранее договоримся, что я твоя младшая сестра, хорошо? Сегодня у меня нет сил на импровизацию.

Он рассеянно кивнул и предложил мне зацепиться за его локоть.

На правах сестры.

Я вспомнила, что в тот раз, когда мы пили, точнее – лечили мое разбитое сердце в одной из комнат Замка, Кондор обмолвился, что сестра у него действительно есть.

«Интересно, – подумала я, – кто она? Насколько они похожи? Не от нее ли он знает о том, как выглядит форма школы Враний дол?»

Почему-то я решила, что у его сестры тоже должны быть черные волосы и желтые глаза.

Но вот спрашивать о ней я почему-то не стала, словно что-то удержало меня от расспросов.

За то время, которое я провела в мастерской госпожи Фонс-Флорал, небо над Арли успело нахмуриться, и теперь шёл мягкий, пушистый снег, который хлопьями оседал на булыжники мостовых и не таял.

Кондор сказал, что мы рядом с Площадью Согласия, от которой начинается мост на Королевский Остров. А вокруг Площади Согласия, конечно, живут только очень богатые люди.

В одном из окон мелькнуло личико юной девушки, формой похожее на сердечко, с капризно поджатыми губами. Девушка перехватила мой взгляд и, высокомерно вздернув подбородок, поспешила задёрнуть портьеру. Я постаралась не закатить глаза – в чужое окно я посмотрела совершенно случайно, пока слушала рассказ чародея о столице.

Здесь было чисто, наверное, как и должно быть в районе, где живут только богачи. Чисто – и очень красиво: разноцветные дома, кованые решетки, статуи и витражи. У края тротуара на равном расстоянии друг от друга стояли фонари.

Из дома, мимо которого мы проходили, выпорхнули две девушки в ярких накидках, из-под которых виднелись не менее яркие пышные платья. Обе были в шляпках с искусственными цветами, в ботинках на высоких каблуках, казавшихся немыслимыми для прогулок по заледенелой брусчатке. Хихикая, девушки прошли мимо нас. Одна из них, махнув тёмненькими кудряшками, смерила меня странным взглядом, недоверчивым, но любопытным.

– Мы одеты немного... не как те, кто может позволить себе жить здесь, – усмехнулся Кондор, когда леди скрылись за углом.

– Что-то мне подсказывает, – откликнулась я. – Что при таком близком знакомстве с его высочеством ты как раз вполне мог бы владеть одним из этих особняков.

– Скажем так. – Он улыбнулся, не поворачиваясь ко мне. – Леди Лидделл очень радуется моей наблюдательностью и сообразительностью. К слову, если все сложится хорошо, то ты поселишься где-нибудь здесь.

– А если плохо? – спросила я в лоб.

– То будут тебе личные покои во дворце, – сказал он. – Если хочешь мой совет, милая, соглашайся на личный дом. Чуть больше суеты, но и свободы больше.

Мы еще немного помолчали, и я, наконец, осмелилась спросить то, что давно вертелось на языке.

– Кондор, слушай...

– М? – он повернул ко мне голову.

Точно так же, как я, Кондор шел, сунув руки в карманы пальто.

– Если ты... такой взрослый, богатый, с титулом и связями, – начала я осторожно. – Почему мы все еще на «ты»?

– Потому что, милая, когда ты появилась на пороге моего кабинета с канделябром, – сказал он спокойно, – ты была в таком состоянии, что я не решился требовать от тебя соблюдения всех правил этикета, которые предписано соблюдать, когда видишь кого-то вроде меня. Да и откуда тебе было его знать. – Он хмыкнул. – А мое самомнение переживет как-нибудь. Ему и не такое случалось переживать.

– Например? – спросила я.

– Неважно. – Он тряхнул головой. В темных волосах застряли снежинки. – Но при людях по возможности обращай ко мне чуть вежливее. Это уберет нас обоих от лишних вопросов.

Испытание людьми мне пришлось пройти уже скоро. Мы мирно посидели в каком-то то ли ресторане, то ли кофейне. Здесь был белый мраморный пол, колонны, увитые живыми цветами, витражи с символами времен года и безбожной красоты люстра, свисающая прямо в центре просторного круглого зала.

Потом мы пересекли Площадь Согласия, пройдя мимо высокого светлого храма, похожего на готический собор.

Потом дошли до короткого широкого моста, перекинутого через реку Сир, узкую, как городской канал, текущую в плену огромных каменных глыб. За этой рекой начинался Королевский Остров: сады и фонтаны, особняки, храмы, беседки, аллеи и сам Дворец, стоящий на холме, белый, с парой высоких башен и широкой лестницей, спускающейся к саду.

Охрана у ворот, похожих на металлическое кружево, пропустила нас, стоило Кондору назвать свое имя.

– Я думаю, не стоит отвлекать Дара от его дел только ради того, чтобы показать ему твоё новое платье, – добродушно сказал волшебник, показывая мне жестом идти за ним куда-то по коридорам дворца. – Фрески потом рассмотришь, Мари. Они никуда не денутся. Нам нужно перехватить Блэкторна.

– Зачем? – я отвлеклась от стен галереи, через которую мы шли.

На стенах переплетались ветви фантастических растений, на них сидели какие-то птицы, прыгали белки, крысы... В общем, взгляд все время за что-то цеплялся.

– Хочу показать тебе красивый вид. – Кондор улыбнулся. – А у Блэкторна тут свои ходы и выходы. Он знает все тайные коридоры. В отличие от меня.

– Вот как... – задумчиво протянула я.

– Зато я разбираюсь в тайных тропах другого рода, – добавил волшебник и, остановившись у выхода из галереи, обратился к одному из слуг, замерших около дверей: – Не могли бы вы найти господина Уильяма Блэкторна и передать ему, что лорд дель Эйве ждет его в Садовой зале?

Лакей коротко поклонился и исчез.

– Почему Садовая? – спросила я Кондора.

Он снова улыбнулся и, приобняв меня за плечи, подтолкнул вперед:

– Сейчас увидишь.

Я правда увидела, стоило нам завернуть за угол и оказаться в просторном квадратном помещении с настолько высоким потолком, что этой высоты хватило на второй ярус, узкую галерею под самым сводом.

На потолке сияло солнце и распускались цветы, узор паркета под ногами повторял их, окна с одной стороны выходили на сияющую синеву реку, а с другой...

А с другой стороны открывался вид на сад. Можно было распахнуть высокие двустворчатые двери и шагнуть туда, на аллею, зеленую даже зимой, к ярким газонам, статуям и фонтанам.

Я подошла ближе, к одному из огромных окон, сделанных, кажется, специально для того, чтобы стоять рядом с ними и рассматривать эту оранжерею и людей, гуляющих по ней, как рыбок в аквариуме.

– Магия поддерживает там нужную температуру воздуха, чтобы в Висячих садах было вечное лето, – голос Кондора звучал почти у моего уха. – Или поздняя весна, как сейчас. Цикл за циклом, цветок за цветком. Если ты хочешь, мы можем пойти внутрь.

Я посмотрела на трех красивых женщин в ярких платьях, которые стояли у фонтана и смеялись над чем-то своим, и покачала головой:

– Пожалуй, не сегодня.

– Твое право, – кивнул Кондор и встал сбоку от меня, прислонившись спиной к стене у самого края окна.

Он смотрел куда-то вперед, задумчиво, словно пытался урвать эти минуты ожидания для отдыха.

Я переступила с ноги на ногу. Очень хотелось сесть прямо на подоконник, но я подозревала, что за это получу по ушам.

– Я могу задать вопрос? – спросила я.

– Задать вопрос ты можешь всегда. – Кондор покосился на меня с ироничной усмешкой. – Смогу ли я на него ответить – это уже по обстоятельствам.

Я сглотнула подступившую от волнения слюну, вздохнула и задала свой вопрос:

– Вы используете волшебство во всем, – сказала я. – В самых обычных мелочах вроде освещения.

– Магическое освещение, милая, – заметил он строго, – совсем не мелочь. Это роскошь, которая доступна далеко не всем.

– В любом случае, оно очень распространено. – Я пожала плечами. – Какова вероятность, что я смогу стать волшебницей?

Он посмотрел на меня удивленно, почти раздраженно, тем самым едким, пристальным взглядом, от которого мне становилось не по себе.

– Хороший вопрос, – сказал он. – Очень хорошо продолжает тему, которую я поднимал пару вечеров назад, Мари. На которую ты принципиально отказалась разговаривать, спешу заметить.

Я нахмурилась.

– Вероятность – есть. – Кондор задумчиво дотронулся пальцами до подбородка. – В вашем мире, насколько мы здесь знаем, есть некоторые проблемы с потоками магии, поэтому вы не пользуетесь ею. По крайней мере, явно. Но кто знает, – он усмехнулся, – как дела обстоят на самом деле, и кем может стать кто-то, кто родился в мире без магии, но с возможностью развить свой талант, появившись она у него.

Он все еще не отрывал от меня взгляда, будто бы изучал, и мне стало немного не по себе. Я не привыкла к тому, чтобы меня так рассматривали: вьедливо, пристально, словно бы пытаясь не то увидеть насквозь, не то раздеть взглядом.

Я покраснела и посмотрела на носки своей обуви.

– Но я не буду тебя обнадеживать, – интонации Кондора стали иными. Почти насмешливыми. – Даже если у тебя есть склонность к волшебству, на то, чтобы стать волшебником вроде, к примеру, Герхарда, уйдут долгие годы учения и практики. Которых у тебя здесь нет. Так что, милая, я бы предпочел, чтобы ты, как и две дамы до тебя, никаких подобных склонностей не проявила.

Я кивнула, чувствуя, что щеки отчего-то горят. То ли дело было в его тоне, то ли в сказанных словах. Как щелчок по носу: запретная территория, подумай о чем-нибудь другом, глупая потерянная девочка. Не лезь сюда, здесь могут ждать неприятности, и немаленькие. Как та штука, которая гнала тебя сквозь снежное марево.

Как прикосновение Айвеллин, превращающее тебя в послушную восторженную куколку.

Как приказ «сесть и не двигаться», после которого ты сидишь и не двигаешься.

Я вздохнула.

– Тот разговор, который случился пару дней назад, – начала я.

Кондор посмотрел на меня недовольно и демонстративно закатил глаза.

– Кажется, я извинился. Если этого недостаточно...

– Я... я о другом. – Я нахмурилась. – Я спросила тебя, в чем суть вашей миссии.

– Хочешь узнать, в чем она заключается? – взгляд волшебника смягчился.

– Да. – Я медленно, четко кивнула. – Очень хочу. И о своих предшественницах тоже.

– Хорошо, – согласился Кондор с подозрительной легкостью. – Я все тебе расскажу после прогулки с Блэкторном. – Он вдруг вздохнул и, не заметив, как я пристально вглядываюсь куда-то в глубину сада за стеклом, добавил, словно бы извинялся: – На самом деле, я хотел рассказать тебе это еще позавчера, но ты была слишком напугана, милая. Мари?

Он протянул руку, чтобы дотронуться до моего плеча, будто подумал, что я в ступоре, и тут увидел то же, что и я.

Того же человека.

– Ну, – философски заметил Кондор. – Я не сомневался, что мы встретим кого-нибудь невероятно неприятного.

Андре Форжо, красивый, как бог весны, увидел нас сквозь оконное стекло быстрее, чем мы успели что-то придумать. Он вышел из сада целенаправленно, в полной уверенности, что ему будут рады. Сегодня он был одет не так ярко, как в прошлый раз, но из кармана бежевого сюртука торчал ярко-алый цветок, а на шейном платке сияла брошка с зеленым камнем.

– Да неужели, – сказал Форжо, торжествующе улыбаясь и переводя взгляд с Кондора на меня и обратно. – Я вижу Юлиана дель Эйве во дворце рядом с живой женщиной, а не в пыльной библиотеке в обществе книжных призраков!

– И вам доброго дня, господин Форжо, – Кондор улыбнулся ему.

Взгляд его при этом оставался не слишком добрым.

Я спрятала руки за спину и порадовалась, что в дворцовых коридорах было не слишком тепло, поэтому снять пальто и перчатки меня не просили.

– С чего вдруг ты почтил вниманием нашу обитель разврата и праздности? – голос у Форжо был довольно высоким, но приятным, с восхитительными серебристыми призвуками.

«Таким голосом, – подумала я, – можно сказать любую гадость, но ее примут за комплимент».

– Работа, Форжо. – Кондор отвечал так же спокойно, но мне казалось, что он готов схватить меня за руку и бежать подальше отсюда. – Леди Мари Лидделл, позвольте представить вам Андре Форжо, придворного щеголя, красавца и сплетника.

– Я предпочитаю говорить, что я мастер рассказывать истории, леди Лидделл.

Форжо поклонился, не отрывая от меня взгляда, жадного, изучающего и полного странного, наигранного восхищения.

– И талантливого историка, да, этого не отнять, – добавил Кондор с плохо прикрытой иронией. – И большого любителя разнообразия. Леди Лидделл, Андре, связывают со мной исключительно деловые отношения. Я ее опекун.

– В смы... – Глаза Форжо, невероятной красоты оттенка, стали огромными от искреннего удивления, а потом он прищурился, догадавшись, и улыбнулся тонко и понимающе. – Ох, неужели...

– Я надеюсь, – сказал Кондор вкрадчиво. – Ты понимаешь, что твоя догадка не должна выйти за пределы твоей головы?

Я бросила на Кондора удивленный взгляд.

То есть, надо было устроить целое представление в кабинете, чтобы потом так просто разболтать все первому встречному? Да еще и тому, кого только что при мне называли сплетником, а он не стал это отрицать?!

Форжо задрал подбородок и фыркнул:

– Еще бы мне не понимать, – сказал он очень серьезно. Так серьезно, что это было неожиданно для меня. – Мое горло находится слишком близко от рук Феликса, а он, сам знаешь, не церемонится, если кто-то лезет в игру его брата и сбивает фигуры с шахматной доски. Значит, леди Лидделл у нас в гостях. – Он снова посмотрел на меня. – Я очарован, зеленоглазая фея.

И Андре Форжо протянул мне ладонь, обтянутую светлой перчаткой.

Я пожала его руку, двигаясь осторожно, как почуявшее опасность животное, и Андре рассмеялся:

– У вас твердая рука, леди Лидделл, – сказал он. – Твердая рука и колючий взгляд. Буду рад снова встретить вас во дворце. А сейчас, увы, у меня дела. – Он улыбнулся и, кивнув Кондору, добавил: – Творческий процесс. Муза, она такая, любит приходить к поэтам в моменты утонченного одиночества.

Кондор криво улыбнулся в ответ.

Когда Форжо исчез, я вопросительно посмотрела на волшебника.

– Ничего не хочешь мне объяснить?

Кондор дернул уголком рта, словно пытался не то оскалиться в ответ, не то улыбнуться, но сдержал себя.

– Андре очень близок с Феликсом, – ответил он. – Он узнал бы, кто ты такая, одним из первых, потому что Феликс обязательно втянет его в игру, хочет сам Форжо этого или нет. На мой взгляд, если уж так случилось, что мы столкнулись с ним, то лучше открыться ему, чем соврать. Мало ли, как он потом решит напомнить об этом вранье.

– Феликс – это брат Дара, – сказала я, вспомнив «Книгу лордов» и утренний разговор. – То есть... его высочества Антуана, – поправила я под ироничным взглядом чародея.

– Постарайся больше так не оговариваться, милая, – посоветовал Кондор. – Особенно на людях.

Блэкторн действительно знал тайные тропы внутри дворца. Даже не так: он знал сам дворец, знал ритмы, по которому жили его обитатели, знал обычаи и законы этой жизни. И стоял над всем этим.

– Жизнь при дворе – не праздник и не развлечение, леди Лидделл, – сказал он мне, пока мы шли по просторному залу. – Скорее, это похоже на ежедневный спектакль, где у каждого есть своя маска и своя роль. И у вас. И у его высочества. И у меня. И у Птицы, как бы ему ни хотелось думать иначе.

Кондор закатил глаза, но промолчал.

Бальный зал был пуст и безлюден, потому что по правилам его открывали лишь во время праздников, чтобы впустить сюда толпу нарядно одетых придворных, музыкантов, акробатов и много кого еще. А потом закрыть до следующего бала.

Но у господина Блэкторна были ключи – все ключи от всех комнат замка – и право проводить в них того, кто должен там оказаться. К примеру, почетную гостью в сопровождении друга королевской семьи, ворчливого, недовольного волшебника, который смотрелся здесь чужаком.

Точно так же, как я.

И как сам Блэкторн.

– И спектакль, конечно, костюмированный, – сказала я.

– Несомненно, леди Лидделл. К слову, у меня в кабинете сейчас лежит ваша одежда. – Блэкторн улыбнулся. – Ее прислали из лавки, где вы ее оставили, на ваше новое имя, что вызвало некоторую путаницу среди слуг. Потому что им это имя еще не знакомо.

Я моргнула.

– Я... я не знаю, как так вышло, – сказала я, краснея. – Я заберу ее.

– Господин Блэкторн хочет сказать, Мари, – подсказал Кондор, который шел с другой стороны от меня, все еще разрешая мне держаться за его локоть. – Что вся корреспонденция, все посылки и все визиты, которые совершаются обитателями дворца, не остаются для него тайной. Ведь так, Уильям?

Блэкторн улыбался хитро и довольно, чуть касаясь пальцами бороды.

– Не переоценивай работу моих ребят, дорогой волшебник, – ответил он. – Мы видим не все. Но многое, да. И к углам, в которых подозрительно тихо, мы рано или поздно присматриваемся тщательнее.

– Если двор – это театр, – сказал Кондор. – То господин Блэкторн и его ребята – команда тех, кто следит за порядком на сцене и вокруг нее. Сложная и неблагодарная работа, – добавил он. – Но, несомненно, важная.

– Нет, просто для некоторых она не подходит, – я расслышала в голосе Блэкторна иронию. – Для слишком честных и умных мальчишек из хороших семей, например.

Кондор промолчал, только поправил мою руку, словно ему стало вдруг неудобно.

Мы прошли через несколько залов, в обычное время закрытых, посмотрели на висячий сад со второго яруса – удобное место, чтобы слушать и наблюдать. Я увидела еще одну коллекцию картин, целую комнату, заполненную исключительно морскими пейзажами. Окна ее выходили на реку, синюю, широкую, огромную реку, на дальнем берегу которой продолжался город.

– Здесь течение Ренре такое быстрое, – сказал Кондор, пока мы стояли у окна, и я смотрела на реку, на лед у самого берега, и на дым,

поднимающийся над домами на том берегу, – что он редко замерзает зимой. Ренре – он, Мари, – сказал волшебник, поймав мой удивленный взгляд. – Речной патриарх и отец всех рек этой части страны. Тут тоже постарайся не путать.

– Иначе духи вод обидятся на меня? – спросила я, кажется, слишком легкомысленно.

Мои спутники рассмеялись в ответ.

– Леди Лидделл неплохо соображает, – сказал Блэкторн. – Куда лучше предыдущей.

– Ну, – Кондор привычным движением убрал волосы со лба. – Этого у нее не отнять.

Через несколько залов, через восемь лестничных пролетов и почти пару сотен ступеней, ведущих вверх, я оказалась на вершине одной из двух башен дворца. Здесь было прохладно, панорамные окна выходили на все стороны, а в середине стоял огромный глобус с контурами материков. Только вместо пунктира граница обеих Америк, точнее – Латиерра Нуова – обозначалась четкой неразрывной линией, а на самих материках были точки, отмечающие города. И никаких тебе чудовищ.

– Это старый глобус, леди Лидделл, – сказал Блэкторн. – Его сделали еще до того, как мы потеряли Латиерра Нуова. О, вы не знаете об этой печальной главе нашей истории! – понял он по моему лицу, и я заметила, как в холодных глазах появилось что-то вроде сочувствия. – Господин дель Эйве расскажет вам. Он, можно сказать, почти очевидец.

– И не большой любитель это вспоминать, – проворчал Кондор. – Уильям, насколько большой наглостью с моей стороны будет попросить тебя впустить нас с леди Лидделл во внутренний храм? Или подобная роскошь...

– Для тебя, Птица, все, что угодно. – Блэкторн достал из кармана связку ключей. – Но ненадолго. После заката туда явится старший жрец и, боюсь, будет не слишком рад видеть кого-то, кто не относится к близкому кругу семьи д'Альвело.

Он выразительно посмотрел на меня, и я почувствовала себя неуютно.

– Нам хватит получаса. – Кондор зачем-то уставился на силуэт Латиерра Нуова, словно пытался найти на карте знакомые места. –

Хочу познакомить леди Лидделл с той, чья воля направила ее к нам в гости.

От этих слов мне стало неуютно еще больше.

– Если ты хочешь знать мое мнение, – прошептала я недовольно, пока мы спускались по лестнице. Я специально отстала, чтобы Блэкторн успел уйти на один пролет вниз. – То я не горю желанием знакомиться с вашей богиней ближе. Уже один раз попробовала. Спасибо. Больше не надо.

Кондор усмехнулся одним уголком рта.

– Никакой древней магии в этот раз, Мари, – пообещал он. – Я лишь хочу показать тебе храм. И поговорить наедине. Ты же хотела получить ответы на некоторые вопросы?

– С тем же успехом мы можем поговорить в замке!

– Вполне. – Он согласно кивнул и остановился на пару ступеней ниже, ожидая, пока я завяжу якобы ослабленный шнурок на сапоге. – Но в замке у тебя куда больше возможностей сбежать от меня и от любых разговоров. То есть если ты настаиваешь, милая, – он протянул мне руку, за которую я безропотно схватилась, – мы отложим разговор. Но я бы хотел показать тебе храм. Чтобы в следующий раз, когда ты окажешься в подобном месте, ты не смотрела на внутреннее убранство широко распахнутыми глазами восторженной провинциалки.

– Буду делать недовольное лицо, – пообещала я. – Всегда и везде. Благо у меня рядом прекрасный пример.

Он медленно выдохнул, словно старался проглотить язвительный ответ, но никак иначе не отреагировал. Только пальцы, держащие мою руку, на секунду сжались чуть сильнее.

– Вы там долго? – раздался снизу голос Блэкторна.

– Уже идем. У леди Лидделл развязался шнурок, – ответил ему Кондор.

– Осторожнее, миледи! – отозвался господин начальник службы безопасности. – Вы очень нужны нам целой и невредимой.

«Ага, – подумала я про себя. – А еще послушной и тихой. И играть по установленным правилам, я поняла. Поэтому сейчас я безропотно пойду в храм и выслушаю там то, что волшебник собирается сказать мне, а потом он возьмет меня за руку и отведет в замок, где я просижу над книгами по этикету и истории остаток вечера.

Может быть, меня ждет пара часов в компании Ренара.

Может быть, это будет даже интересная беседа рядом с живым огнем».

Больше всего на свете я хотела сейчас спрятаться и разрыдаться где-нибудь в темном углу.

«Может быть, – думала я, пока мы снова шли вслед за господином Блэкторном по дворцовым коридорам, тайным и явным, – может быть, правильнее было бы испытывать благодарность за эту экскурсию, за красивые платья, за вкусную еду, за доброту по отношению к кому-то вроде меня». Только вот я не чувствовала благодарности. Все, что они делали, было ради некой цели. Цель это была выше меня и больше меня, а я была лишь приложением к ней.

Если Кондор сейчас и слышал мои мысли, он ничем себя не выдавал, просто шел на шаг впереди, держа меня за руку, как маленькую девочку.

А потом мы пришли туда, куда должны были прийти, и господин Блэкторн остановился около небольшой, еле заметной двери под лестницей.

– Думаю, – сказал он, глядя на Кондора. – Лучше воспользоваться этим входом. Чтобы не привлекать внимание гвардейцев, которые охраняют главный.

Кондор кивнул и поудобнее перехватил мою руку.

– Спасибо, Уильям.

Блэкторн ухмыльнулся в ответ. Улыбка у него постоянно получалась какой-то неполной, сдержанной, словно что-то не давало ему улыбнуться от души. Глаза тоже оставались непроницаемыми.

Сейчас эти глаза смотрели на меня.

– Не забудьте про платье, леди Лидделл, – сказал он доброжелательно. – Оно ждет у меня в кабинете. Надеюсь, Птица еще

помнит, где он находится.

– Забудешь такое, конечно, – беззлобно огрызнулся Кондор. – Пойдем, леди Лидделл. – Он потянул меня за руку. – Познакомишься с богами. Давно пора было это сделать, конечно.

– Так почему не сделал? – Блэкторн, который уже собирался исчезнуть в глубине коридора, повернулся к нам.

– Долго объяснять, – неохотно ответил Кондор.

Внутри храма было темно, тихо и пахло не ладаном, как я ожидала, а травами и свечным воском. Сквозь несколько узких окон где-то под куполом падал неярко свет. Мы вошли через дверь откуда-то сбоку, и Кондор тихо провел меня вдоль стены к одной из статуй, прятаясь в нишах.

– Если ты оглянешься, – сказал он тихо. – Ты увидишь, что их двенадцать. Пять с одной стороны, пять с другой, один впереди и один над входом. Выбирай себе покровителя и служи ему, – добавил он, пряча руки за спиной, и задрал голову вверх, рассматривая статую, у которой мы стояли. – Или покровительницу. Здесь, увы, выбора особо нет.

Я тоже на нее посмотрела снизу вверх, потому что статуя Многоликой нависла надо мной с высоты пьестала. Скульптор изобразил ее с вуалью, закрывающей лицо, чуть склоненное вниз, к смотрящему. Она придерживала вуаль одной рукой, а другую протягивала ко мне вниз ладонью, словно хотела погладить по голове.

Кто бы ни создал эту статую, он был талантлив. Каменные складки платья выглядели настоящими, по краю вуали шло тонкое кружево, пальцы, протянутые ко мне, казалось, вот-вот закончат движение, Богиня поднимет голову, улыбнется там, под вуалью, и вздохнет.

У ног ее стояло несколько белых свечей и серебряная чаша с плавающими в ней разноцветными лепестками.

Я замерла, не зная, что делать и чего ожидать, и, когда случайно шаркнула ногой по полу, чуть не подпрыгнула от звука.

Но ничего не произошло. Громом меня не поразило, божественная рука не сложилась в кулак. Свечи горели, воск таял и стекал вниз, лепестки качались в воде, а статуя молчала и не двигалась.

Кондор тихо рассмеялся.

– Я расскажу тебе о некоторых особенностях нашей религии чуть позже, – сказал он. – Когда ты освоишься. Но бояться здесь особо нечего. Наши боги милосердны, добры и не склонны просить у простых смертных великих жертв. Лишь почтение, простые дары и соблюдение нескольких важных ритуалов. Пойдем, найдем здесь самый тихий угол с хорошим обзором.

И он осторожно потянул меня в сторону, схватив за рукав, а мне оставалось лишь поражаться его подчеркнутой беспечности.

Словно у него было право говорить с богами на «ты».

Богов было двенадцать, поэтому храмы, такие, как этот или как тот, который стоял на Площади Согласия, посвящали им всем. Только порядок размещения статуй мог отличаться в зависимости от местности, но одно было неизменно: вход охранял Двуликий, повелитель дорог и дверей, а напротив входа, за спиной жреца, стоял Милосердный.

Тот, который владел жизнью и смертью.

Богиня была по его правую руку как верная сестра, а по левую – тот, кто отвечал за магию как за потоки волшебной силы.

Кроме Дюжины были еще десятки святых, преподобных и прочих почитаемых имен, и когда Кондор сказал, что выбрать можно любого, он не шутил. Все Двенадцать были равны.

– И кто же из них твой покровитель? – спросила я.

В центре зала в несколько рядов стояли скамьи, как в католическом храме, красивые, с деревянной резьбой и обитыми бархатом сиденьями, и сейчас мы заняли одну из них, спрятавшись за колонной. Справа от меня была статуя Сияющего, того бога, который покровительствовал искусствам и красоте.

Кондор улыбнулся:

– Я могу попросить тебя догадаться? – сказал он. – Не сейчас, пусть это будет... проверкой на сообразительность, – добавил он, когда понял, что я начала озираться по сторонам. – Посмотрим, что ты думаешь обо мне. Я не буду смеяться, правда, насколько бы ни был твой ответ далеким от истины.

Я моргнула.

– В конце концов, я привел тебя сюда чуть за другим, – продолжил волшебник и задумчиво провел пальцами по спинке скамьи, стоящей перед нами, словно стирал с нее несуществующую пыль.

Я сидела, вцепившись руками в сиденье и скрестив лодыжки, как школьница, скупающая во дворе. Мне было неудобно и странно оказаться здесь, в невероятной тишине, которую нарушали лишь наши голоса и легкое потрескивание горящих свечей. Ни жрецов, ни слуг, ни посетителей – сейчас здесь не было никого, и мне казалось, что этот наш тайный визит нарушал сразу десяток правил и тянул на какое-нибудь публичное наказание за оскорбление чести королевской семьи.

Но Кондор был спокоен, и я заставила себя перестать искать поводы бояться.

– Несколько лет назад, – сказал волшебник, глядя вперед, на статую хрупкого юноши, почти мальчишки, опирающегося не то на крест, не то на посох с поперечной перекладиной, которая делала его на крест похожей. – Шесть или семь, я сейчас боюсь сказать точнее, двое юношей из благородных семей попали в большой переплет. Они оказались на материке Латиерра Нуова ровно в тот момент, когда местные жители, устав от жестокости аглаверских захватчиков, призвали своих собственных богов помочь им навести порядок. Аглавер к тому моменту владел колониями в Новом Свете почти тридцать лет и, надо сказать, не собирался ни с кем делиться ими, поэтому Иберия и Ангрия, а также пара других стран, пытались основать свои колонии. Новая земля оказалась очень богата. – Кондор усмехнулся. – И, конечно, за право владеть ей велись войны, в которых мы воевали то друг с другом, то с теми, кто на той земле жил.

– Я поняла, о чем ты, – сказала я.

«Значит, – подумала я, – история здесь похожа на нашу, хоть и отличается от нее. Вот тебе и Новый Свет, и конкистадоры, и война за колонии».

Жаль, что я знаю историю своего мира не настолько хорошо, чтобы понять все и сразу.

– Не сомневаюсь. – Он кивнул. – Не буду рассказывать тебе, как я туда попал, это слишком долгая и не очень приятная история. Будем считать, что, как и полагается юноше из благородной древней семьи, я после совершеннолетия уехал смотреть мир. И попал в компанию другого юноши из благородной и древней семьи, который тоже уехал смотреть мир, но чуть дальше, чем надеялись его родители. Так мы познакомились с Даром.

Я кивнула в знак того, что внимательно его слушаю.

– Путешествие окончилось немного не так, как мы оба хотели, и мы бежали с Латиерра Нуова на первом попавшемся корабле. Он шел через Чи в Бхарту, и мы застряли в Бхарте. В одном из храмов, которые местные жители называют Домами Знаний. Понимаю, что веду тебя окольными путями, милая. – Волшебник посмотрел на меня. – Но иначе мне сложно рассказать это так, чтобы ты поверила, что ли?

– Не переживай, – ответила я. – Я тебя внимательно слушаю.

Внимательно слушаю и очень, очень старательно пытаюсь понять.

– В Бхарте мы застряли на несколько месяцев. К счастью, Дар к тому моменту уже успел научиться многому, в том числе дипломатии и паре чужих языков. Мы попали к жрецам Дома Знаний, и один из них, узнав, откуда мы, рассказал нам неприятную новость. То, что случилось с Латиерра Нуова, всколыхнуло магические потоки по всему миру. Поменяло баланс сил. Мы не чувствовали этих изменений, потому что они пока были малозаметными, но между материком и остальным миром появился барьер, который нельзя пройти. Наш мир разделился на два мира, и никто не знает, что происходит сейчас там, за этим барьером. Мы знаем только, что магия в нашем мире начала... – он замолчал на минуту, словно пытался подобрать слово.

– Ослабевать? – подсказала я.

– Не совсем. – Кондор снова провел пальцем по дереву. – Скорее, она из реки, спокойно текущей в нужном направлении, стала вдруг болотом, потому что появился барьер, не дающий ей течь дальше. И со временем что-то случится. Я не могу сказать, что именно: исчезнет сила совсем, или ее будет слишком сложно использовать, или, наоборот, она начнет замыкаться сама на себе, и мир погрузится в хаос, но... – Он вздохнул и провел рукой по волосам. – Но пока мы

плыли из Бхарты домой, я подумал, что можно попробовать что-то изменить. И стал искать все, что было можно, о создании переходов, дверей и порталов. Как ты понимаешь, не тех, которые открывались бы в этом мире и вели в другую его точку. Других. Способных открываться в другие миры.

Он пристально посмотрел на меня, словно ждал, когда же я сложу в голове два и два и пойму, к чему он клонит.

Не понять было сложно.

– И зеркало – как раз такой портал.

– Именно. – Кондор ухмыльнулся. – У меня было достаточно знаний, силы и связей, чтобы решиться на подобное и выпросить себе статус Хранителя, а вместе с ним получить и доступ к такому артефакту. Но было одно но.

– Гости вроде меня?

– О нет! – ответил он с внезапным весельем в голосе, словно моя догадка показалась ему забавной. – Нет, гости вроде тебя лишь побочный эффект нужного мне ритуала. Не обижайся, Мари. Если подобная дверь открыта, что-то или кто-то должен в нее войти. И хорошо, если этот кто-то милая девушка вроде тебя, а не чудовище с изнанки. Вроде того, которое ты видела.

Его рука скользнула вниз и мягко сжала мои пальцы.

– Все дело было в том, что Дар не только мой друг, но и мой принц, – сказал Кондор. – И у него есть свой собственный интерес. Я не могу раскрыть тебе всех подробностей, потому что, к счастью, сам их не знаю, а если бы знал, пожалуй, предпочел бы прятать это знание ото всех. Но если коротко, то Дар не отказался бы от еще одного доказательства своей власти, а появление кого-то вроде тебя, посланницы, жрицы, избранной – называй это так, как тебе хочется...

– Это делает его избранным, – поняла я, и Кондор медленно, с улыбкой кивнул.

– Да, вроде того. Подчеркивает его право на эту корону. И, может быть, на нечто большее.

«Очень амбициозно, – подумала я, но не сказала этого вслух. Кто я, чтобы осуждать будущего короля?»

– Но почему он попросил меня...

– Скрываться до поры? – Кондор снова улыбнулся. – Потому что предыдущая гостья покинула нас... хм... полтора месяца назад. Я

лично проводил ее до врат и отпустил с легким сердцем и шкатулкой с драгоценностями. Мне показалось, что мы даже остались довольны друг другом, хотя, признаюсь честно, это было очень, хм, сложное сотрудничество. Она легко на все согласилась, но очень старалась переиграть нас и словно бы ломала мир под себя. – Он вздохнул. – Объяснить твоё появление тем, кто все и так знает, мне не сложно. А вот объяснить его всем вообще...

Он развел руками, мол, прости, милая, но я за такое не возьмусь.

– Я не уверен, что жрецы наших богов столь же милосердны, как сами боги, – добавил Кондор не без иронии. – И расценят мои действия как нечто... угодное богам.

Он посмотрел в ту сторону, где стояла статуя Богини, и, прижав руку к груди, чуть наклонил голову.

«Такое вот почтение, – подумала я, – со стороны того, кто использует оставленный тобой артефакт в своих корыстных целях».

Впрочем, в моем мире статуи ставят не только богам, но и ученым, а их изобретения мы используем постоянно и ни капли не задаемся вопросом, можем ли так поступать, и не обидится ли кто-то из них на это.

– Подожди. – Я посмотрела на свои колени в поисках нужного вопроса. – А та, которая была первой? Вы ее тоже скрывали? Чтобы не вызывать вопросов? Или она была намного раньше?..

– Ей было девять лет. – Кондор ответил быстро и так спокойно, что мне стало страшно. – И, конечно, мы оставили её появление в тайне...

Я раздраженно выдернула пальцы из его хватки и отодвинулась в сторону.

Очень хотелось сказать ему все, что я о нем подумала, и о Даре тоже, но таких слов в храмах не говорят, насколько бы ни были милосердны живущие в этом храме боги.

– Поверь мне, милая, я был так же удивлен и не знал, что делать, как ты сейчас, и никто из нас не причинил ей вреда, – сказал Кондор. На его лице было сожаление, совершенно искреннее – или очень хорошая игра в это самое сожаление. – Я вернул ее сразу, как только смог провести нужный ритуал. Ты можешь спросить у Сильвии или Ренара, они подтвердят мои слова. Я не чудовище, – его голос звучал глухо. – За его высочество, прости, поручиться не могу.

Я спрятала лицо в ладонях и постаралась снова начать дышать.

– Лучше бы ты мне этого не рассказывал, – наконец сказала я.

– Я обещал, что не буду врать тебе, – ответил Кондор. – И ты бы сама рано или поздно узнала бы. Увы, я не могу выбирать, кому явиться с той стороны. Иначе, наверное, выбирал бы кого-то, кто сам не против вляпаться в такие вот чудеса.

Я помолчала, глядя на свечи, стоящие рядом со статуями богов, на пятна света на полу там, где он падал через окна, на тени и витражи, и попыталась понять все то, что он мне рассказал. А потом спросила:

– А кто враг ваших богов? – и повернула лицо к волшебнику. – Должен же у вас быть кто-то, кто сбивает паству с истинного пути.

Кондор остался невозмутим, только иронично поднял одну бровь.

– Пытаешься намекнуть на то, что я поклоняюсь ему? – спросил он с подозрением.

– Нет, почему же? – Я пожала плечами. – Просто он должен быть. Без тьмы нет света, все дела. – Я встала со скамьи и поправила одежду. Кондор следил за мной почти изумленно, будто бы не знал, чего еще ожидать. – Где добро, там и зло, веришь в бога, верь и в дьявола, как говорят у меня на родине.

Ну... Не совсем на родине, но сойдет.

– Есть, конечно. – Волшебник кивнул и тоже встал. – И не один.

– Тоже дюжина?

– Больше. – Он осторожно подтолкнул меня в сторону той двери, через которую мы вошли сюда. – И я бы не хотел связываться ни с одним из них.

Мы забрали бумажный сверток с моими вещами из кабинета Блэкторна, маленького и тесного, полного каких-то схем, бумаг и карт. Блэкторна на месте не было, нас встретил его ассистент, совершенно неприметный человек средних лет, не очень приветливый, но

вежливый. Они с Кондором обменялись парой фраз о личном, и я поняла, что, кажется, мой спутник действительно работал под началом Блэкторна когда-то давно.

Я молчала все это время, молчала потом, когда мы нашли подходящее зеркало и через него перешли в замок, сразу в мою комнату, словно Кондор понял, что я хочу остаться одна. Молчала, сидя в остывающей ванне с последней сигаретой – баффнутая магией зажигалка работала отлично. Молчала, пока сушила волосы у камина, листая учебник этикета – проверяла себя. Молчала, лежа в кровати и глядя в темный потолок своей спальни.

Мне было странно и страшно от самой себя и от того, что происходило вокруг.

«Меня хватит и на то, чтобы заплетать косички маленьким девочкам», – сказал Ренар там, в Йарне, и сейчас я поняла, о чем он говорил.

Почему-то от этого мне сделалось спокойнее, и та часть меня, которая возмущенно вопила, что нельзя так поступать с людьми, особенно – с теми, кто еще не знает, что к чему, почти замолчала.

В конце концов, со мной тоже поступили не слишком справедливо. И ни платья, ни драгоценности, ни учтивость со стороны принца, ни обещание веселья и развлечений при дворе, весьма сомнительных, надо сказать, не делали эту несправедливость менее несправедливой. Воля богов или следствие ритуала – неважно, что выдернуло меня из привычного мира, но сейчас я лежала в темноте, прижимала к животу подушку и плакала, потому что ничего не могла поменять.

Только смириться со своим положением и расслабиться, пока мир вокруг смеялся и ускользал из-под контроля.

В эту ночь мне приснился тревожный сон.

Я бежала от кого-то по снегу, босая, в одной сорочке, ни капли не греющей. В ступни впились острые осколки льда и мелкие камни – о большие я больно ударялась онемевшими пальцами.

Небо надо мной было серое, клубящееся облаками, и я думала о том, что оно похоже на сломанное волшебное зеркало, которое ничего не отражает и не показывает.

Эта фраза застряла у меня в голове, и с ней я очнулась, распластанная на широкой кровати, вдавленная в перину кошмаром. Я

тяжело дышала, и тьма, окружавшая меня, казалась мне полной теней. Густая, оглушающая тишина вливалась в уши.

Только когда я приподнялась на локтях, вглядываясь в темноту комнаты и ища в ней очертания уже привычных предметов, освещенных лишь светом лун за окном, наваждение прошло.

Я шумно вздохнула, упала на подушки и только тогда смогла, наконец, щелкнуть пальцами и заставить кристаллы вспыхнуть и разогнать остатки темноты.

Засыпать было страшно, словно этот кошмар, не слишком ужасный, конечно, но неприятный и липкий, слишком осязаемый и настоящий, мог вернуться и присниться снова.

А потом я вспомнила, что у меня еще осталось то зелье от кошмаров, и потянулась к тумбочке. Флакон был на месте, почти целый, а его содержимое – все такое же мерзкое на вкус.

«Наверное, – подумала я, снова обнимая подушку, – стоит пить его до того, как что-то такое снится, а не после».

Огни во тьме

Играй, покуда Рим горит, но помни, что однажды твои струны лопнут, и станет совсем-совсем тихо.

Лена Элтанг, «Картахена»

В «Ars Magica» можно было найти много всего интересного.

О существах с другой стороны мира, например, которые становятся слугами злых чародеев. Чем платят чародеи за их услуги, тактично умалчивалось, но можно было предположить, что для чародеев это хорошим не заканчивалось.

Или об инициации – магическом обряде пробуждения силы. Опасном, потому что существовали риски погибнуть или рехнуться. И нужном, потому что без него, увы, чародеем в полной мере не стать. Автор книги описывал с десяток таких обрядов, один другого кровавее и развращеннее, а мне почему-то было смешно.

Еще там было про женщин, которым волшебницами не стать никогда – слабый пол, считал автор, пригоден лишь для домашней работы и материнства. Да, иногда таинственные силы наделяли женщин талантом, и тогда появлялись ведьмы, провидицы и проводницы, травницы и говорящие с животными. Такие женщины всегда становились отшельницами, потому что силы, совратившие их с единственного и правильного пути, то есть пути верной жены и любящей матери, постепенно сводили их с ума и мешали жить обычной жизнью.

Было там, конечно, и про хороших волшебников, верных слуг при великих королях, мудрых наставников и добрых помощников, которые спасали людей от чудовищ, исцеляли болезни и приносили победы в битвах. Все они шли по пути искупления, исправления прошлых ошибок, к которым автор, кажется, относил само их существование.

И само существование магии.

Кондор застал меня за чтением. Я сидела на полу рядом с диваном, упиравшись в него спиной и положив книгу на колени, и увлеченно читала про защитные амулеты и ритуалы. Про соль, заячьи лапки, иглы под порогом и прочие занимательные вещи, которые Преподобный Этьен почему-то не считал чем-то неправильным, хотя казалось бы.

Волшебник сел на диван и терпеливо дождался, когда я закрою книгу и посмотрю в его сторону. Ни про книгу, ни про то, что сегодня я снова была в своей собственной одежде, он ничего не сказал.

– Доброе утро, леди Лидделл, – улыбнулся он. – Я за тобой.

Мне показалось, что Кондор смотрел на меня с затаенной тревогой, словно боялся, не брошу ли я в него книгу или не начну

вдруг огрызаться, но я была настроена очень благодушно.

– Опять через зеркало куда-то? – спросила я.

– А тебе так этого хочется? – ответил он.

Тревога исчезла из его взгляда.

Я пожала плечами:

– Сегодня точно нет.

– Тогда у меня хорошие новости. – Он устроился удобнее, закинул голову назад и сказал, глядя в потолок: – Мы не будем выходить из замка. Лин ждет тебя в Зеленом зале.

– О, – только и сказала я.

И расстроилась, сама не знаю почему.

– Если ты готова, я провожу тебя к ней. – Кондор посмотрел на меня, чуть повернув голову. – Или дать тебе время собраться?

Я вытерла ладони о джинсы, словно пыталась стряхнуть с них пыль или воображаемые крошки. Автоматически, нервно, из странного желания сделать что-то такое, что не вписывалось бы в правила и законы светского поведения.

– Я готова, – сказала я. – Почти.

– Чудесно. – На его губах появилась ленивая улыбка. Одним плавным движением он встал и подал мне руку. – Признаться, милая, я ожидал от тебя что-то вроде молчаливого бунта, – сказал Кондор, пока я вставала и отряхивалась. – Что ты будешь язвить и брыкаться.

Я посмотрела на него, чуть хмурясь.

– Если хочешь, я не буду тебя разочаровывать, – усмехнулась я. – И начну язвить и брыкаться прямо сейчас. Только вот, кажется, это не поможет мне быстрее избавиться от вас, а вам – от меня. Я могу не переодеваться? – спросила я. – Лин же знает, кто я такая?

Он кивнул.

Конечно, знает. Должна знать.

Я очень не хотела сейчас влезать в платье, чтобы не чувствовать себя рядом с Лин еще более неуютно.

– Как тебе угодно, милая, – ответил Кондор и, пока я пыталась привести в порядок волосы перед зеркалом, висевшим над камином, взял в руки книгу, брошенную на пол. – Я смотрю, ты решила все-таки углубиться в изучение науки волшебства.

– Это запрещено? – я повернулась к нему и нервно заправила прядь за ухо.

– Отнюдь. – Кондор лениво листал страницы и улыбался так, словно замыслил недоброе. Как и полагается чародеям. – Просто в таком случае ты выбрала не те источники.

– Я уже заметила, что этот господин, – я кивнула на книгу, – не любитель волшебников и всего, что с ним связано.

– О да. – Кондор аккуратно закрыл «Арс Магику» и положил книгу на столик рядом с диваном. – Преподобный Этьен – во всех отношениях примечательная личность. И волшебников он действительно не любил. Ты закончила?

Я коротко кивнула.

– Тогда идем.

Он сделал жест рукой, приглашая меня идти чуть впереди него, и даже открыл передо мной двери, ведущие в коридор.

Мое нежелание куда-то вылезать и с кем-то встречаться не значило ничего.

День был солнечным. Яркий свет проникал в замок через окна и витражи, рассыпался цветными бликами на полу и стенах. Я уже привыкла к тишине этого места и к его пустоте, хотя, наверное, мне бы хотелось, чтобы замок был менее безлюдным.

– Ты же не снимала амулет, который я тебе дал? – спросил Кондор, пока мы шли через коридоры и комнаты.

Я покачала головой в ответ и достала кристалл из-под толстовки.

Кондор кивнул.

– Родовая магия леди Айвеллин позволяет ей влиять на чужие чувства, – сказал он. – Это бывает очень кстати, когда имеешь дело с капризными девицами в беде.

– Ну, спасибо, – надулась я.

– Не принимай на свой счет, – отмахнулся Кондор. – Если я все сделал правильно, то наша эльфийская ведьма не сможет тебя заколдовать. Пока ты не снимешь амулет, конечно.

Я сжала в руке кристалл. Снимать я его не собиралась. Размечтались.

– Ну а вдруг? – добавил Кондор с улыбкой. – Расстроишься, испугаешься, почувствуешь себя одиноко. Леди Айвеллин умеет лечить печали прикосновением руки.

Ага. И выбивать у тебя почву из-под ног, заставляя весь твой мир сжиматься до размеров комнаты, в которой вы находитесь.

– Если мне станет грустно, – сказала я. – Пойду найду Ренара и потребую разрешения заплести ему волосы. Кстати, где он? Я не видела его сегодня.

– Потому что с утра не вылезала из комнаты. – Чародей покосился в мою сторону, мол, все я про тебя знаю. – Ренар в городе. Выполняет мое поручение. Он вернется ближе к вечеру, так что до того момента с печалью и тревогами тебе придется справляться самой. К слову, – он стал серьезнее, – я думал, что с утра как минимум получу от тебя пару ледяных взглядов и шпилек, но ты удивительно благодушна. Несмотря на все вчерашние разговоры и не самые приятные открытия.

– Тебя интересует, злюсь ли я? – Я остановилась прямо под высоким узким окном, витраж в котором изображал ползущий вверх по стеклу плющ. – Или тебя не устраивает то, что я эту злость не показываю?

Волшебник тоже затормозил, немного удивленный и очень любопытный.

– Меня пугает то, что ты так спокойна, – сказал он честно и сощурился, рассматривая меня, словно пытался высмотреть на моем лице мельчайшие свидетельства готовящегося коварства. – И так послушна. Словно задумала что-то и пытаешься притворяться, что приняла правила игры, пока не найдешь способ сломать их.

Я посмотрела на него как на идиота и поняла, что с большим удовольствием бы сейчас стукнула чем-нибудь тяжелым по столу.

– Я злюсь, – сказала я спокойно, глядя ему в глаза. – Если тебя это так интересует.

«За себя, – подумала я, – и за ту девочку, у которой наверняка психотравма после такого на всю жизнь, если только кое-кто ее не заколдовал напоследок».

– И меньше всего на свете я сейчас хочу идти общаться с леди Айвеллин и учиться быть похожей на женщин вашего мира.

«Особенно, – подумала я, – если учесть, что рядом с леди Айвеллин я чувствую себя картошечкой, а еще я не знаю, чего от нее ожидать, когда мы останемся наедине – добра или саркастичных замечаний».

– Но ты не вернешь меня домой по первой просьбе, это я уже поняла. – Я заметила, как уголок его губ чуть дернулся, словно Кондор попытался не улыбнуться. У него получилось. – Поэтому я решила,

что чем меньше я буду дергаться, тем проще все будет для меня в том числе.

«А еще, – не сказала я, – мне всю ночь снились путанные сны, и сил на злость просто не осталось».

– Вот видишь? – Я развела руками. – Никакого подвоха, господин волшебник. Спасибо, что поинтересовался моими чувствами.

Он все-таки улыбнулся, почти оскалился, и посмотрел на меня сверху вниз.

– Отлично вижу. И всегда пожалуйста, милая. – Кондор приложил правую ладонь к груди и чуть наклонил голову. – Рад, что здравомыслие взяло верх. А теперь давай пойдем дальше, пока Лин не решила, что нас утащили призраки.

Как я выяснила, Зеленым залом называлась та огромная комната, где был камин-дерево.

Здесь все еще было мрачновато, но на полу и стенах лежали яркие пятна света, а в воздухе отчетливо пахло нарциссами и скошенной травой.

Лин сидела в кресле у погасшего камина. Когда мы зашли, я увидела только ее руку, лежащую на подлокотнике, и кусочек рукава. Ткань была цвета морской волны, по самому краю бежал золотистый узор.

Лин то ли услышала нас, то ли почувствовала каким-то эльфийским чувством, что мы здесь. Платье зашелестело, как опавшая листва, Лин медленно, почти лениво встала нам навстречу и сдержанно, но тепло улыбнулась, когда наши с ней взгляды встретились.

Что бы она ни прочитала сейчас на моем лице, ей хватило такта не выдать этого.

Сегодня ее волосы были собраны так, что острые кончики ушей прятались за ними, и сейчас я бы ни за что не отличила Лин от обычного человека. Ну, хорошо, очень красивого, но человека. С яркими глазами и тонкими чертами лица.

– Доброго дня, леди Лидделл, – сказала Лин, улыбаясь шире.

Она стремительно прошла вперед и протянула мне раскрытую ладонь.

Я вытащила руки из-за спины и осторожно, словно меня могло ударить током от этого прикосновения, сжала ее ладонь.

И ничего не произошло. Мой мир остался прежним. В нем все еще пахло нарциссами, но этот запах соседствовал с запахом пыли, камина и дерева, с легкой, почти уютной затхлостью, которая царила в комнатах замка, где никто не жил. Лин не стала центром вселенной, нет, она осталась сама собой – тонкой, прекрасной, хрупкой девушкой посреди огромного мрачного зала, который почему-то называли Зеленым, хотя зелени в нем почти не было.

Она была такой же красивой, как я запомнила. Самой красивой девушкой из всех, которых я видела в своей жизни. Только у меня уже не кружилась от этого голова.

Я подумала было, что, видимо, кое-кто решил не испытывать меня на прочность, но удивление, мелькнувшее в глазах Лин, говорило об обратном.

– О, – сказала Лин с поддельным разочарованием и перевела светящийся лукавством взгляд на Кондора. – Я смотрю, в этот раз ты был готов.

Он развел руками и легко улыбнулся ей, словно только что выиграл спор.

– Не я готов, – поправил он ее. – Леди Лидделл попросила меня об услуге, и я ее выполнил, не более того.

Взгляд Лин впился в меня, как будто она пыталась понять, что именно за услугу он мне оказал и как это сделал. Она все еще держала меня за руку, сжав в ладонях осторожно и нежно, словно хотела утешить или выразить теплое участие. Я почувствовала себя неловко, вывернулась и спрятала руки за спину.

Лин чуть вздернула подбородок и поджала губы, но не злобно. Мне показалось, что она разглядела во мне что-то, что ей понравилось.

– Ну что же, – сказала Лин, снова глядя на волшебника. – В таком случае, я могу лишь сделать вывод, что леди Лидделл умеет позаботиться о себе.

Он покачал головой в ответ.

– Не настолько, насколько хотелось бы, но лишь от незнания правил игры, – сказал он и дотронулся до моего плеча. – Я оставляю тебя под опекой леди Айвеллин до вечера. – Взгляд Кондора был внимательным и чуть встревоженным. – Вам есть чем заняться и о чем поговорить. Сильвия где-то здесь и в любой момент появится, если будет тебе нужна.

– А ты... – только открыла рот я.

– Есть кое-что, – сказал он, не дав мне задать вопрос. – За пределами замка. Что требует моего участия сегодня. Я вернусь к ужину, – добавил Кондор, глядя на Лин. – Не обижайте друг друга.

Лин вдруг смутилась. Она опустила взгляд, словно бы прятала усмешку, и посмотрела на меня исподлобья. По-доброму, но очень хитро. Ее левая рука дернулась, потянулась к правому запястью, на котором висели браслеты. Тонкие серебряные кольца – и еще один, которого я не помнила.

Широкий, с голубыми и розовыми не то кусочками стекла, не то плоскими камешками, вставленными в серебро так, что это напоминало маленький витраж, он очень бросался в глаза.

Лин повернула его вокруг руки, словно он был талисманом, и снова вернула себе спокойствие.

– Конечно, – сказала она Кондору. – Не беспокойся. Мы обязательно поладим.

Герхард Оденберг был не самым приятным человеком и отлично это знал. Можно было сказать, он не просто осознавал и принимал эту свою неприятность, он ею гордился так, как иные гордятся светским тактом или умением вести непринужденную беседу о поверхностных вещах. Неприятность и флер снобизма, аскетизм и добровольное одиночество – все это было тем, что составляло личность Герхарда Оденберга, неизменное и удобное, как три повседневных костюма, висевших в его шкафу.

Так что Герхард Оденберг отлично знал, кто он и как его видят другие, и неизменно пользовался этим.

Мальчишка, которого приставили к его дому вместо нормального охранника, смотрел на мир восторженным взглядом глупого щенка, которого еще ни разу не отталкивали ногой в сторону, чтобы не

мешался. Он стремился угодить, носил великоватую для него форму – она досталась ему от старшего брата, Герхард узнавал, от старшего брата, который отслужил в императорской армии пять лет и вернулся, хромой на левую ногу, без пары пальцев на руке.

В армию он ушел в тот год, когда сам Герхард попал в Йарну. Давно.

В последние несколько лет это «давно» ощущалось как бесконечная череда смены дня и ночи, месяцев, сезонов, одежды у горожан.

Сейчас, к примеру, была зима. Вторая половина декабря, время венков из еловых веток, пряного печенья и теплого вина. Шумное время с огнями и песнями, потому что с огнями и песнями проще пережить густую темноту самых длинных ночей года.

Раз в три месяца Герхард выходил из дома в лучшем своем костюме и шел в ратушу к городскому главе, чтобы снова рассказать ему, как тиха и спокойна жизнь в Йарне. О том, что в этот раз в городе снова не произошло ничего серьезнее, чем пара сломанных ног или мелких краж.

Мир казался Герхарду громким – и в звуках, и в цветах: все эти флаги на ратуше, форменный мундир городского главы, яркая роспись потолка в зале, где тот принимал посетителей, синева в окнах и зелень еловых веток. День был очень солнечным, свет бил отовсюду, и белизна снега резала глаз. Поэтому Герхард морщился, подходя к дому.

Поэтому он был не в духе. Почти зол.

Юный стражник скучал у крыльца. При виде Герхарда он выпрямил спину и попытался придать лицу серьезное выражение. Герхард усмехнулся и покопался в памяти, вспоминая его имя. Сид. Сокращение от чего-то более громкого и звучного, не то от имени святого, не то от праздника, накануне которого Сид родился. Примерно так здесь имена и давали – по календарю или по наследству.

Герхарду показалось, что Сид чем-то не то напуган, не то встревожен. Глаза выдавали его: обычная восторженность сменилась виноватым выражением, какое бывает у щенков, когда те что-то воруют или портят.

– Ну? – спросил Герхард, когда мальчишка поздоровался с ним, вытянувшись по струнке. – Что-то не так?

Взгляд Сиды метнулся в сторону, к двери в дом.

– Вас ждут, – сказал Сид. – Внутри.

– Я же просил никого не пускать, – холодно произнес Герхард, показывая свое недовольство. – Меня нет, сегодня не принимаю, ушел в ратушу до позднего вечера, – выпалил он почти с раздражением все то, что пришло ему в голову, все отговорки, которые можно было бы придумать.

Почему так сложно выполнить приказ, когда тебя просили просто не впускать никого в дом?

Взгляд Сиды стал еще более виноватым. Щенка ткнули носом в то, что он наделал.

– Она... она сказала, Мастер, что для нее ваша дверь всегда открыта.

Герхард замолчал. Он отошел на шаг назад от напуганного, расстроенного мальчишки и убрал руки за спину. Ему казалось, что так он выглядит строже.

Утром, когда он выходил отсюда, у него в руках было несколько листов плотной бумаги – отчет.

Сейчас руки были пусты.

– Вас ждет Видящая, Мастер Герхард, – пояснил Сид. – Она пришла буквально вот-вот. Словно подгадала к вашему возвращению.

Раз в три месяца Герхард Оденберг выходил из дома в лучшем костюме и шел к городскому главе, чтобы рассказать тому, как тиха и спокойна жизнь в Йарне и окрестных землях. Здесь действительно было тихо, несмотря на близость Бергрэнзе – высоких гор с их лесами, ущельями, озерами и ледниками.

Горы были границей, как ни посмотри. Естественной природной границей с Геллингхеймом – раз. Границей Изнанки, как любой подобный ландшафт: слишком уж темны были здесь чащи, слишком быстры реки, слишком глубоки пещеры. И, если верить в то, чем

занимался Мастер дель Эйве, БергрENZE когда-то были еще одной границей – глубокой, древней, очень важной для мира. А жить на границе – опасная практика, поэтому тишина, стоящая в Йарне все эти годы, действовала Герхарду на нервы.

В лесах, конечно, исчезали люди, каждое лето кто-то тонул в реке, каждую зиму – уходил под лед. Кого-то задирали звери, кто-то погибал, сорвавшись с обрыва вниз, ничего удивительного. Ничего... особенного, такого, с чем не смог бы справиться город без волшебника.

Это и составляло предмет договора, заключенного между Герхардом Оденбергом, как представителем Йарны, и Юлианом дель Эйве, как представителем неких сил, не имевших имени, но имевших власть в этих землях. Именно поэтому жизнь в Йарне была тихой, а сам Герхард давно не работал ни с чем серьезнее присмотра за порталом, поиска пропавших людей и предметов, лекарства и...

И еще кое-чем еще.

Это кое-что сейчас сидело в гостиной, той, которая предназначалась для встречи гостей, выходящих из Двери. Хрупкая молодая женщина в сером пальто, с тонкими черными косами, похожими на двух змеек, лежащих у нее на плечах. Она была бледной, с ввалившимися щеками, словно давно не высыпалась толком и так же давно голодала. Герхард привык видеть ее такой.

Но вот к светлым, словно выцветшим глазам он так и не смог привыкнуть.

– Здравствуйте, Мастер Герхард, – сказала она, улыбаясь нервной улыбкой задерганного ребенка.

На вид ей было куда меньше лет, чем на самом деле.

– Здравствуй, Хельда, – ответил он. – Как насчет выпить со мной чаю?

– С превеликим удовольствием, – она легко встала, оттолкнувшись от подлокотников кресла.

Темные косы скользнули по плечам – и правда как змейки.

Волшебство в этом мире распределялось не слишком честно. Сказать по правде, оно само по себе рождало несправедливость. Если бы не Законы, стоящие выше любого из волшебников, эта несправедливость ощущалась бы сильнее, чем сейчас, но даже эти законы не могли истребить ее полностью.

Кому-то везло больше, и к его таланту прилагалась семья и богатство, кому-то меньше, и ему приходилось зарабатывать талантом на жизнь, тратя самого себя с пользой для общества. А кому-то не везло совсем. К примеру, женщинам, склонным к волшебству. Особенно тем из них, кто родился в глуши, в такой, как Йарна, и никогда отсюда не выберется, как ни крутись.

Как представитель Ковена Герхард присматривал за несколькими такими. Ничего особенного. Одна из них могла искать пропавшие вещи, вторая – двигать тяжелую мебель силой мысли, когда злилась, а вот с Хельдой действительно были проблемы.

Она была Видящей.

То есть зрила незримое, знала вероятности, видела все повороты там, впереди, и чужое прошлое тоже. Это, конечно, накладывало свой отпечаток на ее разум.

За те несколько лет, которые они были знакомы, Герхард так и не привык к ее взгляду – пустому, словно направленному в никуда. Хельда не была слепой, нет, она просто смотрела не так, как обычные люди. И мир в ее голове был совсем другим, не таким, как у обычных людей.

Этот талант не был чем-то поразительным. Он не помогал, скорее, мешал, превращая Хельду не в уважаемую провидицу, а в городскую сумасшедшую, которая иногда делала не слишком полезные, но правдивые предсказания и давала советы там, где их не просили. И в прошлом, когда была моложе и честнее, лезла туда, куда лезть не следовало.

Ее знали, но не слишком любили. Никто, даже родная сестра, которая вроде бы присматривала за девушкой – так, как умела. Герхард тоже присматривал – так, как умел, потому что в этом, в том числе, состояли его обязанности.

Чай Хельда пила молча. Как всегда

Герхард предложил это не из правил гостеприимства, а потому что испытывал к Хельде странную смесь жалости и страха, непонятно только, за нее это был страх – или он шел от нее, как от любого существа, близкого к границам. Так некоторые относятся к безнадежно больным котяткам или выпавшим из гнезда искалеченным птенцам.

Тонкие пальцы, бледные до синевы, держали чашку неуклюже, словно Хельда пыталась следовать каким-то только ей понятным

правилам. Она постоянно отвлекалась, рассматривая то свои пальцы, то содержимое чашки, то самого Герхарда. Улыбка на ее лице была почти блаженной, но кончик губ нервно дергался.

– Я пришла, как вы просили, Мастер, – сказала она наконец. – Показать, что я жива и почти в порядке.

Герхард кивнул.

Это был такой же ритуал, как его походы к градоначальнику, только повторялся он раз в месяц, ближе к его концу. Хёльда находила его, где бы он ни был – дома ли, в гостях у кого-то, в ратуше или в какой-нибудь лавке, чтобы сказать, что с ней все в порядке. Так, как он однажды попросил ее делать, рассчитывая на то, что ей хватит ума приходить к нему домой. Иногда она перехватывала его на улице, когда он возвращался, причем Герхарду казалось, что она намеренно ждала его, зная, что он пойдет именно здесь.

Хёльда, видимо, считала саму встречу важнее того, где она будет проходить. Не лишено логики, как и все, что она делала, только логика эта была странной.

– Я рад, что в этот раз ты пришла ко мне в дом, – сдержанно сказал Герхард, надеясь, что она уловит намек.

– Он был ближе всего, – ответила Хёльда. Взгляд ее светлых глаз ползал по сторонам, будто она искала в комнате что-то, недоступное Герхарду. – И я давно не навещала вас вот так, Мастер. Стоило исправить это. – Она помолчала, снова улыбаясь этой своей нервной улыбкой. – Может быть, получится так, что я приду сюда снова быстрее, чем вы ожидаете.

Теперь она смотрела прямо на него и больше не улыбалась.

Герхард почувствовал, что ему стало не по себе.

Хёльда никогда не смотрела его будущее. Прошное – знала, и то, что произошло в его прошлом, так и осталось их общей тайной, чем-то, о чем не говорят, но берут во внимание.

– Это предупреждение? – спросил он с нервным смешком.

Она пожала плечами:

– Скорее, просьба не злиться, когда это произойдет.

– А у меня будет повод злиться? – осторожно спросил Герхард, не зная, правильный ли это был вопрос.

– Кто знает... – Хёльда снова посмотрела в свою чашку и сделала рукой странное движение, то, которое заставляет чаинки кружиться. –

Но я буду не единственной гостьей, Мастер. И не самой неприятной. Так что... – Она задумалась, вглядываясь в чай. – Так что вы правы. Это предупреждение. Не угроза, – добавила она, улыбнулась более уверенно, чем обычно, и выпалила: – Спасибо за чай и тепло, мне пора идти.

Она вскочила с места так быстро, словно вспомнила, что куда-то торопится, и стремительно направилась в сторону выхода. Ее пальто, которое она не без недовольства сняла, висело в прихожей.

Герхард чуть не выронил из рук чашку и блюдо, когда вставал, чтобы броситься за ней, но успел увидеть только силуэт в дверях и мокрые следы на полу. Что-то так и норовило попасть ему под ноги – ступенька, порог или край ковровой дорожки.

Он вылетел на улицу, не набросив на плечи даже шарфа.

Сид все так же стоял у крыльца, недовольный и пристыженный. Солнце садилось и сейчас висело почти у самых горных вершин. Город постепенно погружался в тень. Хёльды нигде не было видно. Она успела исчезнуть, раствориться в улицах, свернуть на одну из тех троп, которыми пользовалась, и о которых Герхард, как чужак, не знал.

Он строго посмотрел на Сиду и поймал на себе обиженный взгляд.

– Я был не прав, – сказал Герхард негромко, с трудом выдавив из себя эти слова. – Но в следующий раз не играй в загадки, а прямо говори, если впустил кого-то. Ты понял?

– Да, Мастер, – мальчишка кивнул, пряча взгляд.

Коридоры замка были сумрачными и часто вели в никуда.

Лин привыкла к этому хаосу и полумраку и уже давно находила его куда более уютным, чем выверенная симметрия дворцов Лорна-Тир или пышное убранство Лоссе.

Замок любил и принимал тебя любим. Ни Лорна-Тир, ни Лоссе, увы, не были склонны к подобному.

Возможно, дело было в том, что это место, само потерянное в глубине лесов, стало домом для таких же потерянных. Для тех, кто стоял на границе между мирами и не принадлежал ни одному из них. Было ли так задумано или сложилось само по себе – Лин не знала, зато она отлично знала, кто она такая и с кем оказалась здесь, внутри этих серых стен, в лабиринте из коридоров, комнат, залов и лестниц.

Полукровка. Оборотень. Отступник. Пара потерянных детишек. Фэйри.

И гостья из совсем другого мира.

Отличная компания для долгих вечеров в темном, заснеженном нигде.

Впрочем, и этот вариант Лин тоже не отрицала, дело было не в том, кто и где собрался, а в том, что здесь, в тишине и темноте, границы стирались сами по себе. Здесь не нужно было играть какие-то роли, носить маски, подтверждающие твое право занимать место, на котором ты сидишь, играть в игры, правила которых закреплены в сборниках этикета. И именно поэтому в замке было так уютно.

Лорна-Тир и Лоссе требовали от тебя носить парадные туфли, неудобные и непрактичные, но красивые.

В замке всем было все равно, как ты выглядишь, что говоришь и где остаешься на ночь.

Сквозь узкие окна можно было увидеть отблески заката, красный отсвет в небесах, густые сизые сумерки. Там, снаружи, было холодно, куда холоднее, чем в городах эльдар, выросших у теплого моря. И лес был другим. И горы на горизонте были не такими, как в Каэрии, злыми, холодными, высокими, такими большими, что рядом с ними Лин чувствовала себя так же, как рядом, например, с бабушкой.

Маленькая песчинка у корней древнего дерева, пылинка, прилипшая к рукаву вечности.

Волшебные кристаллы тускло сияли, освещая широкую каменную лестницу, спиралью уходящую вверх. Здесь не было украшений, зеркал или канделябров, фресок, мозаики, деревянных панелей и картин, только ниши для светильников и маленькие окна, ставни на которых сейчас были закрыты.

На лестнице царил полумрак.

Лин пожалела, что не взяла с собой фонарь. Бояться было нечего – своих обитателей замок берег – но споткнуться на какой-нибудь выщербленной от времени ступеньке и упасть не хотелось.

– Леди решила прогуляться тайными тропами?

Он стоял выше, там, где на лестницу выходила какая-то дверь, закрытая, конечно. Она тоже была в нише, глубокой – там и прятался Ренар. У его ног слабо мерцали кристаллы, спрятанные внутри высокого фонаря.

Лин улыбнулась.

Ее шаги были легкими – все эльдар ходят почти неслышно, если не хотят, чтобы их услышали, но слух Ренара был куда более тонким и чутким, чем полагалось быть слуху человека. Он, конечно, знал, что кто-то идет. «И, – подумала Лин, – понял, кто именно, еще до того, как увидел ее».

– Весь замок пропах весенними цветами, – проворчал он и чиркнул спичкой.

Оранжевый огонек на несколько секунд осветил его лицо и руку, держащую трубку. Взгляд был сосредоточенным – не на Лин, а на этом огоньке.

– Я тоже рада тебя видеть.

Ренар посмотрел на нее, хитро щурясь, и сделал вид, что не поверил.

– В таких случаях, – сказал он, усмехаясь, – принято говорить о погоде или о здоровье родственников?

– Мои родственники в добром здравии, спасибо, – ответила она сдержанно и остановилась, наконец, рядом с ним, прижавшись к стене с другой стороны ниши. – И с той, и с этой стороны. А вот поддержать разговор о погоде, увы, не получится. Мне было некогда смотреть в окно.

Дверь справа от Лин была деревянной, обшитой широкими полосами металла, потемневшими от времени. Никаких узоров, никаких символов, которые могли бы дать намек на то, куда она ведет.

Ренар медленно, с наслаждением затянулся, разглядывая Лин сквозь полумрак.

– Сегодня был прекрасный солнечный день, – сказал он, выдыхая дым. – Морозный, свежий и яркий. Он пахнет хвоей, морозом и дымом, а в Йарне – еще и специями, потому что они уже начали печь

пряники к празднику. Я захватил для тебя один, но не решился доверить столь ценную вещь боггартам. Занесу лично. – Он улыбнулся. – Если ты не против.

Это был флирт. Очень честный и искренний флирт, к которому Лин привыкла точно так же, как рыжеволосый парень напротив привык к прикосновению ее чар. Она могла одним прикосновением превратить его в отчаянно влюбленного дурака или заставить испытать чувство глубокой тоски о том, чего никогда не будет, и он знал это. Знал – и не боялся прикасаться к ней.

Лин вдруг поняла, что чуть не улыбнулась.

– Так что? – Ренар отвел трубку чуть в сторону. Его губы изогнулись в слабой улыбке, но она тут же исчезла. – У нас есть о чем поговорить, кроме погоды, не так ли, золотце?

Даже в полумраке, в котором глаза собеседника казались непроницаемыми, Лин чувствовала, что на нее смотрят очень... пристально и тяжело, выжидающе и настороженно. Ренар следил за ней, как следят за кем-то опасным или за тем, кого хотят поймать.

Лин рассмеялась, вытянулась вверх, неловко схватив его за рукав, и поцеловала в щеку.

И почувствовала, как Ренар улыбнулся уже по-настоящему.

– Вот теперь я вижу, что ты рада меня видеть, – сказал он, перехватывая ее ладонь.

– Я тоже принесла кое-что для тебя из Лоссе. – Лин отстранилась, но не отпустила его руки. Ренар с притворным удивлением поднял брови. – Это сюрприз. Но ты прав, – голос стал серьезнее. – У нас есть что обсудить. Только перед этим я должна объяснить одной юной леди, как управляться со столовыми приборами, чтобы на каком-нибудь званом вечере эта леди не превратилась в главное блюдо.

– Звучит, как приглашение на представление, – Ренар чуть задрал голову и посмотрел на нее сверху вниз.

Лин фыркнула и ткнула пальцем ему в грудь.

– Я надеюсь, и тебе, и одному вредному волшебнику хватит ума не мешать нам за ужином, – сказала она холодно. – Если будете смеяться, объясню леди Лидделл, куда еще можно воткнуть вилку и как это правильно сделать. Поверь мне. – Она дружески похлопала его по плечу. – У меня большой опыт в обращении с острыми предметами.

Он тряхнул головой, стряхивая со лба мешающую прядь, и посмотрел на Лин уже иначе. Куда серьезнее.

– А что если... – сказал Ренар и осекся, словно ему в голову пришла нужная мысль, и он пытался понять, нравится она ему или нет. Видимо, понравилась. – Что если я попрошу тебя объяснить ей это просто так?

У Герхарда Оденберга был ровный, но лишенный изящества почерк, какой бывает у не слишком одаренных, но педантичных учеников. Или у тех, кто в далеком прошлом был таким учеником. Чуть угловатые, неуверенные буквы жались друг к другу, складываясь в формальные фразы. Три страницы – копия отчета Мастера Йарны о положении дел в городе, на последней в самом низу – подписи, две. Одна, чуть изящнее почерка, принадлежала Герхарду, вторая – уверенный крючок, торопливая, сделанная наспех – градоначальнику. Печать – ключ с замысловатой бородкой, и формальная же фраза: копия отчета, снята с оригинала такого-то числа, направляется туда-то с разрешения градоправителя Йарны.

Была своеобразная ирония в том, что даже у волшебников существовала своя бюрократия. Точно та же, что была у работников тайной полиции и директрис в благотворительных школах.

– Ну, – сказал Кондор задумчиво. – Он как-то выкрутился.

– Прикрыл свой зад, – поправил его Ренар.

Как и в прошлый раз, он стоял у окна, правда, в этот раз без бутылки брендивайна.

Кондор усмехнулся.

– Можно и так сказать, – он сложил отчет вдвое и убрал в плотный конверт с оттиском герба Йарны.

Второй конверт, поменьше, был запечатан зеленоватым сургучом. Печать легко поддалась ножу, и через минуту перед Кондором лежало

еще одно письмо от Мастера Герхарда. Чуть более... личное. Со сдержанным выражением благодарности, в ответ на которую хотелось оскалиться и сказать что-нибудь вежливое, но очень едкое.

Кондор устало потер переносицу и отложил письмо в сторону.

Было в нем еще кое-что, кроме благодарности, что требовало времени на обдумывание.

За спиной Ренара в оконном стекле отражался кусок кабинета: закрытые двери, диван, огоньки кристаллов, карта, висящая на стене. Все – сумрачное, зыбкое, нечеткие контуры, темные пятна. Ренар стоял близко к стеклу, едва не касаясь его затылком – с той стороны был его двойник. Светлые рукава выделялись четче всего.

Интересно, что бы увидел кто-то, кто смог посмотреть в это окно оттуда, из леса? Видно ли их вообще?

– Выкладывай, – сказал Кондор с обреченным вздохом.

Ренар сделал вид, что не понял, к чему это.

– Что? – спросил он, ухмыляясь.

Кондор откинулся на спинку стула и демонстративно зевнул.

– У тебя на лице написано, что ты хочешь что-то сказать. Было написано. С того самого момента, как ты сюда зашел.

Ренар развел руками и покачал головой.

– Ну, как видишь, я выполнил свою просьбу, – сказал он. – И уговорил леди Лидделл сделать шаг тебе навстречу.

– И ты ждешь благодарности?

– Ну что ты. – Ренар наклонил голову набок. – Лучшей благодарностью для меня будет, если ты снова не совершишь похожую ошибку. Потому что в таком случае я буду на стороне маленькой леди Лидделл. Учти, – он шагнул в сторону от окна. – Она очень настойчиво просила научить ее драться.

Кондор не сразу поверил в то, что услышал. Потом подумал, что это, должно быть, шутка, но по ставшему вдруг серьезным взгляду Ренара понял, что нет.

– И я согласился, – продолжил Ренар. Он прижал руку к груди и коротко кивнул – жест, означающий приветствие, выражение уважения, благодарности или сочувствия – любого проявления доброжелательности к собеседнику. – Отказать леди в подобной просьбе было бы бесчеловечно с моей стороны. – Он сощурился. – Все равно, что оставить ее на растерзание чудовищам разного рода.

Кондор сдержанно, с неохотой улыбнулся шутке.

– Но сказать я хотел не это. – Ренар сделал несколько быстрых шагов вперед и уперся руками в столешницу. – Я хочу пойти с ней на праздник Солнцестояния.

В его глазах сияло такое воодушевление, что, казалось, ответь Кондор «нет», что-то взорвалось бы. Поэтому он не ответил «нет».

– Ты... что? – переспросил Кондор, чтобы проверить – правильно ли он понял.

– В Йарне будут огни и музыка, – сказал Ренар спокойно. – Много огней и много музыки.

– И много людей, – скептически заметил Кондор.

И не только людей – этого он уже не сказал.

Ренар сделал вид, что не услышал.

– Я знаю хорошую таверну, – продолжил он, придав голосу те интонации, с которыми старшие братья умоляют родителей разрешить им сделать что-то рискованное, в чем обязательно должны участвовать младшие. – Там безопасно. Насколько может быть безопасно вообще. Дай девочке возможность побыть на празднике, пока ее мир не стал чередой придворных расшаркиваний и скуки! Если мы оденем ее, как обычную горожанку, никто и не заметит. А ты в случае чего отведешь лишние взгляды в сторону.

– Вот как? – Кондор наклонил голову набок. – Мое согласие на участие в этом, конечно, подразумевается как уже состоявшийся факт?

– Еще бы, – улыбнулся было Ренар, но улыбка быстро исчезла. – Или в твоих планах было опять просидеть целый вечер перед камином, думая о какой-то печальной ерунде?

Кондор тяжело вздохнул и раздраженно закатил глаза.

– У меня есть некоторые... обязательства, – сказал он. – Которые заставят меня думать о всякой, как ты сказал, печальной ерунде. Но в чем-то ты прав. – Он покосился на письмо от Мастера Герхарда. То, которое второе. – Леди определенно заслуживает большего, чем просидеть целый вечер в компании... печальной ерунды. Пока жители этого мира развлекаются на свой лад.

Ренар сделал шаг назад и нахмурился, и Кондор пожалел о том, что позволил себе быть резким. Он снова вздохнул, медленно моргнул, прогоняя скопившуюся под веками усталость, и согласился.

– Ладно, – сказал он. – У господина Оденберга тоже есть ко мне просьба, из-за которой мне придется посетить Йарну еще раз и желательно – во время праздника. Оставлять леди одну в замке было бы не очень красиво, поэтому... – Он позволил себе задуматься буквально на несколько секунд, вспоминая какое-то условие. Такое условие, которое стоило бы учесть. – У вас два дня, чтобы научить ее танцевать и не привлекать к себе лишнее внимание.

– Мне кажется, – вкрадчиво сказал Ренар и скрестил руки на груди. – Леди и так неплохо справляется с тем, чтобы не привлекать лишнее внимание.

– Справедливо. – Кондор сощурился. – А что касается того, чтобы научить ее драться...

Он не успел договорить.

Раздался осторожный стук в дверь, и в ответ на приглашение войти ручка плавно повернулась. Лин проскользнула в кабинет и посмотрела на них обоих так, словно случайно услышала что-то, не предназначавшееся для её ушей, и сейчас пыталась справиться с неловкостью.

Она пристально посмотрела на Ренара, словно ожидала его здесь найти и была рада тому, что ожидания оправдались. Лин еле заметно улыбнулась и перевела взгляд на Кондора. Улыбка стала шире, но формальнее. Как тон писем Герхарда.

– Мы с леди Лидделл закончили на сегодня, – сообщила Лин сдержанным тоном истинной леди.

Видимо, ещё не вышла из образа.

Спина была прямой, голова гордо вскинута, на лице – невероятное спокойствие.

– То есть, – уточнил Кондор, не скрывая усмешки, – путь в столовую свободен?

– Абсолютно.

Лин расслабленно повела плечами и легко плюхнулась на диван, за одно движение из строгой светской дамы превратившись в маленькую девочку.

Склонную к озорству девочку, которой все всегда сходило с рук.

Ее взгляд скользнул по кабинету, словно Лин пыталась понять, изменилось ли в нем что-то с ее последнего визита, когда было

достаточно времени, чтобы что-то рассматривать. Потом ее взгляд остановился на Кондоре.

– Я надеюсь, что не помешала вам, – прямо сказала Лин. – Но, признаюсь честно, сейчас я бы предпочла хорошую компанию и вино. Или чай. После семейных вечеров в Лорна-Тир тишина этих комнат кажется мне оглушающей.

Она чуть опустила ресницы и отвела взгляд в сторону.

– Компания маленькой леди кажется тебе слишком утомительной? – Кондор сделал вид, что не заметил, в чью сторону был брошен короткий взгляд.

Ренар, только что очень болтливый и громкий, вдруг решил спрятаться в тени этажерки с книгами.

– Леди Лидделл недвусмысленно дала мне понять, что устала и желает побыть одна, – спокойно ответила Лин. – Надо сказать, она куда умнее, чем показалась мне в прошлый раз. Признавайся, чем ты тогда запугал ее, злобный волшебник?

– Думаю, ее запугал не я, а кое-чья привычка проверять каждого нового знакомого на стойкость к чарам, – парировал Кондор. – И слишком резкая смена мест. Что же касается общества и выпивки, то я оставляю вам на растерзание свою гостиную, – добавил он и отвлекся, чтобы найти в стопке с краю стола нужную тетрадь. – Габриэль попросил меня уточнить кое-что, поэтому я пойду в библиотеку, искать это кое-что и страшно вам обоим завидовать.

На лице Лин мелькнуло удивление и следом за ним – очень довольное выражение человека, который добился цели. На ее щеках появился румянец – или это была лишь игра света, отблеск одного из кристаллов, упавший вот так, когда она кивнула.

Кондор встал из-за стола, захватив висевший на стуле сюртук. В библиотеке вполне может быть холоднее, чем здесь. Когда комнатой почти никто не пользуется, смысл тратить на нее тепло? Вряд ли у леди Лидделл сегодня было время там сидеть.

– Ты знаешь, где искать вино, – сказал он Ренару.

Тот улыбнулся в ответ и отвесил глумливый поклон.

В его взгляде можно было прочесть что-то, похожее на благодарность. И осуждение тоже, потому что Кондор в очередной раз тактично сбегал, отговариваясь работой или исследованиями.

На самом деле, Ренар был прав. Это все – печальная ерунда.

Стук в дверь отвлек меня от важного дела. Я пыталась разобраться в титулах дворянства, поэтому старательно рисовала в блокноте майнд-карту. К счастью, в моем рюкзаке был и блокнот, и обычная шариковая ручка.

Потому что попытка писать пером, вставленным в деревянный держатель, закончилась чернильными пятнами на пальцах и брызгами.

Я отложила конспект в сторону, встала с дивана и открыла дверь, не спрашивая, кто там.

За дверью стоял Ренар. Приветливая улыбка на его лице сменилась подчеркнутым удивлением.

— А вы очень смелая девушка, леди Лидделл, — сказал он с доброй усмешкой и шагнул вперед — мне пришлось отступить. — Открываете двери, не поинтересовавшись, кто за ними стоит.

— Так в замке же нет чужаков, — парировала я.

Ренар держал руки за спиной и хитро смотрел на меня.

— Ни чужаков, ни призраков, конечно. — Он пожал плечами. — Но я бы на твоём месте все равно спрашивал. Из вежливости. Чем занимаешься?

Он вытянул шею, пытаясь заглянуть ко мне за плечо, словно мог отсюда разглядеть, что там, в моих тетрадках, написано.

Теперь плечами пожала уже я — и спрятала руки за спину, потому что не знала, куда их деть. И что делать с незванным гостем, я тоже не знала.

— Учусь, — сказала я. — Разве у Сильвии нет строгих правил...

— Я ненадолго. — Он расплылся в улыбке и торжественно вручил мне что-то, завернутое в бумагу. — Вот.

— Что это?

Сверток оказался мягким, словно в нем лежало что-то вроде шарфа.

– Подарок, – пояснил Ренар. – У нас, знаешь ли, есть традиция дарить друзьям подарки на Солнцестояние. До него, конечно, еще пара дней. – Он следил за тем, как я тяну за кончик коричневой бечевки и развязываю узел. – Но мне очень хочется, чтобы твои ноги не мерзли долгими зимними вечерами.

Это были носки, высокие, такие, что достанут почти до колена, из темно-серой шерсти. Я недоуменно моргнула и посмотрела сначала на носки в своей руке, а потом на Ренара.

Я не знала, что и сказать, поэтому просто позволила ему обнять меня и поцеловать в щеку.

Он был теплым, очень, и еще от него пахло дымом, табаком и, кажется, вином. Мне захотелось уткнуться носом в его жилетку и постоять так сколько-то времени, но я слишком хорошо понимала, что этого делать нельзя.

– С-спасибо... – выдохнула я, неловко отстраняясь. Ренар все еще держал меня за плечи и улыбался. Как младшей сестре. – Но я должна подарить что-то в ответ, а у меня...

Нет денег. Точнее, есть, но где-то на счету в столице, но даже если бы и были – где я их потрачу?

Я прикусила нижнюю губу и постаралась смотреть куда-то в сторону, за спину Ренара.

– Твоей благодарности достаточно, котенок, – успокоил он меня. – Впрочем... – Он хитро сощурился. – Ты можешь все-таки пойти со мной на танцы в город. Это будет чудесный подарок.

– Но...

– Я обещал тебе, что уговорю Кондора. – Он не стал даже слушать, что я там хотела возразить. – И я сделал это. Не отказывай себе в удовольствии немного повеселиться, милая, мне кажется, ты это заслужила.

Ренар кивнул в сторону дивана, на котором лежали мои конспекты и пара тяжелых книг.

«Мой отказ, – подумала я, – может его расстроить. Тем более, у меня действительно нет никаких причин отказаться».

– Тем более, – сказал Ренар, словно угадал мои мысли. Наши взгляды встретились. Мой собеседник сейчас был по-странному серьезен. – У тебя есть все. И платье. И сопровождающие.

– Хорошо, – сказала я и улыбнулась. Наверное, не очень искренне. – Ты меня уговорил. Но если я весь вечер просижу унылым мешком в углу, не жалуйся.

– Если ты думаешь, что я дам тебе возможность скучать, – он ласково потрепал меня по голове, – ты очень сильно ошибаешься. Доброй ночи, леди Лидделл. – Ренар осторожно сжал мою ладонь, ту, которая была свободна. – Завтра будем учить тебя танцевать.

Он с легким поклоном сделал шаг назад, к дверям.

– В смыс... – выдохнула я.

– Ну, чтобы ты точно не скучала. – Ренар улыбнулся мне и легко потянул дверь на себя. – Так что выспись хорошенько. – Он вдруг стал строже. – И в следующий раз спрашивай, кто за дверью.

Лютню Лин взяла с собой – или у нее имелась запасная в замке, не знаю. Но когда я утром следующего дня пришла в оружейную, в которой меня планировали учить танцевать и двигаться, как полагается леди моего положения, леди Айвеллин сидела на подоконнике, обняв инструмент. Ее брови были нахмурены, как у любого, кто занимается чем-то, что требует сосредоточенности, губы плотно сжаты.

Она переставляла пальцы на грифе лютни, но не касалась струн другой рукой, лишь отстукивала ритм по корпусу.

Лин была так увлечена этим делом, что заметила мое появление, только когда я демонстративно кашлянула, привлекая ее внимание.

Пальцы застыли на половине движения.

Она подняла взгляд на меня и приветливо улыбнулась.

Платье на ней было то же, что и вчера.

– Ах, это леди Лидделл, – почти пропела Лин, тряхнула левой кистью, сбрасывая напряжение, и пару раз сжала и разжала пальцы. – Как спалось?

Я буркнула что-то вроде «спасибо, нормально», растерявшись, а потом чуть приподняла юбку справа и не очень изящно изобразила книксен.

Улыбка Лин стала куда более искренней.

– Вижу, ты не забыла то, чего мы касались вчера.

– О нет, – ответила я, пряча руки за спину. – Но я бы повторила тему столовых приборов. Разница между чайной и кофейной ложечками все еще слишком трудна для меня.

– Зато умение язвить, как я вижу, дается легко. – Лин обняла лютню и качнула ножкой в изящной туфельке. Только сейчас я поняла, что она сидела, закинув ногу на ногу. – Будь осторожнее с этим, прелестное дитя. Не всем нравится, когда рядом кто-то демонстрирует острый ум. Особенно, если речь идет о юной даме вроде вас.

Она сказала это беззлобно, скорее, с доброй иронией, но я почувствовала укол совести, смутилась еще больше и закусил губу.

Лютня с глухим стуком легла на подоконник.

Лин встала – нет, перетекла из одной позы в другую легким, плавным движением, – и с явным наслаждением потянулась.

– Дождемся твоего партнера – и начнем, – сказала она, обходя меня по кругу, словно пыталась оценить платье.

То самое, зеленое, мое первое собственное платье в этом мире.

Оказавшись у меня за спиной, Лин бесцеремонно положила руки мне на плечи и заставила свести лопатки вместе. Это было так неожиданно, что я даже не возмутилась, только выдохнула и удивленно вытаращилась в пространство.

Со стены на меня смотрели герои прошлых эпох, сияя доспехами.

– Вот так лучше. – Руки Лин все еще лежали у меня на плечах, удивительно тяжелые и очень теплые. – Постарайся не сутулиться.

Я смогла лишь сдержанно кивнуть и постаралась держать спину прямо, даже когда Лин вернулась на подоконник.

– Не бойся так, – сказала она, рассматривая меня, словно прикидывала, что еще нужно во мне поправить. – Придворные танцы простые и скучные. Большую часть времени люди ходят под музыку по кругу, кланяются и иногда хлопают в ладоши.

– Я не боюсь, – нахмурилась я.

Взгляд Лин стал насмешливым.

– Ложь красит леди еще меньше, чем сутулость, – сказала она с той серьезностью, с которой люди цитируют что-то, над чем в глубине души смеются. – Ты боишься. Я только не могу понять чего.

Я скрестила руки на груди и не стала ей отвечать. Просто подошла и тоже села на подоконник, держась от Лин подальше – настолько, насколько это было возможно.

За моей спиной был серый, хмурый зимний день – полная противоположность вчерашнему.

В воздухе пахло духами Лин, нарциссами и свежескошенной травой. Не так ярко, как вчера в Зеленой зале, но все равно.

Чего я боялась?

«Может быть, – подумала я, рассматривая носки собственных ботинок – коричневых, куда проще, чем туфли Лин, – может быть, я боюсь выставить себя еще большей дурой, чем чувствую? Опозориться, оказаться вдруг неуклюжим бревном, которое не может двигаться вот так – легко и плавно? Где проще стать посмешищем, в толпе придворных или вот здесь? Перед кем я больше боюсь упасть носом в паркет, перед Лин или перед Ренаром? Или перед ними обоими, потому что...

Лин чуть наклонилась, вытянулась вперед, чтобы помахать рукой Ренару, который появился у входа в зал.

Я почувствовала, как живот свело от паники.

Ренар двигался с какой-то ленивой грацией, как человек, которому некуда торопиться и не о чем жалеть. Когда он поравнялся с нами, на его лице расцвела довольная улыбка, тоже ленивая, словно он не сильно хотел улыбаться – оно само так получилось. Он кивнул Лин и, подойдя еще ближе, ласково потрепал меня по голове как вчера вечером.

В другой его руке была бутылка из темно-зеленого стекла.

Я заметила, как по лицу Лин скользнула тень удивления:

– А вино-то тебе зачем? – спросила она.

– М-м... – Он бросил взгляд на бутылку и чуть приподнял ее, словно проверял, сколько там еще осталось. Оставалось, судя по всему, не очень много. – Кто сказал тебе, мой цветочек, что это вино? – говорил он чуть хрипло, словно проснулся вот совсем недавно.

Лин наклонила голову набок, всем своим видом показывая, что внимательно слушает.

Ренар перехватил мой взгляд и подмигнул мне. Он чуть щурился, когда смотрел на свет.

– Это волшебное зелье храбрости, – с совершенно серьезным лицом пояснил он. – Я захватил на всякий случай, а то, знаешь ли, некоторые барышни, как я успел заметить, склонны предаваться панике на ровном месте. Держи, милая. – Он протянул мне бутылку, все еще серьезный до невозможности. – Никаких чар, как ты любишь. Но очень, эм... действенно.

Я замерла в растерянности.

Лин, кажется, не знала, смеяться ей или строго хмурить брови. Она забрала бутылку у Ренара, задвинула ее в угол подоконника и мягко сжала мою ладонь.

– Я думаю, мы и так справимся.

– Да? – Ренар скептически поднял бровь. – Ну... Тогда мы можем начинать.

Он поклонился, тонко улыбаясь, и протянул мне руку.

Правила существовали не для того, чтобы кому-то вроде меня жизнь испортить, конечно. Правила были нужны, чтобы сохранять порядок. Подчеркивать статус, разделять и властвовать. Знать, кто ты и какое место занимаешь в этом мире. Уважать того, кто занимает иное место, не обязательно более важное и высокое, чем ты.

Выучить эти правила оказалось не слишком сложно, и здесь Ренар был прав: если вести себя вежливо и естественно, половина вопросов снималась сразу.

С танцами все было чуть хуже.

Не знаю, что мне мешало больше, застенчивость или неуклюжесть.

Или то, что я не могла воспринимать всерьез эту последовательность кивков, поклонов и расшаркиваний друг перед другом.

Придворные танцы действительно оказались простыми и скучными. Их танцевали для того, чтобы вести беседу и флиртовать – чем Ренар и занимался, то и дело заставляя меня забывать, с какой ноги я должна делать шаг вперед.

Я в очередной раз оступалась – он ловил меня, смеялся и напоминал, что ноги у меня всего две, но я умудряюсь путаться в них.

Это почти ничем не отличалось от того дня, который мы провели на озере, если не считать присутствия Лин и ее лютни.

И запаха нарциссов.

Мне казалось, что этот запах окутывал меня, словно бы Лин, после того, как поняла, что ее чары больше на меня не действуют, сменила тактику. Она была теплой – и она была везде. Она была ярким пятном рядом с серым окном: платье цвета морской волны, золотистые локоны, узоры на рукавах. Она была музыкой, которую я слышала, в моей голове звучал ее голос, потому что мой вчерашний день весь состоял из этого голоса. В прохладном зале, сумрачном, потому что за его стенами сейчас был пасмурный зимний день, пахло весенними цветами и свежескошенной травой.

Казалось, этот запах зацепился даже за Ренара, перебив привычный уже табак.

Это... отвлекало.

Мне очень хотелось спросить у Лин, что она такое, понять, чары это – или шутки моего разума, но я пока была занята другим. И не знала, наберусь ли однажды смелости для таких вопросов.

Ренар дождался, когда я закончу обходить его по кругу, как требовал танец, отпустил мою руку, которой едва-едва касался, и поклонился мне, а я поклонилась в ответ. Лютня замолчала. В наступившей тишине я пыталась перевести дыхание и держать спину ровно.

– Ну что? – спросила Лин. – Все оказалось не так уж страшно?

Я растерянно моргнула и покачала головой.

– Все это выглядит так... просто. На первый взгляд. А я думала, что такому учатся с детства, – призналась я.

– Это действительно несложно, – ответила Лин и задумчиво посмотрела куда-то в пространство, словно подбирала слова. – Если бы ты родилась в дворянской семье, и у тебя были бы сестры, ты бы танцевала с одной из них. Почти с детства. Возможно, у вас был бы приглашенный учитель. Если бы ты была единственным ребенком, у тебя были бы подруги для подобных развлечений. Возможно, у вас тоже был бы приглашенный учитель и чьи-нибудь старшие братья. Или знакомые. Танцы – не искусство, Мари. – Она снова взяла в руку вилку. – Это общение.

– И развлечение, – добавил Ренар.

Он стоял, привалившись плечом к стене и скрестив руки на груди.

– И убийство времени. – Лин пожала плечами. – Вся жизнь девушки из действительно благородной семьи состоит из изящных способов убивать время.

Я заметила, что Ренар посмотрел в ее сторону, и на его лице мелькнула тень.

– Ну... – задумчиво сказала Лин. – Для первого раза весьма неплохо, леди Лидделл. Думаю, вы полностью заслужили возможность прерваться на что-то более приятное. На обед, например.

– Мы все это заслужили, – фыркнул Ренар.

– О, несомненно. – Лин ловко спрыгнула с подоконника. – Не забудьте ваше... зелье храбрости. Незачем оставлять его здесь.

Вечером библиотека была уютнее, чем днем.

Она была темной – в достаточной мере, чтобы в ней хотелось оставаться, но не слишком темной, чтобы тебя напугать. Оранжевые кристаллы на стенах и у стола, на некоторых полках и почти под потолком разгоняли темноту, но их свет, теплый и мягкий, не бил в глаза. Все было бы хорошо, конечно, если бы библиотека не была занята.

– Доброго вечера, Кондор, – сказала я и поплотнее прижала к груди «Книгу лордов».

Волшебник оторвался от книги, которую читал, и посмотрел на меня, чуть рассеянный, похожий на встревоженную птицу.

Он сидел за столом, чуть качаясь на стуле, в окружении книг, раскрытых, закрытых, лежащих друг на друге, стоящих стопками из нескольких внушительных томов. Когда я зашла, я не сразу поняла, что за этим нагромождением прячется человек.

– Уже почти ночь, леди Лидделл, – ответил Кондор и вернулся к чтению. Не без усталого вздоха, словно само мое появление доставило

ему массу неудобства. – Я ценю ваше рвение к знаниям, но призываю не увлекаться. Чтобы не стать кем-то вроде одного занудного вредного чародея.

Кажется, у вредного чародея очень хорошее настроение.

Я не хотела ему мешать, но особого выбора у меня не было.

– Я пришла вернуть то, что мне уже не нужно, – сказала я. – Но проблема в том, что я не знаю, с какой полки сняли эту книгу. Она ждала меня на столе.

Кондор снова посмотрел на меня.

– Так оставь ее... м, точно. – Он скользнул взглядом по столу и усмехнулся. – Оставь ее на подоконнике. Поверь мне, ее вернут на место.

– Спасибо.

Я последовала его совету и положила книгу на подоконник.

Кондор не смотрел на меня. Он был подчеркнуто занят: то ли пытался так показать мне свое полное безразличие, то ли наоборот – старался не смущать меня своим вниманием. В раскрытых книгах вокруг него я видела какие-то таблицы, заполненные цифрами и непонятными мне значками, символы и схемы, чертежи и непонятные мне рисунки.

Понятное дело, что магия, но...

Кажется, я слишком медленно двигалась к выходу.

– Ты хотела что-то еще? – спросил он, все еще не отрываясь от книги.

– Нет... эм... – Руки сами собой потянулись за спину. – Да, хотела.

Он посмотрел на меня, подперев щеку ладонью.

– Помочь тебе выбрать сказку на ночь?

– У меня есть правила этикета, – ответила я. – Лучше снотворного не найти.

Но, конечно, простого легкого почитать мне тут не хватало.

Ничего, разберусь и попробую узнать, как здесь обстоят дела с литературой.

– Я насчет праздника, – сказала я. В глазах Кондора мелькнул интерес. – Ренар сказал мне, что ты разрешил.

– Это так, – он коротко кивнул.

– Спасибо, – выпалила я.

Кондор удивленно уставился на меня.

– Пожалуйста, леди Лидделл. – Он пожал плечами. – Мне это ничего не стоило, поверь. Но раз уж ты настроена на беседу... – Книга была отодвинута в сторону, и Кондор кивнул мне на стул напротив. – То присаживайся. Это приглашение, не приказ, – добавил он и, кажется, попытался улыбнуться.

Я села на краешек стула, чувствуя себя очень неловко.

От Кондора это не скрылось.

– Ты опять трясешься так, словно я собираюсь тебя сожрать, – сказал он устало. – А я лишь хотел сказать, что, по словам Лин, ты делаешь успехи. Схватываешь все быстро и задаешь нужные вопросы.

– Как мило с ее стороны рассказать тебе это, – буркнула я.

И пожалела об этом, потому что Кондор осуждающе покачал головой.

– Это часть ее работы, Мари, а не моя прихоть и не ее желание сплетничать о тебе. Спасибо тебе за то, что ты стараешься.

Теперь плечами пожала я:

– Всегда пожалуйста. Я просто держу в голове то, что чем лучше я сыграю эту роль, тем быстрее для меня все закончится.

Я подняла на него взгляд.

– Я понимаю твоё стремление побыстрее избавиться от моей компании, – сказал волшебник задумчиво. – Но... если позволишь, дам тебе совет.

Я развела руками, мол, давай попробуй.

– Пока ты здесь, – сказал Кондор. – Ты именно здесь. Было бы неправильно просить тебя получать от происходящего удовольствие, милая, но, поверь, тебе самой будет куда лучше, если ты постарайся прожить это время здесь, а не замыкать себя на мысли о том, как бы побыстрее сбежать.

– Резонно, – ответила я.

– И я ни за что не поверю, что ты пришла сюда лишь затем, чтобы вернуть книгу. – Кондор наклонил голову набок. – Ты хотела что-то найти?

Я смутилась. Он был прав, но я не хотела признаваться в том, что пришла сюда, чтобы найти что-то еще, кроме «Ars Magica», что могло бы помочь мне понять, как работают местные чары. Поэтому я соврала.

– История мира, – сказала я. – Карты и справочники. И, пожалуй, ты прав. Сказка на ночь. – Я окинула взглядом ряды полок, заставленных тяжелыми томами. – Но, подозреваю, вряд ли тут есть что-то, что хоть сколько-то похоже на сказки на ночь.

– Возьми книгу про леди Франческу, – посоветовал Кондор и снова уткнулся в то, что читал. – Девуцы твоего возраста, говорят, от нее без ума.

– Вот как...

Выглядело все так, словно меня послали, потому что волшебнику надоело со мной возиться. По крайней мере, на сегодня с него хватит.

К моему удивлению, Кондор захлопнул книгу и встал из-за стола.

– Я передам слугам, что тебе нужны карты и справочники, – сказал он. – Чтобы ты сама не лазила здесь, рискуя свалиться со ступенек.

«Какая восхитительная забота», – подумала я.

Кондор тем временем прошелся вдоль полок и выудил откуда-то уже знакомую мне «Прекрасная леди Франческа. Роман». Чуть потертый переплет, атласная ленточка между страниц, золотое тиснение, изящные буквы...

– Поверь мне, – сказал Кондор, протягивая книгу. – Это куда более действенное снотворное, чем правила этикета.

– Но ты же сказал, что...

– Девуцы твоего возраста от нее без ума, да. – Он пронаблюдал за тем, как я открыла книгу и посмотрела на титульник. – Но ты – не местная девушка. И мне интересно...

– Хорошо, – хмыкнула я. – Спасибо за совет.

– Всегда пожалуйста. – Он улыбнулся. – Не будешь против, если я провожу тебя?

– Ты же занят был? – спросила я не без сарказма.

– Мне нужно проветрить голову. – Волшебник мягко подтолкнул меня к выходу. – И прогулка с леди по темным коридорам замка мне не помешает.

– Собираешься оберегать меня от призраков?

Он приоткрыл дверь, пропуская меня вперед:

– В замке нет призраков, милая.

– Да? – ехидно переспросила я. – Знаешь, Кондор, меня очень интересуют некоторые вещи, но все время не хватало времени и

смелости о них спросить.

Кондор покосился на меня, явно ожидая, что вопрос я все-таки задам, но я медлила, пытаюсь понять, как задать его правильно.

Я уже привыкла к тому, что почти не видела слуг, работающих в замке.

Я не знала, кто вытирает пыль, меняет простыни, убирает золу из каминов и складывает рядом маленькие ровные поленницы. Одежда, которую я оставляла за ширмой в ванной комнате, возвращалась ко мне чистой. Обеды и ужины, если их накрывали в столовой, были уже готовы к тому моменту, как я заходила в комнату. Если я ела у себя в покоях, то обнаруживала поднос в гостиной. Иногда его приносила Сильвия, но чаще он просто оказывался на столике рядом с диваном.

Догадаться, что дело в магии, не стоило больших трудов.

Я посмотрела на Кондора снизу вверх.

— Две горничные — этого мало для такого большого замка, я права?

Волшебник сощурился. Он шел рядом почти шаг в шаг, так что мне не приходилось бежать вслед за ним.

— Все верно, — сказал он. — Две девицы из окрестных деревень — этого слишком мало для большого замка. Даже если в нем живет всего три человека, не слишком склонных к роскоши.

— И фундамент замка построен в такие древние времена, — напомнила я. — Что в некоторые углы лучше не смотреть.

Кондор молча усмехнулся и кивнул.

— Здесь нет призраков, но есть кто-то другой? — спросила я прямо.

Кто-то, кто превращает грязную одежду в чистую, убирает вещи на места и зажигает кристаллы в темных коридорах, когда ты бежишь по ним, злая и грустная, очень обиженная на одного там волшебника, который повел себя, как дурак.

— Здесь есть богарты, — сказал Кондор. Он заложил руки за спину, словно не знал, что с ними делать, и смотрел не на меня — прямо перед собой. — Это домовые фэйри. Они безобидные, но очень не любят пристальное внимание к себе.

Я почувствовала, как вдоль позвоночника проползло что-то холодное, и вздрогнула.

— Но Ренар, по его словам, знает их и регулярно играет с ними в карты, — добавил Кондор. — Я верю ему, хотя сам ни одного так и не встретил. Может быть, если я прикажу им явиться, они появятся, —

продолжил он. – Но я не хочу им приказывать. Это что-то вроде соблюдения договора с моей стороны. – Он посмотрел на меня. – Ну что, милая? Не страшно?

– Чуть-чуть, – призналась я. – Поэтому Сильвия просила меня не выходить из покоев ночью?

Кондор кивнул:

– В том числе. Не надо мешать честным ребятам выполнять их работу, – улыбнулся он. – Но и эти коридоры, знаешь ли, ночью не самое приятное место. На мой взгляд.

Мне оставалось лишь согласно кивнуть.

Какое-то время мы шли молча. Кристаллы в коридоре тускло светили, едва разгоняя ночную темноту. Тишину нарушали только наши шаги – еле слышные и мягкие там, где на полу лежали ковровые дорожки, и отчетливые, когда мы шли по каменным плитам или по паркету. Кроме нас, в коридорах никого не было. Только тени, редкие картины на стенах и барельефы.

Ночью здесь и правда было не очень уютно.

– Скажи мне, – спросил вдруг Кондор. – Если леди Айвеллин пригласит тебя выпить чаю с ее сестрами... я имею в виду – с ее сестрами с человеческой стороны, – уточнил он. – Ты примешь приглашение?

Я пожала плечами:

– Почему нет?

Он посмотрел на меня, чуть задрав подбородок.

– Хорошо, – кивнул он. – Лин думала об этом, но ей показалось, что ты ее побаиваешься.

Я хмыкнула, но, кажется, это прошло мимо моего собеседника.

– Если ты не против, я передам ей завтра и после праздников отведу тебя в Лоссе. – Голос Кондора звучал почти устало. – Если ее матушка, конечно, будет не против.

– А она может быть против? – удивилась я.

– У леди Вирини свои взгляды на то, кого она может и не может принимать в своем доме, – ответил Кондор. – Может статься так, что ты окажешься нежеланной гостьей. Но у Лин есть свои... методы, – ухмыльнулся он.

– Я заметила, – съязвила я.

Кондор снова покосился на меня и покачал головой, словно бы осуждал эту мою неприязнь.

Я же не стала говорить ему, что рядом с Лин все еще чувствовала себя неуклюжей, некрасивой глупышкой, и оттого, что она была со мной более чем мила и приветлива, мне легче не становилось.

– Мы пришли.

Волшебник остановился в паре шагов от дверей, ведущих в мои комнаты, и, прислонив правую руку к груди, коротко кивнул мне.

– Доброй ночи, леди Лидделл.

– Спокойной, Кондор, – ответила я, придерживая книжку локтем. – Спасибо, что проводил.

Он слабо, через усилие улыбнулся.

– Спасибо за беседу, – сказал он и добавил: – И правда, не выходи в коридоры ночью без надобности.

– О, поверь мне, – сказала я, задрав подбородок. – И не подумаю.

На самом деле, я соврала.

Закинув «Леди Франческу» на прикроватную тумбочку, я подхватила один из тяжелых серебряных канделябров, свечи в котором легко зажглись от волшебного огонька зажигалки, и, выждав некоторое время, высунулась в коридор.

Он был тих и темен, даже кристаллы не горели, словно замок – или то, что жило в нем и управляло всем этим, кристаллами, водой, потоками воздуха, появлением еды на столе и подносов у меня в гостиной – в общем, словно это что-то решило, что свет уже никому не нужен, потому что нечего всяким девицам шлаться здесь, пока честные люди – и не люди – спят.

Меня вело любопытство и отчасти – желание делать все наперекор.

Я прошла мимо окон, отодвинула портьеру от одного из них – и увидела свое отражение в темном стекле, блики огня в глазах, искаженное темнотой лицо, почему-то показавшееся мне слишком несчастным и напуганным.

За окном, если всмотреться, можно было различить очертания гор и замковую стену, но я не успела всмотреться.

– Вы что-то ищете, миледи?

Я развернулась, испуганно вздохнув и чуть не погасив неловким движением свечи.

Сильвия стояла у меня за спиной, как всегда – прямая и высокая, как всегда – в темном платье. Волосы ее все еще были собраны в узел, скрепленный парой деревянных шпилек, похожих не то на сухие веточки, очищенные от коры, не то на тонкие белесые косточки.

Появилась она, конечно, абсолютно бесшумно.

– Решила... эм... проветрить голову, – соврала я.

– Вот как? – Она подняла одну бровь. – Прогулки с господином волшебником вам не хватило?

Мне осталось лишь прикусить губу и помотать головой, стараясь, чтобы чувство вины не проступило на лице, как свидетельство моего обмана.

Перед Сильвией мне почему-то стало очень стыдно.

Она вздохнула, словно бы все поняла.

– Идите спать, леди Лидделл, – сказала она мягко. – У вас был длинный день, и завтрашний, поверьте, вряд ли будет короче. Выспитесь хорошенько. – Она вежливо улыбнулась и проследила за тем, как я скользнула в сторону своих комнат. – И помните, миледи, я здесь, – добавила она, перехватив мой взгляд у двери. – Если что-то понадобится, вы всегда можете меня позвать.

Хёльда позволяла темноте смотреть через себя. За это темнота показывала ей самой то, что Хёльда не заметила бы. Не узнала бы, потому что смотрела бы не в ту сторону, в которую нужно.

Это был союз, почти партнерские отношения, как сказал бы кто-нибудь, кто смыслил в партнерских отношениях и в отношениях вообще чуть лучше, чем Хёльда. Сама Хёльда не называла это никак. Она вообще не задумывалась о том, что получает что-то взамен. Для Хёльды это было то же самое, что насвистывать мелодию, когда тебе весело, или пританцовывать, если ты слышишь музыку.

Или бояться, если страшно.

Удивляться, когда есть чему.

У темноты не было ни глаз, ни рта, ни носа, чтобы чувствовать запахи. Она не была ни злой, ни доброй, голодной и алчной она тоже не была. Темнота не была ничем, кроме себя самой, и Хёльда чувствовала ее внутри себя как нечто постоянное. Неизменное. Способное вернуть тебя к самому себе, куда бы ты сам от себя ни отошел.

Кто-то более умный, знающий мудреные слова, сказал бы про точку баланса, или про константу, или про что-то такое вот, но Хёльда предпочитала умным словам свои мысли. В ее голове их было много, этих мыслей, и не только ее собственных, но и тех, которые принадлежали другим – и были слишком громкими. Или слишком яркими.

Поэтому Хёльда не слишком любила быть среди людей, но сегодня – о, сегодня была особая ночь!

Она выдалась звездной и холодной, ровно такой, как надо. Звездной, холодной и громкой. И полной огней: сотни свечей и факелов, фонарей и костров – каждому хватит, чтобы согреться и осветить путь. Каждому хватит, чтобы не потеряться в темноте зимней ночи, самой долгой ночи года, самой глубокой.

Хёльда знала, насколько она глубока и что там, в этой глубине, прячется что-то, очень древнее, тоже – темное, но другое. Не злое, не доброе, но голодное, а потому – полное беспокойства. Этот голод и это беспокойство тоже были старыми, почти как весь этот мир. Потому и зажигались огни, потому и льнули друг к другу люди – громкие и теплые люди, от которых пахло дымом, еловыми ветками и тем красным и вязким, что текло у них внутри.

Темнота, с которой Хёльда делилась собой, к крови была равнодушна. Ей куда больше нравился след историй, который тянулся за некоторыми из людей, как длинная размытая тень. Темнота умела читать эти истории и охотно делилась ими с Хёльдой.

Она брала их из теней, из отражений, из призывков в чужих голосах, из взглядов, брошенных в сторону, из печальных морщинок и смеха в уголках глаз. «Смотри, – говорила темнота, – смотри и слушай», – и Хёльда превращалась в зеркало, в дверь, в полотно, на котором проступали истории. Мир был полон ими, как утренний лес

полон птичьим гомоном, многоголосием весны. Как зимняя ночь – полна огней и музыки.

Темнота умела быть милосердной. Среди этих огней и музыки она вела Хёльду вперед, в то место, где ей надлежало быть, мимо чужих историй, как через коридор, стены которого были прозрачны. Там, за этими стенами, возникали силуэты, скользили тени, Хёльда замечала их краем глаза, слушала вполуха отзвуки чужих голосов, смех и песни.

Герхард Оденберг давно лег спать, плотно закрыв тяжелые портьеры в комнате, окна которой выходили на задний двор его дома. Он не любил праздники, он вообще никого не любил – любовь спала на самом дне его существования, изгнанная за то, что сделала ему больно. Хёльда знала, что он не видит снов, даже сегодня: рядом с кроватью Герхард Оденберг держал зелье, которое глушило воспоминания и делало сон похожим на непроницаемую темноту подземелья.

Человек, который управлял этим городом, почти владел им – как он привык думать – сейчас сидел у камина в гостиной, среди семьи, но чуть в стороне от нее. Он был доволен всем: семьей, камином, прошедшим годом, яркостью кристаллов, за которые он заплатил куда больше, чем иной семье нужно, чтобы прожить целый год, праздничной едой на своем столе. Он пойдет спать вскоре после полуночи, еще не зная, какие хлопоты готовят ему ближайшие дни.

Там, впереди, в смутных силуэтах будущего, еще не до конца определенного, проступали тени, о которых не хотелось думать.

Человек, который следил за порядком в городских стенах, спать сегодня почти не будет. Он веселился – по-своему, как человек, привыкший к бремени ответственности за других. Он хороший человек, очень хороший, он умеет радоваться чужой радости, как своей, и Хёльде было жаль его – самую малость. Если бы она вдруг оказалась рядом с ним сейчас, она бы извинилась – заранее, но они были далеко, на разных концах города.

Темнота привела Хёльду к деревянным ступеням, к лестнице большой таверны. На перилах висели венки, перевитые лентами. Внутри было тепло и громко, оченьлюдно, и кто-то, кто был нужен Хёльде, был сейчас там.

Хёльда нырнула в тепло и спряталась, позволяя темноте укрыть ее от чужих взглядов, сделать незаметной до тех пор, пока ей не нужно будет, чтобы кто-то ее заметил. Здесь, в этом месте, пришлось

открыться и позволить себе слышать и видеть все, что происходило. Мир обрушился на Хельду лавиной, жестокой и яростной, так бывает, если выйти в яркий, солнечный день из темноты. Пришлось ждать, пока темнота вернется на свое место и позволит Хельде увидеть главное. Начать искать. Вытаскивать из потока чужих историй отдельные течения.

Серебристую радость младшей дочки человека, владевшего мельницей: на ее голове сегодня был венок, почти корона Зимы, знак, что она здесь, сейчас – самая красивая девушка. Веселую усталость музыкантов. Чье-то желание хвастаться, нарваться на драку, еще не созревшее для действия, но уже четкое, как след на снегу. Чью-то печаль, скрытую за колкостью. Присмотревшись, Хельда могла бы узнать причину каждой печали, каждой вспышки злости или радости, рассмотреть, из чего оно выросло, что скрывалось в памяти любого, кто оказался достаточно близко, чтобы она могла в него посмотреть.

Но она пришла не за тем.

Впрочем, каждый, кто может смотреть и видеть, однажды видел такое, после чего переставал быть слишком любопытным. Хельде нужен был кое-кто особенный.

Кто-то, чей путь сюда было сложно отследить, потому что след терялся где-то в пустоте.

Кто-то, кто был похож на выдернутое с корнем растение.

Кто-то, чья река жизни текла из ниоткуда, с другой стороны, осколок, камешек, попавший в жернова.

Чужак.

Хельда перекинула через плечо косу, в которую в честь праздника были вплетены разноцветные ленточки и мелкие стеклянные бусинки, искрящиеся в свете огня, и посмотрела в угол, где кто-то прятался – то ли от толпы, то ли от самого себя.

Если бы темнота, которая смотрела на мир через глаза Хельды, умела кивать, она бы кивнула.

К середине вечера мне начало нравиться всё. Ну, почти.

Мне нравился эль – чуть горьковатый, отдающий пряностями. Я пила его из глиняных стаканов, уютно устроившись на лавке в углу рядом со своими спутниками. Мне нравились имбирные пряники, которыми здесь угощали. Пряники были несладкие и с элем сочетались отлично. Мне нравились запахи еды, хвои и дыма, мне нравилась музыка и музыканты, все в красном и зеленом, в одинаковых шляпах с чуть загнутыми полями. Мне нравилось смотреть на танцующих, хотя я не рисковала присоединиться к ним.

Согревшись и избавившись от волнения, с которым я ждала этой вылазки, я скрестила руки на столе и положила на них подбородок, наблюдая за людьми вокруг.

Потом Ренар принес еще эля и яблоко – красное. Это мне тоже нравилось.

Кондор сидел справа от меня, хмурый и недовольный всем вокруг.

Он почти не пил, только поднял пару раз стакан – для вида, когда один из музыкантов, тот единственный, чья шляпа была украшена серебряной брошью с затейливым вензелем, предложил всем выпить за что-нибудь очень важное и хорошее.

За здоровье короля, например.

Поди не выпей за такое.

Еще в замке мы договорились, что каждый играет свою роль. Кондор – странствующего колдуна, я – его помощницы, а Ренара и так здесь знали и его знакомству с каким-нибудь странствующим волшебником не удивились бы. Мне было страшновато до холодного комка в животе, но потом я пригрелась – и страх исчез.

Только хмурый волшебник рядом стал чем-то вроде камушка в ботинке.

Можно было бы не обращать на него внимания, но у Кондора обнаружился удивительный талант – недовольно молчать и хмуриться так, что это было заметно, даже если ты не хочешь этого замечать. Или, может быть, дело было в моей совести.

Или в том, что Ренар уже трижды звал меня танцевать, а я боялась и уговаривала себя, что Ренару и без меня весело, а мне совесть не

позволит оставить тут человека одного скучать. Наверное, будь с нами Лин, я бы чувствовала себя чуть иначе, но Лин не было. Утром, когда я проснулась, она уже ушла – точнее, Кондор отвел ее – в Лоссе, к семье.

Потому что Ночь Хёга, зимнее солнцестояние – праздник, который принадлежит семье. Если у тебя, конечно, есть семья или ее подобие.

Но, судя по тому, как много людей было в таверне и на улице, не все придерживались таких взглядов.

– Люди разные, – усмехнулся Кондор, когда я спросила его об этом. – И семьи тоже. То, что принято среди аристократов и зажиточных горожан, не всегда подходит простым людям. Ну и сама посмотри вокруг. – Он задумчиво поднял стакан, словно проверял, осталось ли в нем еще что-то. – У тех, кто собрался здесь, еще нет своего дома. Или он еще есть, но принадлежит не им, а в их возрасте хочется...

– Веселиться? – подсказала я.

Кондор покосился на меня.

– Вроде того, – сказал он и снова замолчал.

Так громко, что мне захотелось сбежать, но бежать было некуда – только в танец. Туда, где в центре круга веселилась и пела девушка в красной юбке. Ее белые косы были уложены вокруг головы, чтобы не мешались, не били по спине в танце, а поверх них тот самый музыкант, самый главный, надел венки – ветки и ленты, крошечные колокольчики и сухоцветы. Красивый венок, почти корона.

Кондор, кажется, заметил, что я смотрю на девушку в венке. Он наклонился ко мне и кивнул в ее сторону.

– Праздники вроде этого, милая, очень... древние, – сказал волшебник почти шепотом. Судя по его прищуре, ничего хорошего я сейчас не услышу. – И уходят своими корнями к ритуалам, которые никому не показались бы, хм, веселыми.

«Ой, да что ты говоришь», – подумала я, но не сказала вслух. Только вопросительно подняла бровь.

Хочет выпендриваться – я что, против, что ли? Пусть выпендривается.

Это лучше, чем тяжелое молчание.

– Они выбрали эту девушку королевой зимы, невестой зимнего короля, – продолжил Кондор уже не ехидно, скорее – задумчиво. –

Почетная должность, и девица вправе испытывать гордость и радость. Но в далеком прошлом вместе с венком она удостоилась бы сомнительной чести быть принесенной в жертву. Ее отвели бы в лес и оставили там. В подарок зиме.

Он посмотрел на меня, словно ждал, что я изменюсь в лице, побледнею и начну заикаться.

Пожалуй, мне и правда стало жутковато, но не более.

— Очень мило, — я хрумкнула яблоком и поставила локти на стол.

— Потому я не очень люблю эти праздники, — добавил Кондор и отвел взгляд в сторону королевы вечера. — Слишком сильно в голове засело их истинное значение. Хотя, должен признать, эль сегодня и правда неплох.

Он посмотрел в свою кружку и сделал глоток.

Я подумала, что нелюбовь к праздникам — чудесная отговорка, когда тебе не нравятся танцы и музыка. «Может быть, он вообще не умеет танцевать», — подумала я. Хотя, наверное, всяких лордов-как-их-там с детства учат танцам так же, как леди, Лин говорила про это. Значит, все дело исключительно в дурном характере и немного в усталости.

— А вот ты шла бы, милая, повеселилась уже, — сказал Кондор. Сейчас он смотрел на меня почти сверху вниз. — Поймала кусок свободы перед скучной придворной жизнью, как говорит этот рыжий прохвост. За меня не переживай, мне не сложно и дальше изображать из себя украшение интерьера.

Я пожала плечами и решила, что буду воспринимать его молчание как нечто, ко мне совершенно не относящееся.

В конце концов, взрослый мальчик.

Когда Ренар в очередной раз потянул меня за рукав, предлагая вылезти и потанцевать, я решилась — и вылезла, вцепившись в его руку так крепко, словно боялась потеряться или ошибиться. Эль сделал меня смелее, чем я есть, но, кажется, грации не прибавил — и ловкости тоже.

— Держи меня крепче, — сказала я ему на ухо — мне пришлось встать на цыпочки.

Ренар улыбнулся мне и кивнул.

Его здесь знали и, кажется, очень любили, и девица, которая вдруг оказывалась рядом с ним, начинала притягивать взгляды, хочет она

того или нет. Мне было страшно упасть, но еще страшнее мне было от того, что если я упаду, то это увидят все, поэтому все, что мне оставалось, это крепче держать руку Ренара и пытаться не облажаться.

Правда, зря я боялась, лажали здесь все. Ошибались, едва не падали, а потом смеялись и ошибались опять и опять. Я отвечала улыбкой тому, чьи руки подхватывали меня, когда мы менялись местами, и старалась не наступить никому на ногу.

Эль правда сделал меня смелой – очень смелой и веселой. Стало все равно, чья рука лежит на моей талии, на чьих плечах – мои руки. Я следила только за тем, чтобы не оступиться, не упасть, хотя мне казалось, что в случае чего – поддержат и не позволят врезаться носом в дощатый пол. Я смеялась и весело качала головой, мне казалось, что я красиво кланяюсь, когда по танцу следовало это сделать, я легко скользила от партнёра к партнёру, я ловила в чужих глазах – карих, зеленых, серых, темных – отражение веселья и тепла, и отблески мерцающих свечей, и...

– Поймал! – Ренар склонился надо мной, а я почти лежала в его объятиях, касаясь пола только каблуками ботинок, и тихо смеялась, вытирая слёзы.

Толпа вокруг нас чуть расступилась. Мне показалось, что на миг я превратилась в центр местного мирка, который тут же завертелся дальше, забыв про меня. Девушка в венке проплыла рядом, тряхнув гривой белых волос – косы она расплела, я даже не заметила, когда это случилось. Запрокинув голову, я смогла увидеть её мелькающую рядом красную юбку и немного позлорадствовала. Самую малость. Потому что это не мне, а ей придётся замёрзнуть в лесу, дожидаясь волшебного жениха, у которого непременно будет мерзкий характер. И очень громкое молчание.

– Мари? – Ренар потянул меня за руку, чтобы не выкобенивалась и встала нормально. – У тебя все хорошо?

В его глазах читалась тревога.

Я лишь пожала плечами и улыбнулась – и меня тут же повело в сторону.

– Кажется, кто-то напился, – Ренар снова подхватил меня, обреченно вздохнув.

Его рука осторожно обнимала меня за талию. Очень теплая.

Я закинула руки ему на плечи и приподнялась на цыпочки, ткнулась носом в подбородок. Ренар замер, словно не ждал, что от меня ожидать. От него пахло элем и имбирем, дымом, потом, можжевельником, и еще он был такой теплый, что мне вдруг стало спокойно.

И мир вокруг превратился в ничто.

Ненадолго.

– Эй, голубки! – раздалось сбоку.

Мимо нас прошел мужчина с двумя кружками в руках.

Ренар утянул меня в сторону, поддерживая за плечи. Я прижалась к нему и глупо улыбалась, совершенно не думая, куда он меня ведет.

Дверь распахнулась, выпуская тепло.

На улице было свежо и холодно. Я улыбалась и выдыхала пар изо рта, вглядывалась в мерцающую огнями улицу, по которой шли люди, веселые и тоже пьяные, наверное, говорливые и громкие. Оранжевые отсветы фонарей со свечами, которые нес каждый в толпе, танцевали на каменных стенах, бархатная глубина неба манила тысячами звёзд – в городах моего прежнего мира их уже и не разглядеть за облаками, смогом и электричеством – откуда-то слышалось пение на незнакомом языке. Я стояла на крыльце, прижавшись к Ренару, грелась в его тепле, чувствуя, как он обнимает меня, чуть покачиваясь, словно пытаюсь убаюкать.

Мне казалось, что зимний мороз не причинит мне вреда.

– Ты пьяная, – раздалось над ухом. Для этого ему явно пришлось чуть наклониться, потому что я едва доставала макушкой до его ключиц. – И не знаешь, чего хочешь.

Я согласно кивнула, развернулась к нему и, снова привстав на цыпочках, потому что иначе не дотянулась бы, неловко поцеловала.

– Хорошо, – сказал Ренар тихо. Его глаза сейчас казались мне бездной. – Ты очень пьяна и совсем не понимаешь, чего хочешь.

В этот раз он меня не поймал, и я очень, очень больно упала. Не в прямом смысле, конечно.

Зимний воздух отрезвлял не хуже, чем пощечина.

Я глубоко вздохнула и сделала шаг назад, уперевшись спиной в перила крыльца. Там, в полутора метрах за моей спиной, по дороге шли люди и несли свои огни. Чары рассеялись, волшебство ушло, как по щелчку пальцев.

Ренар легко разжал объятия, отпуская меня. Он не улыбался, он говорил что-то, что-то, к чему не стоило прислушиваться, потому что я и так все поняла.

Он был прав, и я кивала, хотя обида грызла меня изнутри.

Холод снаружи стал действительно злым, но было в этом холоде что-то... правильное. Куда более правильное, чем то, что я сделала.

– Уйди, пожалуйста, – сказала я, глядя в растерянное лицо Ренара.

– Нет, – ответил он твердо. – Мне не стоит оставлять тебя.

«Конечно, – подумала я, – у тебя же, наверное, задание».

Говорил это мой здравый смысл или обида, я не знала наверняка, поэтому заставила себя думать иначе.

– Пожалуйста, – сказала я. – Оставь меня на пару минут.

Чтобы я успокоилась.

Ренар нахмурился и, кажется, понял, в чем дело.

– Только на пару минут, – сказал он и ласково растрепал мои волосы. – И если ты не придешь, я вернусь за тобой сам. И, поверь мне, найду, какие бы глупости ты ни задумала.

– О, поверь мне, – ответила я. – Больше никаких глупостей.

Когда он ушёл в таверну, я спустилась по ступенькам, держась на всякий случай за перила. Голова была ясной, как горный хрусталь, но ноги сводило слабостью. Я встала у начала лестницы, привалившись спиной к стене, и постаралась успокоиться.

Люди шли мимо, и им не было дела до меня.

Затылком я ощущала жгучий холод каменной кладки.

Чужой, незнакомый мир был темным и холодным. Мерцание праздничных огней здесь, на широкой улице, проваливалось в мрак переулков, подворотен, узких расщелин между домами, куда мог протиснуться разве что ребенок или собака. Слева от меня, за углом дома, начиналась такая же темнота, а там, за этой темнотой, начиналась еще и тишина, и страшный зимний лес, холодные быстрые реки, замерзшие озера, абсолютная неизвестность. Совершеннейшее ничто.

Я помнила вид с башни: на все четыре стороны, куда ни глянь, бесконечный лес да острые горные пики. Восхитительная ловушка, просторная клетка, разве что золотой не назовешь. Зато с магией. С волшебными слугами. С порталами-зеркалами. Со всеми удобствами, вкусной едой, танцами и улыбками – не совсем настоящими, конечно.

Я оттолкнулась от стены и сделала шаг вперед, к толпе. Она все еще текла по улице, к центру, к площади вокруг городской ратуши. Рядом со мной, почти задев меня рукавами, обдав запахами хвои, воска и вина, прошла маленькая веселая компания. У них были бубны и флейта, громкие разговоры и смех. Кто-то в рогатой маске, не разберешь – юноша или девушка, одетая по-мужски, схватил меня за руку и коротко закружил, потянул за собой.

Над крышами висели обе луны, яркие, почти полные.

Я осторожно высвободила свою руку и отрицательно покачала головой.

Мне поклонились, принимая мое решение, и компания ушла дальше.

Толпа унесла ее, как река уносит сухие листья, деревянные обломки и венки.

Я стояла у самого берега, сунув руки под мышки, чтобы совсем не замерзнуть в платье из тонкой шерсти, и смотрела вперед.

«Если я сейчас уйду, – подумала я, – если я сбегу – что будет? Ничего, кроме беды. Я ничего не умею, только быть милой, во мне нет ни капли магии, все мои деньги – пара медных монеток в кармане платья, у меня нет никаких связей, ни одного союзника, облеченного властью. Только те, в чьей власти я оказалась, не злые, милые – до определенной степени, умные люди и не совсем люди.

Я сыграю свою роль – и уйду из их жизней.

Поэтому, – подумала я, – Ренар прав.

Не стоит плодить привязанности в мире, который ты однажды оставишь.

Не стоит рушить что-то, похожее на дружбу, ради иллюзии тепла».

Я с шумом выдохнула – и глотнула холодный, свежий воздух.

Что-то внутри меня встало на место.

Рука сама потянулась к амулету, спрятанному за воротом платья, но хрустальной льдинки на месте не оказалось. Цепочка исчезла. Я с замирающим сердцем провела рукой вниз по груди, надеясь, что она просто расстегнулась и застряла под платьем, но нет.

Ее не было.

На жгучем холоде меня бросило в жар, и я стремительно развернулась, чтобы бежать назад, в таверну.

Черт его знает, что мне будет за потерянный амулет. Лучше сразу сказать, чем...

– Куда торопишься, красавица?

Их было двое, и один из них был настолько наглым, что решил поиграть: он встал передо мной и не давал себя обойти, двигаясь из стороны в сторону. Я не сразу поняла, во что вляпалась, мои мысли были совсем о другом.

Юное, мальчишеское даже лицо сияло широкой улыбкой, руки были раскрыты, словно он хотел обнять меня. Его друг, тоже мальчишка, насколько я могла его разглядеть в полумраке, стоял рядом и переминался с ноги на ногу. Щегольская шапка открывала морозу чуть оттопыренные уши.

– Тороплюсь, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – К братьям. Они вон там, ждут меня.

И я кивнула на таверну, втайне надеясь, что Ренар сейчас высунется, потому что пара минут, которые я у него выпросила, уже точно истекли.

Мои руки сами по себе сжались в кулаки.

– Ох, вот незадача, – хмыкнул тот, который стоял у меня на пути. – А мы как раз от них. Пойдем с нами, милая, с братьями мы договорились.

Он сплюнул на землю и чуть качнулся, и я поняла, что он пьян. Пьян, глуп и нагл, как любой подросток, решивший побыть крутым и смелым за чужой счет. Кажется, в этом наши миры тоже схожи. И его друг – такой же, только смелости в нем поменьше, вот и стоит рядышком, скрестив руки на груди, и улыбается глупо.

Мне было не до них. Я замерзла и очень, очень сильно накосячила. Поэтому я попыталась прошмыгнуть мимо с уверенным видом, но этот дурак схватил меня за руку.

– Да ладно тебе, – сказал он. – Не с братом же ты на крыльце обжималась. Или я тоже за брата сойду?

Я разозлилась.

Точнее, сначала я испугалась и удивилась, потому что чужие пальцы, липкие и холодные, крепко держали мое запястье, а перед лицом было чужое лицо, симпатичное, но с гадкой улыбкой. А потом он сказал еще одну фразу, и я разозлилась.

Ренар прав. Очень сложно решиться ударить человека, особенно, когда он тебе ничего не сделал. Но этот – сделал, точнее – сказал и сделал, и я от души пнула его под колено. Этого было достаточно. Мое запястье освободилось, я отошла в сторону так быстро, как могла, и поймала брошенное в спину оскорбление. Обидное и колючее.

В той, прошлой жизни в ответ на такое я бы пожала плечами и ушла, не желая связываться, но сейчас я была так зла на все на свете, что эта злость решила за меня.

Я развернулась у самого начала лестницы.

– Еще раз откроешь на меня свой поганый рот, – медленно и яростно сказала я. – И у тебя язык отсохнет. Обещаю.

Он посмотрел на меня со странным торжеством, а потом, не переставая улыбаться, повторил то же, что сказал, и моя ярость обернулась против меня. Я схватилась за перила, чтобы успокоиться. Голова кружилась, кончики пальцев слегка покалывало.

На самом деле я хотела одновременно разрыдаться и броситься на обидчиков с кулаками. Вряд ли это закончилось бы чем-то хорошим, конечно.

Наверху открылась дверь, кто-то вышел из таверны – и парней как ветром сдуло.

Я подняла взгляд и поняла, что все может быть еще хуже.

– Ты смотри, – сказал Кондор недовольно. – У тебя, милая, талант связываться в неприятности. Быстро внутрь, не хватало тебе замерзнуть!

Он подождал, пока я поднимусь по лестнице и прошмыгну мимо, а потом закрыл за мной дверь, оставшись там, снаружи.

Если бы он назвал меня дурой, я бы не удивилась.

Ренар поймал меня внутри, в двух шагах от выхода, настороженный, но все еще веселый. Такой веселый, что хотелось

оказаться от него подальше.

– Ты... – он положил руку мне на плечо.

– Нормально, – сказала я и улыбнулась, пытаюсь казаться вежливой. – Замерзла.

– И поэтому так дрожишь? – уточнил он. Его рука сжала мое плечо крепче. – Пойдем, я знаю, где тут стена, за которой кухонный очаг. Согреешься.

И он снова повел меня куда-то за спинами людей, которые слушали песню на незнакомом мне языке.

Очень... торжественную песню, как мне тогда показалось. И печальную.

Ренар повернул голову ко мне:

– Птица сказал, что скоро вернется.

– Очень хорошо, – равнодушно ответила я.

И подумала, что мой амулет, вполне возможно, валяется где-то здесь, на полу, под ногами, и, возможно, от него уже остались осколки. Хотя вряд ли. Это камень, не стекло. Или...

– Вот тут, – Ренар остановился у какого-то угла, от которого действительно шло тепло. Рядом, в паре шагов, за плотной занавеской прятался вход во внутренние помещения для слуг.

Я прислонилась спиной к стене и пожалела, что в местных тавернах мало стульев и табуреток. Колени все еще дрожали.

– С тобой точно все хорошо? – спросил Ренар, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

Я моргнула и сделала глубокий вдох.

– Точно, – соврала я. – И если ты принесешь мне что-то, в чем нет алкоголя, мне будет еще лучше.

Он рассмеялся и исчез в толпе, а я прижалась затылком к теплой стене и прикрыла глаза.

Певица все еще вела мелодию, кто-то подыгрывал ей очень тихо, кто-то подпевал, тоже тихо, словно боялся спугнуть. Я шмыгнула носом, уговаривая себя, что это все холод, но на самом деле мне очень, очень хотелось разреветься.

И от этой дурацкой красивой песни, и от усталости, и от всего остального. И больше всего – от собственной беспомощности.

Кто-то дотронулся до моего рукава, осторожно, словно боялся напугать – но в итоге напугал.

Я вздрогнула и открыла глаза.

Передо мной стояла незнакомая девушка, худенькая, чуть выше меня. Она казалась усталой и встревоженной и рассматривала меня пристально, как человека, в котором угадали знакомые черты и теперь пытаются понять, показалось или нет?

Глаза у нее были светлые, почти неприятные.

Я попыталась отодвинуться в сторону, подумав, что мешаю ей, но девушка слабо мне улыбнулась и протянула ладонь, сжатую в кулак.

– Кажется, это твое, дитя, – сказала она ласково.

Свет вдруг лег на ее лицо так, что стало ясно: она куда старше, чем я подумала в первый момент, и имеет полное право называть меня «дитя».

Ее ладонь раскрылась, цепочка скользнула вниз, сверкнули блики на гранях горного хрусталя. Я почувствовала себя так, словно меня ударили – в который уже раз за сегодня? – и схватила кристалл, крепко сжав его в руке.

– С... спасибо! – выдохнула я, надеясь, что меня было слышно.

Она снова коснулась моего рукава. Не руки, не плеча – будто бы сама меня боялась.

– Осторожнее, – сказала она тихо. – И с музыкой, и с зеркалами.

Я растерянно застыла, не понимая, о чем она. Мой взгляд выцепил в толпе рыжее пятно – Ренар махнул мне рукой, в которой был глиняный стакан.

Незнакомка исчезла. Так же незаметно, как появилась.

Рядом со мной, у самой стены, вдруг оказался большой кот, черный-черный, очень пушистый и величественный. Он умывался, поглядывая на меня, словно ждал подачки или наблюдал, что я буду делать.

Я посмотрела на свою руку, на кристалл – тот же самый, сомнений у меня не было, и поняла, что совсем запуталась.

– И что это было?

Мы шли по улице, уже изрядно опустевшей. Почти у каждого крыльца горел фонарь, а то и не один. Издалека раздавались отголоски музыки.

– Так что это был за внезапный побег, господин волшебник? – Ренар толкнул Кондора локтем.

Тот поморщился и покосился на меня. Я вжала голову в плечи и поежилась от этого взгляда.

– Захотелось прогуляться, – сказал Кондор. Голос его был спокоен. – Душновато стало.

– Или ты просто кого-то избегал? – спросил Ренар хитро.

Кондор не ответил.

Мы прождали его долго. Часов в таверне, конечно, не было, но за то время, пока Кондор отсутствовал, я успела согреться, перехватить что-то посерьезнее пряника, понаблюдать, как Ренар флиртует с девицей в венке, расстроиться, еще раз встретиться с черным котом – он оказался рядом на лавке, на расстоянии вытянутой руки от меня, и снова смотрел так, словно ждал от меня чего-то.

На «кис-кис» кот презрительно дернул ухом.

Потом Кондор вернулся – и мы ушли. Я не успела понять, когда они это решили, но вот я здесь – на улице, которая ведет к дому господина Оденберга, в пальто и шали, которая заменяла мне шарф. Мне холодно и все еще тревожно, но я уже трезва и больше всего хочу добраться до своей комнаты в замке и спрятаться под двумя одеялами.

Дом Мастера Герхарда стоял недалеко от площади, на которой все еще оставалось много людей. Его окна были темны. Хозяин его то ли тоже сидел где-то, то ли спал, и в последнее мне верилось больше. На двери не висел венок, на крыльце не стоял фонарь, словно Герхард, черствый сухарь, противился общему веселью, как Эбинизер Скрудж.

Кондор, впрочем, вел себя не намного лучше.

Да и я тоже.

«Интересно, – подумала я, – навещают ли здесь духи праздника всяких занудных волшебников, бессердечных скряг и маленьких грустных девочек, потерявшихся в темноте?»

Я не успела спросить, а что же нам теперь делать: искать Герхарда, ждать до утра или, с риском быть превращенными в жаб, будить волшебника. Все оказалось куда проще.

Кондор снял перчатку и поднес руку к замочной скважине. Яркая вспышка – и все, дверь открылась сама собой.

– Это вместо ключа под лестницей? – тихим шепотом спросила я.

– Можно сказать и так, – так же тихо ответил Кондор.

Он дождался, пока мы войдем внутрь, и закрыл дверь.

За этим последовала еще одна вспышка магии.

Дом был тихим, и, судя по тому, что Ренар приложил палец к губам и кивнул на лестницу, ведущую на второй этаж, к этой тишине стоило отнестись серьезно. Через пустую комнату мы проскользнули в зал с порталом.

– Вот почему не зеркало, а? – проворчала я, когда мы вышли из портала рядом с замком.

В темный-темный зимний лес. Никаких огней, никакой музыки.

– А ты видела там хоть одно подходящее зеркало? – Ренар приобнял меня за плечи, подталкивая вперед.

Я задумалась.

В доме Герхарда зеркало было – пыльное, небольшое, оно висело на стене. Я заметила отблеск, когда мы пересекали гостиную. Но – да, оно вряд ли нам подошло бы.

Кондор шёл чуть впереди. Он сотворил в воздухе светящийся шар, который, став из синего желтым, повис над плечом мага. Заснеженная тропинка убегала вперед.

– На самом деле, ты прав, – сказал волшебник, чуть повернув к нам голову. – Я правда сбежал. Королева вечера очень хотела, чтобы я помог ей... скажем, заполучить сердце одного юноши. А я не занимаюсь такими вещами.

– Она, конечно, была очень убедительна, – в голосе Ренара прорезалось ехидство.

– И невероятно настойчива, – обреченно ответил Кондор. – В следующий раз никакой магии на людях. – Он остановился и посмотрел на меня. – Ты как, леди Лидделл? Новые башмаки не жмут?

Я отрицательно покачала головой, не найдя, что ему ответить.

Башмаки мне точно не жали, а в остальном я чувствовала себя примерно так же, как он. Только, конечно, не «никакой магии», а «никаких глупостей». Никаких вылазок, никакого эля, никаких поцелуев на крыльце.

– Спасибо, что спросил, – буркнула я.

– Всегда пожалуйста, – он пожал плечами.

Мы вышли к воротам замка, и я замерла. Ночной зимний лес был темным, а небеса – яркими от звезд и лунного света. Лучи двух почти полных лун-близнецов заставляли снег сверкать, горные вершины блестели, весь мир, кажется, состоял из серебра и теней.

Мое дыхание поднималось к небу облачком пара.

В воротах медленно открылась крошечная калитка, через которую мы вошли внутрь, оставив лес там, снаружи.

Я прислушалась и поняла, что, кроме наших шагов и дыхания, не раздается ни звука.

Только ветер воет где-то вдалеке.

Интерлюдия: Чертоги декабря

Я стояла на дороге, прямо на ее середине, а вокруг меня текла огненная река: фонари и свечи, факелы и кристаллы, десятки рук, которые несли огни куда-то вперед. Оранжевые отсветы танцевали на лицах.

– Заблудилась, милое дитя?

Я обернулась. Человек в маске стоял за моей спиной в паре шагов.

У него не было ни факела, ни фонаря. Черный плащ на плечах казался густой тенью.

Все остальные огибали пустоту между нами, словно она была священной, и в какой-то момент все исчезло: и фонари, и факелы, и толпа. Остались только мы – и бесконечный снег вокруг. И темнота, в которой я почему-то видела все так же четко, как днем.

Тот, кто стоял напротив, поднес руку к лицу. Тонкие пальцы коснулись маски, чтобы сдернуть ее...

...и я проснулась.

Я лежала на животе, распластавшись на постели, вдавленная в нее. Двигаться было тяжело, как при сонном параличе. Острая грань амулета больно впилась в кожу прямо под татуировкой. Камень был холодным, как всегда, и сейчас показался тяжелым. Я с трудом села, страшивая с себя остатки сна, и расстегнула цепочку.

От дурных снов эта штука точно не защищала, а кого-то, кто мог бы меня заколдовать, рядом быть не могло. Полежит на тумбочке, ничего ему не сделается.

Зелья во флаконе осталось на один глоток. Последний.

Я упала на спину, раскинув руки в стороны, и уставилась в потолок.

Комната была темной, а мне было лень щелкать пальцами и зажигать кристаллы. Плотные портьеры на окнах закрывали меня от мира снаружи.

В голове звенела пустота: ни мыслей, ни чувств. Я зевнула, перевернулась набок, поджав ноги, чтобы было теплее, и попыталась расслабиться и все-таки заснуть. В памяти всплыла одна из тех песен, которые я сегодня слышала: не та, печальная, а другая, веселая, под которую хотелось танцевать. Я чувствовала себя странно: мне уже не было грустно или обидно, мне даже не было страшно. Осталась только какая-то странная обреченность.

«Будь что будет, – думала я. – Но лучше я встречу свою судьбу отдохнувшей». К темноте и тишине я уже привыкла.

Постепенно я пригрелась и задремала.

Мне снилась все та же песня, снились люди, идущие с огнями в темноте, снилась широкая улица и отблески оранжевого на лицах. Я была в этой толпе, шла через нее и вместе с ней, чтобы выбраться, чтобы найти того, кто пел, тех, кто играл, но не находила.

– Заблудилась, милое дитя?

Он сидел на краю моей кровати, с маской, сдвинутой назад, как забрало шлема.

У него были белые волосы, длинные, похожие на серебряные нити. Черты лица прятались во мраке.

Сквозь распахнутые портьеры в комнату лился лунный свет, и в этом свете я видела полчища теней, танцующих на стенах и потолке, словно кто-то зажег волшебный фонарь. Это были не тени людей или животных, скорее – размытые пятна, летящие по небу облака.

Я все еще слышала музыку. Она звучала где-то далеко, где-то снаружи, за пределами комнаты, а еще откуда-то веяло холодом – так отчетливо, словно одно из окон было открыто настежь.

Я посмотрела в ту сторону: нет, не было.

Тот, кто сидел у меня на кровати, исчез, стоило мне отвести взгляд, только тени продолжали свое движение по стенам.

Ежась от холода, я спустила ноги на пол – на почти ледяной пол! – и подошла к окнам. За ними не было ничего, только луны, лес и горы. Никаких тебе облаков, никаких теней, никаких призраков.

Самая долгая ночь в году пока и не думала заканчиваться.

За спиной раздался еле слышный звон, почти шелест, как будто посыпались вниз мелкие осколки, ледяное крошево, или кто-то задел связку стеклянных бус. Я уже слышала этот звук, и не раз, но здесь и сейчас я не помнила, когда это было. Здесь и сейчас он был частью целого, частью той музыки, что звала меня вслед за собой. Искать музыкантов.

В спину повеяло холодом, и я обернулась.

На полу лежал снег – узкая белая тропа, ведущая к зеркалу, к большому ростовому зеркалу, которое стояло здесь, в этой комнате, в самом углу, прислоненное к стене. Сейчас комнаты в нем не было. Там, за черной деревянной рамой, темнел заснеженный лес.

Я не заметила, как подошла к нему близко-близко, босая – по снегу, который не торопился таять под моими ногами. Человек в маске, снова сдвинутой на лицо, ждал меня с той стороны: высокий, в плаще, похожем на тень, он поклонился мне и протянул руку, приглашая пойти с ним – туда, где звучала музыка. Он ничего не говорил, и я не видела его лица, но мне почему-то казалось, что сейчас он улыбался – и я улыбнулась в ответ.

И сделала шаг вперед, схватившись за протянутую руку, тонкую и холодную, словно в ней только что растаял снег, забрав всё тепло.

Ноги утонули в снегу по щиколотку.

Снова раздался звон – за спиной, и когда я обернулась, то не увидела ничего, кроме леса. Комната исчезла, осталась только я – в зимнем лесу, наедине с кем-то, кто носил маску и плащ, похожий на тень, и у кого были тонкие, цепкие и очень холодные пальцы.

Мы стояли на круглой лесной прогалине, посреди узкой тропки, проложенной между деревьев, и где-то высоко над нами сияла яркая, почти полная луна.

Одна.

Он снял маску – и в тот же миг изменился. Поток ледяного ветра коснулся моей кожи. Мне показалось, что от запястья моей руки, через сплетенные пальцы и дальше, по чужой руке вверх змейкой пробежал вихрь мелких серебристых снежинок – и вот уже нет ни плаща, похожего на тень, ни странной рогатой маски – все превратилось в одежды белые, как снег. В искрящийся зимний шлейф.

Тот, кто стоял передо мной, был прекрасен, как хрупкие зимние сумерки. Как ледяные озера и отблеск алого на снегу. Как морозная вязь на стекле и серебряный свет луны. У него не было ни клыков, ни когтей из тонкого, но прочного льда, но я чувствовала странную, пугающую силу. Эта сила пряталась в тонкой улыбке на худом лице.

Лунный свет делал его черты резкими, почти острыми, но оно все равно были прекраснее всех человеческих лиц.

Только вместо глаз у него были черные провалы, а губы казались мертвенно-бледными.

Я открыла рот, чтобы что-то спросить, но не могла говорить, только видела, как мое дыхание превратилось в пар.

Ветер коснулся белых волос, словно вздохнул.

«Тот, кто держал меня за руку, не был человеком, – сказал ветер – или чей-то голос, заключенный в ветре. – У таких, как твой спутник, столько имен, сколько имен у зимы – на всех человеческих и нечеловеческих языках. У него столько лиц, сколько лиц у зимы: от декабрьского мрака до февральской пустоты, от солнечных деньков, когда белизна снега слепит глаза, до холодного, промозглого тумана, из-за которого весь день превращается в одни грязно-серые сумерки. Вот кто держит тебя за руку, милое дитя, – сказал ветер, обвиваясь

вокруг моей шеи. – Вот кто поведет тебя дорогой через лес на другую сторону мира».

Тропа между деревьями убегала во мрак, и мы шли по ней прямо, до самого конца – там, где лес заканчивался, выплескиваясь на горный уступ. Бесконечные небеса сияли звездами, такими яркими, что можно было различить белое на белом и черное на черном. Тот, кто вел меня вперед, не оставлял на снегу следов.

Мои же следы бежали за нами, а по этим следам кто-то шел.

Мы остановились в шаге от края, над пропастью, а потом шагнули в нее.

Бездна столкнулась со мной, выбив кислород из лёгких, но падение продолжалось не дольше удара сердца.

Я стояла на самой середине замерзшего озера. Лед под ногами был черным от глубины, гладким, как стекло.

«В этом мире, – сказал мой спутник, – много дверей. Много зеркал, много теней, много отражений одного от другого. Много мест, которые в глубине становятся чем-то иным».

Он указал мне под ноги, и я чуть не вскрикнула – и закричала бы, если бы у меня была возможность кричать.

Там, подо льдом, бездна наполнилась силуэтами и тенями, образами и мерцанием, чьими-то лицами, бледными и страшными.

Я закрыла глаза, а когда их открыла, мы были уже в другом месте, посреди снежной пустыни, на холме, и вокруг нас было белое безмолвие. Полная луна сияла на небе, окруженная зеленоватым кругом гало. По снегу, по холмам шли темные существа, похожие на волков, но достающие мне почти до плеча. Они были черны, их тени, падающие на снег, тоже были черны, лишь глаза сияли, когда лунный свет отражался в них.

Я слышала рычащее дыхание, но ни одно из этих существ не заметило ни меня, ни того, кто стоял со мной рядом. Они шли, огибая нас, как стоящие на пути деревья, и, казалось, нет конца их мрачному шествию.

«В этом мире, – сказал мой спутник мне на ухо, – много чудовищ. Разных чудовищ. Одни из них ужасны, у них есть клыки, и когти, и рычащее дыхание, а другие – прекрасны, а третьи и прекрасны, и страшны одновременно».

– Бойся прекрасных чудовищ, человеческое дитя, – сказал он, улыбаясь. – Они опасней всего. А теперь снова закрой глаза. Даже самая длинная ночь не длится вечность, а тебе есть еще что посмотреть на этой стороне мира».

Я покорно зажмурилась – и очутилась в горах. Это была не та вершина, с которой мы упали, другая. Отсюда я видела горы, сплошные горы, уходящие за горизонт, острые холодные пики, а над ними – отблески зеленоватого сияния в небесах, вспышки, бегущие из одного края неба в другой. Я перевела взгляд на своего спутника.

Он же смотрел на меня с любопытством, похожим на то, с которым в ленивое утро разглядывают занятный камешек, найденный на берегу моря.

А потом он наклонился – и поцеловал меня.

В этом не было ничего человеческого. Ничего теплого, ничего похожего на страсть. Поцелуй был как глоток горного воздуха – ледяного, горящего недостатком кислорода, от которого кажется, что легкие резануло чем-то острым, а ты дышишь – и не можешь вдохнуть достаточно, не можешь насытиться.

Я закрыла глаза – мир изменился.

Исчезли горы и простор вокруг. Исчезли бархатно-синие небеса. Мир был полон тумана – густого, как молоко, неприятно холодного. Зима показала мне еще одно свое лицо.

Было светло, словно сам туман излучал матовое сияние. Мой проводник непроницаемо смотрел вперёд и вёл меня по тропе, похожей на ту, которую я видела во сне уже один раз. Мелкие камешки и осколки льда врезались в ноги, и я впервые за все это время чувствовала холод.

Мы вышли к петле реки, текущей сквозь заросли какого-то кустарника с печальными, редкими, чахлыми деревцами у берегов. Воздух здесь казался липким, не таким обжигающе-свежим, как там, наверху. Река замерзла не вся, лед покрывал ее хрупкой коркой, к которой прилипли веточки и прочий мусор.

Мы остановились на каменном выступе, холодном и скользком, нависшем над черной полыней. Мой спутник, наконец, отпустил мою руку, царапнув по коже когтями – их острые кончики оставили на моем запястье красные полосы. Настоящие. Я не знала, сделал ли он это случайно, или намеренно сжал мою руку чуть крепче, чем нужно, но в

тот момент, когда он отпустил меня, я почувствовала, что мне не хватает дыхания.

Словно все это время, пока мы оказывались то в горах, то у озера, то посреди снежной пустыни, я не дышала, а сейчас, здесь, стоя спиной к реке, текущей в белом тумане, я, наконец, сделала вдох. Первый за вечность.

И, конечно, раскашлялась.

— Зима — везде зима, человеческое дитя, — сказал тот, чьим именем было слово «зима» на всех языках. — И снег — он везде снег. Холод и вода. В мире много дверей, но не у каждого есть ключи от них, и не каждый, оказавшись рядом с дверью, войдет в нее.

— Если ему не помочь в нее войти, — закончила я.

— Вы, люди, иногда очень умные, — сказал хозяин зимы. — Мой слуга не ошибся.

Он уже не смотрел на меня — он гладил за ушами существо, сидевшее у его ног. То самое существо, которое я встретила в снежном мареве в прошлой жизни, целую вечность назад. Достаточно красивое, чтобы хотеть смотреть на него, и настолько страшное, чтобы забыть при первой возможности. Оно было ветром и вьюгой, поземкой и острым ледяным выступом, оно было ветром, полным снежных игл.

Я почувствовала, как от ужаса сам по себе открывается рот.

— У таких, как мы, не всегда есть имена. — Хозяин зимы махнул тонкой кистью в сторону, отпуская слугу. — Имена ограничивают нас. Привязывают к той части нашей сути, которую способны отразить. Если искать в вашем языке имя для моего слуги, то самым близким будет — зимняя гончая. Но назвать его так все равно, что назвать меня снежным королем. Это лишь часть правды, но не вся правда.

Он стоял рядом, спокойный, как тот, у кого в запасе есть вечность. В туманном мареве его лицо изменилось: на нем не было больше острых теней. Вечно юное, бледное, прекрасное лицо, одно из тех, которые есть у зимы, было искажено оскалом.

Тонкая улыбка действительно скрывала острые, мелкие зубы.

Темный коготь коснулся моего подбородка.

— Вы очень хрупкие существа, — сказал тихий голос, похожий на шелест падающего с крыши снега. — Мороз убивает вас, огонь обжигает вас, вода проникает в ваше тело и душит вас. Даже магия — и та причиняет вам вред, если ее слишком много. Но ваша жажда жизни

порой творит чудеса не меньшие, чем то, что вы называете волшебством.

Я молчала, не зная, могу ли я говорить.

Становилось все холоднее.

Тонкая рубашка, в которой я вышла из комнаты в лес, заледенела.

Все вокруг, поняла я, не было сном.

Тот, кого звали зимой, смотрел на меня, улыбаясь:

– Это не сон, – сказал он. – Из сна куда проще выбраться, чем отсюда. Вот и посмотрим, стоишь ли ты чего-то, человеческое дитя. Способна ли ты на чудеса.

Он не толкнул меня – просто коснулся рукой, чуть ударив в плечо, и я упала вниз, спиной в воду.

В черную холодную полыню.

